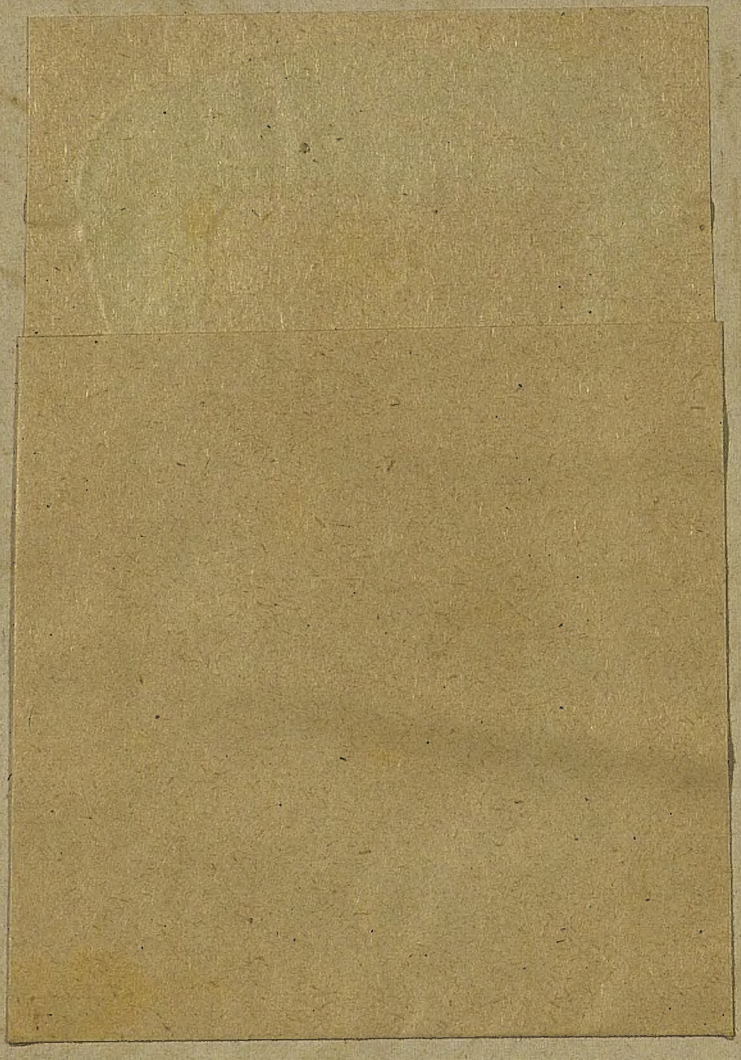
Рус. Старина
№ 1
1902 г.



7.

35.
35
70.

56.
14
42

200.
70
130.

74

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки
Книга на дом не выдается

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ЯНВАРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина..... 5—33
II. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ. князь А. Дадіанъ..... 35—56
III. Альберто Вимина. Сношенія Венеціи съ Украйною и Москвою. 1650—1663. П. Пирлинга..... 57—70
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина..... 71—86
V. Изъ записокъ стараго офицера. (К. Мартенса). 87—114
VI. Императоръ Николай I и его сподвижники. (Воспоминанія графа Оттона де-Брэ, 1849—1852)..... 115—139
VII. Нѣсколько данныхъ къ исторіи книги бар. М. А. Корфа „Жизнь графа Сперанскаго". (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 141—174
VIII. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири. В. Арефьева..... 177—186
IX. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 187—199
X. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. А. Р.. 201—216
XI. Пять собственноручныхъ писемъ императора Александра I въ 1812 году. 217—222
XII. Императоръ Николай I въ Новгородѣ. А. Слезскинскаго..... 223—228
XIII. Записная книжка „Русской Старины". Извѣтъ на „Московскій Вѣстникъ" и его сотрудниковъ. 30-го декабря 1827 г. (стр. 34).— Увѣдомленіе императрицы Екатерины II Венеціанской посполитой рѣчи о рожденіи императора Александра I. 12-го дек. 1777 г. Сообщилъ протоіерей А. Мальцевъ (140). — Первоначальная просьба Пезаровіуса о разрѣшеніи ему издавать еженедѣльный журналъ. Письмо С. С. Уварова—гр. Алексѣю Кирилловичу Разумовскому. 29 нояб. 1812 г. (175—176). — Собственноручное письмо Барклая-де-Толли графу Аракчееву о чиновникѣ Львовѣ, распускавшемъ ложные слухи. 9-го окт. 1812 г. Володиміръ.— Графъ Аракчеевъ—М. Б. Барклаю-де-Толли. 18-го октября 1812 г. (200).
XIV. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ игуменьи Митрофаніи (урожд. баронессы Розенъ). Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1902 года.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1902 года.

Библіографическій листокъ.

А. Луговой. „Pollice Verso — Добей его". Параллели.

Въ книгѣ этой, весьма роскошно изданной Марксомъ, помѣщено 87 художественныхъ рисунковъ, исполненныхъ А. Маковскимъ. Какъ по интересному содержанію, такъ и роскошному изданію книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія читателей.

И. Божеряновъ. „Невскій проспектъ 1703 — 1903". Культурно - историческій очеркъ двухвѣковой жизни С.-Петербурга. Изданіе А. И. Вильборга, поставщика Двора Его Императорскаго Величества. Выпускъ I.

Роскошное изданіе фирмы Вильборга вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей, какъ по интересу разсказа, такъ и по художественности исполненныхъ портретовъ, гравюръ, видовъ и плановъ города. Надо желать, чтобы изданіе было доведено до конца какъ можно скорѣе.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи. Кавказъ и его герои. Составилъ И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

16-го февраля 1801 года жители Тифлиса, собранные въ Софійскій соборъ, присягнули на вѣрность своему новому государю, императору Павлу Петровичу, а 12-го апрѣля 1802 г., въ великую субботу, былъ обнародованъ въ Тифлисѣ и самый манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россійскому государству. Этотъ день и можетъ быть правильно названъ временемъ фактическаго вступленія Россіи во владѣніе царствомъ Грузинскимъ,—говоритъ г. Захарьинъ въ своемъ предисловіи. Однако, несмотря на это, повидимому, добровольное присоединеніе Грузіи, просившей защиты и покровительства Россіи противъ постоянно нападавшихъ и разорявшихъ ее персіанъ и турокъ,—намъ пришлось все-таки заплатить дорогою цѣною за обладаніе этимъ царствомъ: сотни тысячъ жизней и сотни милліоновъ рублей довелось затратить Россіи ради окончательнаго закрѣпленія за собою Кавказа и ради его умиротворенія. Да и нельзя было поступить иначе,—замѣчаетъ авторъ,—потому что, во-первыхъ, въ центрѣ Кавказа находилось православное Грузинское царство, существованію котораго постоянно угрожали два сильныхъ и воинственныхъ народа, исповѣдывавшихъ религію Магомета,—турки и персы; во-вторыхъ, потому, что эти самые народы, находясь по сосѣдству съ Кавказомъ, постоянно угрожали также и намъ и, при помощи воинственныхъ и хищныхъ горскихъ племенъ, ютившихся въ Кавказскихъ горахъ, причиняли намъ часто вредъ и насилія, и держали въ великомъ страхѣ пограничное русское населеніе. И вотъ пришлось намъ, волей-неволей, воевать; война эта тянулась 60 съ лишкомъ лѣтъ, окончившись въ царствованіе императора Александра II, съ плѣненіемъ Шамиля. Во время этой продолжительной войны проявилось съ обѣихъ сторонъ не мало истинныхъ героевъ, отличившихся разными доблестями и беззавѣтною храбростью. Для русскихъ военныхъ людей Кавказъ былъ школою, гдѣ воспитывались и закалялись военные таланты, а равно и характеры многихъ даровитыхъ людей, посвятившихъ себя военному дѣлу.

Подвиги этихъ героевъ и описываетъ г. Захарьинъ въ своей книгѣ.

Трудъ г. Захарьина, составленный на основаніи выдающихся сочиненій о Кавказѣ и изъ отдѣльныхъ о немъ статей, — состоитъ изъ двухъ книгъ: 1) святыни, богатства и народы, и 2) герои Кавказа, подраздѣляющихся каждая на двѣ части.

Въ первой части первой книги авторъ, задавшись цѣлью—дать въ доступномъ изложеніи возможно сжатые и краткіе очерки Кавказа, описываетъ главныя святыни и богатства этого края.

Свое изложеніе начинаетъ г. Захарьинъ съ жизнеописанія Св. Нины, съ именемъ которой связано навѣки упроченіе христіанства въ Грузіи; далѣе онъ описываетъ церковь Св. Давида въ Тифлисѣ, монастыри и древнія церкви близъ Ахалцыха; потомъ приводитъ историческую справку о Кавказѣ до Петра I; говоритъ объ основаніи Тифлиса и присоединеніи Грузіи.

Перепечатавъ описаніе Военно - Грузинской дороги изъ «Путешествія въ Арзрумъ» А. С. Пушкина, авторъ помѣстилъ описаніе этой дороги изъ книги П. И. Ковалевскаго «Абастуманъ».

Вслѣдъ за свѣдѣніями о Баку и объ его нефтяныхъ источникахъ, въ книгѣ г. Захарьина мы находимъ описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ (группы Сѣвернаго Кавказа, Боржомъ, Абастуманъ), затѣмъ—свѣдѣнія о виноградарствѣ и шелководствѣ на Кавказѣ. Шелководство на Кавказѣ, — по словамъ автора,—насчитываетъ болѣе 10 вѣковъ существованія. Оно перешло къ его населенію изъ сопредѣльной Персіи, почему естественно проглядываетъ связь между закавказскимъ и персидскимъ шелководствомъ. Всѣ пріемы и снаряды, которые мы встрѣчаемъ у шелководовъ - крестьянъ, являются въ огромномъ большинствѣ случаевъ отголоскомъ давно прошедшихъ временъ.

Сообщивъ краткую, но очень печальную повѣсть о кавказскихъ каменноугольныхъ богатствахъ, открытыхъ за послѣднее время, г. Захарьинъ болѣе подробно останавливается на Кавказскомъ побережьи Чернаго моря, этой «Русской Ривьерѣ», «Русской Колхидѣ», и приводитъ цѣликомъ свою статью о восточномъ побережьи Чернаго моря, первоначально напечатанную въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1901 года.

Во второй части первой книги авторъ знакомитъ читателя съ народонаселеніемъ Кавказа: здѣсь помѣщены свѣдѣнія изъ очень интересной и обратившей на себя всеобщее

РУССКАЯ СТАРИНА

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВЕТА
Профессиональных Союзов.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1902.

РИС. К. БРОЖЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 13 ДЕКАБРЯ 1901. Г.

ТИП. ТОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“. В. ПОДЪЯЧ., 39.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. СПБ., 13 декабря 1901 г. тип. тов. „Общ. польза", Б. подъяч., д. 39.

ИГУМЕНЬЯ МИТРОФАНІЯ.

(Урожденная баронесса Розенъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

Центральная Фабр.
Библиотека-Читальня
Московскаго совета
Профессиональныя Союзы

1902.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

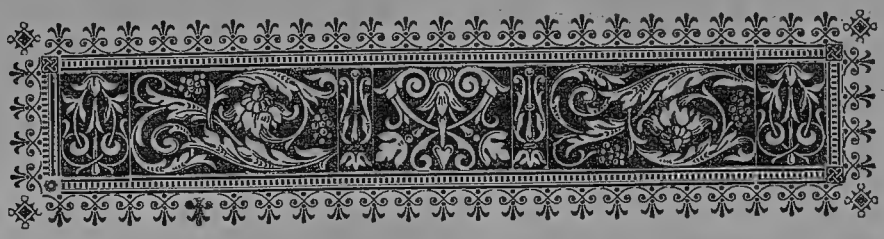
НОВАЯ КНИГА

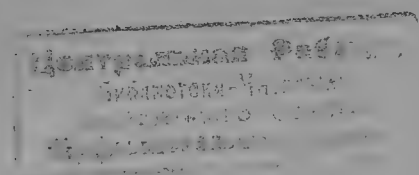
ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна **9** рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая Подъяческая, № 39.





Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVI [1]).

Варшавское общество любителей наукъ и его политическое значеніе.—Ѳаддей Чацкій.—Кн. Адамъ Чарторыйскій и его отношенія къ императору Александру.—Образованіе Виленскаго учебнаго округа.—Назначеніе кн. Чарторыйскаго его попечителемъ.—Актъ учрежденія Виленскаго университета.—Министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и его отношенія къ полякамъ.—Его содѣйствіе князю Чарторыйскому въ ополяченіи края.—Главные сотрудники князя Чарторыйскаго: ксендзъ Дмоховскій и Гуго Колонтай.—Основаніе Кременецкой гимназіи.—Участіе Варшавскаго общества любителей наукъ въ дѣятельности Виленскаго университета.—Политическая дѣятельность Общества.

Послѣ раздѣла Польши, поляки не переставали мечтать о возстановленіи своего отечества. Эмигранты ихъ, жившіе въ Парижѣ, обращали свои взоры къ Франціи и къ возвышавшемуся тогда генералу Бонапарту. Еще во время похода въ Италію, Наполеонъ говорилъ своему адъютанту Суликовскому:

— Когда я окончу эту войну, то двинусь во главѣ французовъ для освобожденія вашей родины. Скажите вашимъ соотечественникамъ, чтобы они вооружались, стараясь въ то же время поддерживать общеніе между раздѣленными частями страны своей.

Поляки послѣдовали совѣту Наполеона и центромъ взаимныхъ сношеній разрозненныхъ частей Польши явилось «Варшавское общество любителей наукъ» (Towarzystwo Przyjacioł. Nauk

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

или Towarzystwo uczonych), основаніе котораго относится къ ноябрю 1800 года [1]).

Гуманный прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, подъ управленіемъ котораго находилась эта часть Польши, смотрѣвъ сквозь пальцы на существованіе Общества, но долгое время не давалъ ему оффиціальной утвердительной граматы, и только спустя нѣсколько лѣтъ, рескриптами отъ 1-го іюля 1802 г. и 5-го ноября 1804 г. на имя предсѣдателя зенопольскаго епископа Албертранди, призналъ существованіе этого Общества.

Тѣмъ не менѣе Общество открыло свои дѣйствія и до этого признанія. 8-го (20-го) мая 1801 года Варшавское общество имѣло первое публичное засѣданіе въ домѣ своего предсѣдателя или президента, привѣтствовавшаго собравшихся особою рѣчью.

— Распространеніе истиннаго просвѣщенія, — сказалъ Албертранди [2]),—есть величайшее средство изъ всѣхъ благотвореній, какія только можно оказать человѣческому роду. Кто побѣждаетъ ложныя мнѣнія, разгоняетъ предразсудки, посрамляетъ заблужденія, тотъ очищаетъ путь къ истинѣ, которая, озаряя умы спасительнымъ свѣтомъ, направляетъ сердца къ добродѣтели, ибо порокъ, хотя иногда рождаютъ его страсти, по большей части бываетъ послѣдствіемъ ложнаго разсужденія о вещахъ. При томъ, первая честь всякаго народа основывается на томъ, когда онъ славится науками и знаніями. Усовершенствованіе въ нихъ есть плодъ благороднѣйшей части—разума.

Албертранди указывалъ на то, что всѣ великіе государи, министры и благоразумные правители, сознавая эту истину, прилагали ревностное стараніе къ распространенію сколь возможно болѣе просвѣщенія, будучи увѣрены, что оно даетъ имъ единое средство къ насажденію въ ихъ владѣніяхъ добрыхъ нравовъ и къ пріобрѣтенію народомъ славы.

— Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ,—говорилъ ораторъ,—знаменитые короли изъ рода Ягеллоновъ—сохраняли эти правила, и въ царствованіе ихъ народъ польскій почитался просвѣщеннѣйшимъ. Послѣ того несогласія, родившіяся отъ разстроеннаго правленія, и са-

---

[1]) 23-го ноября 1800 г. собрались для обсужденія вопроса о цѣли и дѣятельности Общества слѣдующія лица: епископъ Албертранди, тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, графъ Станиславъ Грабовскій, Станиславъ Клокоцкій, Ѳаддей Матусевичъ, ксендзъ Іосифъ Осинскій, графъ Станиславъ Потоцкій, ксендзъ Андрей Рентовскій, графъ Станиславъ Солтыкъ, Христоферъ Веселовскій, Михаилъ Валицкій, Иванъ Вылежинскій, ксендзъ Игнатій Заборовскій, ксендзъ Францискъ Дмоховскій.

[2]) „Мысль о пособіи воспитанію юношества“, журналъ, „Улей“ на 1812 г., ч. III, стр. 313.

мое безначаліе, проистекшія отъ недостатка просвѣщенія, помрачили страну сію (Польшу) непроницаемою мглою. Еще не болѣе полувѣка протекло, какъ она стала вновь озаряться. Коммиссія народнаго воспитанія, преобразованіе училищъ и академій, изданіе разныхъ сочиненій, изъ коихъ не малое число сулило писателямъ и народу безсмертную славу—все подавало надежду, что науки пріобрѣтутъ у насъ прежнее свое уваженіе. Но свершился послѣдній жребій, предопредѣленный сей странѣ судьбою! Жители оной думали, что, съ перемѣною политическаго бытія, должны будутъ отрещись отъ наукъ и даже отъ природнаго языка своего.

Указавъ, что такое мнѣніе влечетъ за собою вредныя послѣдствія, что оно обидно для народной чести, что Общество можетъ достигнуть истиннаго просвѣщенія только на природномъ языкѣ, Албертранди такъ закончилъ свою рѣчь.

— Мы видимъ примѣры,—сказалъ онъ,—что природный языкъ, несмотря на всѣ послѣдовавшія перемѣны въ правленіи, многіе вѣка оставался почти не нарушенъ въ народѣ. Невозможность совершеннаго истребленія народнаго языка показываетъ, сколь нужно пріобрѣтать просвѣщеніе на природномъ. Это привело къ тому, что нѣкоторыя особы предприняли намѣреніе составить въ Варшавѣ «Общество любителей наукъ». Первые соединившіеся члены положили въ устроеніи семъ ненарушимое правило, что всѣ политическіе предметы, относящіеся къ нынѣшнимъ правленіямъ, оставляютъ они съ тѣмъ, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла такого рода, но предполагаютъ себѣ единственную цѣль—заниматься возращеніемъ наукъ и искусствъ. Откровенный и искренній поступокъ пріобрѣтетъ себѣ по справедливости довѣренность. Особы, положившія начало и связь Обществу, просили правительство, дабы подъ его защитою позволено имъ было трудиться въ наукахъ, будучи увѣрены, что столь полезное намѣреніе заслужитъ благосклонный пріемъ. Они не ошиблись въ своей надеждѣ и получили явственное и совершенное позволеніе.

По первоначальному уставу, представленному на утвержденіе, въ предметъ занятій Общества входило: 1) сохраненіе чистоты польскаго языка; 2) распространеніе на томъ же языкѣ полезныхъ знаній; 3) изданіе разсужденій о предметахъ полезныхъ государству и наукамъ; 4) переводы лучшихъ иностранныхъ писателей; 5) оцѣнка сочиненій, присылаемыхъ для изданія ихъ отъ имени Общества; 6) удешевленіе изданій сочиненій, заслуживающихъ вниманія, и 7) сохраненіе въ памяти потомства выдающихся умершихъ поляковъ при помощи рѣчей, біографическихъ очерковъ и т. п.

Въ концѣ устава было сказано, что Общество «воспрещаетъ

себѣ разсуждать» о предметахъ противныхъ христіанской вѣрѣ, настоящему правленію и обычаямъ».

Такимъ образомъ Общество, казалось, отклоняло отъ себя всякое подозрѣніе въ соединеніи ученой цѣли съ какими-либо политическими видами и вмѣшательство въ нихъ. А между тѣмъ въ самомъ началѣ учрежденія Общества проглядывала уже затаенная цѣль, которую можно было угадывать по картинѣ, повѣшенной на самомъ видномъ мѣстѣ въ залѣ собранія Общества. На картинѣ было изображено покореніе королевичемъ Владиславомъ г. Смоленска. Владиславъ изображенъ былъ сидящимъ на гордомъ конѣ, попирающемъ русскія знамена, а возлѣ нихъ были видны раболѣпно повергшіеся на землю русскіе люди, подносящіе Владиславу ключи Смоленска [1]).

Въ засѣданіи Общества 12-го ноября 1802 года епископъ Коссаковскій заявилъ, что Главное литовское училище (Виленскій университетъ) продолжаетъ распространять просвѣщеніе по уставамъ и учебнымъ книгамъ, изданнымъ бывшею во время польскаго управленія коммиссіею народнаго просвѣщенія, и что такой способъ воспитанія юношества нынѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Заявленіе Коссаковскаго привело Общество къ рѣшенію вмѣшаться въ это дѣло и войти въ сношеніе съ литовскимъ училищемъ. Общество успѣло испросить на это дозволеніе русскаго правительства, и съ 1803 года сношенія эти начались.

Не довольствуясь этимъ, Общество любителей наукъ открыло впослѣдствіи сношенія и съ Харьковскимъ университетомъ. Пользуясь тѣмъ, что попечителемъ этого университета былъ сенаторъ русской службы Северинъ Потоцкій [2]), Общество избрало его въ свои члены, при чемъ предсѣдатель Албертранди, 26-го апрѣля 1805 г., писалъ ему, что Общество гордится тѣмъ, что подъ его управленіемъ состоятъ обширныя области, «ознаменованныя нѣкогда польскимъ оружіемъ (?) и славящіяся въ исторіи рода человѣческаго» [3]).

Преслѣдуя съ самаго начала своего существованія политическія цѣли, Варшавское общество наукъ старалось завести связи съ ино-

---

[1]) Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, Отдѣлъ II, стр. 54.

[2]) Северинъ Потоцкій былъ сенаторомъ III департамента Сената, въ которомъ разсматривались дѣла, такъ называвшихся тогда, „Польскихъ провинцій“.

[3]) Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукопись).

странными государствами и съ этою цѣлью отправило Нѣмцевича въ Америку [1]), а Мальчевскаго въ Парижъ [2]).

Все это дѣлалось тайно и скрывалось на столько, что въ напечатанныхъ въ 1802 и 1803 годахъ уставахъ Общества рѣшительно исключено было все, относящееся до вѣры, правительства и политическаго состоянія края,—но въ уставѣ Общества, изданномъ въ 1805 году, уже не упоминалось, что преимущественными занятіями его будетъ исторія Польши, польская словесность и польскій языкъ.—Напротивъ, въ уставъ этотъ введенъ былъ новый предметъ—правовѣдѣніе, къ которому принадлежала и политика.—Первое литературное приношеніе, сдѣланное Обществу въ 1800 году, было отъ помѣщика Волынской губерніи, находившагося въ русской службѣ тайнаго совѣтника Ѳаддея Чацкаго, вся дѣятельность котораго была направлена къ возстановленію Польши.

Чацкій родился въ 1765 году въ мѣстечкѣ Порицкѣ Владимірскаго уѣзда, Волынской губерніи, населенной сплошнымъ русскимъ племенемъ; нѣсколько пановъ и поляковъ-помѣщиковъ не составляли тамъ народа; но Чацкаго ополячилъ его воспитатель іезуитъ Фаустинъ Гродзинскій, возбудившій въ немъ съ раннихъ лѣтъ польскія чувства и любовь къ наукамъ. Изучая польскую исторію, Чацкій проникся чувствомъ историческаго уваженія къ Польшѣ и жадно розыскивалъ памятники польской старины. «Древніе и польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимымъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе старой польской книжки... Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни» [3]).

Такой человѣкъ не могъ смотрѣть равнодушно на политическую смерть милаго своего отечества и въ 1794 году Игельстромъ донесъ русскому правительству о дѣятельномъ участіи Чацкаго [4]) въ польскомъ

---

[1]) Изъ письменной инструкціи, данной Нѣмцевичу 12-го іюля 1803 года, видно, что Варшавское общество обязывалось сохранять и распространять права и памятники славы польскаго народа и что оно желало избрать въ свои члены бывшаго тогда президента Сѣверо-Американскихъ штатовъ Джеферсона и еще двухъ ученыхъ американцевъ.

[2]) Мальчевскій былъ корреспондентомъ Варшавскаго общества съ 1802 г. по 1828 г.; жилъ долго въ Парижѣ и впослѣдствіи сдѣлался французскимъ гражданиномъ. Какое именно порученіе было ему дано, въ точности не извѣстно, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ сношенія съ Наполеономъ. Въ 1832 году Мальчевскій напечаталъ въ Парижѣ, противъ Россіи, Австріи и Пруссіи свое сочиненіе „Essai historique et politique sur la Pologne“.

[3]) Ѳ. Кудринскій, „Ѳаддей Чацкій“, „Кіевская Старина“, 1893 г. Т. 40 № 2, стр. 323 и 325.

[4]) Онъ былъ въ то время подскарбіемъ или государственнымъ казначеемъ.

мятежѣ, начавшемся въ Краковѣ въ 1793 голу.—Чацкій подвергся преслѣдованію, и два его имѣнія—Брусиловское и Острожское—были конфискованы и розданы по частямъ, въ видѣ бенефицій, помѣщикамъ заслужившимъ довѣріе русскаго правительства.—Чацкій, конечно, не могъ примириться съ такою утратою и отправился въ Петербургъ хлопотать о возвращеніи ему секвестрованныхъ имѣній. Часть послѣднихъ была ему возвращена подъ условіемъ, чтобы онъ въ теченіе двухъ лѣтъ продалъ ихъ и самъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Онъ думалъ поселиться въ Краковѣ, но съ кончиною императрицы Екатерины II и со вступленіемъ на престолъ императора Павла обстоятельства измѣнились. Чацкому не только было разрѣшено остаться въ Россіи, но онъ явился на коронацію императора въ Москву депутатомъ отъ дворянства Кіевской губерніи. Пользуясь расположеніемъ государя къ полякамъ, выразившимся освобожденіемъ Косцюшки, Чацкому и его товарищамъ-депутатамъ удалось, среди московскихъ празднествъ, выхлопотать черезъ князя Куракина всеобщее прощеніе политическимъ преступникамъ-полякамъ, жившимъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, выхлопотать учрежденіе «Главнаго суда», для тѣхъ же губерній, подобнаго тому, какой существовалъ для Литвы, и дозволеніе избирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ-поляковъ. Упоминая объ этихъ милостяхъ императора, даже и такой истый полякъ, какимъ былъ ксендзъ Осинскій, не могъ не замѣтить въ своей книгѣ, что «когда полякамъ дозволено было употреблять польскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ (русскихъ губерній), на дворянскихъ выборахъ и въ школахъ, тогда поляки, отошедшіе по раздѣлу подъ власть другихъ государей, вовсе не имѣли этого утѣшенія» [1]). Галиція, напримѣръ, въ сравненіи съ Волыніею и Подоліею, казалась полякамъ «трупомъ, издыхающимъ въ агоніи страдальца, въ гнилыхъ ранахъ коего безчисленные рои червей производятъ зудъ, мучительнѣе смертельныхъ болѣзней...» [2]).

При такомъ направленіи русскаго правительства, Чацкій успѣлъ пріобрѣсти расположеніе императора Павла, который пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ мѣсто сенатора. Чинъ онъ принялъ, а отъ сенаторства отказался подъ предлогомъ бѣдности и невозможности жить въ Петербургѣ.

«Съ этого времени,—говоритъ его біографъ,—въ характерѣ дѣятельности Чацкаго настала перемѣна. Онъ отказался отъ рѣшительнаго

---

[1]) Воспоминанія о Волыни. И. Кульжинскаго, „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1865—1866 гг., № 2, отд. IV, стр. 128.

[2]) Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г., № 2, отд. II, стр. 55.

образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ пробужденіе политической Польши послѣ ея раздѣловъ. Чацкій убѣдился, что возстановить Польшу путемъ прямыхъ радикальныхъ предпріятій невозможно. Оставалось примириться съ фактомъ и дѣйствовать съ другой стороны,—невидимой для русскаго правительства—путемъ подъема національнаго самосознанія черезъ распространеніе въ краѣ низшаго и средняго образованія въ строго-польскомъ направленіи». На этомъ поприщѣ его дѣятельности мы встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о немъ какъ о визитаторѣ училищъ, а теперь скажемъ, что въ 1800 г. онъ представилъ Варшавскому обществу любителей наукъ свое сочиненіе о литовскихъ и польскихъ законахъ, а вслѣдъ затѣмъ въ 1801 г. принялъ на себя трудъ составить исторію польскаго права и исторію польскаго народа.

Изъ этого можно видѣть, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшіе члены Варшавскаго общества наукъ простирали свои виды далѣе цѣли, опредѣленной въ первоначальномъ уставѣ. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Послѣ предложенія Чацкаго составить исторію польскаго народа Варшавское общество наукъ рѣшило, для поддержанія народности и просвѣщенія между поляками-простолюдинами, издавать учебныя книги, при чемъ обращать особенное вниманіе на просвѣщеніе не только тѣхъ поляковъ, которые были прусскими подданными, но и на жителей провинцій, присоединенныхъ къ Австріи и въ особенности къ Россіи. Тѣмъ временемъ императоръ Павелъ I скончался, и на престолъ вступилъ Александръ I. Вступленіе это было принято поляками какъ свѣтлая денница или какъ животворное солнце на мрачномъ горизонтѣ Польши.

Посѣщая Литву вообще и Вильну въ особенности, Александръ своею доступностью, привѣтливымъ обращеніемъ, щедрыми дарами и милостями, приводилъ въ восхищеніе литовскихъ жителей и привлекъ къ себѣ сердца большинства населенія.

Хотя въ поведеніи Александра I не было ничего опредѣленнаго, но его обѣщанія привлекали вниманіе многихъ. Въ первые годы его царствованія были между поляками люди, которые искали возстановленія Польши въ полномъ ея составѣ и прежнихъ предѣлахъ. То были лица, близкія къ Александру I, друзья его юности; другіе же, какъ напримѣръ магнаты, находившіеся уже подъ властью Россіи, надѣялись, что русскій императоръ возстановитъ «Литовское княжество», бывшее только въ союзѣ съ Польскимъ королевствомъ, но никогда не сливавшееся съ нимъ въ одно цѣлое. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ графъ Михаилъ Огинскій, а сторонникомъ возстановленія всей Польши былъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Послѣдній вмѣстѣ съ Александромъ, въ дни ихъ юности, скорбѣли

о Польшѣ, оплакивали ея судьбу, осуждали императрицу Екатерину, еще при ея жизни, въ несправедливости раздѣла Польши, приписывали ей починъ въ этомъ дѣлѣ, и оба съ горькимъ чувствомъ смотрѣли на медаль, вычеканенную по ея приказанію послѣ втораго раздѣла и имѣвшую надпись «Отторженная возвратихъ».

Александръ дѣлалъ это по увлеченію, по незнанію прошлаго Россіи и по стремленію къ чему-то высшему и отвлеченному, которыхъ онъ самъ себѣ объяснить не могъ, а Чарторыйскій поступалъ по убѣжденію и чувству, какъ плѣнникъ, какъ заложникъ, ненавидѣвшій Россію.

Послѣ паденія Польши имѣнія князей Чарторыйскихъ были конфискованы, и императрица Екатерина II согласилась снять конфискацію съ тѣмъ условіемъ, чтобы двое молодыхъ братьевъ Чарторыйскихъ, Адамъ и Константинъ, были отправлены родителями ихъ въ Петербургъ. Здѣсь князь Адамъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Александру Павловичу, и съ тѣхъ поръ началось ихъ сближеніе, обратившееся впослѣдствіи въ дружбу. Несмотря на это, оба брата Чарторыйскіе питали чувство отвращенія ко всему русскому, и пребываніе въ Петербургѣ было для нихъ мученіемъ. Они считали себя плѣнниками въ чужой имъ странѣ или въ непріятельскомъ лагерѣ. Понятно, что князь Адамъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы поддержать увлеченіе Александра и вызвать его сочувствіе къ Польшѣ. Онъ надѣялся получить изъ рукъ Александра польскую корону и, по словамъ В. Мицкевича, помощью Россіи создать наслѣдственный польскій престолъ съ династіей Чарторыйскихъ. Казалось, что всѣ обстоятельства вначалѣ благопріятствовали этому.

Великій князь Александръ вполнѣ сочувствовалъ національнымъ стремленіямъ поляковъ, и Косцюшко въ его глазахъ являлся однимъ изъ величайшихъ героевъ, боровшихся за отечество. Александръ мечталъ тогда о равенствѣ, братствѣ и счастіи народовъ; общій миръ и союзъ между ними увлекали его и казались легко осуществимыми; отвлеченные планы замѣняли ему дѣйствительность жизни. Такимъ онъ былъ и въ первые годы своего царствованія, когда мечталъ о томъ, чего не въ силахъ былъ осуществить на дѣлѣ.

Еще при Павлѣ I въ Западной Россіи, какъ мы видѣли, былъ возстановленъ Литовскій статутъ; католическому духовенству были возвращены старинныя льготы; почти всѣ должности, даже и высшія въ администраціи и судахъ были заняты поляками, и можно было толковать такъ, что это въ сущности польскія земли, какъ бы случайно подпавшія подъ русское владычество. Поляки не признавали русской національности большинства населенія Западной Россіи и считали этотъ край польскимъ, потому только, что господствующій классъ дворянъ и помѣ-

щиковъ были поляки. Александръ былъ такого же мнѣнія и готовъ былъ слѣдовать внушеніямъ Адама Чарторыйскаго и его партіи.

Великій князь,—говоритъ послѣдній,—находился тогда подъ обаяніемъ «расцвѣтшей молодости, которая создаетъ себѣ радужныя фантазіи, упивается ими, не обращая вниманія на то, можно или нѣтъ осуществить ихъ, и не останавливается передъ самыми смѣлыми проектами для будущаго, которое кажется ей безконечнымъ».

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ возвратилъ изъ Сибири поляковъ, сосланныхъ туда при Екатеринѣ и Павлѣ, возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія; эмигранты, служившіе во Франціи и въ польскихъ легіонахъ, получили дозволеніе возвратиться на родину. «Личныя добродѣтели сего монарха,—говоритъ Нѣмцевичъ [1]),—столь заняли сердца поляковъ, что начали сомнѣваться въ томъ, чего отъ Франціи ожидали, и прежнюю свою надежду перемѣнили въ желаніе, дабы раздѣленныя области были соединены подъ скиптромъ сего государя. Сіе обнаружилось не только въ россійскихъ, но прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ». Императоръ входилъ даже въ положеніе заграничныхъ поляковъ, и по его приказанію графъ Кочубей ходатайствовалъ объ облегченіи участи австрійскихъ ихъ соотечественниковъ, заключенныхъ и томившихся въ крѣпостяхъ. Въ провинціяхъ, находившихся во власти Россіи, было обращено вниманіе на улучшеніе администраціи и правосудія. Всякія преслѣдованія, политическія дѣла, секвестры и конфискаціи, мѣры предосторожности, недовѣрія и подозрѣнія прекратились, и на нѣкоторое время установилось общее спокойствіе, довѣріе и довольство. Но,—говоритъ Чарторыйскій,—хотя всѣ эти распоряженія возбуждали благодарность поляковъ, все-таки «далеко не соотвѣтствовали тому, что составляло любимый предметъ нашихъ юношескихъ разговоровъ».

Скоро князь Чарторыйскій принужденъ былъ еще болѣе разочароваться въ искренности расположенія Александра къ Польшѣ. По конвенціи, заключенной Дюрокомъ, Франція и Россія обязались не покровительствовать политическимъ эмигрантамъ, въ томъ числѣ и полякамъ. Чарторыйскій указалъ на это Александру, который, нѣсколько смутившись, отвѣчалъ ему, что конвенція не имѣетъ никакого значенія, что необходимо было принять эту статью, предложенную Наполеономъ, что это пустая формальность и что судьба Польши была и будетъ всегда близка его сердцу. «Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ князь Чарторыйскій въ своей автобіографіи [2]),—что изъ тогдашнихъ государей только одинъ Александръ интересовался Польшею. Вся Европа и во главѣ ея Франція

---

[1]) Въ запискѣ 14 іюля 1807 г. Арх. Государственнаго Совѣта, дѣло Комитета 1826 г. № 240.

[2]) Alexandre I et le prince Czartoryski par C. de-Mazade т. I, p. 286—288.

окончательно забыли о ней. Императоръ (Александръ) по личному великодушному побужденію и чтобы засвидѣтельствовать, что его чувства и убѣжденія неизмѣнны, старался помогать полякамъ въ ихъ частныхъ дѣлахъ и оказывать возможныя облегченія жителямъ подвластныхъ ему польскихъ провинцій. Это ободряло и поддерживало меня».

Иначе смотрѣли на это дѣло многіе изъ его соотечественниковъ.

Вообще поляки дѣлились тогда на два лагеря. Одни возлагали надежды на Наполеона, другіе, предвидя, что отъ Наполеона ничего не пріобрѣтешь, надѣялись лично на Александра. «По всему вѣроятію,—говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ,—если бы даже Наполеонъ успѣлъ въ своихъ замыслахъ, то никогда не сдѣлалъ бы онъ Польшу обширнымъ, могущественнымъ и независимымъ государствомъ». То, чего не ожидала эта партія поляковъ отъ Наполеона, того ожидала она отъ Александра, но, несмотря на различіе воззрѣній, обѣ партіи сходились относительно цѣли, и потому между ними было полное согласіе. Разница состояла въ томъ, что тѣ поляки, которые служили Франціи, дѣйствительно сочувствовали этой странѣ, сражались вмѣстѣ съ французскими войсками, радовались успѣхамъ Наполеона и обольщались его славою. Тѣ же поляки, которые искали опоры въ Александрѣ, занимали разныя важныя административныя должности, все-таки ненавидѣли Россію. Разница была еще и та, что Наполеонъ, сознавая, что поляки, сами погубившіе свое отечество, неспособны къ самостоятельному политическому существованію, въ дѣйствительности никогда не думалъ о безкорыстномъ съ своей стороны возстановленіи Польши; императоръ же Александръ, хотя и зналъ о всѣхъ безпорядкахъ стариннаго устройства Польши, увлекался мыслію быть творцомъ этого государства. Если бы Наполеонъ согласился и счелъ возможнымъ исполнить то, чего домогались отъ него поляки, Польша сдѣлалась бы навсегда вассальнымъ государствомъ Франціи и слѣпо служила бы интересамъ ея политики; достигнувъ же своихъ цѣлей съ нашею помощью, она никогда не забыла бы, какъ и обнаружилось это впослѣдствіи, своей вѣковой къ намъ вражды» [1]).

Это чувство сохранилъ и князь Адамъ Чарторыйскій во всю свою жизнь. «Я не имѣлъ,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи [2]),—никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ. Я очутился, совершенно необыкновеннымъ и случайнымъ образомъ, въ положеніи экзотическаго растенія, на чужой почвѣ, съ чувствами, которыя не могли вполнѣ гармонировать съ чувствами моихъ случайныхъ (русскихъ) товарищей. Бездѣйствіе тяготило меня, и я часто горевалъ по родинѣ и роднымъ, пла-

---

[1]) Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго (XIX) столѣтія, „Русскій Вѣстникъ“ 1865 г. № 7 стр. 17 и 18.

[2]) Мазадъ, т. I, стр. 278 и 279.

менно желалъ возвратиться домой и не разставаться со счастіемъ, къ которому я стремился всею душою.

«Только привязанность къ императору и надежда принести пользу моему отечеству удерживали меня на русской службѣ. Такое положеніе было крайне для меня тягостно; я только и думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга». Но обстоятельства сложились такъ, что Чарторыйскій призналъ необходимымъ свое присутствіе въ русской столицѣ. «Къ величайшей радости,—говоритъ онъ,—мнѣ сдѣлали другое новое предложеніе».

Въ 1802 году вмѣстѣ съ образованіемъ министерствъ было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, съ шестью учебными округами. Всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши, т. е. та часть коренныхъ литовско-русскихъ областей, которая была захвачена въ XVI вѣкѣ Польшею и возвращена Россіи императрицею Екатериною II,—была отнесена въ учебномъ отношеніи къ Виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Онъ охотно принялъ эту должность и званіе куратора Виленскаго университета, образованнаго изъ прежней Виленской іезуитской академіи, носившей потомъ названіе главной школы великаго княжества Литовскаго и, наконецъ, 6-го февраля 1797 года, по рескрипту императора Павла, данному управлявшему тогда Литовскою губерніею князю Н. В. Репнину, переименованной въ Виленскій университетъ.

Университетъ этотъ скоро сталъ во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній Западной Россіи и держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити не только народнаго образованія, но и политической жизни края. Для поляковъ было очевидно, что будущность всего края будетъ зависѣть отъ того, насколько удастся воспитать юное поколѣніе въ духѣ полонизма, а это сдѣлать было не трудно. Во главѣ народнаго образованія сталъ теперь человѣкъ, облеченный полнымъ довѣріемъ и даже дружбою императора, поддерживавшаго его своимъ авторитетомъ. Человѣкъ этотъ мечталъ о возстановленіи Польши по Днѣпръ и искренно ненавидѣлъ Россію. Князь Чарторыйскій сознавалъ, что русское общество относится къ нему съ полнымъ недовѣріемъ, но не смущался этимъ и заботился лишь о томъ, чтобы не потерять довѣрія поляковъ и доказать имъ свою готовность служить сокровеннымъ и истиннымъ цѣлямъ видѣть свое отечество возстановленнымъ. Онъ имѣлъ постоянно въ виду только интересы Польши и, разсказывая въ своей автобіографіи о той ненависти, которую питали къ Россіи его родители, князь Адамъ спрашиваетъ самого себя: «Возможно ли, чтобы ихъ сынъ, который также не скрываетъ своего польскаго патріотизма, открыто имъ гордится и доказываетъ это на дѣлѣ, давая рѣшительное національное направленіе народ-

ному образованію въ подчиненныхъ ему училищахъ—возможно ли, чтобы подобный человѣкъ нравился русскимъ?»

Среднія училища въ восьми губерніяхъ, на которыя раздѣлены были тогда Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Украйна, находились по большей части въ завѣдываніи католическаго духовенства, и съ этихъ поръ Западный край былъ прочно въ рукахъ поляковъ.

Если политическая министерская дѣятельность князя Чарторыйскаго въ Петербургѣ [1]) не имѣла желаемаго имъ успѣха, то онъ могъ имѣть его какъ попечитель Виленскаго учебнаго округа и съ успѣхомъ ополячивать край, ввѣренный его попеченію. По его плану, фактическому возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года должно было предшествовать нравственное соединеніе всѣхъ раздѣленныхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Такого соединенія можно было достигнуть воспитаніемъ юношества, въ томъ числѣ и русскаго, въ польскомъ духѣ и на польскомъ языкѣ, словомъ, ополячить его такъ, чтобы населеніе русско-литовскихъ областей само признало бы себя поляками и вся Западная Россія представляла собою несомнѣнную часть, несправедливо оторванную отъ Польши. Князь Чарторыйскій дорожилъ такою дѣятельностью и широко пользовался покровительствомъ и довѣріемъ къ нему Александра.

Изучивъ характеръ послѣдняго, зная его неустойчивость, желаніе сохранить за собою имя либеральнаго дѣятеля и друга человѣчества, князь Чарторыйскій умѣлъ воспользоваться этими качествами. «Императоръ,—говоритъ онъ,—очень увлекался такъ называемыми красивыми фразами и, чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ болѣе ему нравились потому, что онъ могъ удобнѣе приноравливать ихъ къ своимъ мечтамъ, которыя также отличались неопредѣленностью. Ему нравились рѣзкія либеральныя выраженія и даже лесть подъ личиною служенія благу человѣчества».

На этой струнѣ и игралъ князь Чарторыйскій. Императоръ,—говоритъ онъ,—«охотно пользовался моею полною готовностью искренно ему служить (?) и признавалъ вполнѣ справедливымъ вознаградить меня за мою къ нему преданность предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствовать по моему усмотрѣнію въ находящихся въ его власти польскихъ провинціяхъ. Само собою разумѣется, что я воспользовался счастливымъ расположеніемъ государя и главное мое усиліе направилъ на народное образованіе, которому я далъ національный характеръ и которое я преобразовалъ на болѣе широкихъ и соотвѣтственныхъ современнымъ потребностямъ основаніяхъ».

Когда въ 1803 году открылась должность помощника попечителя

[1]) Онъ былъ тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Виленскаго округа, то князь Чарторыйскій испросилъ назначеніе на нее Ѳаддея Чацкаго, человѣка несомнѣнно очень умнаго, съ большимъ образованіемъ и, какъ мы уже сказали, отчаяннаго польскаго патріота.

Назначенный вслѣдъ за тѣмъ генеральнымъ визитаторомъ (инспекторомъ или наблюдателемъ) училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, Чацкій посвятилъ себя исключительно школамъ. — Человѣкъ энергичный, онъ былъ «неукротимъ въ своихъ пректахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ». При такихъ качествахъ визитатора, ополяченіе края шло быстрыми шагами.—Чацкій легко подчинилъ своему вліянію князя Адама Чарторыйскаго и, прикрываясь его авторитетомъ и дружбою, отстранилъ отъ себя всякое подозрѣніе со стороны русскаго правительства.—Онъ пригласилъ себѣ въ сотрудники Гуго Колонтая, бывшаго ректоромъ Краковскаго университета, а князь Чарторыйскій—Стройновскаго, бывшаго ректора Виленскаго университета, а потомъ замѣнившаго его Яна Снядецкаго.

Всѣ приглашенные къ дѣятельности были поляки, «вполнѣ соотвѣтствовавшіе видамъ постепенно пробуждавшихся польскихъ мечтаній о политической жизни Польши». — Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Колонтай, послѣ разбитія Косцюшки бѣжавшій въ Австрію, но тамъ схваченный и находившійся въ заключеніи съ 11-го февраля 1795 г. до конца 1802 г. Освобожденный, благодаря ходатайству кн. Адама Чарторыйскаго, императоромъ Александромъ, подъ обязательствомъ не принимать никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, Колонтай прибылъ въ Варшаву, а оттуда въ январѣ 1803 г. на Волынь, и здѣсь жилъ сначала въ Кременцѣ, а потомъ не далеко отъ него, въ Столицѣ, небольшомъ селѣ, которое онъ взялъ въ аренду.

Не принимая никакого оффиціальнаго участія въ томъ, что предпринималось въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, Колонтай былъ однако же душею всѣхъ преобразованій.

Это была подпольная машина, которая «приводила въ движеніе всѣ рычаги и всѣ колеса. Безъ него, безъ его совѣта не дѣлалось почти ничего: онъ руководилъ дѣятельностью Чацкаго и другихъ лицъ въ ихъ сношеніяхъ съ правительствомъ; онъ рекомендовалъ профессоровъ для Виленскаго университета, а равно и другихъ лицъ, предназначавшихся на тѣ или иныя мѣста въ Виленскомъ учебномъ округѣ; онъ составлялъ проекты преобразованія учебной части въ этомъ округѣ въ болѣе желательномъ для поляковъ смыслѣ; онъ писалъ даже рѣчи, предназначенныя для произнесенія на торжественныхъ актахъ въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. И все это въ виду того, что онъ былъ связанъ подпиской не принимать никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, дѣ-

25151

лалось тайно, тихо, такъ что никто изъ постороннихъ ничего не замѣчалъ» [1]).

Болѣе всѣхъ пользовался совѣтами Колонтая Чацкій, около котораго группировались всѣ польскія силы, стремившіяся къ возстановленію Польши. Онѣ работали дружно, и учебное дѣло Виленскаго округа пошло въ желаемомъ направленіи.

Будучи членомъ Варшавскаго общества любителей наукъ, Ѳ. Чацкій, 31-го января 1802 года, писалъ ему, что хотя дѣла и обязанности службы заставили его удалиться изъ Варшавы, но его всегда оживлялъ духъ Общества; что вся Кіевская губернія «показала отличное уваженіе къ трудамъ сего Общества», собравъ до 100 тыс. рублей на народное образованіе, съ тѣмъ, чтобы въ школахъ былъ сохраненъ польскій языкъ и на немъ читались всѣ науки, преподаваемыя ученикамъ. — Чацкій сообщалъ Варшавскому обществу, что ксендзъ Тышкевичъ отказалъ все свое имѣніе на училища съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обучали наукамъ такимъ способомъ, «какой предписанъ будетъ Варшавскимъ обществомъ, отъ котораго весь народъ (польскій) ожидаетъ обильныхъ плодовъ».

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ XIX вѣка западная окраина нашего государства, отъ Двины до Буга, представляла странное явленіе. — Начала обрусѣнія, о которыхъ такъ заботилась императрица Екатерина II, были покинуты, и князь Адамъ Чарторыйскій неутомимо трудился надъ ополяченіемъ края. — «Цѣлью всей его жизни,—пишетъ Мазадъ,—было обрѣсти ойчизну и снова вызвать ее къ жизни.—Сами русскіе дѣлали князю честь, говоря и даже заявляя печатно, что онъ па-полвѣка отдалилъ окончательное обрусѣніе польскихъ областей Имперіи».

4-го апрѣля 1803 года, императоръ Александръ утвердилъ «Актъ учрежденія для университета въ Вильнѣ» [2]), а 25-го мая,—Уставъ или общія постановленія для Виленскаго университета и училищъ его округа».

«Желая,—сказано было въ «Актѣ»,—утвердить благоденствіе всѣхъ областей Имперіи нашей на просвѣщеніи народномъ, яко естественномъ основаніи онаго, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества, коихъ польза доказана многолѣтнимъ опытомъ.—И потому за благо разсудили мы симъ «Актомъ» нашимъ обезпе-

---

[1]) О. Крыжановскій, „Учебно-воспитательное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы Виленскаго университета“ (1803 г.) С.-Петерб. изд. 1899 г. стр. XXXVI.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. XXVII № 20701.—См. тоже Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. II, стр. 158

чить навсегда существованіе древняго университета Виленскаго, основаннаго въ 1578 году, а въ 1781 возобновленнаго сообразно настоящей степени познаній у просвѣщенныхъ народовъ Европы. — А дабы университетъ сей, огражденный въ своей неприкосновенности, имѣлъ всѣ способы достигнуть до важнаго своего предмета,—образованія полезныхъ гражданъ для всѣхъ состояній и всѣхъ родовъ государственной службы, то мы соизволили императорскимъ нашимъ словомъ, за насъ, и за преемниковъ нашихъ, постановить слѣдующее».

Университету предоставлено избраніе профессоровъ, наблюденіе за всѣми типографіями и цензура всѣхъ сочиненій, выходящихъ въ предѣлахъ округа.—Университетъ уполномоченъ былъ управлять всѣми учебными заведеніями въ округѣ, не исключая духовнаго вѣдомства и содержимыхъ католическими монастырями.

Университетъ опредѣлялъ и увольнялъ отъ службы директоровъ гимназій, смотрителей училищъ и учителей.—Въ его завѣдываніи находилась семинарія, для образованія учителей и Главная семинарія, для высшаго образованія ксендзовъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ университетъ былъ отвѣтственъ только передъ попечителемъ округа. — По ходатайству князя А. Чарторыйскаго, императоръ Александръ пожаловалъ университету значительныя суммы [1]) и взывалъ къ частой благотворительности.

«Такъ утвердивъ навсегда,—сказано было въ концѣ «Акта»,—существованіе Виленскаго университета и обогативъ нашими щедротами, поручаемъ его высокому благоволенію преемниковъ нашихъ.—Ожидая отъ сего храма наукъ полезнаго вліянія на просвѣщеніе народное и на благо всей Имперіи, убѣждаемъ его начальство и членовъ ревностно содѣйствовать къ исполненію нашихъ намѣреній, и объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ сихъ областей, что въ истинную заслугу вмѣнено имъ будетъ вспомоществованіе сему университету».

Заручившись словомъ императора за себя и своихъ преемниковъ сохранить университетъ въ полной неприкосновенности и поручить его благоволенію преемниковъ, князь Чарторыйскій почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ всего Западнаго края.—Къ сожалѣнію, особое вниманіе Александра къ Виленскому университету отразилось и на ближайшихъ его сотрудникахъ.

Примѣру государя слѣдовалъ и тогдашній министръ народнаго про-

---

[1]) На пополненіе библіотеки, учрежденіе клиники и расширеніе физическаго кабинета было пожаловано 40.000 руб. и 30.000 руб. на потребности училищъ, учрежденныхъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

*

свѣщенія графъ Завадовскій, очутившійся всецѣло въ рукахъ поляковъ и не видавшій того, что дѣлалось въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

По словамъ кн. Чарторыйскаго, графъ Завадовскій былъ человѣкъ «хорошихъ качествъ, немного неуклюжій въ обращеніи, но справедливый (?) и доброжелательный (?). Его умъ, такъ же, какъ и его фигура, были неповоротливы, онъ съ трудомъ постигалъ мысль и не могъ уловить всѣхъ ея тонкостей; но онъ старался показать, что умѣетъ понимать и цѣнить всѣ новыя идеи, и хотѣлъ, чтобъ его не смѣшивали съ тѣми отсталыми людьми, которые ничего новаго не хотятъ знать и ничего не забываютъ. — Это впрочемъ не мѣшало тому, что онъ сохранялъ чрезвычайно строго самыя характерныя черты русскаго администратора: слѣпое послушаніе и глубокое подобострастіе ковсему, исходящемуизъ высшихъ сферъ. — Онъ любилъ восторгаться классическими писателями и говорить затверженные на память отрывки. По странному случаю, онъ воспитывался въ польскихъ іезуитскихъ школахъ и научился тамъ латинскому языку.— Онъ не забылъ польскаго языка, щеголялъ имъ и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, котораго многіе стихи зналъ наизусть. Все это особенно располагало его къ Польшѣ и полякамъ; даже за его обѣдами угощали гостей непремѣнно польскими кушаньями. Между тѣмъ, какъ другіе попечители часто встрѣчали затрудненіе со стороны министра, не всегда соглашавшагося съ ихъ представленіями о новыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, я никогда не имѣлъ повода на него жаловаться, и онъ постоянно оказывалъ мнѣ совершенное довѣріе. Мнѣ стоило только обратиться къ нему съ какимъ-нибудь предположеніемъ, и онъ всегда съ величайшею готовностью и доброжелательствомъ меня поддерживалъ».

При такихъ условіяхъ не удивительно, что ксендзъ Францискъ Дмоховскій писалъ Колонтаю, что «подъ русскимъ владычествомъ намъ (полякамъ) открываются самые благопріятные виды» [1]).

Лишь только получено было на мѣстѣ воззваніе императора къ благотворительности населенія для устройства школъ, какъ князь Чарторыйскій писалъ графу Завадовскому [2]):

«Тайный совѣтникъ Чацкій, увѣдомляя меня о пріемлемыхъ имъ мѣрахъ къ благоуспѣшнѣйшему обозрѣнію училищъ Виленскаго округа въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ, пишетъ объ испрошеніи отъ вашего сіятельства препоручительныхъ писемъ къ гг. губер-

---

[1]) Сотрудники кн. Чарторыйскаго и проч., Ю. Крачковскаго, „Русское Обозрѣніе“ 1898 г., т. 50, № 3, стр. 201.

[2]) Отъ 10-го іюля 1803 г. № 16. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. II, 217.

наторамъ, дворянскимъ предводителямъ тѣхъ губерній, также къ преосвященнымъ: митрополиту кіевскому, епископамъ подольскому и волынскому-житомірскому. Въ разсужденіи первыхъ Чацкій изъясняется, что хотя онъ имѣетъ съ ними нѣкоторое знакомство, но подъ особымъ вліяніемъ вышняго начальства смѣлѣе приступитъ сдѣлать свои предложенія знатнѣйшимъ обывателямъ объ усердномъ вспомоществованіи недостаточнымъ, или вовсе не снабдѣннымъ, нужнѣйшими учебными пособіями училищамъ, равно и къ доброхотнымъ пожертвованіямъ на уѣздныя и приходскія, гдѣ по обстоятельствамъ представится надобность въ скорѣйшемъ ихъ заведеніи. Я, надѣясь, что сіи намѣренія г. Чацкаго возымѣютъ желаемый и полезный успѣхъ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить отнестись къ упомянутымъ лицамъ, дабы, въ случаѣ надобности, по отзывамъ и личнымъ его изъясненіямъ, оказывалась ему зависящая отъ нихъ помощь, равно и отъ преосвященныхъ подаваемы были совѣты и внушенія ввѣреннымъ имъ паствамъ объ общеполезномъ содѣйствіи по сему же предмету. Касательно жъ духовныхъ особъ римско-католическаго исповѣданія, если угодно будетъ вамъ, я, отъ себя сдѣлавъ отношенія, отправлю ихъ вмѣстѣ съ тѣми, кои увѣряю себя (надѣюсь) получить отъ вашего сіятельства».

Графъ Завадовскій съ особою предупредительностью исполнилъ желаніе Чарторыйскаго и недѣлю спустя писалъ православному духовенству [1]):

«Тайный совѣтникъ Чацкій принялъ на себя трудъ обозрѣть училища по округу Виленскаго университета. Въ семъ подвигѣ могутъ предстать случаи, въ которыхъ возымѣетъ нужду прибѣгать къ совѣтамъ и вспомоществованію отъ вашего высокопреосвященства, со стороны вашихъ пастырскихъ внушеній обывателямъ, дабы содѣйствовали *своему благу* возможнымъ доброхотнымъ пособіемъ уже существующимъ или вновь устрояемымъ училищамъ. Руководствуясь волею государя императора, назидающаго просвѣщеніе къ великому блаженству народа, я тѣмъ надежнѣе препоручаю благоволенію вашего высокопреосвященства усердныя старанія г. Чацкаго, чѣмъ больше увѣренъ, что вы сами найдете то утѣшеніемъ своему сердцу, чтобы *вознести блаженство своей паствѣ*, изливая на оную всеполезное просвѣщеніе».

Министръ народнаго просвѣщенія не замѣтилъ устроенной ему ловушки, не замѣтилъ того, что его призывали къ содѣйствію, чтобы православное духовенство и русское населеніе края было привлечено къ пожертвованіямъ на польскія школы и, воспитывая въ нихъ своихъ

---

[1]) Въ циркулярномъ письмѣ отъ 17-го іюля 1803 г. митрополиту кіевскому, епископамъ подольскому и волынскому-житомірскому. То же самое онъ писалъ и губернаторамъ.

дѣтей, постепенно ополячивалось. Эта цѣль заставляла князя Чарторыйскаго, занимавшаго въ то время должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ, сохранять это званіе и оставаться въ Петербургѣ, чтобы не удаляться отъ государя и его сподвижниковъ, подобныхъ графу Завадовскому, и имѣть личное на нихъ вліяніе. Для Чарторыйскаго пребываніе въ Петербургѣ было гораздо важнѣе, чѣмъ пребываніе въ Вильнѣ, гдѣ у него были надежные и вѣрные сотрудники. Съ энергіей и надо сказать съ полнымъ знаніемъ дѣла принялись они за переустройство старыхъ и учрежденіе новыхъ заведеній на національно-польскихъ началахъ.

Въ ожиданіи благихъ результатовъ отъ такого направленія воспитанія, польское дворянство и духовенство, призванное самимъ императоромъ, жертвовали капиталы, а ученые несли свои знанія какъ жертву на алтарь отечества. Съ этихъ поръ западныя и юго-западныя губерніи Россіи сдѣлались разсадникомъ польскихъ революціонныхъ идей. Въ первоначальной дѣятельности реформаторовъ не было полнаго согласія, но это повело къ тому, что они строго слѣдили другъ за другомъ и во-время исправляли ошибки. Такъ, когда Стройновскій допустилъ въ уставѣ Виленскаго университета возможность приглашенія на каѳедры иностранцевъ, то противъ него возстали всѣ крайніе патріоты.

«Виленскій университетъ,— писалъ Колонтаю, ксендзъ Дмоховскій, членъ Варшавскаго общества любителей наукъ,—наполняется чужеземцами; будутъ тамъ нѣмцы, французы, италіанцы, англичане—словомъ, вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Должно быть тѣ, которые схватились за это правило, почерпнули его изъ личнаго своего опыта. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и Виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать для себя преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ особыми трудностями. Объ этомъ можно только сожалѣть—исправить трудно. Гдѣ мы закладывали гнѣздо польскаго языка и польской литературы,— тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансценденталистовъ и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ».

«Заклинаю тебя благомъ народа,—писалъ Колонтай Стройновскому[1]),— для котораго работаешь, отдай преимущество польскому языку при преподаваніи всѣхъ предметовъ; всѣми мѣрами старайся отклонить при-

---

[1]) Отъ 6-го октября 1803 г. „Сотрудники князя Чарторыйскаго", Ю. Крачковскаго. «Русское Обозрѣніе» 1898 г. т. 50, № 3, стр. 197 и 198. Крыжановскій, «Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ», изд. 1899 г., стр. 66.

глашеніе иностранцевъ на университетскія каѳедры [1]). Ты долженъ обдумать способы, какъ бы избавиться даже отъ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ во время оно такъ неосмотрительно вызвали въ Вильну. И было бы лучше придумать для нихъ почетныя награды, чѣмъ посредствомъ ихъ вызова и удержанія препятствовать распространенію общественнаго просвѣщенія и усовершенствованію нашего (польскаго) языка. На минуту забудь о конкурсахъ и старайся замѣстить всѣ каѳедры способными земляками. Будетъ даже лучше временно не открывать какой-нибудь каѳедры и выслать для подготовки за границу молодыхъ ученыхъ (изъ поляковъ), нежели спѣшить съ окончаніемъ всего дѣла и заполнить каѳедры людьми чужими».

Колонтай настаивалъ на уничтоженіи каѳедры русскаго языка въ университетѣ, увѣряя, что исторіи русской литературы, какъ науки, не существуетъ, потому что нѣтъ самой литературы.

«Твои замѣчанія,—писалъ Колонтаю ксендзъ Дмоховскій [2]),—касательно настоящаго и будущаго положенія нашей литературы въ здѣшнемъ краѣ весьма справедливы. При всемъ томъ только организація общественнаго просвѣщенія съ выборами для учительства способныхъ соотечественниковъ рѣшитъ, чего можно ожидать на этомъ пути. Если мѣста будутъ предоставлены иностранцамъ, мы должны проститься съ отечественными науками, и вообще просвѣщеніе края понесетъ на этомъ громадную потерю. Обучая на чужомъ языкѣ, можно создать извѣстное количество ученыхъ; но безъ отечественнаго языка нельзя распространить просвѣщеніе въ массѣ народа. А вѣдь эту именно цѣль имѣетъ въ виду государь императоръ, сдѣлавшій для просвѣщенія столько, сколько не сдѣлало никакое другое правительство...

«Тебѣ долженъ признаться, что если бы я принялъ въ Виленскомъ университетѣ какую-нибудь должность... то сдѣлалъ бы это исключительно для того, чтобы хоть въ малой долѣ принять участіе въ усиліяхъ соотечественниковъ и, насколько возможно, потрудиться вмѣстѣ для охраненія языка и отечественныхъ наукъ» [3]).

Такимъ образомъ все русское систематически изгонялось и замѣнялось польскимъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько училищъ, Чацкій нашелъ ихъ, съ своей точки зрѣнія, въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ.

«Съ присоединеніемъ края къ Россіи,—доносилъ онъ [4]),—правитель-

---

[1]) Къ иностранцамъ причислялись и русскіе.

[2]) Отъ 4-го октября 1803 г.

[3]) „Русское Обозрѣніе“ 1898 г., т. 50, № 3, стр. 208. См. также „Русскій Арх.“ 1874 г. Т. I, стр. 1150.

[4]) Отъ 10-го января 1804 г. О. Крыжановскій, „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ“. С.-Петербургъ, изд. 1899 г. стр. LXVII.

ство забавляло насъ одними только развлеченіями. Всякія излишества, танцы и другіе способы отрыванія отъ работъ стали обязательными признаками вѣжливости и уваженія; казалось, что всѣ недостатки присоединеннаго и присоединившаго народовъ соединились вмѣстѣ». По его словамъ, учителя мало уважались, и школы были отданы на произволъ судьбы. Мѣстный священникъ и губернаторъ распоряжались школьнымъ помѣщеніемъ, какъ хотѣли, и «ученикъ не имѣлъ въ городѣ свободнаго пристанища; сообщество же и совмѣстное пребываніе съ солдатами не споспѣшествовали ни работѣ, ни сохраненію (добрыхъ) обычаевъ. Поэтому, благодаря собственнымъ и правительственныхъ чиновниковъ ошибкамъ, воспитаніе въ нашихъ провинціяхъ приняло плачевный видъ. Русской исторіи учатъ, а польская народная исторія почти нигдѣ не преподается, такъ какъ воображаютъ, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ не зналъ собственной исторіи и чтобы онъ привязывался къ новому режиму чрезъ презрительное игнорированіе собственнаго края и своихъ предковъ.

«Торопливое апостольство (со стороны русскихъ православныхъ) слишкомъ быстро вызвало желанную для русскаго правительства перемѣну вѣры. Въ нынѣшнихъ церквяхъ отправляютъ лишь богослуженія, христіанская же проповѣдь мало слышится. Народъ, опять погрузившійся въ грубое невѣжество, не получаетъ отъ религіи утѣшенія, и она не дѣлается лучше».

Для полонизаціи края необходимо было все это измѣнить и какъ можно скорѣе изгнать русскихъ учителей и замѣнить ихъ польскими. «Учители русскаго языка въ Луцкѣ,—писалъ Колонтай Чацкому [1]),—и въ Кременцѣ одинаково вездѣ жалуются, что ты не любишь русскихъ, что ищешь только предлога, чтобы выключить ихъ изъ педагогическаго состава, подъ видомъ неспособности, а въ дѣйствительности, потому что поляковъ желаешь помѣстить по школамъ. Они похвалялись, что будутъ искать защиты, у кого слѣдуетъ. Не такого визитатора, говорили они, слѣдовало прислать въ здѣшнія школы, а природнаго русскаго; иначе правительство не узнаетъ истиннаго положенія дѣла, и русскіе будутъ обижены».

Но съ польской точки зрѣнія дѣятельность Ѳ. Чацкаго была, конечно, похвальна и весьма желательна. «Нужно быть безучастнымъ къ благу человѣчества,—писалъ тотъ же Колонтай,—и не понимать возвышенныхъ твоихъ видовъ, съ которыми связано будущее счастіе теперь несчастнаго народа, чтобы не умилиться передъ тѣмъ, что милостивое Провидѣніе еще даровало намъ подобнаго тебѣ человѣка. Не отступая ни передъ

---

[1]) Отъ 17-го сентября 1803 г. Крыжановскій „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ“, стр. 64.

какими трудностями, ты имѣешь смѣлость работать для общественнаго блага въ то время, когда почти всѣ наши соотечественники потеряли къ этому охоту и желаніе» [1]).

Чацкаго не было надобности ободрять, онъ самъ шелъ быстрыми шагами къ намѣченной имъ цѣли и встрѣчалъ полное содѣйствіе со стороны князя Чарторыйскаго. Послѣдній стремился къ тому, чтобы дать Виленскому университету самоуправленіе, облечь его обширною властью надъ учебными заведеніями Западнаго края, возвысить въ обществѣ его нравственное обаяніе и блескъ, чтобы онъ могъ служить польской политической идеѣ, польской культурѣ и воспитывать въ ея духѣ учащуюся молодежь [2]).

Чарторыйскій достигъ этого въ самомъ непродолжительномъ времени и съ полнымъ самодовольствомъ писалъ въ своей автобіографіи: «Виленскій университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскимъ и для польскихъ провинцій. Я скажу о немъ впослѣдствіи, а теперь замѣчу, что нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша (русская) наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться. Данное мною направленіе никого тогда не поражало; только впослѣдствіи оно возбудило противъ себя негодованіе русскаго общества; но тогда императоръ великодушно ему (направленію) покровительствовалъ».

Подъ такимъ покровительствомъ было значительно увеличено число монастырскихъ и начальныхъ школъ, получившихъ польскую организацію. Всѣ онѣ отдавались подъ непосредственный надзоръ ксендзовъ, при чемъ каждому желающему поляку-помѣщику дозволялось основывать школы и въ своихъ имѣніяхъ. Но ополячивать простой народъ Чацкому было очень трудно: пришлось устраивать такъ называемыя парафіальныя школки. Простой народъ упорно сохранялъ память о русскомъ происхожденіи и всегда называлъ себя рускимъ. Для разубѣжденія его въ этомъ и совращенія въ вѣрѣ поступали слѣдующимъ образомъ. Среди православнаго села или мѣстечка, имѣвшаго православную церковь, панъ-полякъ или миссіонеръ какого-нибудь латинскаго ордена строилъ костелъ и при немъ непремѣнно школу. Прихожанами костела были панъ и его семейство. Если прислуга ихъ была православнаго исповѣданія, то обязывалась отправлять своихъ дѣтей учиться не къ дьячку своей православной церкви, а къ «бакаляру» при-костельной школы, и тамъ дѣти непремѣнно дѣлались католиками.

---

[1]) Письмо Колоптая Ѳ. Чацкому 3-го октября 1803 г. Тамъ же, стр. 207 и 208.

[2]) И. П. Корниловъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, изд. 1897 г. Т. II, стр. XLVIII.

Совокупностью такихъ безконтрольныхъ мѣръ было то, что въ самомъ непродолжительномъ времени Волынь оказалась дотого ополяченною, что всѣ русскіе чиновники, тамъ служившіе, говорили и писали по-польски. Даже въ семействахъ православныхъ священниковъ польскій языкъ считался модным и служилъ признакомъ образованности. Пріѣзжающій на службу русскій чиновникъ, незамѣтно для него, поступалъ на воспитаніе польскихъ дамъ и если являлся неспособнымъ къ изученію польскаго языка или отказывался говорить по-польски, то съ нимъ говорили по-французски, но отнюдь не по-русски. Русскій языкъ носилъ названіе х л о п с к а г о и оставался лишь въ устахъ простаго народа.

Говоря о дѣятельности князя А. Чарторыйскаго и Чацкаго, невольно приходятъ на память двѣ басни И. А. Крылова «Крестьянинъ и змѣя» [1]), просившаяся въ няньки къ его дѣтямъ. Благоразумный мужикъ рѣшилъ, что ему принять ее нельзя:

Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.

Повидимому, у насъ не раздѣляли этого взгляда и даже не признавали того, что

Когда почтенъ быть хочешь у людей—
Съ разборомъ заводи знакомство и друзей!
Мужикъ съ змѣею подружился.—
Извѣстно, что змѣя умна:
Такъ вкралась къ мужику она.—

Такой вкрадчивости не замѣтилъ графъ Завадовскій и припустилъ къ школьному дѣлу сразу нѣсколько змѣй, «которыя всѣ обвились вокругъ здороваго тѣла Западной Россіи и немилосердно высасывали изъ него русскую кровь, отравляя все тѣло папско-польскимъ ядомъ». Полякъ былъ попечитель русскаго университета и русскаго учебнаго округа, полякъ былъ визитаторомъ русскихъ училищъ, поляки были директоры и учители школъ [2]).

Прежнія училища въ Западныхъ губерніяхъ, по словамъ митропо-

---

[1]) Басни И. А. Крылова. Изданіе Суворина 1896 г., стр. 111 и 188.

[2]) Воспоминанія о Волыни И. Кульжинскаго, „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1865—1866 г.г. № 1, отд. IV, стр. 2—4.

лита Іосифа Сѣмашко, «имѣли болѣе римское, религіозное, нежели польское патріотическое направленіе и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Но Чарторыйскій и Чацкій преобразовали прежнія училища и завели множество новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ».

Такъ Немировская гимназія, въ которой учился Сѣмашко, по словамъ Г. Я. Кипріановича [1]), была чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ. Большая часть гимназистовъ были католики, и въ одномъ классѣ съ Іосифомъ Сѣмашко училось всего шесть уніатовъ-поповичей; православные ученики встрѣчались еще рѣже; но тѣ и другіе въ подобномъ учебномъ заведеніи скоро теряли свои природныя національныя черты. «За неимѣніемъ православнаго законоучителя, ученики уніатскаго и православнаго вѣроисповѣданій нерѣдко слушали католическіе уроки Закона Божія и ходили съ товарищами-католиками къ обѣднѣ въ костелъ. Учителями въ школахъ были тогда поляки, особенно католическіе монахи различныхъ орденовъ, или уніаты. Чтобы устранить изъ состава учителей лицъ русскаго происхожденія, преподаваніе русскаго языка поручали кому-нибудь изъ учителей другихъ предметовъ, разумѣется изъ поляковъ или уніатовъ, а деньги, которыя отпускались на этотъ предметъ, обращаемы были на другія потребности. Языкъ преподаванія для всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и для русскаго языка, во всѣхъ среднихъ и низшихъ училищахъ былъ польскій».

Но Чацкому и этого было мало. По его плану учебное дѣло должно было нравственно соединить въ одно цѣлое всѣ части разрозненной Польши, и онъ пришелъ къ мысли о необходимости устроить съ этою цѣлью гимназію въ Кременцѣ на Волыни. Кременецъ былъ близокъ къ границѣ Галиціи, Малой Польши и отчасти къ Познани и могъ явиться средоточіемъ польской національности и польскихъ стремленій. Ходатайство Чацкаго увѣнчалось успѣхомъ, и 1-го октября 1805 года была торжественно открыта Кременецкая гимназія—«колонія Виленскаго университета», какъ тогда ее называли. Гимназія стала любимымъ дѣтищемъ Чацкаго и разсадникомъ польскаго патріотизма. На торжество открытія ея съѣхались поляки съ разныхъ сторонъ, присутствовалъ волынскій губернаторъ князь Волконскій и прибылъ представитель отъ Варшавскаго общества любителей наукъ, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ воспитаніи юношества нашихъ Западныхъ губерній и зорко слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ въ нихъ.

Общество наукъ, съ самаго начала своей дѣятельности, старалось оживить въ умахъ соотечественниковъ ученую славу предковъ. Въ

---

[1]) Жизнь Іосифа Сѣмашко, митрополита литовскаго и виленскаго. Изд. 1893 г., стр. 8.

рѣчи, произнесенной 16-го октября 1803 года, епископъ Албертранди призывалъ своихъ соотечественниковъ къ труду и возбуждалъ въ нихъ сѣтованіе о прошедшемъ и пламенное желаніе объ улучшеніи будущаго, чтобы слава, пріобрѣтенная учеными трудами предковъ, не была погребена въ одной могилѣ съ политическимъ существованіемъ Польши. Извѣстный польскій генералъ графъ Викентій Красинскій, выбранный въ члены Общества въ 1804 году, въ іюнѣ того же года назначилъ золотую медаль въ 100 червонцевъ тому, кто составитъ географическо-историческій словарь в с ѣ х ъ бывшихъ польскихъ городовъ и селеній, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о достопримѣчательныхъ событіяхъ и біографій нѣкоторыхъ прославившихся поляковъ.

— Откроемъ пути,—сказалъ при этомъ Красинскій,—ознаменованные подвигами нашихъ героевъ, и мѣста, устланныя трупами нашихъ непріятелей. Да укажутся стези, по которымъ посланники москаля приносили свои короны (?) и повергали ихъ къ ногамъ нашимъ. Представимъ изумленнымъ соотчичамъ нашимъ столбы предѣловъ нашихъ на Одерѣ и Эльбѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Волгу съ Пруссіею, приносящихъ дань Польшѣ, и наше оружіе, давшее датчанамъ королей или возвратившее венгерцамъ вольность.

Подобными словами и учрежденіемъ премій всего легче было возбудить воспоминанія объ утраченной политической самобытности Польши и возродить мечты о возстановленіи отечества. Зная характеръ народа, Варшавское общество наукъ скоро стало руководить польскимъ обществомъ и обнаружило, что не науки составляютъ цѣль его учрежденія, а возстановленіе политическаго бытія Польши. Направленіе Общества стало проявляться вскорѣ послѣ его основанія, о немъ заговорили, и предсѣдатель принужденъ былъ опровергнуть ходившіе слухи и прикрыть истинную цѣль дѣйствій. Въ своемъ отчетѣ за первые четыре года существованія Общества, т. е. въ 1805 году, Албертранди хвалилъ осторожность членовъ Общества, но въ частныхъ засѣданіяхъ одобрялись и поощрялись такія сочиненія, которыя само Общество воспрещало читать въ публичныхъ собраніяхъ [1]).

Дальнѣйшія дѣйствія Общества подтверждали догадку, что оно преслѣдуетъ исключительно политическія цѣли. Такъ ксендзъ Сташицъ, бывшій впослѣдствіи предсѣдателемъ Общества, предложилъ въ апрѣлѣ 1806 г. своимъ сочленамъ заняться составленіемъ польской исторіи съ искусствомъ и плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, «чтобы чтеніе оной

---

[1]) Таково сочиненіе Воронича, автора исторической поэмы С и в и л л а, въ которой представлена польская исторія въ патріотическомъ духѣ съ выраженіями оскорбительными для Россіи и союзныхъ съ нею державъ. Въ этой же поэмѣ Суворовъ изображенъ чудовищемъ.

могло восхищать польскихъ юношей и заблаговременно дѣлать въ умѣ и чувствахъ ихъ глубокое впечатлѣніе; чтобы каждый, читая воспоминанія о дѣлахъ своихъ предковъ, пріобрѣталъ къ нимъ и къ самому себѣ уваженіе и чувствовалъ честь называться полякомъ».

Сташицъ предлагалъ Обществу наукъ составить народную книжку изъ стихотворныхъ описаній главнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ подвиговъ поляковъ, ихъ добродѣтелей въ общественной и домашней жизни. Въ образцы такихъ стихотвореній онъ ставилъ поэму Воронича «Сивилла» и Нѣмцевича «Думу Жолкевскаго». Сташицъ желалъ, чтобы къ историческимъ пѣснямъ присоединены были картинки и музыкальныя ноты, ожидая, что такая книжка «заставитъ даже и матерей въ разговорахъ, чтеніи, пѣсняхъ и играхъ безпрестанно твердить дѣтямъ о славныхъ дѣяніяхъ ихъ предковъ».

Нѣсколько позже Общество любителей наукъ приступило къ изданію элементарныхъ книгъ и руководствъ, въ которыхъ каждая страница внушала учащимся довѣріе къ собственнымъ силамъ и храбрости поляковъ, подтрунивала надъ трусостью и безсиліемъ русскихъ и пророчила неизбѣжную гибель Россіи. Такъ грамматика французскаго языка Ломонда, изданная въ переводѣ на польскій языкъ, была вся наполнена прославленіемъ поляковъ и униженіемъ русскихъ. «Въ ней спряженіе, напримѣръ, глагола battre (бить) черезъ всѣ наклоненія и времена проведено было съ такимъ переводомъ: ja biję moskala, ty bijesz moskala, każdy polak bije moskala и пр. [1]).

При распространеніи этихъ книжекъ имѣлось, конечно, въ виду населеніе Галиціи и губерній, присоединенныхъ къ Россіи, жители которыхъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ, и за дѣятельностью Варшавскаго общества наукъ. Съ своей стороны послѣднее употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы возбудить патріотизмъ поляковъ, жившихъ въ Россіи, слить ихъ съ собою и заставить идти къ одной общей цѣли.

Лишь только въ Варшавѣ узнали о предстоящемъ открытіи Кременецкой гимназіи, какъ Общество любителей наукъ отправило туда депутатомъ Яна Лернета, говорившаго тамъ рѣчь отъ имени Общества. Но самою блестящею была рѣчь Чацкаго, исправленная Колонтаемъ, которая дотого воспламенила присутствовавшихъ на открытіи гимназіи, что они, а впослѣдствіи и все польское общество своими пожертвованіями много содѣйствовали благосостоянію гимназіи.

---

[1]) Я бью москаля, ты бьешь москаля, каждый полякъ бьетъ москаля и проч. См. Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“, 1864 г. № 2, Отд. II, стр. 63.

Приведемъ болѣе характерныя мѣста этой рѣчи [1]).

— Рѣдко бываетъ,—сказалъ Чацкій,—такое важное и для всѣхъ пріятное торжество, какъ нынѣшнее. Отцы семействъ единодушно приносятъ пожеланія и прочныя жертвы для счастья потомковъ. Молодежь признаетъ настоящій день за праздникъ надежды для себя и благодарности къ дѣятелямъ будущаго ихъ совершенствованія. Учители, записанные въ число государственныхъ чиновниковъ, усиливаютъ свои обязанности по отношенію къ краю, который становится для нихъ благодѣтельнымъ отечествомъ и мѣстопребываніемъ наукъ. Уважаемый пастырь среди соработниковъ воскуряетъ жертвенное кадило Господу силъ, чтобы религія и нравственность—эти первыя основанія нашихъ установленій, несмотря на смѣну поколѣній, остались постояннымъ наслѣдіемъ народнаго и семейнаго общежитій. Государь, милостиво обратившись къ народу съ искреннимъ словомъ о необходимости хорошаго воспитанія, изъявляетъ теперь благодарность (?) за то, что его старанія превратились въ общественную попечительность, и дѣло царя стало общимъ дѣломъ монарха и народа. Я счастливъ, что, совершая торжественный обрядъ открытія Волынской гимназіи, могу однимъ представленіемъ цѣлей наияснѣйшаго Александра I отдать долгъ его просвѣщенной доблести и вмѣстѣ съ отцами семействъ присутствующей молодежи показать, что постоянное пребываніе въ добродѣтели и расширеніе способности ума создаютъ и сохраняютъ истинное благосостояніе смертныхъ.

Обращаясь къ присутствовавшимъ, Чацкій говорилъ имъ:

— Собравшіеся соотечественники! Почти всѣ вы родились на этой землѣ, имя которой, столько вѣковъ извѣстное міру, вычеркнуто нынѣ изъ числа названій народовъ. На обычной и часто заслуженной дорогѣ судьбы, наши предки испытывали счастье и несчастье; храмъ знаній стоялъ рядомъ со святыней славы во время пребыванія на тронѣ послѣдняго Пяста и рода Ягеллоновъ. Крѣпко стояло хорошее правительство; крѣпко стояли науки... На тронѣ польскомъ угасъ почтенный родъ Ягеллоновъ. Въ періодическихъ потрясеніяхъ мертвѣло правительство... Открылась могила отечества; надъ нею поднялся курганъ. Наши руки не осквернились его насыпкой. Присоединенные къ славянскому народу Екатериной II, великой для Россіи, мы не вѣрили, чтобы заглажено было наше имя. Проходили годы; намъ было обѣщано усовершенствованіе воспитанія, потому что все государство требовало новаго устройства этого дѣла. При Павлѣ I, мы испытали благодѣтель-

---

[1]) О. Крыжановскій „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы Виленскаго университета“ (1803 г.). С.-Петерб., изд. 1899 г., стр. CX—CXXI.

ность: въ дѣлахъ судебныхъ онъ обезпечилъ нашъ языкъ и права нашихъ отцовъ... Но Александръ обратился съ благодѣтельнымъ словомъ къ народу, что онъ хочетъ удержать власть закона и власть просвѣщенія. Государство, составленное изъ разнородныхъ народовъ, вслѣдствіе установленія по дѣламъ образованія единаго правительства, составило нѣкоторымъ образомъ союзъ во имя наукъ и общественной нужды. Среди множества помѣхъ, поднялось Общество друзей наукъ въ Варшавѣ. Оно осмѣлилось высказаться за удержаніе языка въ его чистотѣ и обратилось къ землякамъ: однимъ оно выставляло необходимость совершенствованія, другихъ заохочивало къ тому, чтобы они принесли плоды своей работы. Народъ уже имѣетъ произведенія, которыя принялъ съ уваженіемъ. Тѣмъ болѣе любезны будутъ для насъ связи съ вами, ученые мужи, что ихъ поддержало общее основаніе и общая помощь. Достойные делегаты являются свидѣтелями нашего чувства и распространятъ его среди участниковъ славы. Едва наияснѣйшій монархъ возсѣлъ на тронъ, какъ обратилъ вниманіе на важную сторону воспитанія, обнародовалъ основы просвѣщенія. Установляя распредѣленіе обязанностей министровъ, онъ учредилъ министерство народнаго просвѣщенія и ввѣрилъ его графу Завадовскому, мужу, который занималъ много разныхъ должностей и со множествомъ знаній, которыя пріобрѣлъ, соединяетъ обширныя свѣдѣнія по нашей литературѣ и въ совершенствѣ владѣетъ польскимъ языкомъ.

Не велики выставленныя заслуги графа Завадовскаго, но и эти слова Чацкаго обольстили министра.

«1-го октября я открылъ Волынскую гимназію,—писалъ Ѳ. Чацкій графу Завадовскому [1]). Собравшіеся епископы (латинскіе), опаты (архимандриты), различные по іерархическому чиноположенію священники, губернаторы, предводители дворянства и обыватели двухъ губерній (Волынской и Подольской), участвовали въ настоящемъ великомъ торжествѣ. Всеобщая радость, выраженіе живой признательности, надежда, что наши дѣти достигнутъ высокаго усовершенствованія въ наукахъ, все это вмѣстѣ дѣлало настоящее торжество многознаменательнымъ и для всѣхъ одинаково пріятнымъ. Въ произнесенной мною рѣчи я отдалъ должное просвѣщеннымъ заботамъ вашего сіятельства. Между важнѣйшими, благопріятными условіями для развитія общественнаго просвѣщенія, я поставилъ руководительство вами дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Для нашихъ учрежденій вы изволили оказать свое милостивое содѣйствіе. Позвольте же мнѣ, какъ представителю учебнаго вѣдомства, какъ обывателю этой губерніи (Волынской), выра-

[1]) Въ письмѣ отъ 10 октября 1805 г., „Русское Обозрѣніе“, 1898 г., т. 50, № 4, стр. 630 и 631.

зить вамъ нашу просьбу прислать для Волынской гимназіи свой портретъ. Благодарный ученикъ, даже въ грядущей смѣнѣ поколѣній, пускай взираетъ на образъ министра, котораго имя записано въ дѣяніяхъ Россійскаго государства и въ дѣяніяхъ просвѣщенія Европы».

Русскій министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ Чацкому, что въ Кременцѣ онъ насадилъ сѣмена будущихъ Аѳинъ, сравнивалъ рѣчь его съ рѣчами Геродота, называлъ Чацкаго геніемъ, «который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ музы, умершія въ Аттикѣ», и прибавлялъ: «теките посвоему поприщу, посѣвая науки, благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ предѣлъ, дабы сказать: jam opus exegi (дѣло совершилъ), и услышать къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ позднее потомство nomenque erit indelibile vestrum (имя твое будетъ неизгладимо, незабвенно)».

Обѣщая послать свой портретъ, гр. Завадовскій просилъ, чтобы онъ былъ поставленъ подъ портретомъ Чацкаго, «коимъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ этомъ отношеніи: et de plenitudine ejus nos omnes accepimus (и отъ полноты его мы всѣ восприняли)».

Такимъ образомъ Гомеръ и геній сдѣлали свое дѣло и, читая рѣчь Чацкаго, графъ Завадовскій не видѣлъ, что визитаторъ, прославляя Польшу, хваля Александра и его, въ то же время укорялъ Россію, что она убила Польшу и уничтожила науки. Завадовскій не видѣлъ, что дѣятельность Чацкаго направлена исключительно къ тому, чтобы, подъ покровительствомъ науки, полонизировать край и подготовить въ будущемъ политическихъ дѣятелей къ возстановленію Польши. Отвѣчая на лесть лестью, гр. Завадовскій прикрылъ своимъ именемъ Чацкаго и благословилъ дальнѣйшую его дѣятельность въ этомъ направленіи.

Основатель Кременецкой гимназіи не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ для ея процвѣтанія. Онъ собиралъ пожертвованія, приглашалъ лучшихъ преподавателей, образъ мыслей которыхъ давалъ ему увѣренность на возможность осуществленія его видовъ. Самъ Чацкій пожертвовалъ гимназіи свою обширную библіотеку и купилъ для нея библіотеку короля Станислава Августа за 7.500 червонныхъ злотыхъ [1]). Сверхъ того, онъ успѣлъ выпросить у императора Александра субсидію на содержаніе гимназіи и доходы съ Кременецкаго староства, бывшаго до того въ пожизненномъ владѣніи князя Сангушки. Наконецъ, русскіе монахи (уніаты-базиліане) должны были отдать для помѣщенія гимназіи весь свой монастырь въ Кременцѣ, а сами помѣстились въ монастырѣ ксенд-

[1]) Еще до раздѣла Польши, въ письмѣ бывшему польскому королю Станиславу Августу, Чацкій выразилъ свое желаніе быть исторіографомъ Польши и выпросилъ у короля драгоцѣнное собраніе рукописей, относившихся къ исторіи Польши и стоившихъ (по словамъ Осинскаго) королю болѣе 30.000 червонныхъ злотыхъ.

зовъ реформаторовъ [1]). Для училищъ Виленскаго учебнаго округа Чацкій успѣлъ выхлопотать, изъ доходовъ и процентовъ поіезутскихъ имѣній и капиталовъ, фундушъ въ 2.350.000 польскихъ злотыхъ, или 352.500 руб.

Приготовивъ книгу для записыванія пожертвованій на Кременецкую гимназію, Чацкій явился въ дворянское собраніе и произнесъ горячую патріотическую рѣчь, въ которой высказалъ, что собираетъ деньги «для сохраненія дорогаго наслѣдства — языка своихъ единоплеменниковъ». Еще ранѣе, а именно 20-го октября 1803 года, онъ явился на съѣздъ духовенства въ Луцкѣ съ такою же рѣчью и приглашеніемъ къ пожертвованіямъ. Они сыпались щедрою рукою, и въ короткое время Чацкій собралъ 415.720 польскихъ злотыхъ или 62.358 рублей.

При помощи пожертвованій и щедротъ монарха, учебныя заведенія Виленскаго округа благоденствовали, тогда какъ русскія гимназіи нуждались во многомъ. Къ сожалѣнію, отпускаемыя средства шли на учрежденія, открыто служившія польскимъ интересамъ и польскому дѣлу.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Воспоминанія о Волыни. И. Кульжинскій. «Вѣстникъ Западной Россіи». 1865—1866 г. № 2. Отд. IV, стр. 131.

Извѣтъ на „Московскій Вѣстникъ“ и его сотрудниковъ [1]).

30-го декабря 1827 г.

Въ С.-Петербургъ прибылъ изъ Москвы издатель «Московскаго Вѣстника» Погодинъ. Онъ только по имени издатель, на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма. Главные начальники сей редакціи суть: Соболевскій, Титовъ, Мальцовъ, Полторацкій, Шевыревъ, Рагозинъ и еще нѣсколько истинно бѣшеныхъ либераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ (Мальцовъ и Соболевскій) дали деньги на поддержаніе журнала и платятъ Пушкину за стихи. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ввести политику въ этотъ журналъ. На 1828 годъ они намѣревались издавать политическую газету, но какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ представить своихъ сочиненій, какъ повелѣно цензурнымъ уставомъ, то они выписали сюда Погодина, чтобы онъ снова отъ своего имени просилъ позволенія ввести политику.

Погодинъ человѣкъ чрезвычайно искательный. Онъ, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты Академіи Наукъ и теперь покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ, которую намѣренъ редижировать Титовъ и Полторацкій. Погодинъ не имѣетъ вліянія на сихъ молодыхъ людей и состоитъ у нихъ въ зависимости, потому что они богаты и смѣлы, а онъ бѣденъ, безъ имени и робокъ. Сіи юноши не пишутъ ничего литературнаго, почитая сіе недостойнымъ себя, и занимаются однѣми политическими науками. Образъ мыслей ихъ, рѣчи и сужденія отзываются самымъ явнымъ карбонаризмомъ. Соболевскій и Титовъ (служащій въ Иностранной Коллегіи) суть самые худшіе изъ нихъ. Собираются они у князя Владиміра Одоевскаго, который слыветъ между ими философомъ, и у Мальцова.

---

[1]) Записка, писанная рукою фонъ-Фока, но безъ подписи.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

Превратность судьбы игумены Митрофаніи, сначала блестящее свѣтское положеніе, потомъ подвиги молитвы и благотворительности и наконецъ заключеніе ея подъ стражу въ свое время возбудили большой интересъ и разнорѣчивые толки въ обществѣ. Тѣмъ интереснѣе читателямъ ознакомиться съ ея записками, которыя она не желала печатать при своей жизни и окончила за два дня до смерти.

I.

Родители.—Дѣтство и отрочество.—Назначеніе генерала барона Г. В. Розена главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Жизнь въ Тифлисѣ.—Императоръ Николай I на Кавказѣ.—Лишеніе князя Дадіана званія флигель-адъютанта и отправленіе его въ Бобруйскую крѣпость.—Назначеніе барона Розена сенаторомъ въ Москву.—Его кончина.

Въ 1812 году, 18-го февраля, отецъ мой баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ I, любимецъ императора Павла Петровича, женился на матери моей фрейлинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ, урожденной графинѣ Зубовой. Вѣнчаніе ихъ совершалось въ Малой Дворцовой церкви. Посаженнымъ отцомъ былъ самъ государь, а посаженною матерью лично сама императрица. До меня было у родителей моихъ два сына и три дочери. Старшаго, Александра, крестилъ въ декабрѣ 1812 года государь, втораго, Дмитрія, крестила императрица Марія Ѳеодоровна, старшую сестру, Лидію, крестилъ лично также на квартирѣ моихъ родителей

императоръ Александръ I. Послѣ того отецъ уже не жилъ постоянно въ С.-Петербургѣ [1]); служебныя его обязанности требовали разъѣздовъ, и вотъ по этой причинѣ, я родилась 15-го ноября 1825 года въ Москвѣ, въ бывшемъ домѣ Дмитріева, противъ Страстнаго монастыря, за три дня до кончины императора Александра I.

Въ то время отецъ мой былъ генералъ-адъютантъ [2]), а мать моя кавалерственною дамою ордена Св. Екатерины малаго креста. Тотъ и другая были любимцами въ бозѣ почившаго императора Александра I и императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1826 году, отецъ мой получилъ назначеніе въ городъ Митаву [3]), куда и перевезъ свое семейство. Я въ то время была еще у кормилицы, и моя странническая жизнь началась съ самыхъ пеленокъ. Въ концѣ 1827 года отецъ получилъ новое назначеніе [4]), и мы переѣхали въ Бѣлостокъ, гдѣ помѣщеніе было дано намъ во дворцѣ великаго князя Константина Павловича. Во время пребыванія нашего въ Бѣлостокѣ, мать сама начала учить меня грамотѣ по-русски. Жила я отдѣльно отъ сестеръ, и кормилица моя оставлена была при мнѣ няней. Куколъ я не любила и играла съ ними только по приказанію матери; мнѣ было гораздо веселѣй играть въ другія какія-либо игры, бѣгать въ саду, кормить лебедей и т. п. Жизнь нашу въ Бѣлостокѣ я помню хорошо, помню дѣда моего графа Дмитрія Александровича Зубова, въ то время жившаго съ нами, помню его ласку и баловство.

Такъ провела я первые четыре года моей жизни. Въ началѣ 1830 года, мы пріѣхали въ С.-Петербургъ и жили въ Таврическомъ дворцѣ. Къ матери моей много разъ пріѣзжалъ императоръ Николай Павловичъ, часто присылалъ ей фрукты и цвѣты изъ оранжереи того дворца; помню, какъ не разъ монархъ бралъ меня на руки, сажалъ на плечо, ласкалъ и игралъ со мной. Мать моя возила насъ во дворецъ играть съ великими княжнами, Маріей, Ольгой и Александрой Николаевнами. Въ то время была въ С.-Петербургѣ холера, и я помню нашу общую радость, когда мы выѣхали изъ С.-Петербурга. Отецъ мой былъ назначенъ въ то время главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ [5]). По пути въ Тифлисъ останавливались на короткое время во всѣхъ городахъ. Въ Воронежѣ,

---

[1]) 11-го мая 1821 года баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ начальникомъ 15-ой пѣхотной дивизіи. Ред.

[2]) Назначенъ генералъ-адъютантомъ 20-го февраля 1818 г. Ред.

[3]) 22-го августа 1826 года баронъ Розенъ былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса и произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Ред.

[4]) 27-го октября 1827 года баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Ред.

[5]) 13-го сентября 1831 г. баронъ Г. В. Розенъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, управляющимъ гражданскою частью и пограничными дѣлами Грузіи и Армянской области. Ред.

ѣздили въ Митрофаніевъ монастырь поклониться гробу св. Митрофанія, мощи котораго тогда еще не были открыты; посѣтили съ матерью преосвященнаго Антонія, въ то время бывшаго архіепископомъ воронежскимъ.

10-го ноября мы были на вершинахъ величественныхъ Кавказскихъ горъ. Оказалось, что ѣхать дальше было невозможно: наканунѣ нашего пріѣзда въ мѣстечкѣ Коби произошелъ снѣжный обвалъ, и для проѣзда нужно было расчищать дорогу. Другаго помѣщенія, кромѣ горской сакли для насъ и всей свиты не было. Десять дней пробыли мы тамъ, ѣли пловъ и шашлыкъ, приготовленные грузинами, слушали грузинскія пѣсни, любовались на величественную природу. 15-го ноября, день моего рожденія, мы праздновали въ Коби, и это празднество навсегда осталось въ моей памяти. Я очень плакала, что не было съ нами отца, котораго очень любила и который меня всегда баловалъ. 20-го мы выѣхали далѣе, благополучно переѣхали черезъ хребетъ Кавказскихъ горъ и 23-го числа пріѣхали въ Тифлисъ. Съ этого времени я росла уже подъ кавказскимъ синеголубымъ небомъ, наслаждаясь великолѣпною природою и всевозможною роскошью растительнаго царства на Кавказѣ.

Мы жили въ такъ называемомъ дворцѣ, помѣщенія или комнаты котораго были великолѣпны, какъ по громадности зданія, такъ и по роскошной, совершенно европейской отдѣлкѣ комнатъ. Изъ оконъ дворца видны были Эльбрусъ и Казбекъ,—ледяныя вершины которыхъ рѣзко отдѣлялись отъ синеголубаго, всегда почти безоблачнаго неба. Вокругъ дворца была устроена великолѣпная терраса, украшенная цвѣтниками и виноградными бесѣдками. На этой террасѣ въ часы отдохновенія отецъ мой приходилъ посидѣть съ нами. Другаго отдыха онъ никогда не искалъ и любилъ насъ дѣтей до того, что не могъ никогда выпить чашку чаю безъ того, чтобы кого-нибудь изъ насъ не было бы съ нимъ. Неутомимые его труды всегда поражали меня, и я съ дѣтства съ любопытствомъ слѣдила за всѣми его служебными дѣйствіями. Въ часы неклассные, я вмѣсто разныхъ игръ, которыя мнѣ предлагались, спѣшила въ кабинетъ отца, садилась около него и засыпала пескомъ бумаги, имъ подписываемыя, или приводила въ порядокъ его письменные столы; все это дѣлала я очень аккуратно, и потому отецъ не препятствовалъ мнѣ въ томъ. Когда передъ обѣдомъ онъ ложился отдыхать, моею обязанностію было разбудить его, подать сюртукъ и выйти съ нимъ къ обѣду, къ которому всегда собирались кромѣ нашей многочисленной семьи человѣкъ двадцать изъ служащихъ. Послѣ обѣда и весь вечеръ проводила я съ матерью, которая въ свою очередь очень любила меня. Сестры мои занимались разными рукодѣліями, а меня всѣ и всегда видѣли только съ карандашемъ въ рукѣ. Съ 7-ми лѣтняго возраста, самоучкой, я писала карандашемъ портреты всѣхъ посѣтителей и такъ удачно, что тогда

же для меня взяли учителя рисованія. Съ тѣхъ поръ это занятіе было для меня самое пріятное и впослѣдствіи оказалось мнѣ болѣе чѣмъ полезнымъ.

Кавказъ, этотъ чудный край, эта роскошная природа, этотъ народъ, въ то время еще далеко неразвитой, но честный, любящій правду и отчизну, были какъ-бы моими воспитателями. Я росла подъ этимъ небосклономъ, и какъ душевныя, такъ равно и физическія силы развивались во мнѣ быстрѣй, чѣмъ у жителей сѣвера. Четырнадцати лѣтъ я была болѣе развита, нежели развилась бы на сѣверѣ въ 18-ть. Я такъ свыклась съ Кавказомъ, что онъ сдѣлался для меня второю родиной.

По посту, который занималъ отецъ, мы имѣли лучшихъ учителей и учительницъ, преимущественно изъ Швейцаріи. Законоучителемъ моимъ былъ ректоръ Тифлисской духовной семинаріи, архимандритъ Сергій, прочіе учители были также изъ людей высшаго образованія.

Всѣмъ извѣстна обстановка дворца намѣстника Кавказа. При всѣхъ входахъ и выходахъ стояли часовые, которые смѣнялись, въ самый жаръ, когда знойное кавказское солнце заставляетъ всѣхъ укрываться въ своихъ домахъ, закрывать ставни и сидѣть въ полумракѣ, лишь бы только укрыться отъ лучей его. Въ эти самые часы отъ 12-ти до 2-хъ отецъ мой выходилъ изъ дворца и, остановившись у перваго часоваго, своими руками разстегивалъ мундиръ и приказывалъ ему передать слѣдующему, чтобы и тотъ сдѣлалъ то же. Больныхъ, не только офицеровъ, но и солдатъ онъ посѣщалъ очень часто въ госпиталяхъ. Съ каждымъ бывало поговоритъ, каждаго утѣшитъ, спроситъ, нѣтъ ли у него какихъ нуждъ, гдѣ его родные и т. п. Неимущимъ давалъ потихоньку деньги для отправки въ Россію, женѣ или дѣтямъ. Офицеры имѣли къ нему всегда прямой доступъ, и его кошелекъ былъ открытъ для каждаго изъ нуждающихся. Дѣлами собственными онъ пренебрегалъ, родовое имѣніе свое въ Орловской губерніи совершенно оставилъ безъ наблюденія и радъ былъ, что мужички поправляются. Онъ былъ добръ до чрезвычайности, и никогда я не слыхала изъ устъ родителей ни одного браннаго слова. Отецъ мой и къ слугамъ обращался съ ласковою просьбою и въ то время иначе не говорилъ имъ, какъ: «другъ мой, прошу тебя, сдѣлай то-то или то-то».

Мать моя съ своей стороны также любила творить тайную милостыню и трудиться собственноручно для украшенія св. храмовъ. Ни одинъ воскресный или праздничный день не оставался безъ хожденія въ св. храмъ. Во дворцѣ мать моя устроила домовую церковь и вышила собственноручно всю ризницу; св. иконы писала моя старшая сестра Лидія, впослѣдствіи вышедшая замужъ за князя Дадіана [1]); хоръ пѣвчихъ со-

[1]) Князь Александръ Леоновичъ Дадіани родился въ 1801 г. въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Начавъ службу въ Преображенскомъ

ставленъ былъ изъ черноморскихъ казаковъ и настолько былъ строенъ, что и доселѣ звучитъ въ ушахъ моихъ ихъ чудный напѣвъ и голоса. Любимый псаломъ матери моей былъ: «Боже, во имя Твое спаси мя». Этотъ псаломъ часто заставляла она пѣть нашихъ пѣвчихъ. Почетный караулъ главнокомандующаго состоялъ изъ линейныхъ и черноморскихъ казаковъ и князей разныхъ грузинскихъ фамилій; всѣ они верхомъ сопровождали парадные выѣзды наши. Нѣсколько араповъ въ турецкихъ костюмахъ составляли также не малое украшеніе свиты. Описываю все это, ибо эта обстановка немаловажна въ отношеніи и къ моей жизни.

Боевыя и административныя заслуги отца вызвали зависть главнѣйше со стороны министровъ, передъ честолюбіемъ которыхъ онъ не преклонялся. Онъ отказался исполнить предложеніе военнаго министра графа Чернышева воспользоваться Сальянскими рыбными откупами и дѣлиться съ нимъ.

— Я служу царю и отечеству,—сказалъ отецъ посреднику Чернышева,—а не его министрамъ, самъ не пользуюсь и другимъ не позволю.

Въ 1835 году отецъ повезъ государю самъ въ Петербургъ свой отчетъ по управленію краемъ и одновременно пригласилъ его посѣтить Кавказъ, достаточно уже покоренный.

Императоръ Николай I былъ такъ доволенъ отчетомъ, что приказалъ разослать его всѣмъ министрамъ и велѣлъ имъ явиться къ отцу какъ главнокомандующему, хотя многіе были старше его по службѣ. Обиженные дѣйствіями государя, они начали ему мстить и временемъ къ тому избрали путешествіе императора на Кавказъ.

Подъ видомъ необходимо нужной подготовки для пріема его величества, для осмотра войскъ и проч., была, по предложенію графа Чернышева, назначена коммиссія и послана къ отцу какъ бы для помощи, а между тѣмъ этой коммиссіи дана была тайная инструкція съ направленіемъ на шпіонство.

Мѣсяцевъ за шесть до пріѣзда государя пріѣхалъ въ Тифлисъ флигель-адъютантъ Катенинъ и сенаторъ баронъ Ганъ. Принятые у насъ какъ родные, они постоянно говорили, насколько государь будетъ восхищенъ краемъ, порядкомъ и войсками. Послѣ каждаго ученія Катенинъ приходилъ въ восхищеніе. Онъ былъ по службѣ товарищемъ мужа сестры, князя Дадіана, такъ какъ оба служили въ Преображенскомъ полку, которымъ командовалъ въ 1820-хъ годахъ мой отецъ, и оба

полку въ 1817 г., онъ въ чинѣ поручика назначенъ былъ адъютантомъ къ графу Паскевичу, при которомъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1826—1829 гг., а также находился въ экспедиціяхъ 1830—1832 гг. противъ горцевъ. Въ 1829 году Дадіани былъ произведенъ въ полковники, назначенъ флигель-адъютантомъ и въ томъ же году командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка. Ред.

были флигель-адъютантами. Этотъ-то Катенинъ и былъ орудіемъ несчастія нашей семьи.

Въ 1837 году государь прибылъ на Кавказъ. Отецъ выѣзжалъ къ нему на встрѣчу на самую границу края, и послѣ переправы черезъ Кавказскія горы пріѣхалъ въ Тифлисъ впередъ для приготовленія и встрѣчи императора. Государь не хотѣлъ заѣзжать въ Сіонскій соборъ, встрѣчи за городомъ не дозволилъ, а назначилъ ее въ домѣ главнокомандующаго, такъ называемомъ «Дворцѣ».—Выходя изъ коляски, онъ обнялъ отца и сказалъ:

— Я не хотѣлъ заѣзжать въ соборъ, но заѣхалъ, чтобы поблагодарить Господа за то, что я у тебя встрѣтилъ. Скажи женѣ твоей, что черезъ часъ буду у нея.

Вотъ первый привѣтъ монарха, вотъ впечатлѣніе, произведенное на него при въѣздѣ въ Тифлисъ. На другой день былъ назначенъ парадъ нѣсколькимъ полкамъ, и въ томъ числѣ Эриванскому князя Паскевича полку, которымъ командовалъ князь Дадіанъ, мужъ сестры моей. Тутъ-то и пошла въ дѣйствіе тайная работа шпіоновъ, присланныхъ, чтобы потопить отца. Въ день пріѣзда государя ему сдѣланъ былъ доносъ о злоупотребленіяхъ, будто бы со стороны моей матери, относительно гордаго обхожденія и вмѣшательства въ дѣла по управленію, чрезъ что, конечно, веселое и доброе расположеніе царя помрачилось [1]). Передъ самымъ парадомъ, та же коммиссія донесла, что будто бы князь Дадіанъ злоупотребляетъ въ свою пользу солдатами Эриванскаго карабинернаго полка и что онъ для нихъ представляется тиранномъ. Государь въ такомъ настроеніи духа выѣхалъ на парадъ. Между тѣмъ тѣ же доносчики, будто бы по дружбѣ, предупредили моего зятя и дали дружескій совѣтъ сказаться больнымъ и на парадъ не являться. Отецъ ничего не зналъ, былъ увѣренъ, что зять получитъ благодарность, ибо это былъ лучшій въ Грузіи полкъ. Царь выѣхалъ на парадъ. Ему доложили о болѣзни князя Дадіана, но государь приказалъ его привезти. Когда князь явился, то государь въ порывѣ гнѣва и въ глазахъ моего отца приказалъ губернатору генералу Брайко снять съ Дадіана эксельбантъ, а самого его отправить въ Бобруйскую крѣпость для производства слѣдствія. Въ то же время и тотъ же эксельбантъ государь надѣлъ собственноручно на старшаго брата моего Александра, пріѣхавшаго въ отпускъ изъ Петербурга.

— Гдѣ гнѣвъ,—сказалъ государь,—тамъ и милость. Это будетъ мой новый рекрутъ.

Возвратившись во дворецъ, онъ сейчасъ же прислалъ моей сестрѣ Софьѣ, генеральшѣ Аладьиной, тогда еще дѣвицѣ, фрейлинскій вензель.

---

[1]) Срав. „Русскую Старину“ 1884 г., № 8, стр. 391—395.

Описывать, какъ были приняты и встрѣчены эти двѣ одновременныя милости, нечего. Отецъ мой былъ убитъ этимъ случаемъ; неожиданность онаго была причиной ранней его могилы. Сестра, бывшая только два года замужемъ, осталась одна, князя увезли съ фельдъегеремъ въ тотъ же день. Мать наша была убита, и вся семья была въ слезахъ, но вечеромъ былъ назначенъ во дворцѣ у насъ балъ, который открылъ государь съ маменькой, потомъ прошелъ польскій съ двумя моими незамужними сестрами, у которыхъ глаза были распухши отъ слезъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ государемъ въ Тифлисѣ, сопровождались празднествами, отравленными вышеописаннымъ случаемъ, потому что весь край любилъ отца моего, и горе семьи ясно отражалось на всѣхъ жителяхъ Тифлиса [1]).

---

[1]) Достовѣрность этого семейнаго преданія остается конечно по отвѣтственности игумены Митрофаніи, но редакція не можетъ не упомянуть, что въ „Русской Старинѣ“ 1884 г, № 8, стр. 391—395, событіе это разсказано нѣсколько иначе, а именно:

„Съ перваго дня вступленія на почву Закавказья императоръ Николай относился къ барону Розену вполнѣ благосклонно и милостиво, но съ пріѣздомъ въ Тифлисъ судьба его была рѣшена. Причиною царскаго гнѣва былъ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя высочайше учрежденной коммиссіи по образованію мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій и, какъ гласила народная молва, добивавшійся быть переименованнымъ въ военный чинъ для полученія званія корпуснаго командира. Онъ сдѣлалъ доносъ государю на вопіющія злоупотребленія зятя барона Розена, флигель-адъютанта полковника кн. Дадіани, въ то время командира Эриванскаго карабинернаго полка.

„Выслушавъ сенатора Гана, государь обратился къ присутствовавшему при докладѣ барону Розену и сказалъ: „поступи съ Дадіани какъ родственникъ и начальникъ“. Когда же Розенъ призналъ весь докладъ сенатора клеветою, то Ганъ вынулъ изъ портфеля и представилъ его величеству подлинный всеподданнѣйшій отчетъ кн. Палавандова съ исправленіями и помарками барона, какъ краснорѣчивое свидѣтельство, что губернаторъ лишенъ правъ доносить истину своему государю.

„Государь взялъ отчетъ и, обращаясь къ Розену, спросилъ:

— Почеркъ твой?

„Розенъ поблѣднѣлъ и сознался.

— Ну, произнесъ императоръ, этого я не прощу.

„Между тѣмъ въ тотъ же день былъ назначенъ разводъ отъ 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка. Онъ происходилъ на Мадатовской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи кн. Барятинскимъ былъ устроенъ Александровскій садъ—одно изъ лучшихъ украшеній города. Еще съ ранняго утра жители густыми массами начали стекаться къ площади, чтобы быть личными свидѣтелями готовившагося зрѣлища. Семейства же барона Розена и князя Дадіани помѣстились на балконѣ выходившаго фасадомъ на площадь дома полковника Беглярова, главнаго переводчика при корпусномъ командирѣ.

„Но вотъ вдали показался государь императоръ, окруженный большою

Проводивши государя до границы, мой отецъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь принялъ, но былъ очень недоволенъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ отставки ему не далъ, но до поправленія здоровья назначилъ его сенаторомъ въ Москву, приказавъ управлять краемъ до новаго назначенія и пріѣзда преемника. Тутъ, съ того именно дня отецъ получилъ легенькій ударъ, т. е. въ день разжалованія мужа моей сестры, но это прошло очень скоро, онъ почувствовалъ головокруженіе, и принятыя во-время средства на время отстранили болѣзнь, которая впослѣдствіи развилась на столько, что въ Москвѣ онъ былъ разбитъ параличемъ и до самой смерти не владѣлъ ни рукою, ни ногою. Не помогли ему и царскіе врачи, присылаемые государемъ для наблюденія за его здоровьемъ. Сестра моя, на третій день послѣ увоза мужа, поѣхала за нимъ и жила въ Бобруйскѣ два года во время слѣдствія и суда. Князь Дадіанъ былъ осужденъ, разжалованъ и сосланъ

свитою и быстро приближавшійся къ площади. Еще нѣсколько минутъ, и громкое, восторженное „ура“ разнеслось по площади, въ отвѣтъ на милостивое царское привѣтствіе.

„Когда все смолкло, государь могучимъ повелѣвающимъ голосомъ произнесъ:

— Розенъ!..

„При этомъ словѣ толпа вдругъ отхлынула отъ площади и вмигъ разсыпалась по ближайшимъ улицамъ, откуда нѣсколько спустя, опять, хотя и боязливо, начала собираться къ прежнему мѣсту. Причиною обуявшей всѣхъ зрителей паники было то, что имъ вмѣсто Розенъ послышалось розогъ.

„Розенъ приблизился къ государю. Вслѣдъ за нимъ его величество потребовалъ кн. Дадіани. Окинувъ его грознымъ величественнымъ взоромъ, императоръ въ самыхъ сильныхъ и строгихъ выраженіяхъ началъ высказывать противъ него свое крайнее неудовольствіе, упомянувъ, что флигель-адъютанты обращаются въ подрядчиковъ, эксплоататоровъ, что они не поддерживаютъ царскаго къ нимъ довѣрія, унижая свое высокое званіе, и кончилъ тѣмъ, что приказалъ генералъ-лейтенанту Брайко снять съ кн. Дадіани эксельбанты и передать ихъ молодому Розену. Вмѣстѣ съ Розеномъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ баронъ Врангель, впослѣдствіи столь видный кавказскій дѣятель. Затѣмъ, обратившись снова къ Дадіани, государь грозно произнесъ: „Въ Бобруйскъ“. Осужденный тотчасъ же былъ посаженъ на заранѣе приготовленную для него тройку и въ сопровожденіи жандарма отправленъ по назначенію. Ему разрѣшили только проститься съ женою, которую онъ засталъ въ обморочномъ состояніи, вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ всего случившагося.

„Во все время этой раздирающей сцены престарѣлый и убитый горемъ Розенъ стоялъ около императора и, прильнувъ головой къ царской груди, обливался горькими слезами.

„Когда все было кончено, государь пропустилъ баталіонъ церемоніальнымъ маршемъ, простился съ солдатами и, сѣвъ въ коляску, поѣхалъ въ военный госпиталь.

въ Вятку [1]), но во вниманіе заслугъ отца изъ Вятки возвращенъ черезъ два мѣсяца съ разрѣшеніемъ жить въ имѣніи отца, для чего и куплена была подмосковная [2]), гдѣ семья его и онъ прожили до восшествія на престолъ императора Александра Николаевича, который въ день священнаго коронованія въ 1856 году возвратилъ князю Дадіану чинъ полковника, ордена и княжество, а его сыновей пожаловалъ пажами. Это было въ 1855 году, а отецъ мой скончался въ 1841 году 20 августа [3]), не дождавшись въ моментъ разжалованія милости.

По внимательному расположенію императора Николая мы жили въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ отецъ мой и умеръ, какъ истинный христіанинъ, лишенный послѣдніе дни владѣнія языкомъ. Онъ мирно и сознательно перешелъ въ вѣчность. Трогательно было видѣть сочувствіе къ нему всѣхъ старыхъ сослуживцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Одни вспоминали его заслуги на поляхъ Бородинскихъ, Кульмскихъ и подъ Краснымъ; другіе—подъ Варшавою, Ромарино, третьи—его подвиги на Кавказѣ и проч. и проч. Старые преображенскіе солдаты, которые служили съ нимъ во время командованія полкомъ, дежурили у гроба. Сопровождавшая его тѣло толпа была многочисленна и состояла изъ нищихъ, бѣдныхъ и старыхъ инвалидовъ. Передъ погребеніемъ тѣла отца священникомъ того прихода, гдѣ его отпѣвали, отцомъ Стефаномъ было сказано прочувствованное слово.

Послѣ погребенія болѣе 6-ти недѣль на его могилѣ дежурилъ іеромонахъ, такъ какъ весьма часто приходили и пріѣзжали посторонніе лица для поклоненія его праху и служенія о немъ панихидъ. Вотъ памятникъ, который послѣ себя оставилъ доблестный герой 1812 года и любвеобильный отецъ, какъ своей семьи, такъ и всѣхъ бѣдныхъ. Послѣ 45-ти-лѣтняго служенія своего, онъ ничего другаго не пріобрѣлъ, какъ доброе и честное имя, оставивъ до 200 т. рублей долгу. Императоръ Николай приказалъ уплатить всѣ долги отца, пожаловалъ матери моей 5 т. рублей пенсіи, а я была назначена фрейлиною высочайшаго двора. Даниловъ монастырь, гдѣ погребенъ былъ отецъ, сталъ любимымъ нашимъ прибѣжищемъ, и могила отца привлекала всѣхъ насъ къ себѣ. Такъ провели мы первый траурный годъ, но память его и доселѣ живетъ въ насъ, и благословеніе его не оставляетъ семью нашу.

---

[1]) По высочайше утвержденной конфирмаціи Дадіани былъ лишенъ орденовъ, чиновъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и, вмѣнивъ ему трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправленъ на безвыѣздное пребываніе въ Вятку.

[2]) Срав. „Русскую Старину“ 1884 г., № 8, стр. 391—395.

[3]) Въ формулярномъ спискѣ показано, что баронъ Г. В. Розенъ скончался 6-го августа 1841 г. Ред.

II.

Свѣтская жизнь въ Москвѣ.—Поѣздки въ Воронежъ.—Епископъ Антоній.—Посѣщенія старицъ и монахинь.—Писаніе иконъ.—Митрополитъ Филаретъ и его характеристика. — Посѣщеніе тюремъ. — Поступленіе въ Алексѣевскій монастырь.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти отца, какъ братъ Александръ женился, а послѣ окончанія траурнаго года, т. е. 1842 года сентября 8-го, вышла замужъ сестра моя Софія за генерала Аладьина. Лѣтомъ 1842 года нанимали мы дачу въ селѣ Останкинѣ подъ Москвою, и въ это время я видѣла странный сонъ—именно двухъ ангеловъ въ облакахъ съ золотыми кудрями, дивной красоты, въ бѣлыхъ одеждахъ, препоясанныхъ голубыми орарями и держащихъ надъ собою икону Тихвинской Богоматери. Сонъ этотъ меня поразилъ. Проснувшись, я услышала благовѣстъ. Это былъ воскресный день, и я пошла подъ благотворнымъ вліяніемъ этого сна къ обѣднѣ. Входя въ храмъ, вижу именно надъ входною дверью то самое изображеніе, которое видѣла во снѣ, но только ангелы не имѣли той дивной небесной красоты.

Послѣ свадьбы сестры моей, мы остались у матери въ домѣ двое, именно сестра моя Аделаида и я. Жена брата Александра умерла, онъ отправился служить на Кавказъ, братъ Дмитрій вышелъ въ отставку. Старшая сестра моя любила жизнь уединенную, всѣ свѣтскія удовольствія были ей въ тягость; меня же напротивъ все занимало, и я пользовалась всѣми удовольствіями, которыя свойственны были моимъ лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Лѣто проводили мы всегда или въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ имѣли свою собственную дачу, или ѣздили въ имѣніе матери въ Ковенской губерніи, которое она наслѣдовала послѣ отца ея графа Дмитрія Александровича Зубова, роднаго брата князя и графа Зубовыхъ, извѣстныхъ бояръ временъ Екатерины II-ой. Богатство ихъ перешло все братьямъ ихъ, дѣду моему и брату его графу Николаю Александровичу Зубову, женившемуся на дочери князя Суворова. Эта графиня Наталья Александровна Зубова была моей крестной матерью, и такъ какъ меня особенно любила, то передала матери моей капиталъ какъ приданое при выходѣ моемъ замужъ. Такъ какъ я отъ брачной жизни отказалась, то этотъ капиталъ передала мнѣ мать моя, въ то время, когда убѣдилась въ непреклонномъ моемъ желаніи окончить дни жизни моей въ монастырѣ. Но объ оставленномъ мнѣ капиталѣ мать скрывала, до времени, и дала мнѣ заповѣдь не объявлять о немъ, потому что такова была воля въ то время уже умершей моей крестной матери.

Зимою бывали мы въ Петербургѣ и приглашаемы были всегда на придворные вечера, въ Зимнемъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ и Пе-

тергофѣ; равно приглашаемы были къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая всегда любила при встрѣчѣ съ нами вспоминать о дѣтствѣ нашемъ. Императоръ всегда вспоминалъ о заслугахъ отца моего и съ участіемъ относился ко всему нашему семейству. Когда царская фамилія пріѣзжала въ Москву, то я всегда была въ числѣ фрейлинъ, дежурившихъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая особенно милостиво относилась ко мнѣ. Я помню, что не разъ приходилось мнѣ играть въ лото и другія игры съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, когда они были еще молодыми.

Такъ прошло 6-ть лѣтъ. Болѣзни и старость лишили мать мою возможности сопровождать меня на всѣ выѣзды, и я, бывши очень дружна съ дочерьми князя Николая Ивановича Трубецкаго, а въ особенности съ дочерью его Всеволожскою, выѣзжала вмѣстѣ съ ними. Но, несмотря на свѣтскую жизнь и на то, что мать моя для моего утѣшенія принимала у себя и давала часто рауты и балы, на которыхъ бывало все аристократическое общество Москвы, мы находили время ежегодно ѣздить съ нею на богомолье въ Троицкую лавру и въ Воронежъ на поклоненіе св. мощамъ святителя Митрофанія и бесѣдовать съ великимъ іерархомъ церкви нашей, преосвященнымъ епископомъ Антоніемъ. Назидательное его слово дѣйствовало всегда благотворно на всѣхъ насъ. Онъ скончался въ 1848 году 20-го декабря. Вѣсть о кончинѣ его была для всего семейства нашего великою скорбію. Онъ любилъ насъ, какъ дѣтей своихъ, а мы чтили его, какъ отца, и руководились его наставленіемъ. Его святительскому руководству обязана я тѣмъ, что, пользуясь свѣтскими удовольствіями, я не увлекалась ими, но находила время для посѣщенія храма Божія во всѣ праздники, субботніе и воскресные дни. Примѣръ сестры моей, ея набожность и высокія христіанскія добродѣтели имѣли также на меня вліяніе. Я всегда думала объ исполненіи моихъ обязанностей въ отношеніи къ матери болѣе, чѣмъ объ увеселеніяхъ свѣтскихъ, любила серьезныя занятія, чтеніе и въ свободное время занималась живописью. Я была любимою ученицею извѣстнаго мариниста Айвазовскаго, посѣщала его мастерскую, и онъ посѣщалъ меня часто.

Такого рода занятія конечно возвышали душу, и мірскія пустыя мечты не имѣли мѣста въ тогда еще юной головѣ моей. Я не была противъ замужества, но не искала его, а была разборчива въ выборѣ, потому что сознавала всю святость брака, всю высокую и отрадную обязанность матери и жены; я не раздѣляла мнѣнія, что дѣвицѣ нужно непремѣнно выйти замужъ, но была того убѣжденія, что, разъ давши обѣтъ передъ алтаремъ, нужно быть не клятвопреступницей, а вѣрною исполнительницей данныхъ предъ Богомъ обѣщаній, быть другомъ мужа и посвятить себя своему семейству. При такихъ условіяхъ, не находя

человѣка мнѣ по сердцу, я не соглашалась ни на какія предложенія и занималась живописью все болѣе и болѣе съ увлеченіемъ. Любимымъ удовольствіемъ моимъ была также верховая ѣзда, лѣтомъ въ окрестностяхъ Москвы, а зимою въ манежѣ.

Въ то время братъ мой Александръ возвратился съ Кавказа и женился на княжнѣ Четвертинской, а братъ Дмитрій—на вдовѣ Львовой, урожденной Ладыженской. Всѣ мы жили дружно, но съ сестрой шли путями совершенно разными: она любила принимать монашествующихъ, т. е. сборщиковъ, а я ихъ чуждалась, потому, что всегда занятая серьезными занятіями находила это бездѣльемъ. Вообще я всегда не любила слушать пустыя рѣчи сборщиковъ и сборщицъ, и мнѣ всегда казалось, что они своей пользы ради разсказываютъ много небылицъ, и что выслушивать ихъ есть потеря времени. Сестра сердилась на меня за это, но я любила только настоящее монашество, ведущее жизнь уединенную, созерцательную, или монашество ученое, а пустоплетовъ, признаюсь, не любила. Такъ однажды, помню зимою въ 1848 году, уже послѣ извѣстія о смерти незабвеннаго архіепископа Антонія воронежскаго, я, пріѣхавши изъ манежа, вошла въ комнату маменьки, не переодѣвшись, въ амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ, съ распущенными отъ верховой ѣзды локонами, въ круглой мужской шляпѣ.

Въ это время у нея сидѣла сборщица; я поклонилась монахинѣ, которая была прислана къ намъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ боголюбивой Анны Александровны Небольсиной, урожденной Писемской, поклонилась и ушла. Раздѣвшись по обычаю своему, взялась за кисть и сѣла за мольбертъ; палитра моя была всегда готова, и ничто не могло меня оторвать отъ этого любимаго моего занятія. Въ этотъ разъ я сама оставила свою кисть и пошла къ сестрѣ. Она пила чай и съ нею монашенка, которую я видѣла у матери.

— А я сейчасъ,—сказала сестра, обращаясь ко мнѣ,—говорила матушкѣ Вѣрѣ Ивановнѣ, что ты постоянно или скачешь верхомъ, или мажешь кистью и ничего путнаго не выходитъ. Связалась съ Айвазовскимъ и дѣломъ не занимаешься.

Посмѣявшись этимъ словамъ, я присѣла и просила налить мнѣ чашку чая; затѣмъ я спросила монахиню, изъ какого она монастыря?

— Изъ Тихвинскаго Богородицкаго-Кирсановскаго монастыря,— отвѣчала она.

Тутъ я вспомнила въ первый разъ о снѣ моемъ въ бытность нашу въ селѣ Останкинѣ, стала разспрашивать подробно о монастырѣ и его нуждахъ. При этомъ во всемъ моемъ существѣ совершилось что-то странное, необычайное. Въ разговорѣ монахиня упомянула, что у нихъ строится храмъ, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что ни-

чего еще у нихъ для этого храма не заказано, что средствъ заказать они и въ виду не имѣютъ.

— Ну, матушка,—сказала я, водимая какимъ-то чувствомъ свыше,— и не трудитесь сбирать подаянія. Я раздѣлю вашъ трудъ и не только беру на себя написать для этой церкви всѣ св. иконы, но представлю вамъ и золоченный иконостасъ и всю утварь церковную, всю ризницу для этого храма.

Монахиня въ радости кинулась мнѣ въ ноги, а изумленная сестра спросила меня, на какія же суммы я разсчитываю для этого пожертвованія.

— Собирать пойду,—отвѣчала я,—но сдѣлаю.

Въ это время совершенно неожиданно вошла моя мать.

— Она, кажется, помѣшалась,—сказала про меня сестра матери,— дѣлаетъ обѣщанія несбыточныя; у нея всего 25 руб., а обѣщаетъ пожертвованія на тысячи.

Разспросивъ меня, въ чемъ дѣло, мать отвѣчала:

— Вотъ тебѣ моя первая тысяча, да послужитъ она успѣхомъ для этого сбора.

Я кинулась ей на шею, цѣловала, благодарила ее и просила на другой день свезти меня къ митрополиту Филарету за благословеніемъ. Я была внѣ себя отъ радости, дала себѣ слово начать писать иконы и заняться только духовною историческою живописью.

Надо сказать, что мы знали митрополита Филарета съ 1837 года, когда послѣ выѣзда изъ Тифлиса поселились въ Москвѣ. Онъ посѣщалъ больнаго родителя моего, и съ тѣхъ поръ сердце мое привыкло чтить его, какъ мужа праведнаго. Когда на другой день мы пріѣхали съ матерью и сестрою Аделаидой къ митрополиту Филарету, онъ принялъ насъ съ обычною ему отеческою милостью. При входѣ къ нему, когда я увидала его свѣтлое лицо и прозорливый взглядъ, я пала ему въ ноги и высказала причины, побуждающія меня къ избранію новаго рода живописи, и съ вѣрой просила его молитвъ, да поможетъ мнѣ и благословитъ меня удостоиться изучить искусство иконописанія. Святитель съ отеческою любовію выслушалъ меня, благословилъ мое намѣреніе и приказалъ при начатіи каждой иконы привозить къ нему предварительно эскизъ. Съ того дня я не была уже болѣе въ манежѣ, верховую ѣзду бросила; ни въ театры, ни на балы не ѣздила, оставила занятія съ Айвазовскимъ, взяла себѣ учителя для духовной живописи и стала ежедневно ходить въ церковь. Постепенно оставляя міръ, я прекратила всѣ выѣзды, сохранила только частое и потомъ ежедневное общеніе съ семьей князя Трубецкаго и генеральши Анны Борисовны Нейдгартъ, съ которыми мы были всегда дружны, и другими немногими близкими семействами.

Съ этихъ поръ никто и ничто не могло возвратить меня къ свѣт-

ской жизни, и посѣщенія мои митрополита Филарета стали весьма часты. Подъ руководствомъ его я написала прежде всего икону Тихвинской Богоматери, а за тѣмъ въ теченіе года было написано мною до 20 большихъ и малыхъ иконъ. Къ концу 1849 года я отправила въ тотъ монастырь цѣлый обозъ стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ, за что и доселѣ въ томъ храмѣ имя мое на церковной молитвѣ поминается всякій день. Митрополитъ Филаретъ любилъ говорить со мною о церковной живописи; иногда приносилъ Библію, прочитывалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ пророчествъ или апокалипсиса, которыя онъ желалъ, чтобъ были мною изображены. Такъ, напримѣръ, съ его словъ и по его указанію были написаны мною апокалипсическія изображенія, помѣщенныя въ залѣ Троицы-архіерейскаго подворья въ Москвѣ, и съ сочиненныхъ мною эскизовъ изъ пророчествъ Іезекіиля написаны картины въ Воскресенской церкви въ Гевсиманскомъ скиту.

Въ то же время я познакомилась съ святой жизни монахиней Аполлинаріей изъ рода Колычевыхъ, т. е. Филиппа, митрополита московскаго. Переписка съ нею подготовила меня къ иноческой жизни. Я стала ежедневно посѣщать Московскій Зачатіевскій женскій монастырь и келію монахини Вѣры, въ міру Львовой, урожденной Головиной, впослѣдствіи игуменьи Хатькова, Никитскаго и Новодѣвичьяго монастырей. Общеніе съ этими старицами назидало меня. Лѣтомъ я вмѣстѣ съ сестрою ходили пѣшкомъ за Москву на богомолье въ разные монастыри и пустынныя обители, посѣщали и Московскій Алексѣевскій монастырь, ѣздили съ матерью и въ Воронежъ. У гроба Святителя Митрофанія дала я впервые обѣтъ вступить въ монастырь. Съ этими мыслями поѣхала въ Кіевъ и тамъ повѣдала свою тайну схимонаху Порфирію, извѣстному по святости его жизни. Онъ благословилъ меня, но далъ совѣтъ не оставлять матери и послужить ей еще, доколѣ Господь укажетъ. Это было въ 1849 году.

Мать моя была очень благотворительная женщина, любила помогать сиротамъ и бѣднымъ. Временами домъ нашъ былъ пристанищемъ для многихъ безпріютныхъ. Она не забывала и узниковъ, въ темницахъ заключенныхъ, давала мнѣ денегъ и посылала отъ имени неизвѣстной раздавать въ тюрьмѣ тѣмъ, которые нуждались. По этому случаю я узнала, какъ содержатся несчастные, посѣщала ихъ, по ея приказанію, находила пути, чтобы переговорить съ невиновными, и старалась объ облегченіи ихъ участи, но не себѣ приписываю эту добродѣтель,—я это дѣлала изъ послушанія къ престарѣлой моей матери. Признаюсь, жутко и страшно было мнѣ ѣхать въ первый разъ на извозчикѣ, какъ бы украдкой, дабы не быть никѣмъ видимой и узнанной, съ карманомъ, полнымъ денегъ, въ Московскій тюремный замокъ. Пока всѣ эти двери подъ запорами и замками откры-

вались передо мной и сейчасъ же за мной запирались, пока я дошла до канцеляріи и смотрителя, испросила дозволенія быть допущенной къ рѣшеткѣ, для раздачи милостыни по рукамъ, все сердце мое изболѣло, всѣ нервы мои были въ напряженномъ состояніи. Потомъ ѣзжала я къ обѣднѣ въ тюремную церковь и съ утѣшеніемъ слушала составленный изъ узниковъ стройный хоръ. Мать посылала меня отыскивать и бѣдныхъ на чердакахъ, или въ подвалахъ помѣщающихся, когда получала отъ нихъ письма съ просьбою о помощи. Она никому не довѣряла этихъ порученій, и они остались и доселѣ тайною для всѣхъ. Одинъ митрополитъ Филаретъ зналъ все то, что она мнѣ довѣряла, и приказывалъ строго хранить тайну, повѣренную родительницей; несохраненіе тайны считалъ онъ преступленіемъ равнымъ кражѣ.

— Сокровище,—говорилъ онъ,—которое тщательно храните, должно быть сохраняемо и тѣмъ, кому вы довѣрили его хранить. Если онъ укажетъ вору, гдѣ оно лежитъ, онъ дѣлается пособникомъ въ кражѣ. Такъ и тайна, довѣренная вамъ, тѣмъ паче родительницей, должна быть сохраняема вами, доколѣ открытіе оной не будетъ потребно для прославленія имени ея, или же для нѣкой другой нужды.

Совѣты великаго іерарха церкви нашей митрополита Филарета я старалась помнить всегда не въ отношеніи одной моей матери, но и въ отношеніи всѣхъ довѣрявшихъ мнѣ впослѣдствіи свои дѣла или тайны душевныя.

Такъ прошли еще три года. Въ 1852 году я рѣшилась вступить въ монастырь, но когда именно, я того не могла опредѣлить. Волею Божіею открылся мнѣ путь помимо моей воли къ поступленію въ Московскій Алексѣевскій монастырь тогда, когда я стремилась поступить въ Тихвинскій-Кирсановскій. Сестра моя мнѣ заявила, что если я соглашусь поступить въ Московскій Алексѣевскій, то она будетъ содѣйствовать мнѣ къ полученію благословенія матери. Я покорилась и имѣла тайные переговоры съ митрополитомъ Филаретомъ и игуменьей Алексѣевскаго монастыря Паисіей, также и съ моимъ духовникомъ, протоіереемъ Сергіемъ Григорьевичемъ Терновскимъ, извѣстнымъ нищелюбцемъ. Игуменья Паисія на случай обѣщала имѣть для меня готовую въ монастырѣ келлію, но время поступленія было опредѣлить мнѣ невозможно, и я намѣревалась приготовить все и оставить мое предположеніе до конца 1852 г., чтобы подготовить мать къ мысли о разлукѣ со мной. Душа моя стремилась къ жизни монашеской, все мірское было мнѣ въ тягость. Всякій день, во вьюгу или дождь, бывала я зимою, осенью и весною въ 4-мъ часу утра у воротъ Зачатейскаго дѣвичьяго монастыря и меня первую впускали въ св. ворота, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утренѣ. Ни ревматизмъ, которымъ я страдала, ни другія какія причины не могли меня удержать отъ посѣщенія св. храма. Но Господь судилъ ина-

че: 4-го іюня меня лошади такъ страшно несли и били, что я, видя свою неизбѣжную смерть, рѣшилась дать обѣтъ Богу, что если буду спасена, немедленно вступлю въ Алексѣевскій монастырь, который, какъ я узнала, къ моему удивленію, былъ посвященъ, какъ и Кирсановскій, Тихвинской Богоматери и по всѣмъ актамъ именуется Крестовоздвиженскимъ Тихвинскимъ Алексѣевскимъ монастыремъ. Давши этотъ обѣтъ, я почувствовала вдругъ толчекъ, кони наскочили на телѣгу, ѣхавшую впереди, и остановились. Я вышла изъ экипажа невредимою и тогда уже стала просить всѣхъ близкихъ приготовить мою мать, и, получивши благословеніе митрополита Филарета, стала говѣть и въ день причастія, ѣхавши къ духовнику къ исповѣди и св. причащенію, надѣла черное платье, чтобы его болѣе никогда не снимать. Это было 16-го іюня 1852 г., въ день св. Тихона.

Ко времени возвращенія моего отъ причастія на нашу дачу, были собраны нѣкоторые изъ родныхъ: кн. Дадіанъ, семейство Лачиновыхъ и наконецъ пріѣхалъ и нашъ духовникъ. Послѣ многихъ убѣжденій, въ 5 часовъ вечера я была позвана къ матери, кинулась въ слезахъ къ ней въ ноги и просила благословить меня поступить въ обитель, давши ей слово не оставлять ее моею помощію во время пребыванія моего въ монастырѣ. Наконецъ, она рѣшилась дать согласіе и спросила икону, чтобъ меня благословить. Ей подали икону св. Митрофанія. Съ этою иконою, простившись съ матерью и родными и домашними въ 5 $^1/_2$ часовъ, т. е. черезъ $^1/_2$ послѣ даннаго благословенія, я была уже въ экипажѣ, и зять мой, князь Дадіанъ, повезъ меня въ Алексѣевскій монастырь, гдѣ я была встрѣчена другою Богомъ данною мнѣ матерью, игуменью Паисіею, которая приняла меня въ свои объятія и не оставляла своею любовію и назидательнымъ словомъ до самой кончины ея, послѣдовавшей въ декабрѣ 1870 года.

III.

Кончина матери и сестры.—Митрополитъ Филаретъ.—Жизнь въ Алексѣевскомъ монастырѣ.—Переходъ въ Серпуховскій-Владычненскій монастырь.—Назначеніе игуменьей.

На другой день по вступленіи въ монастырь, мы поѣхали вмѣстѣ съ игуменьею Паисіею къ моей родительницѣ, и Господь милосердіемъ Своимъ подкрѣпилъ ее въ ея тяжкой по мнѣ скорби, а меня на новомъ крестномъ пути моей жизни, избранномъ мною по внушенію свыше. Слово мое я сдержала и, вопреки всѣмъ трудностямъ, я удо-

стоилась служить моей матери до самой кончины, ея послѣдовавшей въ 1862 году февраля 9-го. Скончалась она на моихъ рукахъ и при кончинѣ удостоила меня своимъ благословеніемъ.

— Прощай,—сказала она,—благодарю тебя. Ты покоила мать твою до конца ея жизни, а потому тебѣ будетъ всегда на душѣ весело и отрадно. Мое родительское благословеніе да будетъ съ тобою во всѣхъ путяхъ твоей жизни.

Предъ самой кончиной она была по большей части въ безсознательномъ состояніи, но когда приходила въ себя, то просила насъ всѣхъ братьевъ и сестеръ жить дружно до конца нашей жизни. Кончина ея была праведная и назидательная не для насъ, дѣтей ея только, но и для ея духовника, протоіерея Григорія Петровича Смирнова-Платонова.

— Благословенъ путь,—сказалъ онъ въ своемъ словѣ въ день погребенія,—«въ онь-же идеши днесь, душе, яко уготовише тебѣ мѣсто упокоенія». Таково утѣшительное обѣтованіе вѣры, обращенное нынѣ церковію къ новопреставленной рабѣ Божіей Елизаветѣ. Прошедши путь земной жизни и испытавши суету міра, его печали, скорби и болѣзни, она идетъ теперь въ новый путь—путь по истинѣ блаженный, ведущій на мѣсто упокоенія. Не будемъ осуждать и возбранять естественнаго чувства скорби. Тяжело видѣть смерть и тлѣніе близкихъ намъ людей, прискорбно чувствовать, какъ разрушаются ударами смерти живыя связи родства и пріязни. Христіанинъ, ходящій во свѣтѣ вѣры Христовой, живетъ надеждою блаженнаго безсмертія, христіанинъ, подкрѣпляемый руководствомъ церкви Христовой, которая съ молитвами препровождаетъ душу отъ путей земныхъ въ вѣчныя обители, имѣетъ утѣшеніе, что путь усопшихъ въ надеждѣ живота вѣчнаго блаженъ, безъ всякаго сравненія съ путями земной жизни. На землѣ нѣтъ счастія безъ скорби, нѣтъ радости безъ горя, нѣтъ здоровья безъ болѣзни, нѣтъ пріобрѣтенія безъ потери, нѣтъ жизни безъ смерти. Но на небесахъ, въ вѣчныхъ обителяхъ Отца Небеснаго, уготованы вѣрнымъ послѣдователямъ Христовымъ радости нескончаемыя, наслажденія безпечальныя, блаженство безмятежное, жизнь безконечная. О Господѣ жила, по Господѣ скончалась, раба Божія Елизавета. Послѣ долголѣтней благочестивой жизни, прошедши очистительный подвигъ тяжкой болѣзни, она призвана нынѣ въ жизнь новую, лучшую. Съ упованіемъ и молитвою провождая усопшую рабу свою Елизавету въ путь жизни новой, къ нашему общему назиданію и утѣшенію желаемъ воспомянуть пути ея земной жизни. Графское происхожденіе, знаменитое супружество, почести и богатства открывали для нея широкій путь земнаго счастія. Поставленная въ положеніе, полное многихъ искушеній, не забыла однакожъ она спасительнаго пути жизни вѣчной. Твердая вѣра, памятованіе о Богѣ, смиреніе духа, готовность всегда и все принимать отъ Бога образовали въ ней то молитвенное настроеніе души, въ кото-

ромъ провела она многіе годы своей жизни. Посѣщеніе храма Божія составляло ея всегдашнее утѣшеніе, любовь къ храму Божію всегда располагала ее къ устроенію благолѣпія храмовъ: она содѣйствовала тѣмъ духовному назиданію многихъ. И въ настоящемъ храмѣ сохранится вѣчная память благотвореній приснопамятной рабы Божіей Елизаветы. Такая любовь къ благолѣпію дома Божія сколько назидательна для насъ, столько же и утѣшительна: отданное Богу не останется безъ возмездія, и жертвы на домъ Божій будутъ вѣчными молитвами за усопшую предъ престоломъ Божіимъ. Поучительно было въ жизни усопшей строгое соблюденіе установленій Православной церкви. Не можемъ умолчать о святомъ обычаѣ ея—говѣть и пріобщаться св. тайнъ Христовыхъ въ каждый изъ четырехъ постовъ, установленныхъ церковію, а въ теченіе великой четыредесятницы говѣть и пріобщаться три раза. Это воспоминаніе особенно утѣшительно нынѣ, при видѣ бренныхъ останковъ усопшей. Надъ этимъ прахомъ слышатся намъ теперь животворные гласы Христа Спасителя. Всѣ знавшіе покойную хорошо знали ея душевную простоту, ея незлобіе, христіанскую любовь къ людямъ и благотворительность. Она считала своею постоянною обязанностію отдавать извѣстную часть на вспоможеніе нуждающимся; многіе получали отъ нея постоянно пособія. Эти многіе несутъ теперь тяжкую утрату, со слезами и молитвами провождаютъ усопшую, благословляя ея память. Назидательны и утѣшительны эти дѣла христіанскаго общенія и благотворенія, которыхъ никогда не забывала усопшая. Поучительна и трогательна была кончина усопшей. Когда по устроенію Божію посѣтила ее тяжкая болѣзнь, она съ тихою покорностію приняла и съ христіанскимъ терпѣніемъ несла посланныя ей страданія.

Въ 1860 году октября 7-го скончалась на моихъ рукахъ сестра моя Аделаида, поступившая въ 1859 году въ Зачатейскій монастырь. Съ благословенія митрополита Филарета, она постриглась тайно еще въ 1854 году съ наименованіемъ Алексіей. Обрядъ постриженія совершенъ архимандритомъ Чудова монастыря Веніаминомъ, въ присутствіи игумени Паисіи, при мнѣ и при монахинѣ того монастыря Флавіанѣ, нынѣ игумени Виленскаго монастыря. Совершено постриженіе въ моей келліи, во время тяжкой ея болѣзни. Тайна сохранялась всѣми нами до самой ея кончины.

Митрополитъ благословилъ облачить тѣло ея въ монашескую одежду и самъ отпѣвалъ ее. Скажу нѣсколько словъ о святителѣ.

Былъ одинъ случай весьма замѣчательный, доказывающій любовь святителя къ ввѣренной ему паствѣ и готовность его служить всѣмъ до самозабвенія. Это было въ 1851 году. Узнала я достовѣрно, что одинъ молодой человѣкъ, поспорившій съ другимъ, предложилъ выйти на дуэль, и день и мѣсто и часъ были назначены; я знала это семейство хорошо,

жалѣла его старушку-мать, и, не говоря никому ни слова, въ 9 часу вечера поѣхала къ святителю. Онъ въ то время говѣлъ, готовился на другой день пріобщаться св. Таинъ и былъ у всенощной. Когда келейникъ, узнавъ отъ меня, что я имѣю необходимость видѣть святителя немедленно, тотчасъ же къ нему пошелъ съ докладомъ, архипастырь, всегда готовый принять истинно нуждающагося его совѣта и слова, сейчасъ же вышелъ въ гостиную. Я передала ему все, и онъ тотчасъ же написалъ письмо къ графу Закревскому, а на другой день послѣ литургіи самъ къ нему поѣхалъ. Такимъ образомъ при его содѣйствіи преступленіе было остановлено и предупреждено во́-время.

Въ томъ же 1851 году митрополитъ былъ боленъ, не выходилъ даже изъ своей внутренней келліи, когда я пріѣхала къ нему съ цѣлію просить молитвъ о болящей княжнѣ Н. С. Трубецкой, которую я душевно чтила и уважала. Желая знать подробности болѣзни, онъ призвалъ меня и, узнавъ, что болящая очень слаба и что нѣтъ надежды на выздоровленіе, онъ сейчасъ же велѣлъ заложить карету и вслѣдъ за мной пріѣхалъ къ болящей княжнѣ. При немъ и по его предложенію было совершено надъ больной таинство елеосвященія, во время котораго онъ стоялъ у ея одра, благословлялъ ее, подкрѣплялъ мощнымъ словомъ утѣшенія. Часа черезъ полтора послѣ этой бесѣды страдалица мирно и тихо скончалась.

Владыка всегда спѣшилъ на помощь скорбнымъ и больнымъ, съ особенною радостію благословлялъ онъ и другихъ на служеніе больнымъ, благословлялъ принимать странниковъ и странницъ, покоить убогихъ, доставлять пищу и одежду неимущимъ, и радовался, когда это было дѣлано не отъ избытка, но отъ чистаго сердца. Знаю нѣкоторыхъ особъ совершенно бѣднаго и простаго состоянія, которыя всегда пользовались его отеческими милостями и милостынею, подаваемою въ тайнѣ. Я грѣшная часто безпокоила его о семъ, просила его молитвъ о больныхъ мнѣ извѣстныхъ. Бывало, вынетъ изъ кармана свой бумажникъ и запишетъ имя болящаго, сказавъ: «скажите страждущему, чтобъ онъ призвалъ въ помощь Матерь Божію или преподобнаго Сергія». Часто выслушивая разсказъ о скорбныхъ обстоятельствахъ какого-либо семейства, я видѣла у него слезы на глазахъ. Многосторонній его умъ, свѣтлый, проницательный взоръ, удивительная память, святость жизни,—все это вызывало къ нему особенное довѣріе. Съ подчиненными при третьемъ лицѣ онъ держалъ себя начальникомъ, но наединѣ онъ былъ отцемъ: признаніе въ своей ошибкѣ было достаточно, чтобы онъ простилъ вину. Все здѣсь сказанное было испытано собственно мною. Считаю долгомъ оставить письменный памятникъ, могущій принести пользу и тѣмъ, кто не зналъ его и не пользовался его святительскою бесѣдою.

Такъ какъ я была фрейлиной, то для поступленія въ число сестеръ

обители нужно было высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало въ началѣ іюля.

«По всеподданнѣйшему докладу моему,—писалъ князь Волконскій [1]),—письма вашего превосходительства отъ 22-го сего іюня, ихъ императорскія величества высочайше соизволяютъ на вступленіе дочери вашей Прасковьи Григорьевны въ монастырь. При семъ государь императоръ всемилостивѣйше изволилъ пожаловать ей на уплату за келлію и на обзаведеніе въ монастырѣ 3.428 руб.».

На эти средства я построила келлію, обзавелась нужными вещами и устроила у себя мастерскую живописи. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ тотчасъ же предписалъ консисторіи опредѣлить меня въ число сестеръ Алексѣевскаго монастыря, 28-го іюля лично объявилъ мнѣ о томъ, благословилъ своими четками и приказалъ настоятельницѣ облечь въ монастырское одѣяніе, что̀ и было исполнено 2-го августа. Первое монастырское послушаніе, которое было назначено мнѣ—это присмотръ за постройками храма, во имя преподобнаго Алексѣя, человѣка Божія, такъ какъ еще до поступленія въ монастырь я принимала участіе въ начавшейся постройкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ игуменьею предложенъ былъ мнѣ уходъ за больными сестрами обители. По желанію настоятельницы я пригласила для оказанія помощи больнымъ профессора К. Я. Младзіевскаго, доктора моей матери. Корнилій Яковлевичъ очень уважалъ нашу семью и принялъ мое предложеніе, но потомъ когда занятія его расширились, его мѣсто занялъ докторъ Гинзбургъ. Два раза въ недѣлю, въ условленные часы пріѣзжалъ докторъ,—въ мою келлію приходили больные, какъ монастырскіе, такъ и близъ монастыря живущіе, и пріемъ продолжался иногда три и четыре часа. Я помогала доктору при перевязкахъ, записывала въ рецептурную книгу всѣ предписанныя лѣкарства и по уходѣ врача приготовляла ихъ, для раздачи всѣмъ больнымъ безплатно. Вѣрными моими помощницами были мои келейницы, съ точностію исполнявшія то, что было нужно. Съ трехъ часовъ утра я вставала. Въ зимнее время надѣвала высокіе сапоги, черную барашковую въ родѣ тулупа шубу и принимала матеріалы, для постройки храма. Въ свободное время я занималась чтеніемъ книгъ, или же проводила вечеръ у игуменьи Паисіи, гдѣ читала старушкѣ житіе святыхъ.

Въ 1854 году игуменья Паисія была переведена въ Новодѣвичій монастырь, а на ея мѣсто поступила игуменья Серпуховскаго Владычнаго монастыря Илларія. Постройка теплаго храма была окончена. Этимъ временемъ, по совѣту митрополита Филарета, я поѣхала на богомолье въ Кіевъ и простилась навсегда съ митрополитомъ Филаретомъ кіевскимъ, а равно и съ духовникомъ моимъ іеро-схимонахомъ Парфеніемъ. Отрадные дни провела я въ Кіевѣ: болѣе трехъ недѣль я почти

[1]) Моей матери, отъ 13-го іюля 1852 г. № 2617.

ежедневно пользовалась духовною бесѣдою отца Парфенія и посѣщала митрополита. Путешествіе мое началось посѣщеніемъ Серпуховскаго Владычнаго монастыря, по желанію игуменьи Илларіи, и казалось, само Провидѣніе вело меня къ этой обители. По возвращеніи въ Москву, всѣ тѣ же самыя послушанія, которыя я исполняла до того времени, были опять на меня возложены.

Въ 1854 году 25-го сентября, я по благословенію митрополита Филарета была облачена въ рясофоръ и названа Митрофаніей, въ память событія, бывшаго со мною 4-го іюня 1852 г. Помню, я сильно простудилась и была очень близка къ полученію чахотки. Другъ семейства нашего, докторъ Оверъ, совѣтовалъ для спасенія здоровья покинуть Москву и предпринять лѣченіе, при постоянномъ пребываніи въ сосновомъ бору. Я избрала для этого лѣченія Серпуховскій-Владычный монастырь, въ которомъ я такъ много нашла отраднаго. Тамъ подъ наблюденіемъ доктора П. А. Кубасова, я могла исполнить въ точности всѣ предписанія доктора А. И. Овера. Своевременное лѣченіе и жизнь въ сосновомъ бору помогли мнѣ возстановить свое здоровье. Еще въ 1856 году я желала перейти въ ту обитель на жительство, но, до освященія Крестовоздвиженскаго храма, митрополитъ Филаретъ мнѣ на то благословенія не давалъ. Освящая возобновленный храмъ 15-го сентября въ Даниловомъ монастырѣ, Филаретъ благословилъ меня подать прошеніе о переходѣ въ другую обитель, и 14-го ноября 1857 года я уже была въ Серпуховскомъ-Владычномъ монастырѣ, куда давно уже стремилась. Я помѣстилась временно въ келліи рясофорной послушницы Зинаиды и занималась уходомъ за больными сестрами обители; отъ всѣхъ же прочихъ занятій я была освобождена. Такимъ образомъ жизнь моя текла вполнѣ согласно съ стремленіемъ души моей. Молитва въ церкви смѣнялась занятіями по лѣченію больныхъ и приготовленіемъ для нихъ лѣкарствъ или иконописаніемъ. Заботъ по хозяйству не было, трапезою пользовалась общею, монастырскою. Такъ прошли четыре года, и наконецъ въ 1861 году митрополитъ Филаретъ разрѣшилъ мнѣ постричься въ мантію. Я подписала прошеніе, а сама стала готовиться къ великому сему таинству. Передъ постригомъ моимъ была я въ Москвѣ, пріѣзжала къ митрополиту за словомъ назиданія. Долго говорилъ онъ со мной объ обѣтахъ монашества, требовалъ смиренія и любви ко всѣмъ.

Прошло лишь шесть недѣль со времени постриженія, и 8-го августа того же года Филаретъ удостоилъ меня посвященія въ игуменьи Серпуховскаго же Владычнаго монастыря. Назначеніе это имъ сдѣлано безъ предварительнаго моего согласія. Святитель зналъ, что его слово, его воля были святы для меня,—и потому онъ, не предваривъ меня о семъ, прямо послалъ указъ о моемъ назначеніи. Вручая мнѣ игуменскій посохъ, онъ сказалъ:

— Въ недавнемъ еще времени призвана ты на поприще послушанія и, волею Божіею, уже теперь вручается тебѣ жезлъ управленія—и, какъ мать, должна ты блюсти сестеръ, тебѣ нынѣ ввѣренныхъ. Понимаю, что мысль твоя волнуется, что со страхомъ и не безъ смущенія принимаешь на себя эту великую обязанность, но подкрѣпляй себя тѣмъ, что ты избрана на поприще этого служенія не мною, но самимъ Богомъ.

Со дня моего посвященія во игуменьи, стала я часто обращаться къ митрополиту за совѣтами и за молитвами. Въ началѣ моего настоятельства, я встрѣтила много скорбей; испытующій меня Господь послалъ на мою долю цѣлый рядъ огорченій. Мудрый пастырь не оставлялъ меня совѣтами, и всякое мельчайшее мое затрудненіе въ дѣлахъ управленія было разрѣшаемо имъ и исполнено согласно его святительскому слову и волѣ. Когда я приняла правленіе, то въ монастырѣ было 210 сестеръ, а въ кассѣ монастырской—денегъ не оказалось, кромѣ неприкосновеннаго капитала, полученія процентовъ съ котораго нужно было ждать до ноября мѣсяца. Несмотря на то, я прекратила сборъ по Москвѣ и другимъ мѣстностямъ въ пользу обители, усматривая изъ этого одно нареканіе на монашество, и всѣ запасы произвела на собственныя средства; прекратила также и сборъ, изстари производимый монастыремъ, за перевозъ черезъ Оку, на берегу которой, въ шалашѣ, проживала старушка-сборщица изъ монашествующихъ сестеръ обители. Взамѣнъ этого сбора я просила гражданъ г. Серпухова объ уступкѣ монастырю нѣсколькихъ саженъ городской земли, на выѣздѣ города, и выстроила каменную часовню съ приличнымъ при ней помѣщеніемъ, оградивъ ее каменною оградою съ трехъ сторонъ. Тутъ же была устроена книжная лавка, съ цѣлью распространенія слова Божія, которая дала возможность бѣднымъ жителямъ г. Серпухова за дешевую цѣну пріобрѣтать молитвенники и духовнаго содержанія книги. Имѣя въ виду не однихъ монашествующихъ, но и окрестныхъ жителей, я вырыла при той часовнѣ колодезь, который снабжаетъ и теперь жителей хорошею водою. Въ то же время я просила въ С.-Петербургѣ о надѣленіи монастыря землями, и, по высочайшему повелѣнію, обитель была надѣлена дачами близъ г. Серпухова на берегу рѣки Нары. Монастырская рыбная ловля давала незначительный доходъ и производилась работниками монастыря, подъ присмотромъ сестеръ. Такъ какъ озеро находилось въ полуверстѣ отъ обители, то, чтобы облегчить трудъ сестеръ, я предоставила ловлю рыбы сосѣднимъ рыбакамъ, на половинныхъ началахъ

Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБЕРТО ВИМИНА.

Сношенія Венеціи съ Украйною и Москвою.

1650—1663.

Въ научной литературѣ труды Альберта Вимины пользуются нѣкоторою извѣстностью. Гораздо менѣе вниманія обращалось на его личную, политическую дѣятельность. Знаютъ, что онъ посѣтилъ Московію, хотя и не доѣхалъ до Кремля; но до сихъ поръ никто еще ни словомъ не обмолвился объ его переговорахъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. А это едва-ли не самая интересная страничка въ его жизни, ярко освѣщающая неутомимую предпріимчивость Синьоріи и двуличіе казацкаго гетмана. Относящіяся до этого свѣдѣнія хранятся въ богатѣйшемъ Венеціанскомъ архивѣ, откуда и были мною почерпнуты.

I.

Около половины XVII-го столѣтія нѣкто Микеле Біанки, поселившись въ Римѣ, велъ тамъ свою скромную жизнь [1]). Былъ онъ родомъ венеціанецъ и происходилъ изъ почтеннаго семейства города Беллуно. Одинъ изъ его братьевъ состоялъ протоіереемъ въ Тарзо, а другой, покинувъ канцелярскую службу, жилъ безбѣдно съ своимъ семействомъ въ

---

[1]) Для настоящаго очерка послужили: Pellegrini, Michele Bianchi (Studi Bellunesi, 1897, № 9); A. Buzzati, Bibliografia Bellunese, стр. 75.—Многія свѣдѣнія были мнѣ доставлены G. C. Buzzeit, которому и приношу должную благодарность.

Ченедѣ. Самъ Микеле, передъ отъѣздомъ въ Римъ, исправлялъ должность приходскаго священника въ Болзано. Невыясненное еще происшествіе вывело его изъ обычной колеи, принудивъ его даже измѣнить свое имя: онъ сталъ называться Альберто Вимина, и это прозвище осталось ему на всегда. По этому поводу нельзя, кажется, взводить на него позорныхъ упрековъ. Онъ откровенно сознается въ ошибкѣ, но открещивается отъ вины и ссылается, для своего оправданія, на епископа Ченеды Пизани и на близкаго себѣ доктора Санфіоре. При всемъ томъ, дѣло было однакожъ довольно важное, ибо венеціанскій посолъ въ Римѣ, Фоскарини, тайно увѣдомилъ Вимину, что его жизнь въ опасности, и совѣтовалъ удалиться [1]). Несчастный повиновался безпрекословно: уѣхалъ сперва въ Неаполь, а оттуда отправился въ Вѣну и, наконецъ, въ Варшаву, гдѣ немедленно пристроился къ папской нунціатурѣ.

Появленіе его въ Польшѣ должно отнести приблизительно къ 1648-му году. Въ томъ же году скончался Владиславъ IV. Наступило пресловутое «bezkrólewie». Оба брата усопшаго короля выступили кандидатами на тронъ. Сеймъ выбралъ Яна II Казиміра. Бывшій іезуитъ, бывшій кардиналъ, отрѣшенный отъ своихъ обѣтовъ, новый король женился на вдовѣ своего брата, Маріи Гонзаго, и придворная жизнь закипѣла по-прежнему. Немного лѣтъ передъ тѣмъ, при своемъ прибытіи въ Варшаву, прямо изъ Парижа, королева привезла съ собою цѣлый штатъ очаровательныхъ женщинъ. И безъ того не скучный замокъ оживился еще болѣе и повеселѣлъ. Беззавѣтно храбрые въ битвахъ, поляки тѣмъ легче поддавались обаянію безусловной красоты. А между тѣмъ вдали уже слышалось зловѣщее бряцаніе казацкихъ сабель, Украйна волновалась, и Петръ Скарга пророчилъ неизбѣжный раздѣлъ Польши.

По своему положенію Вимина имѣлъ доступъ въ высшее общество; но онъ не вдался въ водоворотъ свѣтскихъ интригъ и пустыхъ забавъ. Талантливый, неутомимо дѣятельный, въ цвѣтѣ лѣтъ [2]), любящій науку, имѣя бойкое перо, онъ сталъ всматриваться въ общественные порядки и писать свою исторію польскихъ междоусобныхъ войнъ. Она была напечатана только послѣ его смерти, но вѣроятно вращалась уже прежде въ отборномъ кругу. Положительно извѣстно, что Вимина читывалъ выдержки своего труда канцлеру Оссолинскому. Они такъ понравились послѣднему, что при появленіи направленной противъ него латинской бро-

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, Vimina a Sagredo, 1650, 19 margo.

[2]) Вимина родился 1-го марта 1603 года, какъ значится въ Registro dei nati соборной церкви въ Беллуна.

шюры, онъ тайно обратился къ ихъ автору для отвѣта и защиты, что̀ и было немедленно и успѣшно выполнено [1]).

Вступленіе Вимины на венеціанскую службу произошло при слѣдующей обстановкѣ [2]). Въ ожесточенной борьбѣ съ Турціею, кончившейся впослѣдствіи геройскимъ паденіемъ Кандіи, Синьорія искала повсюду союзниковъ. Дошла до нея молва о «генералѣ Хмѣльницкомъ»; опустошительные набѣги «господъ казаковъ» до самыхъ стѣнъ Константинополя были ей давно извѣстны. И вотъ назрѣла въ сенатѣ мысль сблизиться съ этими отважными наѣздниками и пустить ихъ на ненавистнаго врага. Первая попытка какъ-то не удалась. Дѣло сложилось гораздо благополучнѣе въ 1650 году.

За него взялся венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ, Николо Сагредо, и вступилъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, Джіованни Торресомъ. Начали издалека. Сперва хлопотали только о томъ, какъ бы получить достовѣрныя свѣдѣнія объ Украйнѣ, выславъ туда ловкаго нарочнаго. Вполнѣ сочувствуя этой мѣрѣ, Торресъ однакожъ сознался, что на поляковъ полагаться нельзя, и отрекомендовалъ Вимину, какъ человѣка способнаго, надежнаго, искренно преданнаго своему отечеству. Съ своей стороны Вимина охотно вызвался на исполненіе какихъ-либо порученій въ самыхъ отдаленныхъ странахъ и увѣрялъ, что за усердіемъ дѣло не станетъ.

26-го марта послѣдовало оффиціальное рѣшеніе сената, одобряющее посылку Вимины въ Украйну. Сагредо составилъ инструкцію, написалъ письмо Хмѣльницкому и выслалъ 500 талеровъ. На эти средства Вимина обзавелся коляской, лошадьми, кучеромъ, съѣстными припасами и торопился выѣхать.

Между тѣмъ, въ теченіе апрѣля мѣсяца, нунцій Торресъ счелъ нужнымъ увѣдомить короля и канцлера о поѣздкѣ своего гостя. Дѣло было деликатное: казацкій вопросъ превратился послѣ Зборовскаго договора въ сущую злобу дня. Хотя поляки сами желали отвлечь своихъ грозныхъ подданныхъ къ Черному морю и еще дальше, но заискиваніе со стороны Венеціи могло вскружить голову Хмѣльницкому, который и безъ того самовольничалъ и держалъ себя гордо. Однакожъ, ни король, ни канцлеръ не сдѣлали никакихъ возраженій. Оба согласились, совѣ-

---

[1]) Kochovski, Annalium Poloniae... Climacter primus, стр. 166.—Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 239, Vimina a Sagredo, 1650, 29 aprile.—Въ предисловіи къ сочиненіямъ Вимины говорится, что онъ писалъ также драмы для вѣнскаго театра, о чемъ, впрочемъ, другихъ слѣдовъ не имѣется.

[2]) Всѣ подробности о поѣздкѣ Вимины въ Украйну находятся въ Венеціи въ Государственномъ архивѣ: Dispacci Germania, 97, 98, 99; Dispacci Polonia, 6, ann. 1650—1652; Senato Deliberazioni, Corti, ann. 1650.

товали только переодѣться и не выступать католическимъ священникомъ.

Вимина все-таки порядочно перепугался. Ничего добраго не ожидая отъ такого сообщенія, онъ особенно недоумѣвалъ на счетъ Оссолинскаго и остался при своемъ убѣжденіи, что канцлеръ ему противодѣйствовалъ. Первымъ слѣдствіемъ этихъ переговоровъ была отсрочка отъѣзда: только въ началѣ мая Вимина пустился въ путь черезъ Львовъ.

Счастіе ему повезло. Никакихъ задержекъ не было. На казацкой границѣ онъ выдалъ себя за венеціанскаго посланца, и всѣ догадались, что онъ ѣдетъ съ порученіями о турецкихъ дѣлахъ. Нашлись проводники. Повсюду его ласково привѣтствовали, только въ одной мѣстности ему надѣлали грубостей, за что виновные были потомъ жестоко наказаны.

Та же предупредительность проявилась и у Хмѣльницкаго, въ Чигиринѣ. Окруженный полковниками и старшинами, гетманъ принялъ посланца, если не торжественно, то внушительно, съ полнымъ сознаніемъ своей силы. По казацкому обычаю, немедленно подали горѣлку, стали пить и разсуждать. Вимина представилъ вѣрительную итальянскую грамоту въ латинскомъ переводѣ. Это произведеніе Сагредо изобиловало лестными выраженіями. Цѣлуя заочно руку «его превосходительства», посолъ щедро расточалъ всевозможныя похвалы, говорилъ о недосягаемой доблести, о всемірной славѣ и особенно объ упованіи и надеждахъ всего христіанства: Хмѣльницкому видимо предлагалась роль какого-то искупителя съ обѣщаніемъ искренней благодарности.

Завязались переговоры. Главною цѣлью Вимины было устроить походъ противъ турокъ или, по крайней мѣрѣ, набѣгъ запорожцевъ, и, если возможно, втянуть въ то же дѣло крымскихъ татаръ. Для побужденія Хмѣльницкаго на этотъ подвигъ, слѣдовало, по указанію инструкціи, распространиться о слабости Турціи, подвластной малолѣтнему султану да еще погруженной въ междоусобицы, о военныхъ успѣхахъ венеціанцевъ, которые цѣлые двадцать два мѣсяца держали Дарданеллы въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ, Оттоманская имперія представлялась, какъ легкая добыча, которая пала бы на долю казачества; а это стяжало бы побѣдителю полумѣсяца безсмертное имя въ памяти христіанскихъ народовъ. На счетъ денежныхъ пособій существовала большая сдержанность: Вимина долженъ былъ ограничиться неопредѣленными, общими намеками. Наконецъ, ему предписывалось подробно освѣдомиться о планахъ и намѣреніяхъ казаковъ, объ ихъ отношеніяхъ къ полякамъ и татарамъ, къ Молдавіи и Валахіи.

Удостоившись двухъ аудіенцій, Вимина имѣлъ возможность изъяснить всѣ свои соображенія. Онъ даже проговорился, откровенно сознавшись, что Польша въ плачевномъ состояніи: безъ денегъ и безъ войска. Сло-

воохотливый Хмѣльницкій не остался у него въ долгу: онъ просто закидалъ своего собесѣдника разными рѣчами. Въ сущности онѣ сводились къ тому, что казаки смертельно ненавидятъ басурмана и всегда готовы бороться за вѣру и правду, надо только условиться и сговориться. Трудно было при этомъ обойтись безъ жалобы на поляковъ: Хмѣльницкій обратился къ прошлому, къ своимъ воспоминаніямъ, къ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Варшавы. Покойнаго короля онъ держалъ въ большомъ почетѣ. Когда-то Владиславъ отпустилъ 18.000 флориновъ на турецкій походъ; запорожцы встрепенулись, надѣлали чаекъ, которыя такъ и стоятъ себѣ на Днѣпрѣ, потому, что паны побоялись войны и затормозили предпріятіе. Всѣ эти польскіе магнаты были гетману бѣльмомъ въ глазу, онъ относился къ нимъ съ крайнею подозрительностью. Къ тому же условія Зборовскаго мира еще не были выполнены, пожалуй, также по ихъ винѣ. Несмотря на эти выходки и ни слова не роняя о слабости Польши, Хмѣльницкій обѣщалъ посовѣтоваться съ радой и устроилъ все къ лучшему.

Дѣйствительно, венеціанскія предложенія обсуждались въ казацкомъ кругу, и отвѣтъ былъ таковъ: воевать турокъ можно, только для того требуется соизволеніе польскаго короля и содѣйствіе татаръ. Намёки на эти условія Хмѣльницкій дѣлалъ еще прежде; теперь же онъ ихъ намѣренно подчеркивалъ, предоставляя венеціанцамъ заботу о ходатайствахъ: пусть-де сговорятся съ Ордою и съ Польшею, а тамъ казаки уже съумѣютъ расправиться съ басурманомъ.

Всеобщее настроеніе противъ турокъ придавало этимъ словамъ особое значеніе. Турецкая война казалась у всѣхъ завѣтною, задушевною мечтою. Вимина всего чаще сходился съ гетманскимъ «секретаремъ» и съ артиллерійскимъ генераломъ [1]). Оба только о томъ и разсуждали, какъ бы сразиться съ невѣрнымъ и стереть его съ лица земли. Артиллерійскій генералъ къ тому же отличался своею истинно казацкою любезностью: онъ повелъ Вимину въ кабакъ, потребовалъ горѣлки, устроилъ музыку, затѣмъ пляски и сталъ угощать проходящихъ молодцовъ. Непривычному итальянцу все это показалось грубо, дико и несносно. Однакожъ, несмотря на эти неудобства, онъ остался довольнымъ. Его отпустили со всѣми знаками почтенія, одарили оружіемъ, снабдили припасами, да прибавили «на горѣлку» шесть талеровъ. Хмѣльницкій вручилъ ему отвѣтное письмо на грамоту Сагредо съ обычными жалобами на поляковъ и съ изъявленіемъ готовности воевать противъ турокъ подъ приведенными выше условіями.

Возвратившись благополучно во Львовъ, Вимина поспѣшилъ напи-

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣются писарь Иванъ Виговскій и обозный Ѳедоръ Коробка.

сать обстоятельные доклады, помѣченные 28-мъ іюня 1650 года, о которыхъ Сагредо отозвался съ восхищеніемъ, препровождая ихъ въ сенатъ, хотя судить о нихъ, при отсутствіи провѣрочныхъ средствъ, было преждевременно. Окруженный роскошью и блескомъ, Хмѣльницкій сдѣлалъ на Вимину впечатлѣніе человѣка способнаго и хитраго, объ его военномъ искусствѣ говорилось очень многое, въ твердости его характера и сомнѣваться было нечего. Осторожный венеціанецъ старательно уклонялся отъ всякихъ пререканій подъ тѣмъ предлогомъ, что съ «варваромъ» разсуждать неудобно, и что «великіе тираны» не терпятъ противорѣчія. На счетъ отношеній къ Польшѣ онъ не ошибся, замѣтивъ, что они натянуты, что Яна Казиміра не долюбливаютъ. Впрочемъ, на Украйнѣ это и не всегда скрывалось. Однажды, за обѣдомъ, Хмѣльницкій, поднявъ чашу за здравіе короля, взглянулъ украдкой на свою жену, которая отвѣсила ему сейчасъ же насмѣшливый и вовсе не двусмысленный поклонъ.

Вимина убѣдился также, что съ пустыми руками являться въ Чигиринъ не ловко. Онъ совѣтовалъ не только адресовать письмо Хмѣльницкому отъ имени Синьоріи, но поднести ему и войсковымъ старшинамъ подарки, какъ-то: бархатныя и шелковыя матеріи, разнаго рода оружіе, аугсбургскіе часы, стѣнные и карманные, и цѣлыя десятки банокъ съ знаменитой въ то время «teriaca». На Украйнѣ очень дорожили этимъ заморскимъ продуктомъ. Его приправляли горѣлкой и употребляли вмѣсто лекарства. Какъ человѣкъ практичный, Вимина внушалъ сенату назначить опредѣленную сумму на походъ и вручить ее немедленно. Въ возможности самаго похода противъ турокъ онъ былъ увѣренъ, даже предлагалъ свои услуги для поѣздки въ Крымъ, чтобы устроить, по мысли Хмѣльницкаго, общее, единовременное наступленіе, казацкое и татарское, на злѣйшаго врага всѣхъ христіанъ [1]).

Вопреки своей прославленной мудрости, венеціанскій сенатъ пошелъ также на удочку лукаваго гетмана. Онъ отнесся очень серьезно къ докладамъ Вимины и съ обычною энергіею приступилъ, не мѣшкая, къ исполненію намѣченныхъ мѣропріятій. Секретарь графъ Жироламо Кавацци очень кстати находился тогда безъ спѣшнаго дѣла въ Баваріи. Ему поручили ѣхать въ Варшаву для воздѣйствія на короля и попутно закупить подарки для будущихъ союзниковъ. Кавацци прискакалъ въ Вѣну, съ помощью Сагредо добылъ всякаго добра на 1.628 талеровъ и, уложивъ его въ два огромные ящика, отправился въ Польшу по дурнымъ дорогамъ и при еще болѣе дурной, дождливой погодѣ.

[1]) Изъ депешъ видно, что Вимина написалъ особый докладъ о казацкомъ бытѣ, гдѣ было кое-что и о Хмѣльницкомъ. Этого доклада не имѣется на лицо.

Переговоры съ татарами выпали на долю Вимины, мечтавшаго о посѣщеніи дальняго и незнакомаго края. Не упустилъ сенатъ приготовить грамоты, помѣченныя 30-мъ іюля 1650 года, на имя Хмѣльницкаго и крымскаго хана, Исламъ-Гирея, съ должными любезностями. А плодовитый Сагредо сочинилъ новую инструкцію для Вимины. Ему предписывалось заѣхать въ Чигиринъ, осыпать «господина генерала» похвалами за благія намѣренія «господъ казаковъ», обѣщать денежное пособіе, потомъ, при содѣйствіи Хмѣльницкаго, добраться до Крыма и уговорить татаръ идти войной на Полумѣсяцъ. Настаивая на слабости турокъ, Сагредо доходилъ до того, что предлагалъ казакамъ завоевать въ четыре дня всю Оттоманскую имперію, съ помощью, конечно, венеціанцевъ, которые наступали бы со стороны Дарданеллъ.

Такимъ образомъ, все казалось устроено къ лучшему; но подобнаго рода иллюзіи долго просуществовать не могли. Польша не уживалась съ Украйною; готовилось новое казацкое возстаніе; паны чуяли недоброе и вооружались. Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1650 года Вимина предупредилъ Сагреда, что положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, что нельзя разсчитывать ни на Хмѣльницкаго, ни на татаръ. Вскорѣ послѣ того получились извѣстія, которыя совершенно разрушили венеціанскіе планы. 13-го сентября, королевскій секретарь Дони, охотившійся съ Яномъ Казиміромъ въ литовскихъ дремучихъ лѣсахъ, писалъ оттуда Сагреду слѣдующее: король узналъ, что турецкій султанъ посылалъ къ Хмѣльницкому довѣренное лицо съ такими порученіями: поздравить гетмана съ побѣдою надъ поляками, требовать прекращенія набѣговъ вдоль Чернаго моря, удостовѣрить въ покровительствѣ Порты, которое испрашивали казацкіе посланцы, совѣтовать войну съ Польшею и обѣщать подкрѣпленіе въ 100.000 человѣкъ. Далѣе утверждалось, что Хмѣльницкій согласился на эти условія и принялъ турецкую помощь.

Доставленныя поляками свѣдѣнія совершенно согласны съ тѣми, которыя Н. И. Костомаровъ извлекъ изъ турецкихъ грамотъ, впервые обративъ на нихъ вниманіе историковъ [1]). По этимъ источникамъ видно, что казаки уже давно заискивали въ Константинополѣ; окончательно же установились ихъ добрыя отношенія къ Портѣ въ концѣ 1650 года. Хмѣльницкій призналъ себя данникомъ султана Мехмета, который въ знакъ согласія прислалъ ему дорогой кафтанъ. Отъ своего подчиненія гетманъ ожидалъ большихъ выгодъ: турки и татары становились его союзниками противъ Польши. Такимъ данникомъ Порты Хмѣльницкій остался и послѣ переяславскаго договора 1654 года, въ силу котораго онъ поступилъ съ Запорожскимъ войскомъ и со всею Малороссіею въ

---

[1]) Богданъ Хмѣльницкій данникъ Оттоманской Порты.—«Вѣстникъ Европы», 1878, т. VI, стр. 806.

подданство Московскаго царя Алексѣя Михайловича, обязуясь, по 14-ой статьѣ договора, «съ турскимъ салтаномъ и польскимъ королемъ безъ государева указа не ссылаться» [1]).

Турецкія извѣстія были вѣроятно недоступны для венеціанцевъ; но того, что они узнали отъ поляковъ, уже было достаточно для прозорливыхъ дипломатовъ. Сенатъ пріостановилъ предписанныя мѣропріятія впредь до новыхъ распоряженій. Сагредо очень жалѣлъ о такой внезапной перемѣнѣ. Кавацци занялся сбереженіемъ уже никому не нужныхъ подарковъ. Вимина сталъ думать о возвращеніи въ Италію. Его заслуги были признаны и оцѣнены: Синьорія выдала ему золотую цѣпь въ 300 дукатовъ, и, вернувшись на родину, онъ получилъ около 1652 года прибыльную бенефицію въ Альпаго, гдѣ и вступилъ въ должность приходскаго священника. Его сношенія съ Хмѣльницкимъ доказываютъ, до какой степени изворотливый малороссъ умѣлъ хитрить и какъ это ему удавалось.

II.

Въ 1653 году новое поприще открылось для дѣятельности Вимины. Синьорія послала его въ Швецію, но съ какими именно порученіями остается неизвѣстно. Ни въ Венеціи, ни въ Стокгольмѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ этихъ переговоровъ.

Болѣе свѣдѣній имѣется о дипломатической миссіи въ Москвѣ [2]). Она состоялась по рѣшенію высшаго начальства.

Не сговорившись съ Запорожскими казаками, Синьорія задумала обратиться къ Донскимъ и поставила Виминѣ соотвѣтствующій запросъ. 9-го ноября 1654 года онъ отвѣтилъ докладомъ, гдѣ проводилъ мысль, что, прежде всего, слѣдуетъ заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ московскаго царя, а то вмѣсто похода будетъ, пожалуй, только безцѣльный набѣгъ.

Сенатъ одобрилъ это мнѣніе и уполномочилъ самого же Вимину отправиться къ Алексѣю Михайловичу, снабдивъ его, на всякій случай, письмомъ для Хмѣльницкаго. Вимина выѣхалъ въ Москву въ началѣ 1655 года. До тѣхъ поръ онъ только однажды имѣлъ случай сбли-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. I, стр. 77, прим. 323.

[2]) Венеція, Государственный архивъ, Senato Corti, Reg. 31, 32, 33; Senato Rettori, filza 40; Dispacci Germania, filza 104, 105, 106, 107.—Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. X, ст. 809—930.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. II, стр. 207, 262.

зиться съ московскими людьми. Въ 1650 году, въ бытность его въ Варшавѣ, туда пріѣхало посольство, состоявшее изъ боярина Гаврилы Пушкина, окольничаго Степана Пушкина и дьяка Леонтьева [1]). Переговоры шли главнымъ образомъ о царскомъ титулѣ, неполно и неправильно написанномъ, и о книгахъ, напечатанныхъ въ Польшѣ и оскорбительныхъ для Алексѣя Михайловича. Вимина слѣдилъ за преніями, доносилъ о нихъ Сагреду и вынесъ лично такое впечатлѣніе, что московскіе послы съ виду величавы, а на самомъ дѣлѣ грубы и необтесаны. Теперь ему предстояло болѣе короткое знакомство съ русскимъ міромъ.

Въ Вѣнѣ онъ свидѣлся съ венеціанскимъ посломъ Баттистою Нани, который руководилъ московскими дѣлами, и, съ его согласія, уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ надѣялся вскорѣ получить дорожныя деньги. Къ несчастію, вслѣдствіе недоразумѣній, ему пришлось просидѣть тамъ цѣлыхъ пять или шесть недѣль. Здѣсь сказался его живой, итальянскій характеръ. Онъ ужасно скучалъ отъ бездѣйствія и пустому мѣшканію предпочелъ бы всякаго рода путевыя опасности. Наконецъ, устроивъ коекакъ свои дѣла, онъ отправился въ Ревель и прибылъ туда 5-го іюня 1655 года. Въ концѣ мѣсяца онъ былъ во Псковѣ, гдѣ начались новыя мытарства.

Между Москвою и Польшею велась война. Алексѣй Михайловичъ неоднократно выѣзжалъ, какъ тогда говорилось, «въ станъ», оставляя столицу и царское семейство на попеченіе патріарха Никона. Въ томъ же 1655 году появилась моровая язва въ Москвѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ осложненій были частыя перемѣны правительственныхъ распоряженій. Вимину направили сперва прямо въ Москву, но дорогой свернули въ Смоленскъ, оттуда его повезли въ Шкловъ и, наконецъ, доставили обратно въ Смоленскъ, гдѣ и обѣщалась царская аудіенція.

Дѣйствительно, 21-го (11-го) ноября Алексѣй Михайловичъ прибылъ въ недавно отвоеванную отъ Польши крѣпость; Вимина же очень не кстати заболѣлъ и долженъ былъ слечь въ постель. Чтобъ не терять времени, онъ письменно просилъ «Его Императорское Величество» принять вѣрительную грамоту отъ имени дожа Франческо Молины и назначить третье лицо для переговоровъ [2]).

Эта просьба была уважена, и дьякъ Перфильевъ, котораго Вимина величаетъ вице-канцлеромъ [3]), явился «допрашивать» венеціан-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 265. — Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, депеши Вимины 19-го и 26-го марта 1650 года.

[2]) Итальянскій текстъ письма Вимины напечатанъ въ Пам. дипл. снош., т. X, ст. 907, съ изумительною небрежностью.

[3]) Онъ былъ дьякъ приказа Казанскаго дворца.

скаго посла и «отбирать отвѣтныя статьи». Не обошлось конечно безъ пререканій о слишкомъ скромномъ титулѣ. Но вскорѣ приступили къ главному, къ турецкому вопросу. Вимина затянулъ избитую пѣсенку о побѣдахъ Венеціи и о слабости Оттоманской имперіи, убѣдительно доказывая, что Москва въ полномъ правѣ воевать турокъ, посылавшихъ татаръ на помощь полякамъ. Наговоривъ очень много по этому поводу, онъ выступилъ съ предложеніемъ о Донскихъ казакахъ, настаивая на томъ, что такой походъ былъ бы чрезвычайно полезенъ для самой Москвы.

Вѣроятно, онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда, вмѣсто подходящаго отвѣта, Перфильевъ, вынувъ изъ-за пазухи бумажечку, принялся за свой допросъ: съ какихъ поръ Венеція воюетъ съ турками? Какіе у ней союзники? Зоветъ ли дожъ другихъ князей своими друзьями или братьями? Считается ли Молина царемъ? Каковъ его титулъ? Сколько у Венеціи войска? Каково протяженіе страны? Какіе у ней союзники? Въ дружбѣ ли она съ Цезаремъ? Какіе вообще у ней недруги и съ кѣмъ она въ войнѣ?

Вимина воспользовался случаемъ, чтобъ расхвалить Венецію, ея несмѣтное богатство и непобѣдимое войско. На счетъ титула, онъ осторожно замѣтилъ, что, хотя дожъ и не именуется королемъ, однакожъ, Венеціи подвластно не одно королевство, какъ-то Кандія и Далмація. Изъ его рѣчей оставалось заключить, что любаго короля дожъ можетъ заткнуть за поясъ.

Зашла также рѣчь и о торговлѣ, которая обѣимъ странамъ обѣщала большія выгоды. Венеціанцы привозили бы шелкъ и шерсть и закупали бы соболи, икру, сало, кожи и всякое сырье. Складочные пункты предполагалось устроить на Днѣпрѣ и въ Архангельскѣ: отважные моряки не постращились бы поплыть и въ Бѣлое море.

Перфильевъ почтительно выслушалъ своего собесѣдника и ушелъ, ничего ему не сообщивъ, кромѣ оффиціальныхъ порученій. Затѣмъ, онъ возвратился съ угощеніемъ, а въ другой разъ съ новостями о московскихъ побѣдахъ надъ Польшею. 28-го ноября дошла очередь до отвѣта, а онъ былъ таковъ: положительнаго рѣшенія царь покуда постановить не можетъ, имѣя на рукахъ войну съ Польшею; что же касается до крымскихъ татаръ, то ихъ ожидаетъ та же участь, какъ астраханскихъ и казанскихъ; а когда и какъ они будутъ наказаны, это знаютъ Богъ и Божія Матерь. Впрочемъ, царь посовѣтуется съ своими боярами и вышлетъ въ Венецію своего уполномоченнаго.

Такой уклончивый отвѣтъ никакъ не могъ удовлетворить Вимину, тѣмъ болѣе, что о туркахъ и помина не было. Онъ всячески старался разузнать, по крайней мѣрѣ, царское настроеніе и ходячія мнѣнія при дворѣ; но Перфильевъ упорно отмалчивался, какъ будто онъ вдругъ

онѣмѣлъ. Онъ обѣщалъ только, что вскорѣ послѣдуетъ новое сообщеніе будетъ и дана возможность отъѣхать.

Вечеромъ того же 28-го ноября пришелъ навѣстить и утѣшить больнаго венеціанца царскій переводчикъ, вѣроятно, Иванъ Ѳанъ Делдинъ. По его мнѣнію, отвѣтъ Перфильева совершенно согласовался съ данными обстоятельствами. Не упоминая ни словомъ о туркахъ, онъ увѣрялъ, что всѣ безъ исключенія желали бы отмстить татарамъ за ихъ набѣги, но войнѣ препятствуетъ не Польша, какъ говорилъ Перфильевъ, а Швеція, которая дерзко предъявляетъ грозныя требованія.

Вимина не долго покоился на этихъ словахъ. Нѣсколько дней спустя, 4-го декабря, вице-канцлеръ, то-есть опять-таки Перфильевъ, принесъ отвѣтную грамоту Алексѣя Михайловича, запечатанную государственною большою печатью на красномъ воску «подъ кустодіею» и вложенную въ червчатую тафту [1]). Итальянскій переводъ грамоты тутъ же былъ сообщенъ Виминѣ и возбудилъ его неудовольствіе: слишкомъ много говорилось о торговлѣ и слишкомъ мало о татарахъ. Московскій царь—писалъ венеціанскій посланецъ—скорѣе отличный купецъ, чѣмъ великій государь. Всѣ сдѣланныя предложенія, очевидно, отлагались до поѣздки въ Венецію московскаго повѣреннаго. Такимъ образомъ, при русскомъ дворѣ, какъ въ Чигиринѣ, у Хмѣльницкаго, успѣхъ Вимины былъ чисто отрицательный.

На другой день послѣ выдачи грамоты Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ въ Москву, а 6-го декабря 1655 года Вимина, несмотря на лихорадку, покинулъ также Смоленскъ, не представившись лично царю. Пошатнувшееся его здоровье окрѣпло дорогой, чему онъ не мало удивлялся. Однакожъ, медленно передвигаясь, онъ только въ маѣ слѣдующаго года прибылъ въ Вѣну, да къ тому же въ такомъ плохомъ видѣ, что посолъ Нани сжалился надъ нимъ и задержалъ его у себя нѣсколько дней на покоѣ. Самъ Вимина, въ письмѣ изъ Медлинга къ пріятелю, сѣтовалъ на то, что напрасно потерялъ много времени въ Смоленскѣ, и заболѣлъ не отъ работы, а отъ удручающей неподвижности [2]).

По возвращеніи въ Италію, Вимина занялся своимъ приходомъ въ Альпаго, и его жизнь потекла обычной чередой. Какъ и чѣмъ на сей разъ его отблагодарила Синьорія неизвѣстно, но благосклонность правительства къ нему не измѣнилась, при случаѣ за него даже стояли

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Czar di Moscovia, 1655—1740. Пам. дипл. снош., т. X, стр. 918.

[2]) Письмо Вимины къ аббату Перзико, 5-го мая 1656 года, находится въ Беллуно и принадлежитъ Г. Буццати. Напечатано въ Lettere inedite del secolo XVII, Belluno, 1842.

горой [1]). Такъ, еще во время путешествія въ Швецію, новый епископъ Беллуно потребовалъ, подъ угрозою каноническихъ наказаній, чтобы онъ возвратился въ Альпаго, давъ ему на это пятнадцатидневный срокъ. Немедленно за него вступился сенатъ и объяснилъ епископу, что для исполненія такого приказанія едва-ли хватитъ шести мѣсяцевъ. Другія непріятности возникли впослѣдствіи съ тѣмъ же епископомъ, когда Вимина бѣдствовалъ въ Россіи, и сенатъ снова его выручилъ, усердно за него ратуя. Наконецъ, что особенно было для него почетно, это то, что, при появленіи московскихъ посланцевъ, Вимина вызывался въ Венецію для участія въ переговорахъ. Это случилось два раза.

Алексѣй Михайловичъ сдержалъ данное слово [2]). Въ январѣ 1657 г. прибылъ въ Венецію стольникъ Иванъ Ивановичъ Чемодановъ съ дьякомъ Алексѣемъ Постниковымъ. Своими требованіями они удивили венеціанцевъ, запрашивая очень много и ничѣмъ не поступаясь. Такъ, они объявили, что посылать Донскихъ казаковъ противъ турокъ нельзя изъ опасенія Польши и Швеціи. Сами же они домогались займа «золотыхъ и ефимковъ, сколько мочно», для ратнаго дѣла. Предложеніе о взаимной торговлѣ было еще безцеремоннѣе: Чемодановъ желалъ купить безпошлинно въ Венеціи «аксамитовъ и бархатовъ», за что венеціанцамъ дозволили бы «всякіе въ Россіи покупать и мѣнять товары съ платежемъ указной пошлины». Такъ проявлялась уже тогда свирѣпствующая нынѣ тарифная борьба. Венеціанцы, ничего для себя не добившись, въ свою очередь, учтиво отклонили московскія просьбы.

Для насъ интересъ сосредоточивается на степени участія при этомъ Вимины. Ему было поручено привѣтствовать посольство и состоять при немъ. По выраженію Чемоданова, онъ былъ ихъ «приставомъ», и, какъ видно, исполнялъ свою обязанность съ большимъ усердіемъ. На его долю выпало также улаживаніе обычныхъ недоразумѣній при представленіи посольства дожу, передачѣ грамотъ и посѣщеніи другихъ пословъ. Чемодановъ былъ въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ и чутокъ, какъ и всѣ его товарищи.

Этими формальностями и ограничилось вмѣшательство Вимины; собственно политику ему не удалось затронуть. При первой попыткѣ онъ получилъ такой отвѣтъ: «съ повелѣнія его царскаго величества посольскія дѣла слѣдуетъ объявить «думнымъ людемъ», а не вамъ». А въ другой разъ, когда Вимина спросилъ: «за то ль государь у насъ проситъ казны, что хочетъ намъ помочи дать на турокъ?» Чемодановъ возра-

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Senato, III, Secreti, Belluno, 1653—1656; Senato, Terra, filza 599, 613; Dispacci Germania, filza 105, f. 172, 174.

[2]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 1002—1096. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. II, стр. 207, 163. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 140 verso; Esposizioni Principi, filza 70.

Центральная ... Библиотека-Читальня Московскаго Союза ...

зилъ съ негодованіемъ: «ты, Альбертусъ, говоришь непристойныя слова, простыя... а то, ты тѣ слова говоришь бездѣльныя».

Взаимныя отношенія, однакожъ, не пострадали отъ этихъ выходокъ. Какъ съ самаго начала Вимина пилъ чашу «про государское многолѣтное здравье», такъ и на послѣдокъ онъ поднесъ миро св. Николая Барскаго, съ просьбою передать его Алексѣю Михайловичу, на что послы охотно согласились. Другое предложеніе было ими отвергнуто безъ всякаго колебанія. Вимина доложилъ имъ однажды, что папа Александръ VII прислалъ нарочно гонца и велѣлъ провѣдать, будутъ ли посланники къ нему въ Римъ? А онъ, папа, велѣлъ въ городахъ и заставахъ пути отпереть, и кормы довольные, и подводы, и встрѣчи въ городахъ изготовить. На это лестное приглашеніе Чемодановъ отвѣтилъ, что ѣхать въ Римъ у нихъ указу нѣтъ, «а безъ его государскаго повелѣнія и указу его государевымъ посланникомъ ѣхать невозможно, и то дѣло не сбыточное». Вимина не обидѣлся, не настаивалъ и, при отъѣздѣ, проводилъ пословъ до Тріента.

Другое московское посольство появилось въ Венеціи въ 1663 г. [1]). Главнымъ лицомъ былъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій. Ему сопутствовалъ дьякъ Иванъ Давыдовъ. Въ статейномъ спискѣ упоминается также Вимина, но только дважды и какъ бы мимоходомъ. Въ венеціанскихъ документахъ его имя даже совершенно отсутствуетъ. Значитъ, на этотъ разъ ему не пришлось часто и дѣятельно выступать. Тѣмъ и заканчиваются его сношенія съ Москвою.

Вимина скончался 11-го января 1667 года въ Альпаго и былъ похороненъ въ мѣстной приходской церкви [2]). Надгробная надпись, которая приводится въ его посмертныхъ запискахъ, теперь болѣе не существуетъ. Можетъ быть, она погибла при перестройкѣ церкви, жестоко пострадавшей отъ землетрясенія 29-го іюля 1873 года.

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Альберта Вимины, въ 1671 году, вышли въ свѣтъ его записки о Польшѣ, Московіи и Швеціи [3]). Издателями являются братъ усопшаго, Леонардо Вимина, и юристъ Джіованни Баттиста Казотти. Надо признаться, что большого значенія этимъ запискамъ придавать нельзя, главнымъ образомъ, потому, что авторъ не указываетъ на свои источники, а значительная часть его матеріала

[1]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 671—802. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. II, стр. 208, 263. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 151 verso. Въ запискахъ Желябужскаго (1682—1709) объ этомъ посольствѣ не упоминается.

[2]) Такъ значится въ Registro morti di Pieve d'Alpago.

[3]) Historia delle Guerre civili di Polonia, Divisa in cinque libri. Progressi dill'Armi moscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia e Svetia e loro Governi. Di Don Alberto Vimina, Bellunese. In Venetia, M DC LXXI.

очевидно заимствована изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Свою поѣздку къ Хмѣльницкому и вообще сношенія Венеціи съ Украйною онъ совершенно замалчиваетъ, вслѣдствіе, конечно, политическихъ соображеній. Между тѣмъ, личныя его наблюденія и замѣтки были бы для насъ самымъ цѣннымъ вкладомъ.

Въ частности, что касается до Московіи, то онъ могъ имѣть лишь мало непосредственныхъ свѣдѣній, пробывъ только нѣсколько недѣль въ Смоленскѣ, да къ тому же въ полномъ бездѣйствіи и болѣзненномъ состояніи. При составленіи своей записки, онъ имѣлъ въ виду описать положеніе Россіи, ея климатъ, нравы, религію, правленіе, силы и богатство. Обширную задачу авторъ исполнилъ въ скромныхъ размѣрахъ. Замѣтно на него вліяніе Герберштейна и Поссевина, къ мнѣнію которыхъ онъ часто примыкаетъ, хотя ссылается на нихъ всего на всего одинъ разъ. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося по новизнѣ или важности у него не встрѣчается. Его наблюденія сводятся къ замѣткамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ и правдивымъ, которыя по плечу всякому образованному путешественнику.

Всего интереснѣе описаніе личности Алексѣя Михайловича, хотя и сдѣланное, безъ сомнѣнія, по наслышкѣ [1]). Вимина изображаетъ московскаго царя какъ человѣка набожнаго и благочестиваго, преданнаго молитвѣ и постничеству, чуждаго праздникъ увеселеніямъ, характера тихаго и мягкаго, но съ проблесками жестокости.

Главный упрекъ, взводимый на царя, состоитъ въ ненасытной алчности. Ради пополненія своей казны, онъ будто бы прибѣгалъ, безъ зазрѣнія совѣсти, къ самымъ беззаконнымъ и даже позорнымъ мѣрамъ.

На этомъ описаніи обрывается записка о Московіи.

П. Пирлингъ.

---

[1]) Historia, стр. 321.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

I.

Назначеніе въ 1855 году В. И. Назимова виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Прибытіе его въ Вильну.—Его характеристика.—Балъ въ Вильнѣ.—Вечеръ у генералъ-губернатора.—Вильна при В. И. Назимовѣ.—Дворянскій клубъ.—Назначеніе Никотина чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ.—Поѣздка въ Москву на коронацію.—Записки В. И. Назимова объ освобожденіи крестьянъ.—Прощеніе политическихъ преступниковъ.—Коронаціонныя торжества.

21-го февраля 1856 года, въ 10 часовъ по полудни, прибылъ въ Вильну ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, занимавшій передъ тѣмъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа и назначенный сюда 10-го декабря 1855 года. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали: М. И. Похвисневъ, впослѣдствіи виленскій губернаторъ, племянникъ

[1]) Подлинныя записки принесены дочерьми Ивана Акимовича въ даръ музею графа М. Н. Муравьева въ Вильнѣ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата И. А., 19-го августа 1846 г. поступилъ на службу въ канцелярію московскаго губернатора, съ января 1847 по январь 1850 года былъ помощникомъ правителя канцеляріи калужскаго губернатора, а затѣмъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при томъ же губернаторѣ. Въ іюлѣ 1851 года онъ былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ къ начальнику Виленской губерніи, а 12-го іюля 1856 года назначенъ штатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при виленскомъ, гродненскомъ и ковенскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ 1863 году, во время польскаго мятежа, И. А. былъ неоднократно командируемъ гр. М. Н. Муравьевымъ съ разными порученіями. Такъ, одно время, онъ состоялъ при отрядѣ генералъ-лейтенанта Бакланова въ Августовской губерніи, для введенія въ дѣйствіе военно-гражданскаго управленія и для подготовительныхъ работъ

его, правовѣдъ В. А. Тырковъ, назначенный вскорѣ чиновникомъ особыхъ порученій, и молодой докторъ Макеевъ, какъ кандидатъ на должность инспектора врачебной управы, которую занималъ тогда статскій совѣтникъ Поветанскій, и которую затѣмъ получилъ полякъ Бартошевичъ, докторъ же обратно уѣхалъ въ Москву. Семейство генералъ-губернатора осталось въ Москвѣ до весны, такъ какъ къ тому времени надѣялись устроить заново квартиру. На третій день послѣ пріѣзда оповѣщенъ былъ общій пріемъ служащихъ, въ десять часовъ утра. Къ назначенному времени всѣ вѣдомства были уже въ сборѣ и размѣстились, каждое отдѣльно, кругомъ стѣнъ, въ большой залѣ верхняго помѣщенія дворца, такъ что по серединѣ комнаты образовалось довольно обширное пространство. Въ началѣ одиннадцатаго часа вышелъ въ залъ вновь прибывшій начальникъ края, въ сопровожденіи виленскаго губернатора А. О. Россета и губернскаго предводителя дворянства Пусловскаго.

Съ первыхъ же пріемовъ при представленіи обнаружилось, что, несмотря на суровую наружность, неограниченная доброта составляла отличительную черту характера Владиміра Ивановича. Какъ оказалось, край былъ знакомъ ему еще съ 1840 года, когда онъ былъ присланъ въ Вильну въ званіи флигель-адъютанта, по одному политическому дѣлу, императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Увидѣвъ доктора Велька, который по этому дѣлу содержался подъ арестомъ, онъ расцѣловался съ нимъ и разговаривалъ про грустное былое время минутъ 15, если не болѣе. Поцѣлуи генералъ-губернатора съ представлявшимися дворянами повторялись очень часто,такъ какъ оказалось, что между ними было множество старыхъ его знакомыхъ. Подойдя къ чинамъ палаты государственныхъ имуществъ, которою управлялъ тогда не водившій знакомства съ генералъ-губернаторскими секретарями, статскій совѣтникъ М. К. Веприцкій, вполнѣ русскій человѣкъ, новый начальникъ края

по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ 1864 г. И. А. Никотинъ былъ назначенъ управляющимъ отдѣленіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденнымъ въ Вильнѣ, въ апрѣлѣ того же года—членомъ виленской Археографической коммиссіи и въ іюлѣ—управляющимъ особой канцеляріи, въ которой сосредоточены были дѣла по устройству края послѣ усмиренія мятежа. Съ высочайшаго соизволенія въ апрѣлѣ 1865 года И. А. былъ откомандированъ въ распоряженіе графа М. Н. Муравьева для составленія отчета по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ и записокъ. Въ 1866 году Никотинъ былъ назначенъ членомъ ревизіонной коммиссіи по дѣламъ римско-католическаго духовенства, и въ декабрѣ 1868 г.—минскимъ губернаторомъ. Спустя два года, онъ былъ причисленъ къ государственному контролю и съ іюня 1870 г. разновременно управлялъ контрольными палатами люблинскою, лифляндскою и минскою. Онъ скончался 4-го апрѣля 1890 г.

поднялъ такой крикъ, который давно не приходилось мнѣ слышать на службѣ. Ну, подумалось мнѣ невольно, вотъ гроза-то, а какимъ смиренникомъ прикинулся вначалѣ; значитъ, нужно держать ухо востро! И чего, чего не пришлось выслушать про это министерство: «воровство, подъ судъ»—такъ и лилось одно за другимъ изъ устъ разсерженнаго представителя высшей власти. Бѣдный управляющій не смѣлъ рта раскрыть въ свое оправданіе и совершенно растерялся. Впослѣдствіи онъ былъ смѣщенъ, и бѣдняку пришлось чуть не умирать съ голоду, живя въ Петербургѣ въ отставкѣ, гдѣ-то въ глуши. Онъ самъ пилилъ себѣ дрова, въ чинѣ статскаго совѣтника, а иные генералъ-губернаторскіе секретари проигрывали въ карты по двѣ тысячи рублей въ вечеръ и въ усъ себѣ не дули. Жалко было намъ очень добраго Марка Клементьевича и его гостепріемную и радушную семью, которая принимала насъ, русскихъ, отъ души, чѣмъ Богъ послалъ. Жилъ онъ въ Вильнѣ очень скромно, и ничего дурнаго про него не было слышно.

Но вотъ, наконецъ, дошла очередь и до меня; какъ стучало тогда въ груди моей молодое, ретивое сердце, даже духъ захватывало... Едва только губернаторъ сказалъ: «мой старшій чиновникъ особыхъ порученій Никотинъ»—какъ Владиміръ Ивановичъ спросилъ меня: «сынъ Акима Максимовича?» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ подалъ мнѣ руку:

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ,—и съ вами познакомиться. Получили ли вы письмо отъ вашего батюшки, которое я привезъ вамъ отъ него?

Я отвѣчалъ отрицательно, и тогда В. И. Назимовъ обратился къ чиновнику особыхъ порученій маіору А. Д. Михневу.

— Какъ вамъ не стыдно, Андрей Дмитріевичъ,—сказалъ онъ,—пріѣхали мы уже два дня, сынъ ждетъ письма отъ отца, а вы до сихъ поръ ему еще не отдали... Гдѣ письмо?

— Оставилъ у себя дома, ваше высокопревосходительство.

— Поѣзжайте сейчасъ же и привезите поскорѣе...

— Прошу васъ не забывать мой домъ,—продолжалъ Владиміръ Ивановичъ, снова подавая мнѣ руку. Вашего батюшку я знаю давно; люблю его и уважаю; мы съ нимъ вмѣстѣ служили въ Москвѣ, въ шестомъ корпусѣ; надѣюсь, что вы будете служить хорошо.

Минутъ сорокъ спустя, мнѣ вручено было самимъ Владиміромъ Ивановичемъ письмо, въ которомъ отецъ прислалъ мнѣ въ подарокъ четыре серіи.

Общій пріемъ представлявшихся въ тотъ день продолжался болѣе трехъ часовъ, но, какъ всякому дѣлу бываетъ конецъ, такъ было и тутъ; въ началѣ втораго часа по полудни мы разошлись по домамъ. Всѣ присутствовавшіе, въ особенности поляки, были въ восторгѣ отъ радушія

новаго начальника, толкамъ и ликованіямъ ихъ не было конца... Возвратясь домой, я тотчасъ же написалъ письмо въ Москву къ отцу, въ которомъ, поблагодаривъ его за подарокъ, убѣдительно просилъ его — похлопотать у Владиміра Ивановича, чтобы онъ перевелъ меня къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Оставаться при губернаторѣ мнѣ не было никакого разсчета; при томъ между нами болѣе года длились натянутыя отношенія; хотя я и жилъ съ нимъ вмѣстѣ по-прежнему на одной квартирѣ, но видѣлся только по службѣ. Холодный и капризный эгоизмъ его сильно мнѣ опротивѣлъ; при томъ онъ имѣлъ намѣреніе оставить Вильну, которая крайне ему надоѣла. Желаніе мое, какъ увидимъ ниже, скоро и осуществилось.

Недѣли три спустя, послѣ пріѣзда генералъ-губернатора, надѣвши мундиръ, я отправился къ Владиміру Ивановичу съ шестью томами своихъ пятилѣтнихъ трудовъ, по историко-статистическому описанію Виленской губерніи, намѣреваясь попросить у него разрѣшенія—посвятить ему мои записки. Засталъ его въ верхнемъ помѣщеніи дворца, въ красной гостиной. Онъ смотрѣлъ на смѣну караула дворцовой гауптвахты, помѣщающейся на обширномъ дворѣ, прямо противъ дворца. Увидѣвши меня въ полной парадной формѣ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— По какому случаю вы сегодня въ мундирѣ?

— По принятому порядку при предмѣстникѣ вашего высокопревосходительства, служащіе иначе не являлись къ нему, какъ въ такой формѣ.

— Ну, при мнѣ этого не будетъ, на службѣ вицъ-мундиръ, а въ остальное время—сюртукъ, пиджакъ, совершенно запросто. Мундиръ же берегите на высокоторжественные дни... А это что у васъ за фоліанты?

— Мои пятилѣтніе труды, ваше высокопревосходительство,—историческое описаніе вѣроисповѣданія Литвы и Виленской губерніи,—отвѣчалъ я ему, подавая одинъ томъ, а тутъ—статистическое описаніе губерніи,—торговые пути Литвы.

— Прекрасно,—отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, перелистывая толстую тетрадь въ 380 страницъ убористаго письма,—что же вы хотите?

— Посвятить ихъ вашему имени, и, если возможно, напечатать ихъ на счетъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи вашего высокопревосходительства.

— Я дамъ разсмотрѣть вашъ, повидимому, прекрасный трудъ, и очень радъ буду исполнить ваше желаніе, если онъ будетъ одобренъ.

Передавши затѣмъ и остальныя пять тетрадей моихъ записокъ Владиміру Ивановичу, который, перелиставши ихъ и похваливши мою любо-

знательность, положилъ ихъ на стоявшій между двумя окнами столъ-шкафъ, прибавивъ затѣмъ: «не забывайте меня и приходите почаще».

Послѣ этого представленія, я сталъ бывать во дворцѣ чуть не каждый день и близко сошелся съ В. А. Тырковымъ, моимъ будущимъ сотоварищемъ по службѣ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Вильну, несмотря на восторженныя овацiи поляковъ, Владиміръ Ивановичъ очень скучалъ по своей семьѣ и торопилъ отдѣлку квартиры; по вечерамъ, отъ нечего дѣлать, онъ со всѣми своими пріѣзжими часто посѣщалъ театръ и постоянно бралъ и меня съ собою, когда заставалъ у нихъ въ гостяхъ.

Наступившій великій постъ сдѣлалъ временную пріостановку въ этомъ невинномъ развлеченіи. Въ этотъ промежутокъ я имѣлъ неоднократный случай убѣдиться въ высокой добротѣ Владиміра Ивановича: онъ не умѣлъ отказать никому и ни въ чемъ и, при малѣйшей возможности, старался сдѣлать добро каждому, чѣмъ впрочемъ пользовались часто и недостойные люди; но это уже не его вина.

Наступила наконецъ и столь давно ожидаемая весна. Роскошный май мѣсяцъ одѣлъ въ чудную свѣжую зелень Вильну съ ея живописными окрестностями; все повеселѣло въ природѣ, отлегло на сердцѣ и у достойнѣйшаго Владиміра Ивановича: квартира была готова, и къ нему наконецъ пріѣхало столь давно ожидаемое семейство. Семья состояла: изъ жены Анастасіи Александровны, сына и трехъ дочерей, изъ который старшей было 14 лѣтъ, и воспитанницы Э. А. Гауке; при дочеряхъ находились три гувернантки: француженка Леронъ, нѣмка Генрихсенъ, и для англійскаго языка—Козакевичъ; при сынѣ былъ воспитатель—швейцарецъ М. Н. Падренъ-де-Карне, личность во всѣхъ отношеніяхъ святая и достойная любви и уваженія; онъ былъ вскорѣ назначенъ директоромъ Виленскаго дворянскаго института. Старушка Елизавета Григорьевна, пріѣхавшая съ ними, завѣдывала хозяйствомъ цѣлаго дома; впослѣдствіи большую часть этого труда сумѣлъ присвоить себѣ французъ Розенштейнъ, имѣвшій ферму подъ Вильною. Старушка эта никогда не могла переварить подобнаго распоряженія Владиміра Ивановича и постоянно называла новаго распорядителя—жидокъ или болванчикъ. Любившій пошутить въ семейномъ кругу, Владиміръ Ивановичъ часто пользовался этою ненавистью старушки, ссорилъ ихъ между собою, и тогда выходили уморительныя сцены, тѣмъ болѣе, что она не понимала ни слова по-французски, а Розенштейнъ не зналъ ничего порусски.

Вскорѣ послѣ пріѣзда генералъ-губернаторскаго семейства въ Вильну, сдѣлалось извѣстно, что на 27-е мая дворянство трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской—розослало по городу приглашенія на балъ. Этимъ празднествомъ оно хотѣло привѣтствовать новаго своего

начальника, «въ назначеніи котораго въ настоящую должность цѣлый край съ благоговѣніемъ и глубокою признательностію видѣлъ доказательство отеческаго милосердія всемилостивѣйшаго государя нашего, который любовь и правду, эти два священнѣйшія знаменія власти, происходящей отъ Бога, избралъ знаменіемъ своего царствованія, и олицетворенныя въ намѣстникѣ его, видимо поставилъ надъ нами» [1]).

Балъ назначенъ былъ въ домѣ Миллеровъ, на Нѣмецкой улицѣ, наискось отъ Европейской гостиницы: помѣщеніе довольно скудное, но избрано было только по причинѣ большой залы, единственной въ Вильнѣ послѣ дворцовой. Но, вѣдь «не красна изба углами, а красна пирогами», говоритъ пословица, и она на этотъ разъ оправдалась вполнѣ. Описать великолѣпіе этого празднества не достанетъ у меня ни умѣнья, ни силъ; надо было присутствовать тамъ, чтобы понять тотъ восторгъ, который воодушевлялъ всѣхъ присутствовавшихъ, и ту пышность и богатство дамскихъ нарядовъ, усиливавшихъ еще болѣе граціозность, красоту и блескъ. Это былъ воистину царскій пріемъ, оказанный дворянствомъ генералъ-губернатору, присланному въ несчастный край, дабы уврачевать, какъ говорили тогда, его тяжелыя раны...

На этомъ вечерѣ находились всѣ представители знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ литовскихъ родовъ—князей Четверинскихъ, Радзивилловъ, Гедройцей, графовъ Плятеровъ, Тышкевичей, Хрептовичей, Чапскихъ и другихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, наводнившихъ собою всю Вильну, которая избрана была ими мѣстомъ жительства на зимній сезонъ въ слѣдующіе годы. Должно сознаться, что, по словамъ самихъ поляковъ, супругѣ В. И. Назимова, Анастасіи Александровнѣ, во истину, принадлежала пальма первенства на этомъ блестящемъ вечерѣ. Она была одарена отъ природы красотой и необыкновенно добрымъ сердцемъ, которое проявлялось въ каждомъ взглядѣ и въ каждомъ движеніи. Хотя она была и не первой молодости, но своимъ игривымъ умомъ и изяществомъ манеры, съ перваго же раза, одержала надъ всѣми полнѣйшую побѣду. Всѣ присутствовавшіе на балу были отъ нея въ полнѣйшемъ восторгѣ и не находили словъ къ ея похваламъ. Вообще всѣ были убѣждены, что нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для проведенія примирительной политики съ поляками, какъ назначеніе въ Вильну В. И. Назимова. Въ первый разъ, послѣ пятилѣтняго пребыванія моего въ этомъ городѣ, мнѣ пришлось видѣть подобное торжество и подобныя овація представителю высшей власти въ краѣ; въ недавнее прошлое оно было даже и немыслимо. На задушевный тостъ дворянства, за роскошнымъ ужиномъ, гдѣ шампанское лилось рѣкою, генералъ-губернаторъ съ чувствомъ отвѣтилъ:

---

[1]) Изданіе Виленской Археологической коммиссіи, стр. 53.

— Свято исполняя волю всемилостивѣйшаго государя, я единственною цѣлію трудовъ своихъ поставляю благополучіе и счастіе ввѣреннаго мнѣ края.

Что послѣдовало за этими словами, описать трудно; у многихъ присутствовавшихъ невольно катились крупныя слезы радости, слезы восторга. На этомъ же балу Владиміръ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ на вечеръ 29-го мая, на дачу, въ «Звѣринецъ», а на другой день были разосланы и пригласительные билеты.

Тамъ, на правомъ берегу быстрой Виліи, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ, огибая великолѣпную сосновую Закретскую рощу, расположенную по лѣвой сторонѣ ея теченія и составляющую принадлежность генералъ-губернаторскаго дома, устроено лѣтнее мѣстопребываніе для главнаго начальника края, носящее названіе «Звѣринецъ», такъ какъ при немъ, въ огороженной частоколомъ сосновой рощѣ, жили дикія козы и даже два зубра изъ Бѣловѣжской пущи. Прежде «Звѣринецъ» принадлежалъ Радзивилламъ, а потомъ князю Витгенштейну. Мѣстность эта по истинѣ очаровательная. Если выйти на террасу при домѣ и смотрѣть оттуда на рѣку, быстро катящую свои серебристыя струи въ объятія Нѣмана, то прямо передъ наблюдателемъ поднимается на противоположномъ высокомъ песчаномъ берегу сосновая роща, любимое мѣсто прогулокъ виленскихъ жителей; направо, противъ самаго поворота рѣки, возвышается берегъ, поросшій различнаго рода деревьями и кустарниками, открывающій на вершинѣ своей, среди яркой зелени, небольшую загородную корчму «Королинку», куда, бывало, ѣзжали мы верхами— пить свѣжее молоко или густыя сливки; налѣво, черезъ Закретскую рощу, расчищена была длинная просѣка, съ цѣлію расширить видъ на могильную часовню, въ которой въ 1796 году была похоронена княгиня Репнина, супруга перваго литовскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, вверхъ по ея теченію, разбросаны небольшіе домики мѣстныхъ прибрежныхъ жителей.

Съ самаго переѣзда туда на лѣто генералъ-губернатора съ семействомъ, это мѣсто, почти въ теченіе пяти мѣсяцевъ, дѣлалось ежегодно средоточіемъ широкаго русскаго гостепріимства нашего добрѣйшаго начальника; каждый день тамъ собиралось общество, а по воскресеньямъ число посѣтителей простиралось далеко за сотню; на званомъ же вечерѣ 29-го мая число гостей превышало триста человѣкъ. Тѣ же самыя сцены всеобщаго увлеченія и восторга повторились и здѣсь. Этотъ праздникъ былъ еще оживленнѣе, такъ какъ здѣсь встрѣтились уже знакомыя лица. Въ этихъ двухъ балахъ всѣ видѣли тогда особенную многознаменательность и придавали имъ необыкновенное политическое значеніе, ожидая новой счастливой жизни для цѣлаго края. И дѣйствительно, неограниченная доброта Назимова, душевная теплота и радушіе

милаго его семейства—открывали новую эру въ мѣстной жизни не только Вильны, но и всей западной окраины. Двери генералъ-губернаторскаго гостепріимнаго дома широко растворились настежь, и каждый посѣтитель встрѣчалъ въ немъ радушный привѣтъ, генералъ-губернаторскій титулъ не стѣснялъ никого. 15-го іюля, въ день именинъ Владиміра Ивановича, число гостей считалось обыкновенно сотнями, а 12-го февраля, въ день рожденія Анастасіи Александровны, число приглашенныхъ на балъ доходило до 900 человѣкъ; всѣ они оставались ужинать, и шампанское лилось рѣкою. Можно смѣло сказать, что съ мая мѣсяца 1856 года по февраль 1861 года нѣкогда древняя столица Литвы сдѣлалась средоточіемъ лучшаго польскаго общества, которое стало проводить цѣлую зиму въ Вильнѣ. Всѣ дни бывали разобраны; баламъ, любительскимъ спектаклямъ, обѣдамъ, пикникамъ и тому подобнымъ удовольствіямъ не было конца; одно веселье смѣняло другое. Торговля оживилась; стали открываться новые магазины; однимъ словомъ, Вильна сдѣлалась такимъ городомъ, въ которомъ скука была изгнана изъ обыденной жизни ея жителей; картежная игра на вечерахъ польской интеллигенціи кончалась нерѣдко десятками тысячъ; даже ремесленники имѣли свои общественные вечера—шпицъ-балики, за Острыми воротами, въ домѣ Кособуцкаго. Вообще первыя пять лѣтъ, послѣ пріѣзда Назимовыхъ, можно назвать положительно золотымъ вѣкомъ Вильны.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 года былъ открытъ въ Вильнѣ дворянскій клубъ, къ учрежденію котораго было приступлено дворянствомъ по приглашенію Владиміра Ивановича, вскорѣ послѣ знаменитыхъ майскихъ баловъ Мнѣ, однако, не суждено было сдѣлаться его членомъ и вотъ по какой причинѣ. Для осуществленія мысли объ устройствѣ дворянскаго клуба, весьма сочувственно принятой дворянствомъ, такъ какъ въ Вильнѣ до той поры не было дома для общественныхъ собраній, открыта была подписка, и на первый годъ плата за билетъ назначена въ 30 руб., въ виду предстоявшихъ расходовъ на обзаведеніе. Всѣ внесшіе сказанную плату въ срокъ считались членами-учредителями и поступали въ члены клуба безъ баллотировки. Случилось такъ, что, записавшись въ члены, я ѣздилъ въ командировку въ Гродненскую губернію, откуда возвратился нѣсколько дней спустя, по истеченіи назначеннаго для взноса денегъ срока. Сознаюсь откровенно, хоть мнѣ и очень было жаль пожертвовать тридцать рублей на клубъ, до котораго вообще я былъ не большой охотникъ, но, скрѣпя сердце, понесъ я тотчасъ по пріѣздѣ свою лепту на признанное обществомъ полезное дѣло. Прихожу въ комитетъ; представляю презрѣнный металлъ (тогда водилось еще у насъ золото), и вдругъ получаю въ отвѣтъ: вы должны баллотироваться.

— Помилуйте, господа, моя фамилія стоитъ въ спискѣ учредителей, служебная отлучка—законная причина пропуска срока...

— Но вы сознаетесь, что все таки срокъ пропущенъ вами.

— И такъ, по вашему мнѣнію безъ баллотировки, вы не признаете возможнымъ допустить меня въ члены-учредители клуба?

— Невозможно... Но васъ непремѣнно выберутъ.

— Благодарю за честь, господа, и затѣмъ прощайте,—отвѣчалъ я имъ, кладя въ кошелекъ полуимперіалы.

Знакомые мои стали подтрунивать надо мною по этому случаю; оказалось, однако, на повѣрку, что я выдержалъ характеръ и членомъ Виленскаго клуба не былъ,—жалѣть объ этомъ не пришлось.

Четыре раза въ недѣлю шли представленія въ театрѣ, труппа была отличная, и спектакли посѣщались обществомъ очень охотно; самъ генералъ-губернаторъ подавалъ къ тому примѣръ; а я и безъ того питалъ особую страсть къ театру и не пропускалъ ни одного представленія. Кромѣ того въ зимній сезонъ обыкновенно бывали маскарады по субботамъ, въ залѣ Миллера, съ платою по 60 коп. за входъ, которые очень нравились виленской публикѣ.

18-го іюля 1856 года исполнилось мое пламенное желаніе: въ этотъ день министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ меня чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Въ первое за тѣмъ воскресеніе, во время виста, за который усадили меня послѣ обѣда въ «Звѣринцѣ», подошелъ къ нашему столу Владиміръ Ивановичъ и спросилъ меня: счастливо ли я играю?

— Одинъ роберъ кончили, и я выигралъ; но, вѣдь, конецъ вѣнчаетъ дѣло, ваше высокопревосходительство.

— Желаю успѣха; вамъ нужны теперь деньги, — продолжалъ онъ, отходя отъ стола, въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

Подошедшій вслѣдъ за нимъ правитель генералъ-губернаторской канцеляріи Э. А. де-Роберти, съ которымъ я жилъ очень дружно, попросилъ меня, по окончаніи робера, на пару словъ. Кончивши игру, я отправился за нимъ на поиски и нашелъ его въ малой гостиной. Сидя на диванѣ въ ожиданіи меня, онъ перелистывалъ какую-то книгу.

— Присядьте-ка сюда, мнѣ нужно васъ поразспросить кой о чемъ,— сказалъ онъ мнѣ, указывая на диванъ.—Знаете вы дорогу въ Минскъ?

— Нѣсколько разъ ѣздилъ по ней.

— Ну, а на Смоленскъ? Вамъ предстоитъ командировка...

— По этой дорогѣ я ѣзжалъ изъ Москвы...

— Ну, а въ Москву?—продолжалъ онъ, разсмѣявшись.—Васъ беретъ съ собою Владиміръ Ивановичъ на коронацію.

Мысль побывать въ дорогой Москвѣ, нашей матушкѣ-Бѣлокаменной, гдѣ я воспитывался и началъ службу, посмотрѣть на великое торжество русскаго народа, повидаться съ отцомъ, съ родными, которыхъ я не видѣлъ уже три года, несказанно меня обрадовала. Картина былаго

счастія студенческой жизни, дружное товарищество, все, все дорогое — живо воскресло въ моей памяти. Молча пожавши крѣпко руку Эмилію Адольфовичу, подъ вліяніемъ волновавшихъ меня чувствъ, я пошелъ поблагодарить В. И. Назимова за сообщенную мнѣ новость. Моя радость, видимо, порадовала и начальника, съ домомъ котораго связано у меня столько дорогихъ воспоминаній.

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца я получилъ курьерскую подорожную съ предписаніемъ ѣхать въ Москву къ Владиміру Ивановичу, который еще въ іюлѣ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Москвѣ я остановился у отца въ Хамовникахъ, а В. И. Назимовъ квартировалъ у Страстнаго монастыря, у своего брата Александра Ивановича, который завѣдывалъ университетскою типографіею.

Однажды, за нѣсколько дней до коронаціи, вошедши въ послѣобѣденное время въ переднюю квартиры В. И. Назимова, я услыхалъ необыкновенный крикъ его,—признакъ, что онъ сердился. Войдя въ залъ, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, направо отъ дверей, сидѣлъ за перепискою какой-то бумаги военный писарь; генералъ-губернаторъ, держа въ рукахъ до половины переписанный листъ, сердился ужасно... Замѣтивши мой приходъ, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ.

— Слава Богу, что вы хоть зашли сюда, а то всѣ мои разбѣжались и оставили меня одного; вотъ седьмой листъ ужъ портитъ эта каналья, а я черезъ два часа долженъ отнести эту записку къ государю.

— Позвольте, я ее перепишу, ваше высокопревосходительство; это дѣло мнѣ не ново... Посмотрите, писарь совершенно растерялся... ему нужно успокоиться.

Владиміръ Ивановичъ очень обрадовался моему предложенію. Я усѣлся за работу и, часъ спустя, всеподданнѣйшая записка была готова. Генералъ-губернаторъ доводилъ въ ней до высочайшаго свѣдѣнія готовность дворянства Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, выраженную губернскими предводителями дворянства, содѣйствовать намѣренію государя освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Прочитавши записку и похваливши мой почеркъ, Владиміръ Ивановичъ добавилъ:

— Смотрите, никому ни слова про эту записку, это государственный и самый строгій секретъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ во дворецъ Владиміръ Иванович ъ передалъ мнѣ секретные списки политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь изъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, которымъ даровано было всемилостивѣйшее прощеніе ко дню коронаціи, съ правомъ возврата на родину, и поручилъ мнѣ составить изъ нихъ, на завтра, къ 10 чамъ утра, три отдѣльныхъ списка по губерніямъ, чтобы можно было ихъ немедленно отправить къ губернаторамъ, для

опубликованія на мѣстахъ въ день священнаго коронованія. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я, по приходѣ домой, за эту пріятную работу; сколько послѣдуетъ благословеній и сколько радостныхъ слезъ, думалось мнѣ, будетъ пролито при вѣсти объ освобожденіи тѣхъ, кто тяжелою неволею и кровавымъ трудомъ искупалъ грѣхи своей молодости или преступнаго увлеченія.

Былъ уже третій часъ за полночь, когда я переписалъ набѣло третій списокъ. Провѣряя затѣмъ общій итогъ сосланныхъ, которыхъ по министерскому списку значилось 282, я замѣтилъ, что по тремъ отдѣльнымъ мною составленнымъ спискамъ — ихъ выходило однимъ больше. Меня обдало какъ варомъ. Принимаюсь снова провѣрять и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу по фамиліямъ; повидимому, все переписано вѣрно, а ошибка не находится. Бужу наконецъ двоюроднаго брата, который спалъ въ комнатѣ, гдѣ я занимался, и прошу его помочь моему горю. Принимаемся вдвоемъ за провѣрку, описки нѣтъ, а одинъ арестантъ по моимъ спискамъ все-таки выходитъ лишній; просматриваемъ на нихъ нумерацію—все вѣрно, наконецъ я сталъ считать лицъ, помѣщенныхъ на министерскомъ спискѣ; оказалось, что внизу третьяго листа и въ началѣ четвертаго повторена была два раза одна и та же цифра. Былъ уже седьмой часъ, когда я сдѣлалъ это открытіе, спать было некогда. Напившись чаю въ восемь часовъ утра, я поѣхалъ къ моему начальнику. Могъ ли я думать тогда, что въ недалекомъ будущемъ за дарованныя милости будетъ отплачено кровавымъ мятежемъ?

Описывать коронаціонныя торжества я не стану; это превыше моихъ силъ; да я думаю, что и никто не будетъ въ состояніи передать во всей подробности величіе этихъ народныхъ торжествъ, слѣдовавшихъ непрерывно одно за другимъ въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца и напоминавшихъ собою разсказы Шехерезады изъ 1001 ночи. Ѣхавши въ Москву, я ожидалъ увидѣть много величественнаго, но видѣнное мною торжество далеко превзошло всѣ мои смѣлыя ожиданія. Разскажу здѣсь только нѣкоторые эпизоды.

Въ то самое время, когда идея освобожденія крестьянъ, зародившаяся въ добромъ сердцѣ государя, начинала уже, хотя и подъ большимъ секретомъ, пробиваться наружу, народъ уже ожидалъ золотой волюшки. Объ этомъ ходили неясные толки по Москвѣ между дворовыми людьми. Въ тотъ день, когда герольды, объявляя по столицѣ о предстоявшемъ торжествѣ коронаціи, разбрасывали въ народъ хромолитографированныя объявленія, можно было замѣтить, съ какимъ увлеченіемъ подхватывались эти листки толпою, между которою была масса прислуги, отпросившейся у господъ поглядѣть на церемонію, или ушедшей туда и безъ спросу; всѣ они были увѣрены, какъ разсказывали потомъ сами, что, доставъ грамоту, они тѣмъ самымъ надѣлялись полу-

чить себѣ свободу. Какъ ни велико потомъ было ихъ разочарованіе, но не было ни одного примѣра неповиновенія помѣщичьей власти.

Воскресный день 26-го августа выдался самый безукоризненный: солнце сіяло полнымъ блескомъ, съ минуты появленія своего на небосклонъ и до заката, какъ бы желая содѣйствовать величію предстоявшаго торжества. Съ самаго ранняго утра народныя волны одна за другою поминутно приливали въ Кремль; всюду встрѣчались радостныя лица, всѣ спѣшили взглянуть на батюшку-царя, котораго Господь благословилъ такимъ свѣтлымъ денькомъ. Вдвоемъ съ братомъ, служившимъ въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, отправился и я въ Кремль, часу въ седьмомъ утра, чтобы заранѣе пробраться на мѣста, которыя мы имѣли въ первомъ ряду на эстрадѣ, около Успенскаго собора. Придя туда, мы убѣдились, что тамъ будетъ отлично видна процессія только при шествіи ея въ соборъ, а затѣмъ ея возвращенія мы не увидимъ. Оставивъ брата на мѣстѣ, я пошелъ попытать счастія вдоль возвышенія, покрытаго краснымъ сукномъ съ золоченными перилами по обѣимъ сторонамъ, по которому должно было совершиться шествіе отъ Краснаго крыльца въ соборъ. На всемъ его протяженіи разставлялись кавалергарды или конногвардейцы, точно сказать не умѣю; преображенцы, между которыми у меня было много знакомыхъ по Вильнѣ, занимали караулъ на гауптвахтѣ около Краснаго крыльца. Когда я подошелъ къ ней шаговъ на пятьдесятъ, знакомый голосъ полковника Карпова спросилъ меня, что я тутъ дѣлаю?

— Да вотъ ищу мѣстечка получше, чтобы посмотрѣть на торжество.

— Давайте сюда ваши руки,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—перегибаясь черезъ перила, и затѣмъ въ одну секунду, приподнявши меня, пересадилъ черезъ балюстраду.

— Ну, теперь пойдемте на гауптвахту,—сказалъ онъ;—тамъ готова закуска. Посидите подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока часовой ударитъ вызовъ, и когда построится караулъ, вы выходите смѣло и становитесь вотъ здѣсь, на барьеръ за будкою часоваго, около столба, за который можете держаться. Оттуда васъ никто не тронетъ, и вы все увидите, какъ на ладони; будете сходить подлѣ самаго Краснаго крыльца.

Благодаря его любезности, нежданно-негаданно я видѣлъ всѣ приготовленія въ торжеству и все коронаціонное шествіе не далѣе какъ въ шести шагахъ отъ себя.

Никогда не забуду то впечатлѣніе, которое вынесъ я въ этотъ день изъ священнаго Кремля; оно запечатлѣлось навѣки и въ моемъ сердцѣ, и въ моей памяти. Тутъ только я понялъ вполнѣ ту неразрывную связь, которая существуетъ у насъ на Руси между царемъ и народомъ и которая, какъ могучая сила, выбивалась наружу въ народныхъ ликова-

ніяхъ насмѣтной толпы и въ восторженныхъ ея кликахъ, обращаемыхъ къ верховному вождю и повелителю.

Возвращеніе царственной коронованной семьи во дворецъ представляло такое ослѣпительное зрѣлище, что французскій и англійскій послы, пораженные великолѣпіемъ картины, пріостановясь на мѣстѣ и закрывъ глаза рукою отъ блеска солнца, стали озираться кругомъ и чуть-чуть не задержали шествія; но, благодаря во-время сдѣланному имъ напоминанію церемоніймейстеромъ, они ускорили шаги, такъ что разомкнувшаяся было цѣпь шествовавшихъ снова сомкнулась. Возвращаясь домой изъ Кремля, я узналъ, что при первомъ ударѣ въ большой колоколъ на Иванѣ Великомъ, призывавшемъ своимъ благовѣстомъ къ принесенію вѣрноподданнической присяги нынѣ благополучно вѣнчанному на царство государю, онъ оторвался съ подвязей и полетѣлъ внизъ, и придавилъ собою своды колокольни. Народъ, толкуя про случившуюся бѣду, видѣлъ въ этомъ случаѣ предзнаменованіе чего-то недобраго, а митрополитъ московскій Филаретъ, услыхавши объ этомъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и молилъ Господа силъ, да помилуетъ Онъ государя отъ всѣхъ враговъ его видимыхъ и невидимыхъ.

Вечеромъ того дня отправился я съ братомъ и нѣсколькими близкими намъ лицами посмотрѣть на иллюминацію, которая представляла собою, что-то волшебное, невообразимо хорошее.

Домъ Римскаго-Корсакова, около Страстнаго монастыря, гдѣ квартировалъ французскій посолъ, иллюминованъ былъ въ два свѣта—зелеными и лиловыми шкаликами; дома прусскаго, англійскаго и австрійскаго пословъ, а также домъ генералъ-губернатора и графа Шереметева горѣли разноцвѣтными брилліантовыми огнями; вообще, куда ни оглянись, все видимое пространство залито было моремъ свѣта. Надъ всею Москвою стояло зарево отъ милліоновъ огней; на улицахъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь и государыня, а также и вся царская фамилія катались по городу и были восторженно привѣтствуемы народомъ: многіе вскакивали на подножку коляски и цѣловали экипажъ государя; нескончаемое «ура!» волнами разливалось по стогнамъ ликующей первопрестольной столицы. Изъ всѣхъ коронаціонныхъ торжествъ не вполнѣ удались—народное гулянье на Ходынскомъ полѣ и фейерверкъ на полѣ передъ кадетскимъ корпусомъ. Главною причиною неудачи этихъ двухъ празднествъ была погода: перемежающе-дождливая въ первый и сырая во второй; впрочемъ, народному празднику помѣшало еще и другое обстоятельство. Для угощенія народа, въ нарочно-устроенныхъ въ землѣ печахъ, жарились цѣлые быки, бараны и т. п. Само-собою разумѣется, что при такой массѣ невозможно было услѣдить за совершеннымъ прожариваніемъ мяса; убранство же яствами и разными угощеніями столовъ производилось дня за два, за три до назначеннаго праздн-

нества. Непрожаренныя части животныхъ стали гнить, и подъ конецъ распространяли такое зловоніе, что непріятно было близко подойти. Для устраненія неудачи придумали такую уловку: печатными объявленіями оповѣщено было заблаговременно народу, чтобы онъ стоялъ смирно и ожидалъ подъема царскаго флага, а затѣмъ можетъ свободно ѣсть, пить, гулять и брать, что угодно. Пріѣздъ государя на праздникъ ожидали въ полдень; между тѣмъ въ десятомъ часу утра, нарочно подняли флагъ, а затѣмъ объяснили, что хотѣли только попробовать, не зацѣпился ли онъ? Народъ, увидѣвши съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый сигналъ, бросился на столы и, не прошло затѣмъ десяти минутъ, какъ все было разобрано по рукамъ. Ѣхавши съ братомъ изъ Хамовниковъ на Ходынку въ одиннадцатомъ часу, мы повстрѣчали уже подъ Новинскимъ массу людей, возвращавшихся оттуда съ разною ношею: кто получилъ ногу барана, кто гуся, кто шапку. Сначала мы не могли понять, что это значило, когда же пріѣхали на мѣсто, то увидѣли, что остались нетронутыми одни только фонтаны съ виномъ, водкой, пивомъ и медомъ. Всѣ эти лакомыя мѣста зорко охранялись казаками и полиціею, а кругомъ ихъ массами толпился народъ, и паръ отъ нетерпѣливаго дыханія ожидавшихъ стоялъ столбомъ въ воздухѣ.

По пріѣздѣ на поле, государь, несмотря на начавшійся дождь, сѣлъ верхомъ и въ одномъ мундирѣ, окруженный блестящею свитою, поѣхалъ среди ликующаго народа. По случаю перемѣнчивой погоды въ этотъ день я надѣлъ дорожную, сѣраго сукна, ватную шинель и фуражку. Въ ожиданіи пріѣзда государя, стоялъ я съ братомъ вблизи второй эстрады отъ царскаго павильона, въ которой мы имѣли два мѣста въ первомъ ряду. При видѣ роскошныхъ дамскихъ нарядовъ присутствовавшихъ тамъ лицъ, мы порѣшили не забираться туда, а остаться на мѣстѣ. Въ это время около насъ разыгралась слѣдующая сцена. Какой-то господинъ, среднихъ лѣтъ, провожалъ двухъ изящно-одѣтыхъ молодыхъ дамъ; одна изъ нихъ была писанная красавица. Увидѣвши, что по ихъ билетамъ имъ придется сидѣть въ дальнемъ ряду, красавица стала выговаривать своему кавалеру, повидимому мужу, какъ не стыдно ему было не достать билетовъ въ первомъ ряду.

— Всѣ билеты были уже разобраны, увѣряю тебя,—отвѣчалъ онъ сильно взволнованной барынѣ.

— Неугодно ли посмотрѣть,—сказала она;—вонъ два мѣста остаются свободными до настоящей минуты.

Мѣста эти были наши.

Желая доставить удовольствіе посидѣть въ первомъ ряду крайне огорченной встрѣченною неудачею разряженной въ пухъ и прахъ барынѣ, я подошелъ къ ней и, попросивъ извиненія, что, не будучи знакомъ, предложилъ два билета въ первомъ ряду. Незнакомка моя

мгновенно оживилась; взявши очень охотно билеты, она поручила мужу по-французски спросить меня, сколько слѣдуетъ заплатить за нихъ?

— Я буду очень счастливъ, если могу услужить вамъ этою бездѣлицею,—поторопился я отвѣтить;—билеты мнѣ не нужны, такъ какъ костюмъ мой, дающій поводъ принять меня за барышника, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ, что мнѣ не приходится сидѣть въ такой шинели посреди столь блестящаго общества.

Смѣшно было смотрѣть, какъ переконфузилась модная барыня послѣ моихъ словъ; разсыпавшіеся въ благодарностяхъ и извиненіяхъ ея спутники положили конецъ этой смѣшной сценѣ.

Вечеръ, 8-го сентября, назначенный для фейерверка, былъ довольно теплый и совершенно тихій; но осенній воздухъ давалъ чувствовать сырость, которая и была главною причиною неудачи блистательнаго зрѣлища. На устройство фейерверка, — по словамъ стоустой молвы,—было отпущено до пятисотъ тысячъ рублей. Во весь путь, начиная отъ Кремля и до самаго кадетскаго корпуса, по улицамъ не было зажжено ни одного фонаря, по всему этому протяженію, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ другъ-отъ-друга, разставлены были шесты съ бенгальскими огнями; при каждомъ находился солдатъ съ фитилемъ, огни зажигались впереди царскихъ экипажей, по мѣрѣ ихъ слѣдованія и эффектно освѣщали дорогу. Фейерверкъ былъ установленъ на площади, передъ самымъ зданіемъ кадетскаго корпуса, подъ подъѣздомъ котораго находился царскій павильонъ, а входъ въ него былъ устроенъ изъ залы въ окно. Масса публики размѣстилась на нарочно выстроенныхъ эстрадахъ, даже на крышѣ кадетскаго корпуса были зрители. Я досталъ себѣ за рубль скамейку отъ швейцара, съ которою и путешествовалъ по полю съ мѣста на мѣсто; оказалось, на дѣлѣ, что выдумка моя была очень практична. Благодаря знакомству съ жандармскими офицерами, къ крыльцу корпуса подошелъ я чуть не ощупью; совершенный мракъ царствовалъ внизу; только народный говоръ показывалъ ясно, что число собравшихся зрителей считалось десятками тысячъ. Но вотъ отдаленное «ура!» возвѣстило, наконецъ, приближеніе царскаго поѣзда, и вслѣдъ затѣмъ вся мѣстность передъ корпусомъ освѣтилась 120 воздушными люстрами изъ бенгальскихъ огней; стало свѣтло, какъ днемъ, раздались звуки народнаго гимна, исполненнаго двумя тысячами пѣвчихъ и музыкантами всѣхъ полковъ, расположенныхъ тогда въ Москвѣ; вмѣсто турецкихъ барабановъ дѣйствовали пушки. Это была такая потрясающая до глубины души минута восторга, которую передать на бумагѣ невозможно. Гимнъ повторенъ былъ нѣсколько разъ при несмолкаемыхъ крикахъ «ура!». Наконецъ, послѣдовалъ сигнальный выстрѣлъ; вся площадь мгновенно смолкла и обратилась въ одно ожиданіе. И вотъ отъ царскаго павильона медленно полетѣла, въ горизонтальномъ направленіи, бабочка съ

брилліантовымъ хвостомъ и малиновымъ огонькомъ изо рта; минуту спустя, отъ ея прикосновенія, появилась блестящая декорація, представлявшая рѣшотку сада, за которою росли, поднимаясь все выше и выше, разноцвѣтныя Даліи;—игра цвѣтовъ была поразительная; снопъ ракетъ съ брилліантовымъ дождемъ и разноцвѣтными звѣздочками былъ ея заключеніемъ. Вслѣдъ затѣмъ появилось вензелевое изображеніе имени ихъ величествъ, въ нѣсколько переливовъ, встрѣченное громогласнымъ «ура!», которое замолкло при взлетѣвшемъ фугасѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ цвѣтныхъ звѣздъ. Съ послѣднею угасшею звѣздочкой, послѣдовательно открылись тріумфальныя ворота и памятникъ Ивана Сусанина, съ перемѣнами въ два свѣта. Дальнѣйшій ходъ фейерверка сидѣвшая на эстрадѣ публика не могла видѣть, такъ какъ дымъ, при бывшемъ тогда безвѣтріи, густою массою налегъ на землю и совершенно застлалъ ее собою, такъ что сорокатысячный марсовъ огонь, римскія свѣчи, капризы, разноцвѣтныя ракеты и тому подобныя чудеса пиротехники публика могла только слышать, да нюхать. Сидѣвшая на эстрадѣ съ правой стороны корпуса публика, куда тянуло дымъ, была не только закопчена, но съ трудомъ могла дышать отъ вредныхъ газовъ и спѣшила оставить свои дорого оплаченныя мѣста. Люди, случайно находившіеся версты за двѣ отъ фейерверка, видѣли прекрасно звѣзды римскихъ свѣчей, ракетъ, бураковъ; даже въ Хамовникахъ видны были нѣкоторыя ракеты. Простоявши на полѣ болѣе двухъ съ половиною часовъ, мнѣ пришлось еще и пропутешествовать пѣшкомъ до самыхъ Пречистенскихъ воротъ, то-есть minimum верстъ восемь, такъ какъ масса шедшей впереди публики захватывала встрѣчавшихся по пути извозчиковъ и наперерывъ платила бѣшеныя деньги. Сильно утомленный этою прогулкою, далеко за полночь, вернулся я домой и все-таки былъ несказанно радъ, что мнѣ удалось видѣть этотъ небывалый, я думаю, въ цѣломъ мірѣ фейерверкъ, которымъ и заключились коронаціонныя празднества.

Прогостивши затѣмъ еще около двухъ недѣль у отца, я снова долженъ былъ испытать грустное чувство разлуки съ нимъ и съ дорогою Москвою. Свыше пятинедѣльное пребываніе мое въ столицѣ показалось мнѣ какимъ-то отраднымъ сновидѣніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ стараго офицера [1]).

(К. Мартенса).

I.

Дѣтство и отрочество.—Отецъ и дѣдъ.—Рижское училище (Domschule).—Республиканскія игры.—Императрица Екатерина II.—Императоръ Павелъ I въ Ригѣ.—Страхъ отца.—Преобразованія въ училищѣ.—Смерть дѣда.—Печальныя послѣдствія моего образованія.—Беклешовъ.—Основаніе Дерптскаго университета.—Мое поступленіе въ университетъ.—Фридрихъ Парротъ.—Преобразованіе университета.—Мои занятія.—Императоръ Александръ въ Дерптѣ.—Дуэль.—Сцены изъ студенческой жизни.—Поѣздка въ Петербургъ.—Двѣ залы Зимняго дворца.

Мой отецъ былъ человѣкъ не заурядный. Вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ не получилъ правильнаго образованія, но былъ обязанъ всему тому, чего онъ достигъ въ жизни, своимъ природнымъ дарованіямъ и опытности. Онъ обладалъ обширнымъ и проницательнымъ умомъ и твердымъ непоколебимымъ характеромъ, но главною его чертою была неподкупная честность. Такъ, напр., онъ потерялъ въ одномъ процессѣ капиталъ въ 200 тысячъ рублей серебромъ только потому, что не хотѣлъ дать судьямъ взятку въ десять тысячъ рублей. Когда друзья убѣждали его пожертвовать этой суммой, онъ воскликнулъ съ величайшимъ гнѣвомъ:

— Какъ! я унижусь до подкупа! Никогда! Скорѣе потеряю все состояніе!

---

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem Kriegerischen und politischen Leben eines Offiziers. Ein Beitrag zur Geschichte der 1800—1848 Jahre von C. v. Martens.

Благодаря этой честности, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя подчиненные скорѣе боялись, нежели любили его за суровый нравъ.

Въ нашей провинціи (Курляндіи) существовало издавна двоякаго рода управленіе: правительственное и городовое.

Когда Курляндія была завоевана меченосцами, то они захватили себѣ всѣ земли, поработили въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова несчастныхъ мѣстныхъ жителей: латышей, ливовъ, эстовъ и выработали мало по малу систему управленія, основанную на привилегіяхъ дворянства, которое носитъ до сихъ поръ названіе рыцарства Ritterschaft. Рядомъ съ дворянствомъ, во вновь возникшихъ городахъ образовалось сословіе мѣщанъ, которые, обогатившись торговлею, освободились вскорѣ отъ вліянія дворянъ и выработали свое собственное управленіе. Это государственное устройство подтверждалось каждымъ изъ новыхъ покровителей Курляндіи, королями польскими, шведскими и русскими царями. Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II.

Съ учрежденіемъ ею городоваго положенія, и городъ Рига сталъ управляться магистратомъ, который раздѣлялся на три суда: гражданскій, коммерческій и уголовный. Во главѣ каждаго изъ нихъ стоялъ бургомистръ; въ собраніяхъ предсѣдательствовалъ президентъ гражданскаго суда, онъ же завѣдывалъ городскимъ имуществомъ и всѣми прочими доходами. Всѣ эти должностныя лица были выборные и избирались на три года. Мой отецъ, благодаря довѣрію своихъ согражданъ, занималъ этотъ высокій постъ въ теченіе 18-ти лѣтъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе, городское имущество было разорено и городъ былъ обремененъ большими долгами. Когда же онъ сложилъ съ себя свои обязанности, то городское имущество находилось въ цвѣтущемъ состояніи, доходы поступали правильно, и онъ передалъ своему преемнику полмилліона альбертсталеровъ.

Отецъ былъ характера гордаго и повелительнаго, онъ былъ холоденъ и недоступенъ, въ его домашнемъ обиходѣ величайшая роскошь уживалась вмѣстѣ со скаредностью. Въ удовлетвореніи своихъ желаній онъ былъ нерѣдко расточителенъ, а иной разъ былъ скупъ въ самомъ необходимомъ. О моемъ образованіи онъ вовсе не заботился. Учителей у меня было много, онъ платилъ имъ большія деньги, но я ничему не научился. Только благодаря заботливости моего дѣда съ материнской стороны я сталъ посѣщать на восьмомъ году жизни училище Domschule, которое было въ то время прекрасно обставлено. Въ немъ воспитались многіе выдающіеся люди: Гердеръ, Лодеръ, Шторхъ и другіе. Училище было раздѣлено на пять классовъ, въ которыхъ постепенно проходились древніе и новые языки, исторія, географія, логика, метафизика, математика и естественная исторія.

Всѣ учители, занимавшіеся въ этомъ училищѣ, отличались большимъ

свободомысліемъ. Мы слышали въ школѣ обо всѣхъ выдающихся событіяхъ, происходившихъ въ то время во Франціи, и учители часами бесѣдовали съ нами, стараясь разъяснить намъ смыслъ совершавшихся событій. Весьма любопытно, что, несмотря на то, что вездѣ было множество соглядатаевъ и шпіоновъ, наши маленькія бесѣды остались тайною для всѣхъ. Два раза въ недѣлю въ училищѣ не было послѣобѣденныхъ уроковъ. Тогда всѣ ученики отправлялись за городъ въ большой садъ. Тамъ мы изображали конвентъ, говорили рѣчи, издавали законы, формировали войско и раздѣлялись на два отряда: на австрійскій и французскій. Въ первый выбирали самыхъ лѣнивыхъ и глупыхъ мальчиковъ, которыхъ нещадно избивали.

Кончина императрицы Екатерины II и вступленіе на престолъ Павла I измѣнили все въ нашей провинціи, въ моей семьѣ и въ моей личной жизни.

Ненависть, съ какою императоръ Павелъ I относился ко всѣмъ учрежденіямъ и нововведеніямъ своей матери, побудила его разрушить насильственно все то, что было ею создано.

Городовое положеніе въ Ригѣ было отмѣнено, и введенъ устарѣлый способъ управленія со всѣми его злоупотребленіями. Находившіеся въ живыхъ чины прежняго управленія съ ихъ креатурами вошли въ составъ новой администраціи; моему отцу было предложено занять въ ней видное мѣсто, но онъ отвѣчалъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Когда насталъ день, въ который онъ долженъ былъ сдать въ публичномъ собраніи магистрата должность своему преемнику, то онъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ благодѣтельныя послѣдствія, какія имѣло для Курляндіи введеніе городоваго положенія. Тщетно предостерегали его друзья и хотѣли удержать отъ намѣренія высказать эти мысли во всеуслышаніе, ибо кнутъ и Сибирь могли быть естественнымъ послѣдствіемъ этихъ искреннихъ словъ. Отецъ стоялъ на своемъ. Уваженіе, которое питалъ къ нему генералъ-губернаторъ, спасло его отъ опасности.

Императоръ Павелъ I, совершивъ вскорѣ по вступленіи на престолъ путешествіе по Россіи, посѣтилъ между прочимъ Ригу. Ему предшествовалъ страхъ и трепетъ. Мѣстное войско было наскоро обмундировано по прусскому образцу, солдаты должны были напудрить волосы, носить косу и букли. Изъ оконъ моего дома я каждый день былъ свидѣтелемъ того, какъ несчастныхъ солдатъ били, обучая къ пріѣзду императора; нерѣдко случалось, что инаго уносили безъ признаковъ, жизни. Наконецъ насталъ давно ожидаемый день. Въ домѣ моего дѣда были поставлены на квартиру двѣнадцать гренадеръ.

Наканунѣ они были завиты, при чемъ ихъ нещадно угощали тумаками и тычками. По окончаніи этой сложной процедуры они должны

были натянуть на себя мундиръ и лосиныя брюки, смоченныя въ водѣ, и затѣмъ всю ночь сушиться у огня, чтобы на одеждѣ не было замѣтно ни малѣйшей складочки.

Рано утромъ всѣ четыре полка, составлявшіе рижскій гарнизонъ, были выстроены для смотра императоромъ на гласисѣ. Я находился въ числѣ зрителей. Вездѣ царствовала мертвая тишина. Императоръ, въ сопровожденіи великихъ князей Александра и Константина, прошелъ по фронту, распоряжаясь своей тростью направо и налѣво. Я вскрикнулъ отъ ужаса. Въ тотъ же моментъ одинъ изъ бюргеровъ схватилъ меня и потащилъ за толпу.

— Проклятый молокососъ,—сказалъ онъ,—ты хочешь всѣхъ насъ погубить?!

Меня принесли домой безъ чувствъ. Прійдя въ себя, я разсказалъ отцу видѣнную мною отвратительную сцену.

— Ради Бога молчи!—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ,—иначе намъ всѣмъ придется отправиться сегодня же въ Сибирь.

Двери нашего дома были заперты. Никто не смѣлъ шелохнуться. Вечеромъ окна нашего большаго дома были блестяще иллюминованы.

Всѣ общественныя собранія прекратились. Было дано только нѣсколько баловъ въ клубахъ и у генералъ-губернатора. Въ городѣ царствовало мрачное безмолвіе. Сосѣдъ боялся сосѣда, другъ опасался друга. Мой отецъ уѣхалъ изъ города и поселился въ своемъ отдаленномъ отъ Риги имѣніи, гдѣ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Наше училище было совершенно преобразовано. Свободомысленныя бесѣды и дѣтскія игры прекратились. Учители сдѣлались робки и молчаливы, и въ классахъ сталъ появляться ежедневно наблюдатель.

Отсутствіе отца и кончина дѣда имѣли послѣдствіемъ, что я былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ, такъ какъ моя слабохарактерная мать и тетки не имѣли на меня ни малѣйшаго вліянія. Занятія въ школѣ стали тяготить меня. Я мало по малу пересталъ посѣщать ее и совершенно одичалъ.

Отецъ не стѣснялъ меня деньгами, а его лошади и экипажи были къ моимъ услугамъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду я былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ; не мудрено, что я вскорѣ попалъ въ общество болѣе пожилыхъ лицъ, офицеровъ, разныхъ искателей приключеній и игроковъ. Я игралъ, танцовалъ, катался верхомъ и охотился с душѣ угодно.

Такая жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ, до восшествія на престолъ Александра I. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ мнѣ представился случай сдѣлать блестящую дипломатическую карьеру. Старый пріятель моего отца, бывшій министръ Беклешовъ, который находился

уже въ отставкѣ, но пользовался еще въ Петербургѣ значеніемъ и вліяніемъ, пригласилъ меня однажды къ себѣ и просилъ написать отцу, чтобы онъ продалъ ему голландскую корову, которую онъ хотѣлъ подарить одной высокопоставленной дамѣ. Отецъ незадолго передъ тѣмъ выписалъ изъ Голландіи стоившія ему огромныхъ денегъ двѣнадцать прекрасныхъ коровъ и двухъ быковъ, для улучшенія породы мѣстнаго рогатаго скота. Отецъ отвѣчалъ, что онъ коровъ не продаетъ, но что ему будетъ весьма пріятно въ знакъ своей дружбы къ Беклешову предложить ему на выборъ одну изъ коровъ, и поэтому онъ проситъ его посѣтить его имѣніе. Беклешовъ былъ въ восторгѣ. Мы отправились къ отцу въ сопровожденіи вышеупомянутой дамы, и она выбрала себѣ корову. Этотъ случай привелъ меня въ соприкосновеніе съ этими двумя вліятельными лицами. Несмотря на мою юность, Беклешовъ предложилъ мнѣ вступить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, что было особенно легко, такъ какъ я владѣлъ нѣсколькими европейскими языками. Я былъ внѣ себя отъ радости, такъ какъ мой образъ жизни уже наскучилъ мнѣ. Беклешовъ самъ предложилъ это моему отцу, но тотъ отказался дать на это свое согласіе подъ предлогомъ, что столь блестящая карьера потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ. Отецъ не зналъ, что я въ Ригѣ тратилъ попусту гораздо больше, чѣмъ потребовалось бы для того, чтобы вступить на поприще, гдѣ я могъ бы служить съ пользою и честью.

Вступленіе на престолъ Александра I оживило страну новыми надеждами. Какъ по мановенію волшебнаго жезла появилось множество новыхъ благодѣтельныхъ учрежденій. Между прочимъ расцвѣлъ и возобновленный Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ.

Въ Дерптѣ уже двѣсти лѣтъ тому назадъ существовалъ университетъ [1]), но онъ современемъ заглохъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ правленіе Павла I возникъ планъ основанія университета въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Необходимость учрежденія въ этомъ краѣ высшаго учебнаго заведенія вызывалась слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, юноши, оканчивавшіе курсъ въ среднихъ школахъ и желавшіе получить высшее образованіе, были вынуждены посѣщать иностранные университеты, гдѣ они не могли научиться ни законамъ, ни обычаямъ страны, ни родному языку. Возвратясь на родину и занявъ мѣста юристовъ, врачей или священно-служителей, они были совершенно чужды странѣ, и имъ приходилось много лѣтъ занимать свои должности прежде, нежели они получали возможность приносить дѣйствительную пользу. Вторая причина заключалась въ томъ,

---

[1]) Основанъ въ 1632 г.

что страна теряла такимъ образомъ ежегодно довольно большую сумму денегъ, которую учащаяся молодежь тратила за границею.

Первая причина имѣла однако главное значеніе въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей, которые, ратуя за учрежденіе въ краѣ университета, имѣли главнымъ образомъ въ виду создать центръ, изъ котораго можно было бы вліять на умственное и нравственное развитіе мѣстнаго населенія, находившееся въ самомъ приниженномъ состояніи. Но это именно обстоятельство было причиною противодѣйствія, которое мысль объ учрежденіи университета встрѣтила со стороны лицъ, которыя со страхомъ и трепетомъ думали о возможности поднять нравственный уровень угнетеннаго ими народа и о подготовленіи его къ освобожденію отъ крѣпостнаго ига.

Къ этимъ помѣхамъ и проволочкамъ, тормозившимъ учрежденіе университета, присоединилось еще соперничество трехъ Прибалтійскихъ губерній. Лифляндцы хотѣли имѣть университетъ въ Дерптѣ, эстляндцы въ Ревелѣ, а курляндцы въ Митавѣ. Послѣ многочисленныхъ интригъ и споровъ вопросъ, при вступленіи на престолъ Александра I, былъ рѣшенъ въ пользу Дерпта, который находится приблизительно въ центрѣ трехъ губерній.

Дворяне Прибалтійскаго края выработали основныя правила управленія университетомъ. Изъ среды ихъ избирались три куратора, которые въ свою очередь избирали профессоровъ, имѣли высшій надзоръ за студентами, назначали всѣхъ служащихъ и завѣдывали денежными средствами университета. Это управленіе было чисто аристократически-деспотическое и совершенно не соотвѣтствовало истиннымъ интересамъ науки. Профессоры были въ высшей степени недовольны подобнымъ положеніемъ дѣлъ. Профессоръ физики, Фридрихъ Парротъ, человѣкъ выдающагося ума, рѣшилъ поставить дѣло на болѣе раціональныхъ началахъ. По происхожденію французъ, онъ покинулъ во время революціи Францію, чтобы избѣгнуть гильотины. Парротъ былъ ревностный республиканецъ и человѣкъ дѣйствительно ученый. Онъ много лѣтъ занимался преподаваніемъ въ Ригѣ и своею честностью снискалъ всеобщее уваженіе. Когда въ Ригѣ было получено извѣстіе о смерти Людовика XVI, то онъ былъ заключенъ въ тюрьму за вырвавшееся у него неосторожное выраженіе; впрочемъ благодаря заступничеству его многочисленныхъ друзей онъ былъ вскорѣ освобожденъ.

Парротъ выработалъ новый университетскій уставъ, въ силу котораго всѣми дѣлами университета долженъ былъ завѣдывать совѣтъ профессоровъ. Набросавъ этотъ планъ, онъ отправился съ нимъ въ Петербургъ. Александръ I увлекался въ то время своими преобразованіями, и приближенные раздѣляли его энтузіазмъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ былъ Новосильцевъ. Парротъ, со свой-

ственной французамъ ловкостью и благодаря знанію принятаго при дворѣ французскаго языка, получилъ доступъ къ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Новосильцевъ представилъ его государю, который одобрилъ планъ и повелѣлъ ему немедленно ѣхать обратно въ Дерптъ и какъ можно скорѣе прислать на его утвержденіе новый университетскій уставъ, что̀ и было исполнено Парротомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Но это возстановило противъ него дворянство, и противъ Паррота велись много лѣтъ самыя гнусныя интриги.

Какъ только университетъ былъ учрежденъ, въ него стали стекаться со всѣхъ сторонъ молодые люди, въ числѣ которыхъ находился и я. Всѣ профессорскія каѳедры, за весьма немногими исключеніями, были заняты вполнѣ достойными людьми. Первое время я посѣщалъ лекціи безъ всякаго разбора, но затѣмъ занялся исключительно изученіемъ военныхъ наукъ, кои читалъ подполковникъ баронъ Эльснеръ, впослѣдствіи генералъ и директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Онъ читалъ сухо, скучно и мало интересно, ограничиваясь по большей части изложеніемъ того, что̀ можно было найти во всѣхъ справочныхъ книгахъ по военнымъ наукамъ. Но такъ какъ я рѣшилъ посвятить себя военной службѣ, то усердно посѣщалъ его лекціи. Духъ студентовъ былъ крайне либеральный, и даже большинство молодыхъ дворянъ примкнуло къ этой прогрессивной партіи. Я имѣлъ вскорѣ случай ближе познакомиться съ Парротомъ. Хотя онъ вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но все же весьма естественно сближался скорѣе съ тѣми молодыми людьми, которые говорили по-французски. Сойдясь съ нимъ ближе, я былъ поставленъ однако же въ весьма двусмысленное положеніе. По семейнымъ связямъ мнѣ приходилось вращаться въ аристократическихъ кружкахъ, въ которыхъ имя Паррота произносилось съ озлобленіемъ. Въ этихъ кружкахъ всѣ нововведенія, вызванныя духомъ времени, считались великимъ преступленіемъ. Приписывая всѣ ужасы, сопровождавшіе французскую революцію, провозглашенному ею принципу—свободы, дворянство видѣло въ этомъ посягательство на права аристократіи и необходимость поддержанія крѣпостнаго права.

Хотя я былъ самымъ младшимъ въ нашей партіи, но товарищи во многихъ случаяхъ избирали меня своимъ представителемъ. Такъ напримѣръ, когда у проректора Бока родился сынъ, то онъ пригласилъ студентовъ быть воспреемниками его ребенка. Большинствомъ голосовъ я былъ избранъ представителемъ студентовъ. Когда хоронили съ большой торжественностью одного студента, то я также долженъ былъ идти во главѣ процессіи. Когда императоръ Александръ посѣтилъ Дерптъ, и у его дома была поставлена почетная стража изъ студентовъ, то я былъ назначенъ командовать ею и привѣтствовать монарха рѣчью. Эти и нѣкоторые другіе случаи въ томъ же родѣ возбудили ко мнѣ

ненависть. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что мнѣ пришлось драться нѣсколько разъ на дуэли; и только благодаря счастливой случайности это не имѣло для меня печальныхъ послѣдствій, такъ какъ въ общемъ я былъ довольно слабаго тѣлосложенія и далеко не мастеръ владѣть оружіемъ.

Наскучивъ жизнью въ Дерптѣ, я поѣхалъ по совѣту родныхъ съ однимъ товарищемъ въ Петербургъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей, осмотрѣнныхъ нами въ столицѣ, былъ, разумѣется, Зимній дворецъ. Упомяну только о двухъ залахъ, представлявшихъ особый интересъ съ точки зрѣнія исторіи и морали, и которые были уничтожены пожаромъ, испепелившимъ этотъ дворецъ. Они примыкали ко внутреннимъ аппартаментамъ императрицы Екатерины II. Стѣны одного изъ нихъ были увѣшаны небольшими миніатюрами, изображавшими портреты всѣхъ лицъ, бывшихъ въ случаѣ при императрицѣ или особенно нравившихся ей. Другой залъ былъ также увѣшанъ миніатюрами, изображавшими различныя сцены не совсѣмъ обыкновенныя. Всѣ эти миніатюры были написаны прекраснымъ художникомъ и оправлены въ золотые медальоны.

Въ то время, когда я возвратился въ Дерптъ, съ моимъ достойнымъ учителемъ и другомъ, профессоромъ Парротомъ случилась пренепріятная исторія. Во время пребыванія въ Дерптѣ императора Александра онъ произнесъ публично рѣчь и между прочимъ сказалъ въ ней слѣдующее:

— Ваше величество! Надежды великой Имперіи, которой суждено имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы всего человѣчества, находятся въ вашихъ рукахъ. Не забудьте при вашихъ великодушныхъ преобразованіяхъ призвать къ общественной жизни несчастный народъ, пользующійся до нынѣ только призрачнымъ существованіемъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь доброжелательно и отвѣчалъ съ добротою:

— Повѣрьте мнѣ, я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло. Возложите надежды на будущее.

Мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи. Оно избрало коммиссію подъ предсѣдательствомъ нѣкоего маіора фонъ-Шернгельма, который подалъ на профессора Паррота въ сенатъ жалобу, обвиняя его въ возбужденіи народа и революціонныхъ тенденціяхъ. Но когда объ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія императора, то оно было немедленно прекращено.

II.

Поступленіе на русскую службу.—Барклай-де-Толли.—Его супруга.—Коленкуръ.—Мое отчаяніе. — Генералъ Бауеръ. — Совѣтъ, данный Потаповымъ.—Ауділнція у великаго князя.—Семейство Нарышкиныхъ.—Гадалка.—Порядки въ домѣ военнаго министра.—Конфискація англійскихъ судовъ.—Отправленіе въ полкъ.

Въ 1811 году я рѣшилъ возвратиться въ отечество [1]), но къ этому существовало двоякаго рода препятствіе. Во-первыхъ, я опасался, чтобы мнѣ не повредила моя самовольная, продолжительная отлучка изъ Россіи.

Я обратился по этому поводу къ находившемуся тогда въ Берлинѣ князю Куракину, ѣхавшему изъ Парижа въ Петербургъ. Онъ отрекомендовалъ меня секретарю русскаго посольства Убри, отъ котораго я получилъ надлежащій паспортъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что существовало тайное приказаніе о задержаніи меня и моего товарища поручика Нацмера, бывшаго также долгое время за границею.

По пути въ Россію, я познакомился въ Мемелѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, изъ великаго герцогства Баденскаго, по фамиліи Вагнеръ. Онъ воспитывался на средства маркграфини баденской Амаліи и ѣхалъ въ Петербургъ, съ письмомъ отъ нея, къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, чтобы получить мѣсто. Такъ какъ онъ былъ очень стѣсненъ деньгами, то я предложилъ ему мѣсто въ моей почтовой каретѣ, и мы доѣхали вмѣстѣ до Риги. Прибывъ въ Петербургъ, онъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы передать свое рекомендательное письмо императрицѣ. Придворные лакеи взяли у него письмо, а самого прогнали. Не имѣя въ городѣ ни души знакомыхъ, онъ страшно бѣдствовалъ и окончилъ жизнь самоубійствомъ. Его тѣло нашли въ конюшнѣ; въ карманѣ у него было письмо на имя маркграфини Амаліи, въ которомъ онъ сообщалъ ей объ испытанныхъ имъ бѣдствіяхъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Ригѣ у родныхъ, я поспѣшилъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ въ началѣ 1811 г. съ намѣреніемъ поступить на русскую службу.

Военнымъ министромъ былъ въ то время генералъ Барклай-де-

---

[1]) 1805—1811 г.г. проведены авторомъ настоящихъ записокъ за границею, въ Германіи, гдѣ онъ слушалъ вначалѣ лекціи въ Берлинѣ, а затѣмъ поступилъ въ прусскую военную службу и совершилъ въ рядахъ прусской арміи походы 1805—1806 г. Описанію этихъ походовъ посвящены многія страницы его записокъ, которыя здѣсь опускаются, какъ не имѣющія отношенія къ Россіи.

Когда стали носиться слухи о готовившейся войнѣ Россіи съ Франціей, то Мартенсъ, въ числѣ многихъ другихъ молодыхъ людей, пожелалъ вступить въ русскую службу.

Толли. Такъ какъ я имѣлъ къ нему рекомендательныя письма и ѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ изъ его адъютантовъ, то весьма естественно, что, по пріѣздѣ въ столицу, я представился ему первому. Онъ принялъ меня весьма любезно, долго бесѣдовалъ о настроеніи умовъ въ Германіи, обѣщалъ въ скоромъ времени опредѣлить меня на службу и спросилъ, желаю ли я быть представленнымъ императору. Разумѣется, я съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ пригласилъ меня какъ можно чаще бывать у него въ домѣ.

Мой второй визитъ былъ къ супругѣ Барклая. Если представить себѣ толстую, неуклюжую деревенскую бабу, то мы получимъ вѣрный портретъ супруги будущаго фельдмаршала. Для вѣрности изображенія къ этому надобно еще прибавить значительную долю гордости, надменности, напускную важность и полнѣйшее невѣжество. Родившись въ лифляндской деревнѣ, она не получила никакого образованія и, въ самомъ юномъ возрастѣ, вышла замужъ за бѣднаго егерскаго офицера, который сдѣлалъ карьеру, благодаря своей храбрости и въ особенности благодаря своимъ способностямъ.

Госпожа Барклай, будучи теперь уже женою министра, должна была играть роль въ обществѣ и дѣлать пріемы. Поэтому не мудрено, что ея собранія были предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ въ высшемъ обществѣ и что о ней разсказывали тысячу анекдотовъ.

Когда я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили, то въ пріемной никого не было. Время отъ время, по залу пробѣгала, разиня ротъ, растрепанная дѣвушка-лифляндка и исчезала. Наконецъ появился парикмахеръ, который спросилъ меня, что мнѣ нужно, и провелъ въ другое зало, гдѣ ея превосходительство приняла меня, сидя на обтрепанномъ диванѣ. Я поклонился и произнесъ обычное привѣтствіе. Она важно кивнула мнѣ головой и продолжала молчать, вытаращивъ на меня глаза. Тщетно старался я завязать разговоръ; она не произнесла ни слова. Но въ ея глазахъ можно было прочесть: «этотъ человѣкъ мнѣ противенъ». Въ моихъ глазахъ она вѣроятно также могла прочесть: «а эта особа мнѣ противна!» Наконецъ она позвала дѣвушку и когда та появилась, то спросила, готовъ ли кофе, встала и удалилась, не сказавъ мнѣ ни слова. Этотъ пріемъ чрезвычайно насмѣшилъ меня и обѣщалъ много комичныхъ сценъ въ этомъ домѣ въ будущемъ, но я не подозрѣвалъ, какое значеніе будетъ имѣть эта толстая особа въ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Военный министръ и его супруга были окружены почти исключительно лифляндцами и по большей части близкими родными. Ихъ домъ кишѣлъ подростками, кузинами и кузенами, которые жили тутъ, въ чаяніи мѣстъ, наградъ и орденовъ. Г-жа Барклай была ихъ царицей, ихъ кумиромъ. Многочисленные адъютанты министра были почти всѣ

безъ исключенія ея родственники. Въ обществѣ говорили шутя, что между министромъ и его супругой существуетъ нѣкоторое сродство душъ, такъ какъ она выбираетъ себѣ въ прислуги самыхъ безобразныхъ дѣвушекъ, чтобы быть въ домѣ самой красивой женщиной, а онъ беретъ въ адъютанты самыхъ глупыхъ офицеровъ, чтобы быть самымъ умнымъ человѣкомъ въ министерствѣ. Тотъ, кто знаетъ Петербургъ и аристократическій тонъ его высшаго общества, легко пойметъ, что, посѣщая г-жу Барклай, всѣ насмѣхались надъ нею. Военному министру справедливо ставили въ упрекъ, что онъ не могъ отказать своей супругѣ ни въ чемъ и что самыя несправедливыя производства и награды дѣлались по ея просьбѣ. Въ обществѣ называли генерала въ насмѣшку тетка Барклай. Императоръ Александръ прекрасно зналъ это, но онъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ всегда придерживался правила соблюдать «Divide et impera» и любилъ быть окруженнымъ людьми, которые принадлежали бы къ аристократической оппозиціи.

Тѣмъ не менѣе, порядки, соблюдавшіеся въ домѣ военнаго министра, были далеки отъ благоустройства. Въ комнатахъ все было запущено, не чисто, и по нимъ то и дѣло бѣгали растрепанныя горничныя. Родственники-адъютанты дѣлали, что хотѣли, и ихъ рѣдко можно было найти въ пріемной. Такъ напримѣръ, однажды къ министру пріѣхалъ французскій посланникъ Коленкуръ. Никѣмъ не встрѣченный, онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ я сидѣлъ одинъ и читалъ книгу. Спросивъ, не я ли дежурный адъютантъ, онъ попросилъ доложить о немъ министру. Я подалъ ему кресло и поспѣшилъ въ кабинетъ Барклая, который немедленно вышелъ и повелъ посланника къ себѣ. Когда онъ уѣзжалъ, то я проводилъ его до кареты. Министръ поблагодарилъ меня и спросилъ, пожавъ плечами:

— Такъ ни одного изъ моихъ адъютантовъ не было тутъ?

Нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ Коленкура у госпожи Нарышкиной, которой я разсказалъ эту сцену, и мы, разумѣется, отъ души посмѣялись.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я былъ однажды въ нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ давали пьесу «Der Wald von Harmannstadt». Г-жа Барклай сидѣла въ ложѣ возлѣ моего кресла. Во время той сцены, когда разбойники собираются убить принцессу Элизину, жена министра громко зарыдала и не отнимала платокъ отъ глазъ. Тогда я обратился къ одной дамѣ, сидѣвшей позади меня, и попросилъ ее одолжить мнѣ ея зонтикъ, который я и раскрылъ. Всѣ начали смѣяться. Дежурный плацъ-маіоръ подошелъ ко мнѣ и улыбаясь попросилъ меня прекратить шутку.

— Боже мой,—сказалъ я, указывая на г-жу Барклай,—развѣ вы не видите, что идетъ дождь, а моя одежда стоитъ не дешево!

Эта юношеская легкомысленная продѣлка была причиною того, что я подвергся съ тѣхъ поръ систематическому преслѣдованію со стороны г-жи Барклай. Одна дама, весьма близкая ко двору, разсказала этотъ анекдотъ императору, который много смѣялся. Великій князь также очень потѣшался этимъ разсказомъ.

Представившись генералу Барклаю, я отправился къ прусскому подполковнику, фонъ-Шёлеру, который находился въ Петербургѣ, подъ предлогомъ ознакомленія съ новой организаціей русскихъ гвардейскихъ полковъ. Настоящей же цѣлью его пребыванія въ Россіи были тайные переговоры, которые онъ велъ съ императоромъ Александромъ отъ имени короля прусскаго. Прусскимъ посланникомъ былъ въ то время генералъ-лейтенантъ, графъ фонъ-Шладеръ, человѣкъ ничтожный, способный только вести текущія дѣла. Шёлеръ, пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ короля прусскаго, снискалъ таковое же и со стороны русскаго монарха. Онъ подробно познакомилъ императора Александра съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Германіи, съ настроеніемъ нѣмецкаго общества и народа и съ тѣмъ, насколько императоръ могъ на нихъ разсчитывать, въ случаѣ войны съ Франціей. Шёлеръ настаивалъ на томъ, чтобы русскія войска были двинуты къ Нѣману, чтобы ихъ можно было, въ случаѣ надобности, передвинуть поспѣшно къ Одеру и Эльбѣ и чтобы, подъ ихъ защитою, могъ сформироваться отрядъ пруссаковъ въ 300.000 (?) человѣкъ. Но русскаго императора не удалось побудить ни къ какому рѣшительному шагу. Несмотря на свое искреннее расположеніе къ королю прусскому, онъ опасался двусмысленной политики прусскаго кабинета и былъ правъ; ибо въ то же самое время, когда Шёлеръ дѣлалъ ему вышеупомянутыя предложенія, которыя исходили, такъ сказать, изъ сердца короля, прусское правительство предложило, въ мартѣ и августѣ мѣсяцѣ 1811 г., Наполеону заключить съ нимъ союзъ противъ Россіи, если Пруссіи будетъ за это обѣщано возвращеніе нѣкоторыхъ земель. Но Наполеонъ, также не довѣрявшій этимъ предложеніямъ, отклонилъ ихъ, прекрасно зная, что, въ случаѣ войны съ Россіей, онъ могъ всегда навязать Пруссіи союзъ съ нимъ, если бы это соотвѣтствовало его цѣлямъ, что дѣйствительно и случилось.

Шёлеръ принялъ меня съ распростертыми объятіями и на другой же день отдалъ мнѣ визитъ, но я сразу увидѣлъ, что я не могъ на него разсчитывать, такъ какъ мы были съ нимъ люди совершенно иныхъ взглядовъ. Я уже понялъ въ то время, что люди, у власти стоящіе, не заботятся о благѣ народовъ и что ихъ дѣятельностью руководитъ исключительно честолюбіе и эгоизмъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ было предложено явиться въ канцелярію военнаго министра. Директоръ канцеляріи сообщилъ мнѣ, что императоръ повелѣлъ принять меня на службу и пре-

доставилъ мнѣ выборъ того рода оружія, въ которомъ я хочу служить. Я избралъ гвардейскій гусарскій полкъ, потому что офицеры гвардіи имѣютъ передъ армейскими преимущество двухъ чиновъ.

Директоръ канцеляріи, выслушавъ мой отвѣтъ, взглянулъ на меня и сказалъ, улыбаясь: «посмотримъ».

Прошло четыре недѣли, а я все не получалъ никакого извѣщенія. Наконецъ однажды ко мнѣ зашли вечеромъ два адъютанта военнаго министра, молодые гвардейскіе офицеры.

— Боже мой, что вы надѣлали?—воскликнули они,—вы зачислены поручикомъ въ И—ій гусарскій полкъ.

Они показали мнѣ печатный приказъ. Я былъ пораженъ.

На другой же день я явился къ военному министру и изложилъ ему дѣло. Онъ выразилъ мнѣ свое искреннее сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія, но замѣтилъ, что приказъ, подписанный императоромъ, не можетъ быть измѣненъ. При этомъ онъ просилъ меня успокоиться и обѣщалъ, что я вскорѣ буду произведенъ въ слѣдующій чинъ и прибавилъ:

— Война не за горами; намъ нужны такіе офицеры, какъ вы. Успокойтесь, положитесь на меня!

Я былъ обязанъ этимъ назначеніемъ г-жѣ Барклай, которой директоръ канцеляріи хотѣлъ этимъ сдѣлать пріятное. До тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія о внутреннемъ управленіи арміи. Какъ только стало извѣстно о моемъ назначеніи въ И—ій полкъ, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ офицеровъ этого полка, бывшій въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ новымъ товарищемъ. Когда я разсказалъ ему объ оказанной мнѣ несправедливости, то онъ замѣтилъ, что главное начальство надъ кавалеріей принадлежитъ великому князю Константину Павловичу, и отъ него зависятъ зачисленіе въ кавалерію и производства, и такъ какъ онъ находится постоянно въ контрахъ съ военнымъ министромъ, то я напрасно обратился къ министру, возстановивъ этимъ противъ себя великаго князя; но что еще есть возможность поправить дѣло, и что, быть можетъ, великій князь вступится за меня, чтобы сдѣлать на зло Барклаю. Послѣдовавъ совѣту этого офицера, я заручился рекомендаціей человѣка, имѣвшаго доступъ къ генералу Бауеру (Bauer), старшему адъютанту и довѣренному лицу великаго князя, и съ его письмомъ въ карманѣ поѣхалъ въ Стрѣльну.

Генералъ Бауеръ принялъ меня, сидя за столомъ съ другимъ генераломъ, съ которымъ онъ пилъ пуншъ. Онъ не предложилъ мнѣ сѣсть и спросилъ по-русски, что мнѣ нужно. Когда я передалъ ему рекомендательное письмо, то онъ расхохотался и воскликнулъ:

— Право же, онъ дуракъ, а вы сумашедшій! Вы возстановили противъ себя великаго князя, а я долженъ за васъ хлопотать и подставлять

свой лобъ! Ступайте къ Барклаю! Да убирайтесь-ка отсюда скорѣе; если великій князь увидитъ васъ не въ формѣ, тогда какъ вы уже зачислены въ полкъ, то онъ васъ разжалуетъ въ солдаты и сошлетъ въ отдаленный гарнизонъ.

Я возвратился въ Петербургъ взбѣшенный, мною овладѣло отчаяніе. Мысль, что я буду служить поручикомъ въ полку, угнетала меня. Я четыре дня ничего не ѣлъ и не пилъ, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, или лежалъ, не смыкая глазъ, на постели. Прислуга, привезенная мною изъ Риги, испугалась, видя меня въ такомъ состояніи, такъ какъ я ничего не отвѣчалъ на ихъ вопросы. Они посовѣтовались съ хозяиномъ дома, въ которомъ я жилъ, и онъ послалъ за докторомъ Бартоломеемъ. По случайному стеченію обстоятельствъ, это оказался лейбъ-медикъ великаго князя, съ которымъ я встрѣчался въ обществѣ; онъ сразу понялъ, что моя болѣзнь была нравственнаго свойства, заставилъ меня поѣсть и, узнавъ о томъ, что довело меня до такого состоянія, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ адъютанту великаго князя, полковнику Потапову. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ при первой же возможности поговорить обо мнѣ съ самимъ великимъ княземъ. Полковникъ Потаповъ былъ дальній родственникъ нашей семьи и при проѣздѣ своемъ черезъ Ригу пользовался гостепріимствомъ моего отца, но лично я его не зналъ. Я поспѣшилъ къ нему. Онъ принялъ меня весьма радушно, и я провелъ у него весь вечеръ въ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Результатомъ этой бесѣды было то, что онъ обѣщалъ устроить мнѣ аудіенцію у великаго князя, но предупредилъ, чтобы я ни на что не жаловался цесаревичу, а только сказалъ бы, что я просилъ аудіенціи, чтобы просить у его высочества прощенія въ томъ, что я по невѣдѣнію поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, за что я строго наказанъ пониженіемъ по службѣ.

Но прежде всего полковникъ строго на строго велѣлъ мнѣ заказать немедленно полную форму и обѣщалъ научить меня, какъ слѣдовало являться великому князю, чтобы заслужить его одобреніе. Хотя я не надѣялся на успѣхъ, но все же былъ вынужденъ истратиться на форму.

Насталъ день моего представленія. Отворились двери въ аудіенцъ-залу, и я предсталъ передъ великимъ княземъ, который осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и при этомъ потиралъ руки, что было признакомъ его удовольствія. Затѣмъ онъ сказалъ, смѣясь:

— Ты ѣздилъ въ Пруссію, чтобы научиться прусскимъ поклонамъ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, но я сдержался и отвѣчалъ:

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы отучиться отъ нихъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ сказалъ очень вѣжливо по-французски:

— Вы обязаны своей неудачей военному министру. Обратитесь къ нему. Онъ лишилъ васъ двухъ чиновъ. Пусть онъ попробуетъ вернуть

ихъ вамъ,—я тутъ ни при чемъ. Я васъ не знаю. Но совѣтую вамъ тотчасъ отправиться къ вашему полку. Ступайте!

Потаповъ обучилъ меня, какъ попугая. Я отступилъ по всѣмъ правиламъ. Великій князь позвалъ меня обратно, и я подошелъ къ нему снова на вытяжку.

— Гдѣ вы научились службѣ?—спросилъ онъ, что есть мочи потирая себѣ руки.

— Я имѣлъ случай видѣть ученье вашего полка.

— Хорошо, хорошо!—воскликнулъ великій князь уже по-русски и, обратясь къ Потапову сказалъ, смѣясь:

— Жаль, что т е т к а Баркай перехватила его.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ зала. Потаповъ сказалъ, что мнѣ нечего ожидать отъ великаго князя, но нѣтъ причины и опасаться его. Это такъ и оказалось, какъ будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго разсказа.

У генерала Барклая каждое воскресенье были гости и танцы. Онъ выходилъ обыкновенно къ гостямъ въ 10 часовъ вечера и оставался въ залѣ не болѣе получаса; я видѣлъ его и разговаривалъ съ нимъ каждый разъ, но такъ какъ онъ посвящалъ эти полчаса отдохновенію, то я не имѣлъ случая говорить съ нимъ о моемъ дѣлѣ.

Послѣ неудавшейся попытки у великаго князя я отправился однажды къ министру въ полной парадной формѣ просить объ увольненіи меня въ отставку. Генералъ спокойно выслушалъ меня и также спокойно отвѣчалъ:

— Начальникъ кавалеріи великій князь. Вы теперь служите въ кавалеріи. Ваше увольненіе зависитъ всецѣло отъ великаго князя. Вы должны поспѣшно отправиться въ полкъ и подать прошеніе объ отставкѣ по начальству, которое препроводитъ его въ порядкѣ службы великому князю. Это единственно возможный для васъ путь. Но я совѣтую вамъ не дѣлать этого, такъ какъ вы можете навлечь на себя большія непріятности. Лучше повремените. Война не за горами. На нашей службѣ нетрудно схватить парочку чиновъ. Если вы останетесь въ сферѣ моего вліянія, то я васъ не забуду; вы будете мною довольны.

Съ этими словами онъ отпустилъ меня.

Нѣсколько дней спустя меня посѣтилъ одинъ изъ моихъ сотоварищей по службѣ въ Шлезвигѣ, маіоръ фонъ-Рейхмейстеръ. Оставивъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, по какимъ-то непріятностямъ, онъ явился послѣ многихъ злоключеній съ рекомендательнымъ письмомъ къ генералъ-адъютанту князя Трубецкому въ Петербургъ, по ходатайству котораго былъ зачисленъ маіоромъ въ Уфимскій пѣхотный полкъ.

Рейхмейстеръ сказалъ, что мнѣ не на что разсчитывать, что я состою

на счету человѣка самыхъ демократическихъ убѣжденій и что поэтому меня посылаютъ въ полкъ, чтобы сдѣлать меня безопаснымъ.

Я рѣшилъ идти на проломъ; сталъ умышленно бывать въ обществѣ, показывался публично то въ статскомъ, то въ военномъ платьѣ, но одѣтымъ не по формѣ. Всѣ предостерегали меня, но я только посмѣивался, не дорожа жизнью: мнѣ нравилось бравировать тамъ, гдѣ всѣ трепетали. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ великаго князя, который дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ меня, но его лицо искажалось саркастической улыбкой.

Изъ домовъ, посѣщаемыхъ мною, наиболѣе интересными были безспорно домъ обергофмаршала Александра Нарышкина и оберъегермейстера Дмитрія Нарышкина; къ нимъ съѣжалось все, что было выдающагося въ Петербургѣ.

Обергофмаршалъ былъ человѣкъ весьма оригинальный. Огромное состояніе давало ему возможность жить по-царски, но онъ былъ такъ расточителенъ, что долги превышали его состояніе. Его векселя котировались на биржѣ. Однажды онъ далъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ государь.

— Скажите, любезный другъ,—спросилъ его императоръ,—что стоилъ вамъ этотъ балъ?

— Тридцать пять рублей,—отвѣчалъ Нарышкинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да, ваше величество, тридцать пять рублей, которые мнѣ пришлось вамъ уплатить.

— Какимъ образомъ?

— Я заплатилъ тридцать пять рублей за гербовую бумагу, на которой написанъ векселъ.

— А! — воскликнулъ императоръ, смѣясь, — такъ не мудрено, что ваши векселя стоятъ такъ низко.

— Простите, ваше величество, мои векселя стоятъ лучше вашихъ; за нихъ даютъ 40%, а за ваши векселя даютъ всего 25%.

По случаю волненій, происходившихъ въ Греціи, императору представлялось прибывшее въ Петербургъ турецкое посольство. Когда открылись двери аудіенцъ-зала, послышался легкій скрипъ.

— Что это такое?—спросилъ съ неудовольствіемъ императоръ.

— Rien, Sire! la Porte demande la Grèce! (demande la graisse) [1]),— отвѣчалъ обергофмаршалъ.

Когда Коленкуръ былъ отозванъ и замѣненъ Лористономъ, котораго звали Батистъ, и императоръ спросилъ Нарышкина, что онъ думаетъ о Лористонѣ, то онъ отвѣчалъ:

[1]) Французскій каламбуръ: ничего, ваше величество, дверь требуетъ смазки; иначе: Порта требуетъ Грецію.

— О, ваше величество,—батистъ тоньше коленкора.

Его братъ былъ точно такъ же расточителенъ, но гораздо менѣе любезный и интересный собесѣдникъ. Тѣмъ интереснѣе его супруга Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская. Эта любезная и остроумная женщина была душою всѣхъ петербургскихъ собраній. Она была первою любовью Александра, который даже (будучи великимъ княземъ) хотѣлъ тайно обвѣнчаться съ нею. Императрица Екатерина, узнавъ объ этомъ, помѣшала осуществленію этого плана; но сердечныя чувства, связавшія Александра съ г-жею Нарышкиной, никогда не были порваны.

Въ 1811 г. она пользовалась наибольшимъ вліяніемъ. Когда французскій посланникъ Коленкуръ былъ отозванъ и Марія Антоновна отклонила его посѣщеніе, сказавъ, что «она не можетъ болѣе принять французскаго посланника, но что посѣщеніе Коленкура всегда будетъ ей пріятно», то всѣ были увѣрены въ скоромъ объявленіи войны, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что голосъ этой женщины выражалъ сокровенныя мысли императора.

Въ Петербургѣ проживала въ то время, одна особа по фамиліи Кирхгофъ, по профессіи модистка. Кромѣ того, она гадала на картахъ и, какъ гадалка, пользовалась большою извѣстностью. Она видала меня въ Пруссіи и, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтила меня. Ея тайная профессія была мнѣ неизвѣстна, и я былъ радъ всякому знакомству съ лицами, коихъ я знавалъ въ Германіи. Однажды вечеромъ, я находился у этой дамы, когда у дверей ея квартиры раздался звонокъ, а затѣмъ въ комнату вбѣжала служанка и прошептала: «императоръ!»

— Ради Бога, спрячьтесь въ этомъ кабинетѣ,—сказала мнѣ въ полголоса г-жа Кирхгофъ,—если императоръ увидитъ васъ со мною, то вы погибли.

Я исполнилъ ея совѣтъ, но черезъ отверстія, продѣланныя въ дверяхъ, вѣроятно, нарочно, могъ видѣть все, что происходило въ залѣ. Императоръ вошелъ въ комнату въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Уварова. Они были оба въ статскомъ платьѣ и по тому, какъ императоръ поздоровался, можно было понять, что онъ надѣялся быть неузнаннымъ. Г-жа Кирхгофъ стала гадать ему; хотя она говорила очень тихо, но я могъ все-таки слышать.

— Вы не то, чѣмъ вы кажетесь,—сказала она и за кого вы себя выдаете;—но я не вижу по картамъ, кто вы такой. Вы находитесь въ двусмысленномъ, очень трудномъ, очень опасномъ положеніи. Вы не знаете, на что рѣшиться. Ваши дѣла пойдутъ блестяще, если вы будете дѣйствовать смѣло и энергично. Въ началѣ вы испытаете большое несчастье, но, вооружившись твердостью и рѣшимостью, преодолѣете бѣдствіе. Вамъ предстоитъ блестящее будущее.

Въ то время, какъ она говорила, императоръ сидѣлъ, склонивъ голову на руку, и пристально смотрѣлъ на карты.

При послѣднихъ словахъ, онъ вскочилъ и воскликнулъ: «довольно», бросилъ на столъ сторублевую бумажку и сказалъ Уварову:

— Пойдемъ, братъ, и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ саняхъ.

Это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ посѣтилъ г-жу Кирхгофъ; насколько мнѣ извѣстно, онъ болѣе у нея не былъ [1]).

Въ исходѣ 1811 г. и въ началѣ 1812 г. Александръ находился дѣйствительно въ высшей степени въ затруднительномъ положеніи. Онъ не желалъ войны, но понималъ, что ему будетъ невозможно сохранить миръ съ Наполеономъ.

Онъ зналъ, что его армія была одушевлена самыми прекрасными чувствами, страстно желала войны, но не довѣряла генераламъ нѣмецкаго происхожденія и была убѣждена, что французы непремѣнно будутъ побиты, если императоръ назначитъ главнокомандующимъ русскаго генерала. Общественное мнѣніе намѣтило Багратіона, но Александръ вручилъ начальство надъ арміей Барклаю-де-Толли.

Какъ легкомысленно относились къ дѣламъ въ военномъ министерствѣ, доказываетъ слѣдующій случай.

Я уже упоминалъ о томъ, что у меня бывали два адъютанта военнаго министра, молодые офицеры гвардіи. Такъ какъ въ домѣ генерала царствовалъ вездѣ величайшій безпорядокъ, то и кабинетъ, въ которомъ онъ работалъ, оставался обыкновенно незапертымъ и, когда министръ отсутствовалъ, то всѣ могли свободно входить въ него.

Его адъютанты воспользовались этимъ и не только прочитали операціонные планы, составленные на всякій случай Барклаемъ и снабженные замѣтками, которыя были продиктованы императоромъ, но даже сняли съ нихъ копіи, которыя они, по своему легкомыслію, показывали мнѣ. Изъ этихъ копій я увидѣлъ, что вслѣдствіе предложеній, сдѣланныхъ Пруссіей, существовалъ планъ сосредоточить въ тайнѣ войско на берегу Нѣмана и двинуть его двумя отдѣльными корпусами, каждый въ 120.000 человѣкъ, на Берлинъ и Бреславль. Слѣдовательно, въ то время не существовало еще хитро задуманнаго плана отступленія въ глубь страны [2]).

Русское правительство все еще играло такую роль, какъ будто оно поощряло континентальную систему. Такимъ образомъ въ 1810 году двадцать три англійскихъ судна, нагруженныя англійскими колоніальными товарами и пришедшія въ Ригу съ фальшивыми бумагами, яко бы

---

[1]) Александръ неоднократно прибѣгалъ къ гаданіямъ и предсказаніямъ. Такъ, въ 1805 г., онъ былъ съ этою цѣлью у скопца Селиванова. См. статью „Наши мистики-сектанты“, „Русск. Старина“ 1895 г., № 10, стр. 36. Ред.

[2]) Авторъ пишетъ по слухамъ и потому не совсѣмъ точно. Ред.

изъ Тенерифа, были конфискованы по доносу одного матроса, озлобленнаго на капитана за дурное обращеніе съ нимъ. Цѣнность груза была опредѣлена, разумѣется, по весьма низкой оцѣнкѣ, въ шестьдесятъ милліоновъ рублей. Объ этомъ случаѣ постарались раструбить, чтобы пустить французскому посольству пыль въ глаза, но между тѣмъ въ тайнѣ велись переговоры съ тѣми торговыми домами, коимъ былъ присланъ этотъ товаръ и которые согласились уплатить за возвращенный имъ грузъ всего пятнадцать милліоновъ рублей. Когда генералъ Барклай сообщилъ императору о результатѣ этой финансовой операціи, то, возвратясь домой, онъ разсказывалъ въ моемъ присутствіи, что императоръ сталъ танцовать по комнатѣ, приговаривая: «Ха, ха, пятнадцать милліоновъ, это не дурно, не дурно!»

Въ это время было арестовано много лицъ, обвинявшихся въ дѣланіи въ Москвѣ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ. Дѣйствительно, въ обращеніи было множество фальшивыхъ денегъ. По секрету говорили, будто эти бумажки фабриковались въ Парижѣ съ вѣдома французскаго правительства и посылались въ огромномъ количествѣ въ Вильну и Москву.

Я провелъ канунъ Рождества 1811 года весьма пріятно въ домѣ дежурнаго генерала Фока, гдѣ я часто бывалъ.

Было уже одиннадцать часовъ вечера, и я собирался откланяться, какъ вдругъ генералъ получилъ бумагу, коей приказывалось немедленно арестовать меня и отправить подъ конвоемъ двухъ жандармовъ къ моему полку въ Лиду.

— Вотъ, прочтите!—сказалъ генералъ съ изумленіемъ,—до чего вы себя довели! Я сейчасъ дамъ вамъ предписаніе немедленно отправиться въ полкъ; дайте мнѣ честное слово, что черезъ часъ васъ не будетъ въ городѣ. Тогда я донесу, что вы уѣхали до полученія этого приказа.

Противъ этого нечего было возражать; не прошло и часа, какъ курьерскія лошади умчали меня въ Лиду.

III.

Генералъ Дороховъ и подполковникъ графъ д'Олоннъ.—Состояніе полка.—Анекдотъ.—Объявленіе войны.—Аванпосты у Олиты.—Отступленіе русской арміи.—Блужданіе нашего корпуса по Минскимъ болотамъ.—Рекогносцировка.—Встрѣча съ великимъ княземъ.—Въ Смоленскѣ.—Дѣло при Лѣсной.—На берегу Днѣпра.—Генералъ Корфъ.—Генералы Тучковъ и Ермоловъ и сэръ Робертъ Вильсонъ.

Въ Лидѣ шефъ полка генералъ Дороховъ принялъ меня весьма любезно.

Это былъ человѣкъ добродушный, но мало образованный, грубый и вспыльчивый; страстный игрокъ и любитель женскаго пола. По этой причинѣ въ его полку царствовалъ большой безпорядокъ. Большая часть полковыхъ денегъ проматывалась командиромъ, въ полку недоставало много лошадей, а фуражъ вымогался у крестьянъ и евреевъ. Когда полку былъ произведенъ нѣсколько времени спустя смотръ въ Гродно, то генералъ былъ принужденъ взять на время у офицеровъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ лошадей и укомплектовать ими полкъ. Эти прекрасныя лошади были поставлены на флангахъ и прикрыли собою полковыхъ клячъ. Полкъ былъ найденъ въ прекрасномъ состояніи, и генералъ получилъ благодарность.

Сабли у солдатъ были такъ плохи, что при сильномъ ударѣ клинки отваливались отъ рукоятки.

Въ довершеніе бѣды, великій князь ввелъ во всѣ гусарскіе полки копья. Для легкой кавалеріи копье составляетъ безспорно превосходное оружіе, но для того, чтобы владѣть имъ цѣлесообразно, требуется большой навыкъ и долгая практика. Ввести же это оружіе за два мѣсяца до начала похода было величайшей безсмыслицей; копье въ рукахъ человѣка, не умѣющаго имъ, владѣть составляетъ только помѣху.

Поэтому гусары, ловко дѣйствовавшіе саблею, были въ высшей степени недовольны копьями и въ самомъ началѣ похода переломали и выбросили ихъ.

Обмундированіе полка вызвало сожалѣніе. Интендантскіе чиновники продавали большими партіями сукно, которое отпускалось изъ складовъ для обмундированія полка. Посредниками и покупщиками, въ этомъ случаѣ, были по обыкновенію евреи. Правительствомъ былъ изданъ строгій указъ, въ силу котораго полковой командиръ, виновный въ растратѣ казеннаго имущества, подлежалъ разжалованію въ солдаты, а посредникъ или покупщикъ—наказанію кнутомъ, конфискаціи имущества и ссылкѣ въ рудники въ Сибирь.

По этому поводу я долженъ разсказать слѣдующій уморительный случай.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ нашего полка снискалъ своимъ поведеніемъ, ревностнымъ отношеніемъ къ службѣ и веселымъ нравомъ любовь и расположеніе товарищей и уваженіе начальства. Его особенно любили гусары его роты. Такъ какъ этотъ офицеръ былъ очень бѣденъ, но любилъ покутить, то у него было много долговъ. Евреи требовали уплаты, жаловались на офицера генералу, и ему даже пришлось однажды отсидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ. У одного изъ его кредиторовъ, очень богатаго еврея, Мордаха, торговавшаго виномъ и колоніальными товарами, квартировали унтеръ-офицеръ и два гусара его роты.

Однажды ночью они подмѣтили, что къ дому подвезли нѣсколько большихъ тюковъ и пронесли тайкомъ въ погребъ. Гусары доложили объ этомъ офицеру, который поручилъ имъ разузнать, въ чемъ дѣло. Пробравшись въ погребъ, они увидѣли, что въ тюкахъ было не что иное, какъ тюки сукна изъ складовъ.

Они отрѣзали отъ каждаго по маленькому кусочку и представили ихъ офицеру въ доказательство своихъ словъ, а онъ пригласилъ въ тотъ же день всѣхъ своихъ товарищей на завтракъ къ Мордаху. Мы всѣ смѣялись этому, такъ какъ прекрасно знали, что у него не было ни кредита, ни денегъ, но все же явились въ назначенный часъ.

Нашъ товарищъ приказалъ еврею подать превосходный завтракъ и всевозможные сорта винъ. Еврей отвѣчалъ, что онъ не дастъ ничего ни на грошъ, до тѣхъ поръ, когда деньги не будутъ выложены на столъ. Тогда офицеръ вынулъ изъ кармана маленькій пакетикъ, показалъ его потихоньку отъ насъ еврею и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Задорный израелитъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, и завтракъ мигомъ былъ поданъ.

Когда стемнѣло и всѣ изрядно угостились, то офицеръ приказалъ еврею приготовить такой же завтракъ и на слѣдующій день. Такъ продолжалось дней десять, пока мы не выступили изъ Лиды въ Гродно. При выступленіи полка, каждый офицеръ долженъ былъ представить удостовѣреніе въ томъ, что на него нѣтъ никакихъ взысканій. Нашъ другъ представилъ таковое, такъ какъ Мордахъ уплатилъ его долги.

Само собою разумѣется, что мы никакъ не могли объяснить себѣ все это до тѣхъ поръ, пока товарищъ не далъ намъ ключа къ разгадкѣ.

Участь еврея и самаго генерала была въ его рукахъ. Еслибы онъ заявилъ о хищеніи сукна, то одному изъ нихъ не миновать бы Сибири, а другой былъ бы разжалованъ.

Нашимъ полковымъ командиромъ былъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, французскій эмигрантъ, служившій раньше въ пѣхотномъ егерскомъ полку и получившій нашъ полкъ по протекціи герцога Ришелье, потому что его супругѣ, богатой дамѣ, очень нравился гусарскій мундиръ.

Графъ былъ не только страшный бурбонъ, но и отъявленный пьяница; все занятіе его состояло въ питьѣ водки и пошлыхъ, хвастливыхъ разсказахъ о блаженной памяти корпусѣ принца Конде. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о службѣ легкой кавалеріи, не умѣлъ даже ѣздить верхомъ и на полѣ битвы былъ величайшій трусъ; въ чемъ нельзя было обвинить нашего генерала, который отличался личной храбростью.

Таково было состояніе нашего полка наканунѣ войны, и въ такомъ

же состояніи находились и многіе другіе полки. Наконецъ война была объявлена. Такъ какъ я не намѣренъ писать ни исторію моего времени, ни достопамятнаго похода 1812 года, то я ограничусь изложеніемъ только того, что мнѣ пришлось испытать лично.

Нашъ полкъ входилъ въ составъ четвертаго армейскаго корпуса первой арміи, коей командовалъ генералъ графъ Шуваловъ, типъ царедворца, но совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ. Корпусъ двинулся по дорогѣ изъ Лиды въ Олиту. Въ авангардѣ его шелъ полкъ егерей, нашъ гусарскій полкъ и шесть орудій, подъ командою нашего генерала Дорохова, главная квартира котораго находилась въ разстояніи 8 часовъ отъ Олиты. Въ четырехъ часовомъ разстояніи отъ этого мѣстечка, стоялъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, съ тремя эскадронами гусаръ; самое мѣстечко Олита было занято однимъ эскадрономъ гусаръ, при которомъ находился и я.

Этимъ эскадрономъ командовалъ ротмистръ Нарышкинъ, сынъ упомянутаго выше обергофмаршала. Нарышкинъ, еще мальчикомъ, былъ произведенъ императоромъ Павломъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и дѣйствительные камергеры и увѣшанъ орденами. Въ царствованіе императора Александра онъ вступилъ ротмистромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Любовь, которую онъ питалъ къ своей теткѣ, побудила его тайно оставить полкъ и уѣхать вслѣдъ за нею изъ Россіи въ Карлсбадъ.

Это навлекло на него гнѣвъ императора, и онъ былъ исключенъ изъ службы.

Когда началась война, то онъ просилъ позволенія принять участіе въ походѣ и былъ зачисленъ ротмистромъ въ нашъ полкъ. Это былъ весьма благородный, привѣтливый и храбрый молодой человѣкъ, но онъ не имѣлъ ни малѣйшей опытности въ военномъ дѣлѣ. Поэтому онъ возложилъ на меня нести всѣ обязанности форпостной службы въ этотъ важный моментъ.

Мѣстечко Олита раздѣляется Нѣманомъ на двѣ части, изъ коихъ одна, лежащая на правомъ берегу—русская, а другая, лежащая на лѣвомъ берегу—польская. Русская сторона лежала на плоскомъ берегу, а на польскомъ, болѣе высокомъ берегу, возвышалась гора, на вершинѣ которой стояла церковь. Возлѣ самой церкви, французы поставили четыре орудія; вдоль берега разъѣзжали ихъ патрули. Между 18-мъ и 21-мъ іюня, мы увидѣли, что непріятель совершалъ большую рекогносцировку. Я различилъ совершенно ясно императора Наполеона, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и отряда уланъ осматривалъ берегъ и смотрѣлъ съ горы въ подзорную трубу въ нашу сторону. Говорили, будто онъ совершилъ рекогносцировку по берегу Нѣмана переодѣтымъ. Генералъ графъ Сегюръ оспариваетъ это предположеніе

въ своемъ сочиненіи: Historie de la grande armée et de Napoléon dans la campagne de 1812 г. Я могу подтвердить, что я видѣлъ императора Наполеона, производившаго рекогносцировку этой мѣстности въ бѣломъ уланскомъ мундирѣ; его можно было узнать только по его шляпѣ и манерамъ. Черты его лица можно было разсмотрѣть только въ подзорную трубу.

Приказанія, полученныя нами, были такого рода, что мы должны были прятаться отъ непріятеля и не стрѣлять даже въ томъ случаѣ, если съ противуположнаго берега были бы сдѣланы по насъ выстрѣлы. Но какъ только непріятель сталъ бы переправляться черезъ рѣку, то намъ было приказано обороняться, отступая къ нашему авангарду. Но непріятель стоялъ спокойно и даже убралъ свои четыре орудія. 24-го іюня ко мнѣ явился еврей съ извѣстіемъ, что главныя силы французской арміи, подъ командою Наполеона, переправились черезъ Нѣманъ у Ковны и шли къ Вильнѣ.

Я послалъ его съ этимъ извѣстіемъ въ главную квартиру генерала Дорохова. Вскорѣ послѣ этого одинъ гусаръ принесъ незапечатанную записку, на которой генераломъ Дороховымъ было написано по-русски:

«Графъ д'Олоннъ! Наша армія была принуждена отступить передъ превосходными силами. Французы въ Вильнѣ. Я отрѣзанъ и не знаю, гдѣ нашъ корпусъ и наша армія. Я не могу терять времени и попытаюсь присоединиться къ арміи Багратіона, но боюсь быть взятымъ въ плѣнъ. Поступайте, какъ знаете; я не могу дать вамъ ни приказанія, ни совѣта. Дороховъ».

На этой записочкѣ д'Олоннъ написалъ по-французски:

«И я также не могу дать вамъ ни приказаній, ни совѣта, поступайте, какъ знаете».

Мы немедленно выступили и въ ту же ночь соединились съ остальными нашими тремя эскадронами. Проблуждавъ два дня и двѣ ночи, мы нашли генерала Дорохова въ болотахъ Минской губерніи. Добрый старикъ совсѣмъ потерялъ голову и не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ онъ находится, такъ какъ ни у него, ни у поручика генеральнаго штаба Юнга, состоявшаго при немъ, не было карты. Лошади и орудія утопали въ болотѣ. При этомъ лилъ проливной дождь, бревенчатая мостовая, устраиваемая на топкихъ мѣстахъ, была вся подъ водою. У насъ не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни фуража, и нельзя было достать проводника, такъ какъ все населеніе рѣдкихъ въ этой мѣстности и бѣдныхъ деревушекъ спряталось въ лѣсахъ. Мы блуждали такимъ образомъ нѣсколько дней; надобно было во что бы то ни стало найти выходъ изъ этого положенія; мы уже думали, что намъ придется сдаться въ плѣнъ непріятелю. Генералъ поручилъ мнѣ съ нѣсколькими гусарами произвести рекогносцировку и разузнать, гдѣ мы находимся и не было ли намъ

возможности укрыться въ Бобруйскѣ. Блужданіе нашего корпуса по Минскимъ болотамъ дало непріятелю поводъ думать, что имъ была отрѣзана армія Дохтурова, который отступилъ между тѣмъ съ остальными войсками. Французы были введены въ заблужденіе созвучіемъ именъ нашихъ генераловъ: Дорохова и Дохтурова, и эта ошибка со словъ французскихъ бюллетеней вкралась во всѣ французскія сочиненія о походѣ 1812 года.

Я отправился съ десятью гусарами и однимъ унтеръ-офицеромъ, чтобы исполнить данное мнѣ грустное приказаніе. Радость моя была неописанная, когда, проблуждавъ нѣсколько часовъ, я увидѣлъ вдали еврея, который при нашемъ появленіи сталъ удирать что есть мочи; мы его скоро нагнали и допросили. Отъ него я узналъ, что мы находились всего въ разстояніи шести часовъ отъ деревни Борисовщизны, откуда часовъ шесть до Бобруйска и что дороги были довольно сносны. Мы поспѣшили въ Борисовщизну, и я послалъ двухъ гусаръ съ евреемъ обратно къ генералу. Доѣхавъ до небольшаго мостика, перекинутаго черезъ рукавъ Березины, я увидѣлъ, что на разстояніи приблизительно тысячи шаговъ, по обѣ стороны большой дороги, ведущей въ Бобруйскъ, расположился отрядъ непріятельской конницы численностью приблизительно въ 1.500 человѣкъ, которые спѣшились и были заняты варкою пищи. Завидѣвъ красные мундиры моихъ гусаръ, они вскочили съ мѣстъ и укрылись въ сторону отъ дороги; я подумалъ, что это былъ отрядъ, принадлежавшій къ арміи короля Іеронима, который переправился черезъ Нѣманъ близъ Гродно и гналъ передъ собою атамана Платова съ его казаками. Движеніе этого отряда не могло имѣть иной цѣли, какъ помѣшать соединенію князя Багратіона съ генераломъ Барклаемъ; было ясно, что князь со своей арміей находился по близости. Я не ошибся. Не прошло и четверти часа, какъ я увидѣлъ приближавшагося къ намъ казачьяго офицера, съ десятью казаками посланнаго разузнать, свободна ли дорога въ Бобруйскъ. Отъ него я узналъ, что князь находился всего въ разстояніи двухъ переходовъ и что Платовъ также долженъ былъ находиться по близости или подъ стѣнами Бобруйска. Увидавъ со мною нѣсколько человѣкъ гусаръ, французы подумали вѣроятно, что мы составляли голову авангарда Багратіона, и поэтому они поспѣшно ретировались. Мнѣ едва удалось убѣдить казачьяго офицера послать казака съ моимъ донесеніемъ къ князю Багратіону, а между тѣмъ было весьма важно увѣдомить его о приближеніи нашего корпуса. Казачій офицеръ, не умѣвшій ни читать, ни писать, не хотѣлъ сначала ничего слушать. Но бутылка водки, которую я имѣлъ при себѣ, помогла мнѣ убѣдить его. Я послалъ также немедленно донесеніе генералу Дорохову, который поспѣшилъ къ намъ форсированнымъ маршемъ. Мы достигли Бобруйска и соединились съ

Платовымъ. Послѣ этого соединеніе Багратіона съ Барклаемъ было обезпечено. Мы пошли къ Смоленску, гдѣ сосредоточились всѣ наши войска.

Мы простояли четырнадцать дней лагеремъ подъ Смоленскомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ все еще находился при арміи, несмотря на то, что генералъ Барклай настоятельно требовалъ, чтобы онъ былъ отозванъ. Однажды я поѣхалъ въ Смоленскъ, чтобы немного развлечься. Я ѣхалъ по дорогѣ, перекинувъ черезъ плечо казацкую нагайку, что было совершенно противно правиламъ, и преспокойно покуривалъ трубку, какъ вдругъ я увидѣлъ передъ собою великаго князя Константина Павловича съ небольшой свитой. Одинъ изъ его адъютантовъ, молодой 18-ти лѣтній гвардейскій офицеръ, примѣтилъ меня издали и поскакалъ ко мнѣ, крича: «уѣзжайте скорѣе прочь; если его высочество увидитъ васъ съ нагайкой и трубкой, вы пропали!»

— Оставьте меня въ покоѣ, другъ мой, и заботьтесь о своей собственной шкурѣ,—возразилъ я и поѣхалъ дальше.

Почти въ тотъ же самый моментъ великій князь и его свита свернули вправо и стали у самой дороги за канавкой, обозрѣвая мѣстность. Проѣзжая мимо великаго князя, я взялъ трубку въ лѣвую руку, а правой отдалъ честь. Великій князь подозвалъ меня; перепрыгнувъ черезъ канаву, я остановился подлѣ него.

— Ты все еще не оставилъ твоихъ прусскихъ привычекъ,?—сказалъ онъ, смѣясь, указывая на мою трубку и нагайку.

— Я окуренъ пороховымъ дымомъ, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ я.

Великій князь обернулся къ своей свитѣ и сказалъ очень серьезно:

— Этотъ человѣкъ неисправимъ, онъ до смерти сохранитъ свои прусскія привычки.

Затѣмъ онъ улыбнулся благосклонно и сказалъ по-французски: bonjour, mon ami!» [1]).

Въ Смоленскѣ я нашелъ въ одной большой гостиницѣ множество офицеровъ. Велика была моя радость, когда я встрѣтился тутъ съ моимъ шлезвигскимъ пріятелемъ, маіоромъ Рейхмейстеромъ, и другимъ прусскимъ товарищемъ, поручикомъ Тресковымъ. Мы пили, смѣялись и плакали отъ радости. Съ разгоряченными головами мы сѣли за карты и проиграли всѣ бывшія съ нами деньги. Мнѣ пришлось продать хозяину часы, чтобы заплатить за выпитое вино; остальныя деньги въ ту же ночь были проиграны. Я болѣе не видѣлъ моего милаго Трескова; онъ палъ въ первомъ же бою.

10-го августа мы имѣли при Лѣсной жаркое дѣло съ французской кавалеріей. Это сраженіе оставило во мнѣ самое тяжелое воспомина-

---

[1]) Здравствуйте, другъ мой.

ніе. Нашъ полкъ наткнулся на отрядъ прусскихъ уланъ втораго шлезвигскаго полка. Стычка была тѣмъ ужаснѣе, что на дорогѣ стояла пыль столбомъ, и мы сшиблись, не видя другъ друга. Мы потеряли трехъ офицеровъ и много солдатъ. Пруссаки также потеряли не мало людей. Этотъ уланскій полкъ, коимъ командовалъ маіоръ фонъ-Блокъ, былъ единственный прусскій полкъ, находившійся при великой арміи. Я зналъ лично почти всѣхъ офицеровъ этого полка. Можно себѣ представить, что я испыталъ, очутившись лицомъ къ лицу съ моими бывшими товарищами. Печальная обязанность убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей и подставлять имъ свой лобъ!

Послѣ сраженія подъ Смоленскомъ мы отступили по дорогѣ въ Москву. Участіе кавалеріи въ этомъ сраженіи было незначительно. Днѣпръ дѣлаетъ у Смоленска много излучинъ, и броды благопріятствовали нашей переправѣ. Генералъ Барклай призвалъ меня къ себѣ и, давъ мнѣ отрядъ въ 120 гусаръ, взятыхъ изо всѣхъ эскадроновъ нашего полка, приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку вдоль лѣваго берега Днѣпра, чтобы удостовѣриться, существуютъ ли въ извилинахъ рѣки броды, настолько неглубокіе, что непріятель могъ бы воспользоваться, чтобы напасть на насъ съ тыла.

Старикъ-крестьянинъ, котораго мнѣ къ счастью удалось задержать, показалъ мнѣ броды, которые были такъ мелки, что по нимъ легко могла пройти даже артиллерія. Хотя берега въ этомъ мѣстѣ очень высоки и круты, но они такъ песчаны, что не трудно устроить переправу. Я узналъ отъ крестьянина, что на другомъ берегу рѣки, позади лѣсочка, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега находился непріятель. Приказавъ моему отряду стать поодаль, я перешелъ съ двумя гусарами рѣку въ бродъ, прокрался къ опушкѣ лѣса и увидѣлъ совсѣмъ вблизи большой отрядъ непріятеля, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и многочисленной артиллеріи. Но когда я хотѣлъ вернуться назадъ, то оказалось, что броды были уже заняты французами, и мнѣ ничего не оставалось, какъ спрыгнуть съ крутаго берега и переплыть рѣку, что мнѣ и удалось, хотя непріятель послалъ намъ въ догонку нѣсколько пуль. Вслѣдъ затѣмъ весь непріятельскій отрядъ пришелъ въ движеніе, показалась кавалерія, а вдоль берега стали стрѣлки. Возвратившійся отъ него гусаръ привезъ мнѣ извѣстіе, что армія находится въ полномъ отступленіи, и передалъ мнѣ приказаніе генерала Барклая возвратиться къ моему полку. Но гдѣ же былъ полкъ? Я встрѣтилъ по пути корпусъ генерала Корфа. Онъ спросилъ, меня откуда я явился, сказалъ мнѣ, что онъ боится быть отрѣзаннымъ, и просилъ, если мнѣ удастся благополучно добраться до арміи, чтобы я тотчасъ прислалъ ему гусара сказать о томъ. Онъ говорилъ это такъ равнодушно, какъ вещь самую обыкновенную, съ апетитомъ продолжая уписывать курицу. Адъютанты и окружавшіе

его штабные офицеры смѣялись и пили, и весь отрядъ былъ такъ невозмутимо спокоенъ, какъ будто вблизи не было непріятеля; генераломъ не были соблюдены даже самыя обыкновенныя мѣры предосторожности.

Мои лошади и люди были въ высшей степени утомлены, поэтому я выбралъ десять самыхъ лучшихъ лошадей и отправился на поиски арміи, приказавъ остальнымъ гусарамъ, отдохнувъ, слѣдовать за мною. Проѣхавъ часа два, я встрѣтилъ полковника, которому было приказано препроводить къ арміи паркъ тяжелыхъ орудій, принадлежавшихъ къ корпусу генерала Багговута. Полковникъ сбился съ пути и шелъ по дорогѣ, по которой онъ попалъ бы прямо въ руки непріятеля. Мнѣ едва удалось доказать ему его ошибку и заставить его вернуться и послѣдовать за мною. Я ѣхалъ впереди его рысью и часъ спустя увидѣлъ нашу армію на высотахъ по дорогѣ отъ Смоленска въ Москву, въ разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Смоленска. На противоположныхъ высотахъ стояла въ боевомъ порядкѣ французская армія.

На одной горѣ я увидѣлъ группу генераловъ, осматривавшихъ позицію въ подзорныя трубы. Мнѣ сказали, что это генералы Тучковъ и Ермоловъ, изъ коихъ первый командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Я оставилъ своихъ гусаръ у подошвы горы, поскакалъ на гору и отрапортовалъ генералу.

— Ужь этотъ Корфъ,—воскликнулъ онъ;—поспѣшите къ нему обратно и скажите, чтобы онъ скорѣе явился со своимъ отрядомъ сюда и что теперь не время для прогулокъ.

Я заявилъ генералу, что мнѣ приказано отправиться къ полку.

— Ну хорошо! Въ такомъ случаѣ объясните моимъ адъютантамъ, гдѣ найти Корфа. Господи,если бы скорѣе подошла артиллерія Багговута! У насъ нѣтъ тяжелыхъ орудій; что мы станемъ дѣлать, если непріятель атакуетъ насъ?

Я замѣтилъ, что артиллерія должна подойти черезъ четверть часа.

— Это невозможно,—воскликнулъ Ермоловъ,—она находится еще почти въ часовомъ разстояніи отсюда!

Когда я разсказалъ случившееся съ артиллерійскимъ полковникомъ, то я услышалъ, какъ какой-то господинъ, въ англійскомъ генеральскомъ мундирѣ, сказалъ генералу Тучкову по-англійски:

— Этотъ офицеръ подозрителенъ мнѣ, онъ похожъ на француза.

Я засмѣялся и отвѣчалъ ему по-англійски:

— Такъ же мало, какъ вы, генералъ!

На это Тучковъ спросилъ меня:

— Но вѣдь вы не русскій?

— Нѣтъ, я лифляндецъ.

— Какого полка?

— И-го гусарскаго полка: тамъ, подъ горой стоятъ вахмистръ и десять гусаръ моего отряда.

Тучковъ подозвалъ вахмистра и также спросилъ его, какого онъ полка. Выслушавъ его отвѣтъ, генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ по-французски:

— Простите мою осторожность, я слышалъ по вашему выговору, что вы не русскій.

Англійскій генералъ былъ извѣстный сэръ Робертъ Вильсонъ, впослѣдствіи губернаторъ Гибралтара, а въ то время служившій волонтеромъ въ русской арміи.

Армія наша отступала спокойно и въ полномъ порядкѣ; только кавалеріи, находившейся въ аррьергардѣ, приходилось дѣйствовать съ ранняго утра, часовъ съ трехъ, до наступленія ночи. Мы потеряли весьма мало людей, но у насъ пало много лошадей, вслѣдствіе того, что онѣ оставались безъ пищи и въ сильную жару не имѣли воды для питья. Когда мы останавливались на ночь, то лошадей приходилось нерѣдко посылать на водопой часа за два или за три отъ мѣста стоянки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и его сподвижники.

(Воспоминанія графа Оттона де-Брэ, 1849—1852) [1]).

I.

Графъ Оттонъ де-Брэ родился 17-го мая 1807. Отецъ его былъ женатъ на дѣвицѣ Левенштернъ, и графъ Оттонъ провелъ дѣтство въ Лифляндскихъ помѣстьяхъ своего дѣда по матери Левенштерна и въ Петербургѣ, куда его отецъ былъ перемѣщенъ въ 1808 г., и гдѣ онъ провелъ четырнадцать лѣтъ (съ небольшимъ перерывомъ, вызваннымъ войною 1812 г.) въ званіи баварскаго посланника. Графъ Оттонъ де-Брэ началъ службу подъ начальствомъ своего отца въ Вѣнѣ при баварскомъ посольствѣ. По смерти отца онъ былъ временно перемѣщенъ въ Мюнхенъ, гдѣ состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1833 г., 26 лѣтній дипломатъ отправился совѣтникомъ посольства въ Петербургъ.

«Его двухлѣтнее пребываніе въ русской столицѣ,—пишетъ Гейгель,—

М. Д. Б.

[1]) Тогда какъ въ сосѣднихъ съ Германіей странахъ, преимущественно въ Россіи, Даніи и Греціи, лица нѣмецкаго происхожденія встрѣчаются на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служебной и административной дѣятельности, гдѣ они достигали зачастую виднаго положенія и вліянія, въ Германіи иностранцы рѣдко играли сколько-нибудь видную роль въ государственной и общественной жизни. Если не считать потомковъ французскихъ эмигрантовъ, то въ Пруссіи едва-ли можно насчитать съ десятокъ иностранныхъ фамилій, оставившихъ какой-либо слѣдъ въ исторіи нѣмецкаго народа.

Къ числу этихъ немногихъ лицъ принадлежатъ потомки стариннаго Нормандскаго дворянскаго рода графовъ де-Брэ (de Bray), которые, въ лицѣ своихъ представителей, принадлежавшихъ къ тремъ послѣдовательнымъ по-

*

совпало со второй, наиболѣе блестящей половиной царствованія Николая I, съ тѣмъ нынѣ уже полумиѳическимъ временемъ, когда огромныя состоянія русскаго дворянства (употребляя классическое выраженіе) еще не были проѣдены, когда старый строй русской жизни, основанный на крѣпостномъ правѣ, считался незыблемымъ, а свиданіе монарховъ въ Мюнхенгрецѣ и смотръ русскихъ и прусскихъ войскъ въ Калишѣ казались залогомъ ненарушимости священнаго союза.

«Въ то время, какъ графъ Нессельроде руководилъ внѣшней политикой Россіи въ духѣ Меттерниха, а графъ Канкринъ доводилъ свою строго покровительственную таможенную систему чуть не до системы запретительной, жизнь Петербургскаго двора текла шумно и разнообразно, а безконечный рядъ блестящихъ празднествъ заставлялъ иностранца, попавшаго на берега Невы, чувствовать себя какъ бы въ какомъ-то волшебномъ мірѣ».

Совершенно инаго рода были впечатлѣнія, охватившія графа де-Брэ, когда онъ прибылъ въ Парижъ, куда былъ перемѣщенъ въ 1836 г., попавъ въ водоворотъ бурной политической жизни французской столицы, и когда ему въ первые же мѣсяцы по вступленіи въ новую должность пришлось извѣщать свой дворъ о тревожныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ отставку министерства Тьера, сформированіе кабинета Моле-Гизо, неудавшуюся попытку Людовика-Наполеона захватить престолъ и покушеніе 27-го декабря 1836 г.

Также тревожно въ политическомъ отношеніи протекли для Франціи и послѣдующіе годы пребыванія де-Брэ, въ Парижѣ.

Весною 1840 г. онъ возвратился въ Мюнхенъ но, пробывъ тамъ всего десять мѣсяцевъ, былъ назначенъ 21-го марта 1841 г. резидентомъ въ Аѳины, гдѣ король Оттонъ I велъ въ то время ожесточенную борьбу противъ вмѣшательства въ дѣла Греціи трехъ соперничавшихъ между собою и покровительствовавшихъ этому государству державъ: Россіи, Ан-

---

колѣніямъ, играли видную роль въ государственной жизни Баваріи и Германіи.

Одинъ изъ членовъ этой семьи, графъ Оттонъ де-Брэ, въ свое время выдающійся государственный дѣятель Баваріи, былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ (1833—1862 г.г.) съ небольшими перерывами, дипломатическимъ представителемъ Баварскаго королевства въ Россіи и оставилъ весьма любопытныя воспоминанія и обширную переписку, на основаніи которыхъ, въ концѣ истекшаго года появился въ Германіи очеркъ его жизни и дѣятельности, составленный профессоромъ Мюнхенскаго университета, К. фонъ Гейгелемъ (Graf Otto von Bray-Steinburg. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Von Professor Dr. K. Th. von Heigel in München. Leipzig. 1901.) Извлеченіе изъ этой книги, заключающей не мало крайне любопытныхъ данныхъ для характеристики нашихъ дѣятелей въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, мы приводимъ на страницахъ „Русской Старины“. В. Т.

гліи и Франціи. Де-Брэ пріѣхалъ въ греческую столицу въ самый разгаръ этой борьбы. Греціи едва удалось избѣжать опасности и не быть вовлеченной въ восточную политику Тьера и въ войну съ Турціей. Въ то же почти время существованію династіи угрожалъ заговоръ, составленный Каподистріей и Стамматопуло; происки такъ называемой папистской партіи, которую поддерживалъ русскій посланникъ Катакази, угрожали порядку внутри государства. Несмотря на это, баварскій министръ-резидентъ нашелъ королевскую чету въ такомъ настроеніи и въ такой спокойной увѣренности, которая совершенно не оправдывалась событіями. Король Оттонъ носился съ несбыточными проектами подъема сельско-хозяйственныхъ силъ обѣднѣвшей страны; королева ожидала рожденія сына, который долженъ былъ упрочить династію и которому молодая королева заранѣе давала многознаменательное имя Константинъ.

Хотя графъ де-Брэ провелъ въ Греціи всего три года, но онъ имѣлъ за это время полную возможность убѣдиться въ непрочности существовавшаго порядка и въ безсиліи тамошняго правительства.

«Я пережилъ важный моментъ въ новѣйшей исторіи Греческаго королевства,—записалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Сэръ Стратфордъ Каннингъ пріѣхалъ въ Аѳины, съ цѣлью убѣдить короля принять совѣтъ Англіи и ввести конституціонный образъ правленія. Мы имѣли съ нимъ нѣсколько совѣщаній и выработали совмѣстно проектъ, въ силу котораго для надзора за финансами долженъ былъ быть учрежденъ Совѣтъ, частью изъ членовъ по назначенію короля, частью по избранію народа. Этимъ греческому правительству была бы обезпечена поддержка Англіи, и король вѣроятно избѣжалъ бы навязанной ему нѣсколько лѣтъ спустя конституціи. Къ сожалѣнію, другія лица отсовѣтовали королю принять вышеупомянутыя умѣренныя предложенія, и такимъ образомъ это дѣло не состоялось».

Кто были эти «другія» лица, помѣшавшія выполненію плана, и когда именно происходили вышеупомянутые переговоры, объ этомъ де-Брэ умалчиваетъ. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о русскомъ посланникѣ Катакази, которому де-Брэ отводитъ первое мѣсто, описывая тогдашній составъ дипломатическаго корпуса въ Аѳинахъ. «Представителемъ Россіи былъ статскій совѣтникъ Катакази, Австріи—Прокешъ, Пруссіи—Брассье»,—пишетъ онъ.

«Я бы охотно согласился дѣйствовать совмѣстно съ двумя послѣдними, если бы они дѣйствовали единодушно въ интересахъ Греческаго королевства. Но они постоянно враждовали между собою, такъ что поддерживать съ обоими дружескія отношенія было дѣломъ не легкимъ. Брассье осмѣивалъ Прокеша въ своей дѣловой перепискѣ. Такъ, напримѣръ, въ иллюстрированныхъ частныхъ письмахъ къ королю Фридриху

Вильгельму IV, имъ изображалась греческая государственная карета, запряженная лошадью (самъ Брассье) и страусомъ (Прокешъ), которые тянули ее въ разныя стороны.

«Каждый изъ представителей трехъ покровительствующихъ державъ, Россіи, Англіи и Франціи имѣетъ здѣсь свою партію, въ пользу которой онъ старается дѣйствовать; въ этомъ именно и заключалась величайшая трудность для правительства, установленнаго этими державами, и для короля. Мнѣ велѣно было быть посредникомъ между этими враждебными элементами; благодаря счастливой случайности, пробывъ два года въ Аѳинахъ, я былъ отозванъ прежде, нежели это невыносимое положеніе разрѣшилось тѣмъ печальнымъ кризисомъ, который вынудилъ короля Оттона принять конституцію въ ночь съ 14-го на 15-е сентября 1843 г.».

Въ февралѣ мѣсяцѣ того же 1843 года, де-Брэ былъ снова назначенъ въ Петербургъ, которому суждено было сдѣлаться какъ бы его вторымъ отечествомъ, точно такъ же, какъ оно было имъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ для его отца. Императоръ Николай по-прежнему занималъ то блестящее положеніе, въ которомъ вновь назначенный баварскій посланникъ оставилъ его десять лѣтъ передъ тѣмъ. «Его слово было самое вѣское въ совѣтѣ европейскихъ монарховъ, его дворъ былъ блестящій, его наружность внушала уваженіе». Впрочемъ, де-Брэ не отзывается уже объ императорѣ съ тѣмъ безусловнымъ благоговѣніемъ и преклоненіемъ, какія государь вызвалъ десять лѣтъ передъ тѣмъ въ юномъ секретарѣ баварскаго посольства. Говоря, что русскій императоръ обладалъ благороднымъ характеромъ и былъ чуждъ всего низскаго, де-Брэ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ «суровъ и непреклоненъ».

Тотъ фактъ, что императоръ былъ противникомъ конституціонной монархіи и какихъ бы то ни было сдѣлокъ между народомъ и монархомъ и признавалъ только двѣ формы правленія, неограниченную монархію и республику, не могъ быть для безпристрастнаго наблюдателя доказательствомъ особенной широты его взглядовъ. А графъ де-Брэ доказалъ неоднократно, что онъ могъ быть не только безпристрастнымъ наблюдателемъ, но подчасъ и весьма остроумнымъ критикомъ. Записка, составленная имъ нѣсколько лѣтъ спустя о русскомъ дворѣ и министрахъ императора Николая I, можетъ быть отнесена къ числу самыхъ выдающихся страницъ, когда-либо написанныхъ объ этомъ предметѣ; съ этой запиской можно сравнить только извѣстное мѣсто въ дневникѣ генерала Фридриха фонъ-Гагерна, веденнаго въ 1839 году.

Де-Брэ, въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ, былъ точно также какъ и Гагернъ, подкупленъ блестящей стороною жизни русскаго общества и той обворожительной любезностью, съ какой оно

относилось къ иностранцамъ. Сообразно духу времени, интересы общественные и литературные до такой степени заполоняли всеобщее вниманіе, что постороннему наблюдателю было довольно трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило за кулисами, за показной стороной жизни, текшей на берегахъ Невы, и что составляетъ между тѣмъ самую сущность государственнаго и народнаго существованія.

Съ знаменитостями литературнаго міра тогдашняго времени въ Россіи де-Брэ познакомился еще во время своего перваго пребыванія въ Петербургѣ и между прочимъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ запутанныхъ отношеній, которыя вызвали трагическую кончину Пушкина; онъ сохранилъ, разумѣется, свои связи съ бывшимъ кружкомъ знаменитаго поэта и во вторичный свой пріѣздъ въ Россію въ 1843—1846 г.г. Изъ числа лицъ, съ коими онъ сошелся тогда особенно близко, де-Брэ называетъ вдову и сыновей историка Карамзина, салонъ которыхъ посѣщался петербургскимъ обществомъ весьма охотно, князя П. А. Вяземскаго и двухъ братьевъ Віельгорскихъ. Вяземскій, бывшій въ то время вице-директоромъ департамента иностранной торговли, говорилъ о себѣ, что онъ служитъ живымъ доказательствомъ того, что «Господь милуетъ невинныхъ», такъ какъ его невинность въ дѣлахъ финансовъ была безупречна.

Этотъ умный и высокообразованный человѣкъ,—говоритъ о немъ де-Брэ,—былъ обязанъ той ролью, которую онъ игралъ въ обществѣ, главнымъ образомъ своему поэтическому таланту и любезному обхожденію. Онъ задавалъ тонъ въ литературѣ; а въ музыкальномъ мірѣ имѣли авторитетный голосъ оберъ-шенкъ императорскаго двора графъ Михаилъ Віельгорскій и его братъ, гофмейстеръ великаго князя Михаила Павловича, графъ Матвѣй Віельгорскій; пасынокъ старшаго изъ двухъ братьевъ, графъ Соллогубъ считался въ то время самымъ талантливымъ изъ русскихъ романистовъ и приводилъ и стараго и малаго изъ своихъ великосвѣтскихъ читателей въ восторгъ своими очерками, озаглавленными «На сонъ грядущимъ». Утонченное наслажденіе жизнью, увлеченіе новѣйшими произведеніями французской литературы, нѣмецкой и итальянской музыкой, дотого поглощали представителей большаго свѣта, что они интересовались своими служебными занятіями и политическимъ положеніемъ страны только въ свободную минуту, такъ сказать, между дѣломъ или въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, когда обнаруживалось, напр., какое-нибудь вопіющее злоупотребленіе въ администраціи или грандіозное хищеніе.

Князь Вяземскій, самая видная личность этого, въ своемъ родѣ, выдающагося кружка, говорилъ о себѣ, что онъ всегда плылъ «по теченію».

— Въ молодости я увлекался либеральными идеями того времени, говорилъ онъ,—въ зрѣлыхъ лѣтахъ мною руководили требованія госу-

дарственной службы, а подъ старость меня поглощаютъ заботы и недуги старческаго возраста.

Эта именно «беззаботность», эта милая готовность жертвовать собою и другими ради минутнаго удовольствія придавала особую, своеобразную прелесть жизни петербургскаго большаго свѣта, и онъ какъ будто бы старался доказать справедливость изреченія: «если относиться къ жизни слишкомъ серьезно, то въ ней не будетъ ничего привлекательнаго».

Пребываніе графа де-Брэ въ Петербургѣ было прервано въ 1846 г. его назначеніемъ главою баварскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что было связано съ тогдашними тревожными событіями во внутренней жизни Баваріи. Не взирая на личное благоволеніе къ де-Брэ баварскаго короля, между ними вскорѣ произошло столкновеніе изъ-за извѣстной Лолы Монтесъ, когда министръ отказался скрѣпить своею подписью пожалованное ей званіе графини. Результатомъ этого столкновенія была отставка де-Брэ, но непродолжительная, такъ какъ король вскорѣ предложилъ ему занять снова оставленный имъ постъ въ Петербургѣ.

Прибывъ въ Россію лѣтомъ 1847 г., всего послѣ шестнадцати мѣсячнаго отсутствія, де-Брэ не нашелъ въ русской столицѣ почти никакихъ перемѣнъ, но онъ былъ свидѣтелемъ того впечатлѣнія, какое происшествія 1848 г. произвели на императора Николая I, который, не предвидя событій, подготовлявшихся на западѣ, былъ занятъ въ то время мыслію объ улучшеніи крестьянскаго быта, побуждаемый къ тому министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, единственнымъ изъ тогдашнихъ сановниковъ, пользовавшимся славою либерала. Извѣстно, что Николай I не могъ подавить въ себѣ чувства нѣкотораго удовлетворенія при извѣстіи, что лично ему несимпатичный «мѣщанскій король» Людовикъ-Филиппъ былъ наказанъ судьбою за свою «измѣну» (въ 1830 г.), и что извѣстія о революціи, вспыхнувшей во Франціи, и о мартовскихъ событіяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ вызвали въ императорѣ взрывъ негодованія, который едва не привелъ къ походу противъ «западныхъ народовъ».

Но эта мысль, точно такъ же, какъ и планы крестьянскихъ реформъ была вскорѣ оставлена.

Изо всѣхъ континентальныхъ державъ только одна Россія не была объята лихорадкой, охватившей въ то время цивилизованный міръ, хотя въ Петербургѣ уже не относились къ событіямъ съ прежнимъ спокойствіемъ и увѣренностью, и ни для кого не было тайною, что императоръ Николай I слѣдилъ за событіями, совершавшимися въ сосѣднихъ странахъ, съ такимъ волненіемъ, которое не соотвѣтствовало его обыкновенно столь твердому характеру.

При ближайшемъ наблюденіи оказалось, что событія революціоннаго

года не прошли для Россіи и для ея монарха такъ безслѣдно, какъ могло показаться на первый взглядъ.

По отзыву приближенныхъ, императоръ Николай, полный до тѣхъ поръ юношескихъ силъ, возвратился съ Варшавскихъ празднествъ, слѣдовавшихъ за умиротвореніемъ Венгріи, если не старикомъ, то во всякомъ случаѣ сильно постарѣвшимъ. Радость по поводу одержанной побѣды была для него во многихъ отношеніяхъ омрачена. Дѣйствія русской арміи, посланной для усмиренія венгерскаго возстанія, не были столь успѣшны, какъ можно было ожидать. Кампанія, предпринятая для спасенія австрійской монархіи, не встрѣтила одобренія даже въ тѣхъ кругахъ, на сочувствіе которыхъ императоръ особенно разсчитывалъ; между прочимъ въ Москвѣ объявленіе войны вызвало явное неодобреніе. Кромѣ того, монарху, привыкшему къ безусловному и молчаливому повиновенію, пришлось быть свидѣтелемъ того, что весьма многіе изъ его офицеровъ нисколько не скрывали своей антипатіи къ нѣмецкимъ «бѣлоштанникамъ», съ которыми имъ приходилось дѣйствовать совмѣстно, и своего сочувствія къ венгерскимъ мятежникамъ, для умиротворенія которыхъ они были посланы. Къ жалобамъ на нетоварищеское отношеніе русскихъ офицеровъ къ австрійцамъ присоединились жалобы Вѣнскаго двора на высокомѣріе и самовластіе престарѣлаго фельдмаршала Паскевича, основательность которыхъ была признана справедливымъ монархомъ.

Авторъ всѣмъ извѣстной знаменитой телеграммы «L'Hongrie est aux pieds de Votre Majesté» [1]) со свойственнымъ ему самомнѣніемъ приписалъ себѣ всю заслугу побѣды надъ Гергеемъ и отрицалъ участіе въ этомъ дѣлѣ ненавистнаго ему фельдцейхмейстера Гайнау. Наконецъ, императоръ былъ глубоко опечаленъ послѣдовавшей внезапно 25-го сентября въ Варшавѣ кончиной товарища его дѣтства и единственнаго оставшагося въ живыхъ брата великаго князя Михаила Павловича, которому было всего пятьдесятъ три года. Государь возвратился въ Петербургъ поздней осенью 1849 г., посѣдѣвши, и его веселое настроеніе, казалось, пропало навсегда.

По словамъ приближенныхъ, по окончаніи венгерскаго похода онъ сдѣлался еще строже и недоступнѣе, чѣмъ прежде, и при этомъ былъ твердо убѣжденъ, что для поддержанія существующаго порядка необходимо было усилить репрессивныя мѣры. Отставка министра народнаго просвѣщенія графа Уварова и назначеніе на его мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова, пользовавшагося славою «гасителя», сопоставлялись съ ограниченіемъ правъ поступленія въ университеты и свободы преподаванія, съ учрежденіемъ главнаго цензурнаго комитета и запреще-

[1]) Венгрія у ногъ вашего величества.

ніемъ большинства заграничныхъ газетъ. Всѣ эти мѣры вызывали критику даже въ близкихъ ко двору кружкахъ. Совокупности этихъ фактовъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы зима, слѣдовавшая за венгерской кампаніей, могла быть причислена къ числу скучнѣйшихъ, какія переживала жизнерадостная обыкновенно русская столица. По случаю кончины великаго князя Михаила Павловича о придворныхъ празднествахъ, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Печальное настроеніе двора усугублялось опасеніями за здоровье зятя императора, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, скончавшагося нѣсколько лѣтъ спустя отъ недуга, первые симптомы котораго проявились зимою 1849—1850 г.г.

Баварскій посланникъ графъ де-Брэ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило вокругъ него. Несмотря на его искреннюю преданность особѣ монарха, въ лицѣ котораго онъ видѣлъ главную опору консервативной Европы, онъ не могъ не замѣтить, что струны политики, которой держался этотъ монархъ, были чрезвычайно натянуты. Наблюденія свои де-Брэ изложилъ въ особой запискѣ, написанной имъ въ ноябрѣ 1852 г. и представляющей высокій интересъ для русскаго читателя.

II.

«Когда говорятъ о Россіи, то при этомъ говорятъ объ императорѣ Николаѣ». Такъ писалъ въ свое время князь Меттернихъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ графу Фикельмонту и такъ какъ эти слова вполнѣ справедливы, то, приступая къ описанію лицъ, стоявшихъ у власти въ Россіи, слѣдовало бы начать съ характеристики ея монарха. Но подобная характеристика не входитъ въ рамки и цѣли предстоящаго очерка. Вполнѣ справедливое и безпристрастное сужденіе о правительствѣ Николая I можетъ быть высказано только исторіей. Современники, стоящіе въ непосредственной близи событій и возбуждаемыхъ ими толковъ, не могутъ произнести о нихъ безпристрастнаго сужденія, такъ какъ за подробностями они легко могутъ упустить изъ вида цѣлое. Подобно тому, какъ нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о размѣрахъ стремящагося въ высь готическаго собора, если смотрѣть на него вблизи, точно такъ же и о личности монарховъ, которые играли въ свое время выдающуюся роль, можно судить только на извѣстномъ отдаленіи.

Авторъ настоящей записки не имѣетъ притязанія сказать послѣднее

слово о правленіи нынѣ царствующаго въ Россіи монарха, но ему придется неоднократно возвращаться къ нему, дѣлая характеристику тѣхъ лицъ, которыя являлись исполнителями его воли и орудіями его администраціи и политики. Ибо таковыми только являются всѣ государственные сановники въ глазахъ этого монарха, который охотно принимаетъ совѣты тогда, когда онъ ихъ спрашиваетъ, но который по своему характеру почти не доступенъ постороннему вліянію. Обладая огромной и несомнѣнной энергіей, императоръ Николай до такой степени преисполненъ сознаніемъ своей власти, что ему трудно представить себѣ, чтобы какіе бы то ни было люди или событія могли оказать ему сопротивленіе. Быть приближеннымъ къ такому монарху равносильно необходимости отказаться, до извѣстной степени, отъ своей собственной личности, отъ своего я и усвоить себѣ извѣстный обликъ. Сообразно съ этимъ въ высшихъ сановникахъ русскаго монарха можно наблюдать только различныя степени проявленія покорности и услужливости. Тѣмъ не менѣе въ этомъ однообразномъ, строго замкнутомъ кругу встрѣчаются различныя степени дарованія. Хотя всѣ одинаково исполняютъ только волю монарха, но между сановниками есть лица, дѣйствующія въ интересахъ общественной пользы и такія, которыя дѣйствуютъ во вредъ государству. Наблюдателю-иностранцу подобаетъ начать эту портретную галлерею изображеніемъ того государственнаго дѣятеля, который руководитъ по волѣ монарха внѣшней политикой Россіи.

Графъ Карлъ-Робертъ фонъ-Нессельроде, сынъ русскаго посланника въ Берлинѣ екатерининскихъ временъ, родился въ 1780 г., на англійскомъ военномъ суднѣ и, будучи крещенъ по обряду англиканской церкви, принадлежитъ къ ней и ежегодно, на Пасхѣ, посѣщаетъ здѣшнюю англиканскую церковь, пріобщаясь въ ней св. тайнъ. Перейдя изъ военной службы на дипломатическое поприще, графъ женился въ 1811 году на дочери тогдашняго министра финансовъ графа Гурьева [1]) и, уже два года спустя, сопровождалъ императора Александра I въ его путешествіяхъ, редактировалъ бо́льшую часть дипломатическихъ актовъ, заключенныхъ въ то время, и принималъ участіе во всѣхъ выдающихся событіяхъ европейской политики. Онъ присутствовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, подписалъ конвенцію, заключенную въ Шомонѣ (1-го марта 1814 г.), и мирный договоръ, заключенный 1-го мая 1814 г., вступилъ вмѣстѣ съ союзными войсками въ Парижъ и участвовалъ въ Аахенскомъ (1818), Троппаускомъ (1820), Лайбахскомъ (1821) и Веронскомъ

[1]) Гурьевъ, управлявшій министерствомъ финансовъ съ 1810—1823 гг. и оставившій его въ разстроенномъ состояніи, считался одною изъ самыхъ неспособныхъ личностей, когда-либо занимавшихъ въ Россіи этотъ важный постъ.

(1822) конгрессахъ. Управляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, совмѣстно съ графомъ Каподистрія, онъ сдѣлался въ 1821 г. преемникомъ своего коллеги, въ то время, когда послѣдній оставилъ Россію, промѣнявъ въ скоромъ времени свой высокій постъ на званіе президента Греціи. Самъ ли Нессельроде, со свойственной ему ловкостью былъ, какъ говорили, причиною удаленія Каподистрія, или же эта перемѣна была вызвана поворотомъ въ политикѣ Александра I и личнымъ честолюбіемъ благороднаго корфіота, этого я не берусь рѣшить; достаточно сказать, что побѣда осталась на сторонѣ Нессельроде. Николай I, по вступленіи на престолъ, утвердилъ графа въ занимаемой имъ должности и пожаловалъ ему, въ 1828 году, званіе вице-канцлера, а въ 1845 г. сдѣлалъ его канцлеромъ—высшее званіе, какого можетъ достигнуть русскій подданный, равняющееся званію фельдмаршала.

Принявъ во вниманіе быстроту, съ какою Нессельроде сдѣлалъ свою блестящую политическую карьеру, участіе, которое онъ принималъ въ великихъ событіяхъ того времени, и то, что ему посчастливилось снискать довѣріе двухъ, по уму и характеру, столь различныхъ монарховъ, какъ Александръ I и Николай I, естественно будетъ представить себѣ этого министра человѣкомъ блестящаго ума, характера повелительнаго, съ сильной и энергической волею.

Между тѣмъ самые горячіе поклонники Нессельроде должны признать, что онъ не обладалъ въ сколько-нибудь значительной степени ни однимъ изъ этихъ качествъ. Ни личныя свойства, ни умъ графа Нессельроде не представляютъ ничего выдающагося. Несмотря на то, что онъ вращался въ теченіе пятидесяти лѣтъ постоянно среди наиболѣе выдающихся личностей Европы, въ немъ замѣтна въ дѣлахъ нѣкоторая робость и нетерпѣливость, какъ-будто противорѣчащія факту многолѣтней дѣятельности на самомъ обширномъ поприщѣ, какое только можно себѣ представить. Достойно вниманія, что эти именно недостатки были поставлены этому сановнику въ величайшую заслугу, и что его необычайная ловкость и присущая ему слабость характера, которая повредила бы всякому иному, послужила ему на пользу. Робость, свойственная характеру канцлера, служитъ для него защитою во всѣхъ представляющихся ему затруднительныхъ случаяхъ.

Состоя при монархѣ съ твердымъ и подчасъ вспыльчивымъ характеромъ, онъ по неволѣ долженъ былъ оставаться нѣсколько въ тѣни и съумѣлъ это сдѣлать въ совершенствѣ. По наружности онъ является всегда только вѣрнымъ исполнителемъ высочайшей воли и этимъ придаетъ всегда особое значеніе тѣмъ немногимъ словамъ, которыя говоритъ государь. Такимъ образомъ онъ имѣетъ возможность оградиться отъ непріятныхъ для него требованій и желаній, противупоставляя имъ

волю императора. Это совпаденіе его личныхъ качествъ съ особенными условіями его положенія выработало изъ него государственнаго дѣятеля, совершенно, такъ сказать, неуловимаго. Къ этому присоединяется одно обстоятельство, дающее ему большое преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не можетъ осадить кого-нибудь, сославшись на волю монарха; онъ обладаетъ вѣрнымъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣніемъ никогда не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно. Спокойный и осторожный, онъ не терпитъ суетливыхъ людей. По извѣстному рецепту Талейрана онъ старается всегда сдержать избытокъ рвенія своихъ подчиненныхъ, но это только создаетъ обыкновенно затрудненія его собственному правительству.

Своей самоотверженной готовностью стушеваться и подчинить свою волю волѣ монарха, а равно своею многолѣтней преданной службой графъ Нессельроде пріобрѣлъ довѣріе императора и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое вліяніе, чего при данныхъ обстоятельствахъ ему никогда не удалось бы достигнуть въ томъ случаѣ, если бы онъ держалъ себя болѣе самостоятельно. Въ отношеніи къ другимъ Нессельроде—вѣжливъ и доброжелателенъ; немногіе сановники умѣютъ заслужить въ такой степени расположеніе тѣхъ лицъ, кои находятся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ по службѣ. Графъ въ значительной степени обязанъ достигнутымъ имъ успѣхамъ той настойчивости, съ какою онъ съумѣлъ провести вполнѣ соотвѣтствующую его характеру роль «умѣряющаго элемента» (modérateur), и тому искусству, съ какимъ онъ примѣнилъ къ своему характеру систему «осмотрительности»; этимъ онъ пріобрѣлъ права на признательность своихъ современниковъ. Европа неоднократно была обязана ему сохраненіемъ мира: такъ было въ 1829 году и въ 1830 году, когда положеніе дѣлъ было таково, что одной искры было достаточно, чтобы возгорѣлась всеобщая война. Графъ сохранилъ попрежнему свое вліяніе и послѣ 1848 года, и безъ сомнѣнія не мало содѣйствовалъ тому, что изреченіе: «умѣренность въ силѣ», характеризующее правленіе Николая I, осталось въ почетѣ.

Двѣ энергичныя мѣры: вступленіе въ Венгрію съ 200.000 человѣкъ и угрожающее положеніе, принятое по отношенію къ Пруссіи, въ ноябрѣ 1850 г., слѣдуетъ отнести во всякомъ случаѣ къ личной иниціативѣ императора. Но императору и его министру одинаково слѣдуетъ воздать должное за то, что русская политика доказала своею честностью и достигнутыми ею успѣхами, что самая честная политика есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшая.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть о вліяніи, какое имѣетъ на своего супруга графиня Нессельроде. Приданое этой дамы составило основу того громаднаго состоянія, какимъ владѣетъ въ настоящее время графъ, а ея обширное родство немало способствовало тому, что ея

мужу не повредило его иностранное происхожденіе. Во всемъ остальномъ супруги какъ нельзя болѣе несходны. Графиня имѣетъ, повидимому, всѣ преимущества и недостатки, какихъ нѣтъ у графа; по складу ума и въ обхожденіи она надменна и повелительна, имѣетъ обо всемъ свое собственное вполнѣ опредѣленное мнѣніе и подчиняется своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Въ этомъ отношеніи супруги удивительно дополняютъ другъ друга. Полагаясь на здравый умъ графини, канцлеръ имѣетъ обыкновеніе не только бесѣдовать съ нею о дѣлахъ политики, но, какъ говорятъ, даже зачастую совѣтуется съ нею. Впрочемъ, ея вліяніе проявляется болѣе относительно личностей, нежели относительно событій [1]).

Хотя графу Нессельроде уже семьдесятъ два года, но онъ производитъ впечатлѣніе свѣжаго и дѣятельнаго старика, котораго время еще не сокрушило. Музыка и наслажденіе природою (онъ большой любитель цвѣтовъ и имѣетъ прекрасныя оранжереи) составляютъ его отдохновеніе послѣ неутомимыхъ трудовъ за письменнымъ столомъ; онъ охотно ходитъ пѣшкомъ и большой любитель быстрыхъ путешествій.

Канцлеръ, съ соизволенія императора, передалъ, приблизительно годъ тому назадъ, часть своихъ обязанностей тайному совѣтнику Синявину, который, неся званіе его помощника, завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ министерства. Этотъ господинъ, предложенный на эту должность самимъ Нессельроде, соединяетъ въ своемъ лицѣ два преимущества, весьма удобныя для его начальника. Какъ человѣкъ съ русской фамиліей, онъ пріятенъ старо-русской партіи, которая никогда не могла вполнѣ простить канцлеру его нѣмецкаго происхожденія, а какъ чиновникъ, довольствующійся при жизни Нессельроде ролью его перваго помощника, онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Г. Синявинъ ведетъ почти одинъ всѣ текущія дѣла и замѣщаетъ канцлера при веденіи дипломатическихъ переговоровъ во время его отсутствія. Это—человѣкъ спокойнаго, ровнаго характера, въ которомъ подъ грубой наружностью скрывается тонкій умъ.

Хотя графъ Нессельроде замѣчательно владѣетъ перомъ, но онъ отказался редактировать депеши и возложилъ эту обязанность на нѣсколькихъ чиновниковъ, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ тайный совѣтникъ Ксаверій Лабенскій. Такъ какъ этотъ господинъ владѣетъ французскимъ языкомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ природный французскій писатель, то ему поручается обыкновенно составленіе тѣхъ министерскихъ бумагъ, которыя предназначаются для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе, и къ его заслугѣ слѣдуетъ отнести то обстоятельство,

---

[1]) Скончавшаяся въ 1849 г., графиня Нессельроде не отличалась ни радушіемъ, ни любезностью.

что онъ пользуется въ дипломатическомъ мірѣ большимъ значеніемъ. При сношеніяхъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, какъ редакторъ бумагъ извѣстенъ баронъ Остенъ-Сакенъ, пользующійся славою осторожнаго и тонкаго стилиста и человѣка, основательно знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Германіи. Директоромъ азіатскаго (восточнаго) департамента состоитъ бывшій генеральный консулъ при дунайскихъ княжествахъ Дашковъ; греческими дѣлами завѣдуетъ бывшій посланникъ въ Аѳинахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Катакази, извѣстный въ дипломатическомъ мірѣ по своей предъидущей дѣятельности. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Греціи, онъ вполнѣ заслуженно оставилъ въ этой странѣ о себѣ добрую память [1]). Нѣкоторые изъ этихъ господъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть еще тайнаго совѣтника Мальцова, состоятъ также членами Совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, который созывается государственнымъ канцлеромъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о предметахъ, о которыхъ ему предстоитъ докладывать императору.

Помимо оффиціальной дипломатіи, руководимой графомъ Нессельроде, существуетъ еще тайная политическая администрація, въ которой служатъ особые агенты, главное назначеніе которой составляетъ наблюденіе; но это управленіе имѣетъ нерѣдко рѣшающее значеніе въ самыхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ смѣнилъ графа Бенкендорфа въ управленіи обширнымъ вѣдомствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ курпуса жандармовъ, которое представляетъ собою настоящее министерство полиціи. Оно состоитъ изъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи, которые наблюдаютъ за внутреннимъ управленіемъ и независимы отъ его органовъ. Но кромѣ того къ нему принадлежитъ значительное число агентовъ тайной полиціи, живущихъ въ Россіи и за границей и подчиненныхъ непосредственно графу Орлову. При посредствѣ этихъ лицъ, Орлову извѣстны самыя сокровенныя тайны отдѣльныхъ лицъ и семействъ, и ему приходится, на основаніи доставляемыхъ ими свѣдѣній, исполнять весьма нелегкія и щекотливыя порученія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ угрожать нѣкоторымъ лицамъ бѣдствіемъ или предохранить ихъ отъ таковыхъ. О предшественникѣ Орлова, Бенкендорфѣ, во многихъ семействахъ вспо-

[1]) Одинъ изъ сыновей этого сановника (воспитанный поэтомъ Эммануиломъ Гейбель) былъ въ свое время русскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ и заставилъ много говорить о себѣ по поводу тѣхъ столкновеній, которыя онъ имѣлъ съ тамошнимъ правительствомъ. Катакази-отецъ также заставилъ много говорить о себѣ, когда онъ защищалъ русскіе интересы на Востокѣ и выступилъ противникомъ той партіи, которая желала введенія въ Греціи конституціи.

минаютъ до сихъ поръ съ уваженіемъ, тогда какъ вступленіе въ эту должность Орлова возбудило во многихъ не оправдавшіяся, впрочемъ, со временемъ опасенія. Во всякомъ случаѣ, въ характерѣ этихъ двухъ лицъ существуетъ большая разница. Энергія и честность болѣе присущи нынѣшнему начальнику тайной полиціи, нежели терпѣніе и кротость.

Императоръ называетъ графа Орлова своимъ другомъ, относится къ нему, какъ къ таковому, и сообщаетъ ему самыя сокровенныя свои намѣренія, коихъ графъ является вмѣстѣ съ тѣмъ исполнителемъ. Хотя Орловъ дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ съ большею ловкостью и ему сопутствуетъ всегда удача, но все же онъ,—скорѣе хорошій исполнитель, нежели совѣтникъ, и, какъ исполнитель, оказалъ своему монарху самыя важныя услуги.

Благодаря его энергичному образу дѣйствій, былъ подавленъ въ самомъ зародышѣ вспыхнувшій въ 1831 году бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Съ тѣхъ поръ русскій народъ связываетъ съ именемъ Орлова суевѣрный страхъ (?). Дипломатическій успѣхъ, достигнутый имъ въ Константинополѣ, и ункіаръ-скелесскій договоръ, заключенный имъ въ 1832 году, ждутъ еще приговора исторіи. Къ отличительнымъ свойствамъ его характера принадлежитъ лѣнь, которая заставляетъ его избѣгать важныхъ порученій, а не искать ихъ. Орловъ любитъ держаться въ сторонѣ и появляется только тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Какъ человѣкъ тактичный, онъ рѣдко пользуется своей привилегіей говорить съ императоромъ свободно и откровенно, прибѣгая къ этому только въ случаѣ настоятельной необходимости, но когда осторожность того требуетъ. Онъ умѣетъ жертвовать откровенностью требованіямъ своего положенія или того дѣла, которому онъ служитъ. Текущими дѣлами вѣдомства, коимъ управляетъ Орловъ, завѣдуетъ генералъ Дуббельтъ, хорошо знакомый съ дѣлами, коими онъ руководилъ почти самостоятельно въ послѣдніе годы управленія III отдѣленіемъ Бенкендорфомъ. Положеніе генерала Дуббельта, всѣми нелюбимаго, по причинамъ, тѣсно связаннымъ съ его служебными обязанностями, считалось весьма ненадежнымъ во время вступленія въ должность А. Ѳ. Орлова; полагали даже, что онъ долго не удержится.

Но Орловъ, по свойственной ему лѣни и нелюбви къ труду, болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждался въ помощникѣ, который отличается ловкостью, дѣятельностью и знаніемъ дѣла. Поэтому Дуббельтъ не утратилъ своего прежняго вліянія. Генералъ-адъютантъ и графъ съ 1825 года, А. Ѳ. Орловъ исполняетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ главныхъ своихъ служебныхъ обязанностей, должность начальника императорской главной квартиры и разныя другія почетныя должности.

Всѣмъ извѣстно и не разъ доказано словами и поступками импе-

ратора Николая I, что этотъ монархъ не придаетъ ни малѣйшаго значенія силѣ идей и убѣжденій, а вѣритъ только во всемогущество физической силы. Этимъ объясняются его исключительныя заботы объ арміи и флотѣ, этимъ объясняются тѣ неимовѣрные расходы, коими обременено казначейство, которому приходится отдавать половину доходовъ на военныя издержки; этимъ объясняется тягота, которую несетъ населеніе въ видѣ то и дѣло повторяющихся рекрутскихъ наборовъ; этимъ объясняются, наконецъ, преимущества, коими пользуются военные сравнительно съ служащими на всѣхъ остальныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Военное министерство, по волѣ императора и данной этому вѣдомству организаціи, представляетъ собою и въ мирное время важнѣйшее изъ всѣхъ министерствъ. Къ управленію имъ былъ призванъ около двадцати четырехъ лѣтъ тому назадъ князь Чернышевъ, оправдавшій возложенное на него императоромъ довѣріе, пріучивъ своихъ подчиненныхъ къ правильной работѣ, подавая имъ къ тому примѣръ своимъ собственнымъ неутомимымъ трудолюбіемъ и преданностью. На князя Чернышева, обладающаго скорѣе способностью администратора, нежели полководца, возложена (употребляя выраженіе, ставшее историческимъ) обязанность организовать побѣду. Обладая превосходной памятью и точнымъ знаніемъ всѣхъ мелочей службы, онъ съумѣлъ ввести образцовый порядокъ въ управленіе своимъ министерствомъ, которое, помимо всѣхъ прочихъ многочисленныхъ задачъ, завѣдуетъ продовольствіемъ и обмундированіемъ болѣе чѣмъ милліона солдатъ. Для характеристики административныхъ способностей военнаго министра весьма знаменательно, что перемѣщеніе отдѣльныхъ частей войска нерѣдко съ одного конца Имперіи на другой, наборъ и распредѣленіе рекрутъ, а равно обмундированіе и продовольствіе столь огромнаго числа людей производится безо всякой суеты; впрочемъ, послѣднее, т. е. продовольствіе, несмотря на всѣ дѣлаемыя попытки къ улучшенію его, находится по-прежнему въ печальномъ состояніи. Чернышеву не посчастливилось съ его проектами стратегическихъ операцій, и поэтому не удивительно, что князь до сихъ поръ любитъ вспоминать о быстромъ и блестящемъ походѣ, совершенномъ имъ въ 1813 г. въ Кассель, и равнымъ образомъ охотно говоритъ о первыхъ блестящихъ годахъ своей карьеры, когда онъ, 24-лѣтнимъ юношею, былъ временно представителемъ русскаго монарха въ Парижѣ и выразителемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ, какія Александръ I питалъ одно время къ Наполеону. Состоя при главномъ штабѣ французской арміи, онъ привезъ въ Россію извѣстіе объ исходѣ сраженія при Ваграмѣ. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, отношенія между обоими государствами измѣнились, то Чернышевъ хотѣлъ воспользоваться связями, какія онъ пріобрѣлъ въ Парижѣ, для подготовленія

крававой драмы, которой суждено было вскорѣ разыграться. Его миссія окончилась, какъ извѣстно, тѣмъ, что онъ долженъ былъ поспѣшно оставить Парижъ въ 1811 г., и что Михель, чиновникъ французскаго военнаго министерства, передавшій ему планъ кампаніи, составленный французами, былъ разстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона военно-полевымъ судомъ.

Чернышевъ имѣетъ дѣльнаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ своего адъютанта, князя Долгорукова [1]). Въ его распоряженіи находится сверхъ того цѣлая стая адъютантовъ, изъ коихъ многіе въ чинѣ полковника.

Директоромъ канцеляріи Чернышева (военнаго министерства) состоитъ генералъ баронъ Вревскій [2]). Здоровье Чернышева уже значительно пошатнулось; изъ числа нѣсколькихъ бывшихъ съ нимъ ударовъ два случились въ кабинетѣ государя. До сихъ поръ онъ поддерживалъ свое здоровье при помощи киссингенскихъ водъ, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы онъ помышлялъ о сложеніи съ себя обязанностей, къ которымъ присоединилось съ 1848 года еще предсѣдательствованіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Вліяніе его вслѣдствіе этого еще болѣе возросло.

Морскими силами Россіи управляетъ князь Меншиковъ, на лицѣ котораго постоянно написана злая усмѣшка и который всѣмъ извѣстенъ своей склонностью къ сатирѣ и ѣдкимъ словечкамъ, которыя онъ любитъ отпускать и которыя ему приписываются. Меншиковъ получилъ серьезное образованіе и помимо богатыхъ умственныхъ дарованій обладаетъ особой способностью къ точнымъ наукамъ.

Это дало ему возможность стать во главѣ морскаго вѣдомства, съ которымъ во время своей предъидущей дѣятельности онъ не имѣлъ ничего общаго.

Онъ началъ свою карьеру въ качествѣ дипломата, затѣмъ служилъ въ артиллеріи и по всей вѣроятности вступилъ впервые на палубу военнаго судна, уже будучи морскимъ министромъ. Онъ съумѣлъ возмѣстить отсутствіе опытности своимъ умомъ и проницательностью и съ успѣхомъ управляетъ морскимъ министерствомъ, хотя онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы ему пришлось командовать самымъ маленькимъ судномъ. Несмотря на затрату массы труда и денегъ, достоинство русскаго флота — исключая черноморской и каспійской эскадры—весьма спорно. Возможно, что Меншиковъ, какъ бывшій сухопутный офицеръ, тратитъ слишкомъ много времени на военную выправку матросовъ, и что отъ этихъ несчастныхъ, у которыхъ множе-

---

[1]) Князь Долгорукій сдѣлался, со временемъ, преемникомъ Чернышева.
[2]) Побочный сынъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Куракина.

ство другихъ обязанностей, требуется такое совершенство въ выполненіи полковыхъ и батальонныхъ ученій, какое вообще необходимо только пѣхотнымъ солдатамъ, не имѣющимъ иныхъ обязанностей и инаго дѣла.

Во главѣ министерства государственныхъ имуществъ стоитъ графъ Киселевъ, для котораго эта отрасль управленія была отдѣлена отъ министерства финансовъ. Заботы о двадцати милліонахъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и огромное протяженіе казенныхъ земель поглощаютъ дѣйствительно дѣятельность цѣлаго министерства. Графъ Киселевъ является во внутреннемъ управленіи Имперіи представителемъ прогресса и движенія впередъ, если эти слова вообще примѣнимы въ этой странѣ. Онъ убѣжденный противникъ крѣпостнаго права и, какъ таковой, принималъ главное участіе въ изданіи знаменитаго указа 1842 г., коимъ разрѣшено заключеніе сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами. Графъ Киселевъ выказалъ себя талантливымъ администраторомъ при организаціи Дунайскихъ княжествъ, но при этомъ, разумѣется, долженъ былъ заплатить извѣстную дань современнымъ теоріямъ государственнаго управленія. Въ Россіи онъ исполняетъ только обязанности администратора и поэтому не принимаетъ участія въ настоящей политической дѣятельности, хотя старается осуществить при управленіи удѣльными имѣніями идеи, съ успѣхомъ примѣненныя въ другихъ странахъ. Къ сожалѣнію, ему недостаетъ — какъ вездѣ въ Россіи — надежныхъ и честныхъ подчиненныхъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что крестьяне относятся съ недовѣріемъ ко всѣмъ нововведеніямъ Киселева и нигдѣ не оказываютъ содѣйствія осуществленію его плановъ. Особенно тягостными и стѣснительными кажутся крестьянамъ новыя правила лѣсоохраненія, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость вслѣдствіе возрастающаго опустошенія лѣсовъ и расчищенія ихъ подъ пашни; удѣльные крестьяне, отпущенные правительствомъ на волю, зачастую говорятъ, что имъ живется хуже, нежели помѣщичьимъ крестьянамъ. Поэтому графъ Киселевъ не пользуется любовью подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Помѣщики и крестьяне относятся къ его преобразованіямъ одинаково недоброжелательно. Быть можетъ, о немъ будутъ судить справедливѣе, когда начатое имъ дѣло будетъ доведено до конца, быть можетъ, министръ, положившій начало этимъ преобразованіямъ, будетъ считаться со временемъ благодѣтелемъ сельскаго населенія. Но и въ настоящее время всѣ признаютъ, что графъ Киселевъ человѣкъ умный, обладающій быстрымъ соображеніемъ, большимъ трудолюбіемъ и честностью. Большинство же не признаетъ его планы достаточно зрѣлыми и основательными.

Управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ послѣ графа Строганова, стоявшаго во главѣ его весьма короткое время, перешло къ

графу Перовскому. Это одинъ изъ многочисленныхъ побочныхъ сыновей графа Алексѣя Разумовскаго. При отсутствіи въ Россіи родовитой аристократіи, весьма знаменательно, что знатнѣйшіе придворные лица и сановники (за весьма немногими исключеніями) суть либо выскочки [1]), либо побочныя дѣти. Послѣднихъ особенно много.

Теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ усердный работникъ, вѣжливъ въ частной жизни и умѣренъ въ своихъ привычкахъ. Состоя въ генеральномъ штабѣ, онъ дослужился до чина полковника, но занялъ выдающееся положеніе только тогда, когда съ переходомъ въ гражданскую службу онъ былъ назначенъ министромъ удѣловъ. Благодаря его старанію, удѣльные крестьяне были обставлены въ Россіи лучше всѣхъ остальныхъ. Этимъ Перовскій обратилъ на себя вниманіе императора, который ввѣрилъ ему, нѣкоторое время спустя, управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, коимъ онъ руководитъ съ безспорнымъ искусствомъ.

Министромъ народнаго просвѣщенія состоитъ нынѣ князь Ширинскій-Шихматовъ, бывшій помощникъ и временный замѣститель графа Уварова, котораго этотъ сановникъ предложилъ себѣ въ преемники. По своимъ способностямъ Шихматовъ не отличается отъ заурядnаго директора канцеляріи. Его научное значеніе ничтожно, образованіе чрезвычайно поверхностное, а взгляды—рутинера, долгое время занимавшаго второстепенное положеніе. Какъ человѣкъ, имя котораго неизвѣстно писателямъ и ученымъ, князь такъ мало подходитъ къ занимаемому имъ посту, что о немъ можно сказать только, что онъ честный человѣкъ и весьма посредственный министръ. Его предшественникъ, графъ Уваровъ былъ такъ долго министромъ и имя его столь извѣстно въ Германіи, что о немъ нельзя не сказать нѣсколько словъ [2]).

Въ послѣдніе годы, Уваровъ сдѣлался горячимъ поборникомъ узкаго славянофильства. Это тѣмъ болѣе удивительно, что этотъ министръ большой поклонникъ иностранной литературы и съ успѣхомъ печаталъ свои статьи въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ, но по-русски

---

[1]) Недовѣріе императора Николая I къ высшей русской аристократіи зависѣло отъ того, что многіе ея члены принимали участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. и были заподозрѣны въ либеральныхъ и конституціонныхъ стремленіяхъ. Примѣчаніе де-Брэ.

[2]) Графъ Уваровъ занималъ постъ министра просвѣщенія съ 1832 по 1848 г. и съ того же 1832 г. до своей кончины, послѣдовавшей въ 1855 г., былъ президентомъ Академіи наукъ. Его отставка была вызвана тѣми ограниченіями, коимъ подверглись университеты, послѣ того какъ императоръ Николай, подъ впечатлѣніемъ событій революціоннаго 1848 г., учредилъ коммиссію для пересмотра устава высшихъ учебныхъ заведеній, въ коей министръ не принималъ участія.

писалъ очень мало. Приходится допустить, что онъ усвоилъ съ теченіемъ времени это новое направленіе не по своему собственному убѣжденію, а изъ желанія примѣниться къ той системѣ, которая пользовалась покровительствомъ. Тѣмъ не менѣе онъ является ревностнымъ поборникомъ этой системы; этотъ восторженный поклонникъ великаго поэта—Гёте, которому онъ отдалъ дань въ своемъ замѣчательномъ «Notice sur Goethe» и посвященіемъ ему своей «Nonnos von Panopolis,—поставилъ себѣ, повидимому, задачей искоренить изъ прибалтійскихъ губерній нѣмецкую науку и нѣмецкій языкъ и довести до упадка Дерптскій университетъ, достигшій высшей степени процвѣтанія, благодаря нѣмецкой образованности и щедрости русскаго правительства. Если не считать этихъ дѣйствій, совпавшихъ съ послѣдними годами управленія министерствомъ Уваровымъ, то надобно признать его человѣкомъ умнымъ и съ тонко развитымъ вкусомъ. Онъ тонкій знатокъ и любитель искусства, приверженецъ классицизма и употребилъ свое весьма значительное состояніе на то, чтобы окружить себя образцовыми произведеніями древнихъ временъ. Несмотря на занимаемое имъ высокое положеніе, онъ очень чувствителенъ къ похвалѣ со стороны иностранныхъ ученыхъ и обладаетъ тщеславіемъ писателя и ученаго; само собою разумѣется, ему воскуряютъ въ этомъ отношеніи ѳиміамъ. Изъ сочиненій Уварова особенный успѣхъ имѣла статья объ «Элевзинскихъ тайнахъ». Это сочиненіе, изданное въ 1872 г. и свидѣтельствующіе о трудолюбіи и образованности его автора, выдержало нѣсколько изданій.

Вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій управляетъ генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель. Отецъ графа былъ въ царствованіе Фридриха Великаго простымъ гусаромъ, затѣмъ поступилъ въ служеніе къ русскому генералу Апраксину былъ зачисленъ въ Воронежскій гусарскій полкъ и позднѣе въ Гатчинскій отрядъ великаго князя Павла Петровича. Отличаясь искусствомъ фехтованія и точнымъ знакомствомъ съ прусскимъ регламентомъ, онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе великаго князя съ такой выгодной стороны, что быстро подвинулся по службѣ и при вступленіи Павла I на престолъ былъ уже маіоромъ гатчинскихъ войскъ и, какъ таковой, получилъ въ подарокъ тысячу душъ крестьянъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ уже былъ генераломъ, а нѣсколько времени спустя—директоромъ кадетскаго корпуса. Своему сыну, принятому въ этотъ корпусъ, онъ далъ чисто-военное образованіе, въ которомъ основательность познаній и ученость не играли никакой роли, а главное мѣсто занимали послушаніе, пунктуальность и дѣятельность. Этими качествами молодой Клейнмихель съумѣлъ обратить на себя вниманіе всесильнаго въ послѣдніе годы царствованія Александра I графа Аракчеева, который приблизилъ его къ себѣ. Клейнмихель, въ то время уже генералъ-маіоръ, былъ назначенъ

начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Императоръ Николай оцѣнилъ въ немъ человѣка, отличавшагося неутомимой дѣятельностью, горячимъ рвеніемъ къ службѣ и поручилъ ему завѣдываніе работами по постройкѣ сгорѣвшаго Зимняго дворца. Поразительная быстрота, съ какою была окончена эта постройка, въ теченіе одного года, доставила генералу титулъ графа и нѣсколько времени спустя министерскій портфель [1]). Графъ Клейнмихель остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по природнымъ способностямъ и воспитанію. Дѣятельный, безпощадный и неумолимый въ выборѣ средствъ, онъ не признаетъ трудностей и какъ будто хочетъ доказать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ относится къ людямъ, какъ къ орудіямъ и машинамъ, не зная состраданія. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя суммы и неограниченную власть, Клейнмихель возвелъ, во исполненіе императорскихъ приказаній большія и полезныя, зданія. Его ненавидятъ и презираютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно было бы достигнуть тѣхъ же результатовъ, дѣйствуя съ большею кротостью и меньшей поспѣшностью, не истощая средствъ казны, не разоряя подрядчиковъ и не жертвуя множествомъ человѣческихъ жизней.

Изъ министровъ самый старшій лѣтами и первый по положенію есть министръ императорскаго двора, князь Петръ Волконскій. Состоя при императорѣ Александрѣ I начальникомъ Главнаго штаба, Волконскій принималъ видное участіе въ крупныхъ военныхъ побѣдахъ, имѣвшихъ результатомъ вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Николая I, онъ промѣнялъ военную карьеру на болѣе мирный, но требующій не менѣе труда постъ министра императорскаго двора, въ каковомъ званіи ему приходится завѣдывать многочисленными подвѣдомственными ему учрежденіями. Князь сохранилъ и въ занимаемой имъ нынѣ должности свои привычки: чрезвычайно холодный въ обращеніи и склонный къ бережливости среди расточительнаго общества, онъ отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ на всякую просьбу и почти всегда бываетъ пасмуренъ и нахмуренъ. Его называютъ «Prince de pierre» [2]); только благодѣтельному страху, который онъ распространяетъ вокругъ себя, надобно приписать то обстоятельство, что ему удалось ограничить до нѣкоторой степени злоупотребленія и мошенничества, которыя мелкіе чиновники и лакеи съумѣли вездѣ ввести и упрочить. Онъ обремененъ годами и безчисленными наградами, къ которымъ присоединился пожалованный ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ фельдмаршальскій жезлъ—единственное отличіе, котораго честолюбіе заставляло его желать. Въ придворномъ

---

[1]) Авторъ несовсѣмъ точенъ въ своихъ словахъ. Ред.

[2]) Каменный князь.

кругу давно уже надѣялись, что ему придется отказаться отъ своихъ многочисленныхъ должностей и передать ихъ другимъ лицамъ, но крѣпкая натура Волконскаго побѣдила всѣ приступы его болѣзни. Онъ по-прежнему пользуется довѣріемъ императора, который цѣнитъ въ немъ преданнаго, энергичнаго и честнаго, хотя подчасъ не вполнѣ покладистаго слугу.

Министромъ финансовъ все еще состоитъ графъ Вронченко, который, какъ помощникъ Канкрина, весьма естественно, былъ избранъ ему въ преемники. Канкринъ довелъ покровительственную таможенную систему, введенную имъ для поощренія отечественной промышленности, до чудовищныхъ размѣровъ и поддерживалъ ее цѣною огромныхъ жертвъ. Послужитъ ли созданная этимъ русская промышленность къ пользѣ или къ вреду государства, покажетъ будущее. Съ какой бы точки зрѣнія ни судить о заслугахъ графа Канкрина, все же надобно признать, что его преемникъ въ нихъ не причастенъ и не обладаетъ необходимыми способностями для исполненія тѣхъ важныхъ обязанностей, какія на него возложены. Вронченко не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, какія необходимы въ занимаемой имъ должности. Его познанія равняются познаніямъ сборщика податей; главное средство, къ которому онъ прибѣгаетъ, это выпускъ все новыхъ и новыхъ ассигнацій. Честность, преданность и беззаботность, съ какою онъ приноситъ будущее въ жертву требованіямъ минуты, снискали ему расположеніе монарха, который съ трепетомъ ожидаетъ той минуты, когда тяжелая болѣзнь, какою страдаетъ Вронченко, сдѣлаетъ необходимымъ избрать ему преемника. Его помощникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брокъ, считается человѣкомъ, знающимъ свое дѣло и самымъ выдающимся, дѣльнымъ и способнымъ финансистомъ Россіи, но всеобщимъ и наибольшимъ уваженіемъ пользуется тайный совѣтникъ Тенгоборскій, пріобрѣтшій извѣстность своимъ сочиненіемъ о финансахъ Австріи. Несмотря на свою даровитость, этотъ выдающійся человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды стать когда-либо во главѣ министерства финансовъ, но въ Государственномъ Совѣтѣ, членомъ коего онъ состоитъ, нерѣдко обращаются къ нему за совѣтомъ.

Управленіе почтовымъ вѣдомствомъ, образовавшимъ отдѣльное министерство, находится въ вѣдѣніи генералъ-адъютанта графа Адлерберга. Какъ сынъ начальницы института благородныхъ дѣвицъ, графини Адлербергъ, связанной съ императрицей Маріей Ѳеодоровной узами дружбы, молодой Адлербергъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и поэтому съ дѣтства пользовался его дружбою. Адлербергъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, оправдываетъ довѣріе, оказываемое ему монархомъ, котораго онъ сопровождаетъ во всѣхъ путешествіяхъ, исполняя во время поѣздокъ обязан-

ности директора военно-походной канцеляріи и замѣняя такимъ образомъ отсутствующаго военнаго министра. И онъ, подобно большинству министровъ и высшихъ сановниковъ, получилъ въ настоящее царствованіе титулъ графа. Адлербергъ принадлежитъ къ числу немногихъ интимныхъ друзей монарха, которые образуютъ небольшой кружокъ его приближенныхъ; къ числу ихъ принадлежитъ графъ Орловъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи, графъ Киселевъ, а также графъ Перовскій, который, состоя оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, не теряетъ надежды повторить походъ въ Хиву.

Къ числу самыхъ выдающихся изъ приближенныхъ императора принадлежитъ, наконецъ, генералъ баронъ Вильгельмъ Ливенъ, извѣстный своей честностью, основательнымъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ. Изъ числа разнообразныхъ трудныхъ порученій, съ успѣхомъ имъ исполняемыхъ, болѣе всего обратили на себя вниманіе переговоры, благодаря которымъ было остановлено движеніе Ибрагима-паши къ Константинополю. Находясь всегда въ свитѣ императора, Ливенъ, человѣкъ еще довольно молодой, будетъ вѣроятно еще долго играть видную роль. Происходя изъ дворянскаго рода Курляндіи, баронъ—преданный слуга Россіи, но не забываетъ однако своего нѣмецкаго происхожденія.

Во главѣ министерства юстиціи стоитъ графъ Панинъ. Это человѣкъ образованный и доброжелательный, но ввѣренное ему вѣдомство составляетъ самую жалкую отрасль администраціи, а между тѣмъ министръ не можетъ ничего измѣнить. Панинъ ограничивается исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, не имѣя внѣ этой сферы сколько-нибудь значительнаго вліянія. Подчиненные не любятъ холоднаго, мало доступнаго графа.

Директоромъ (втораго отдѣленія) канцеляріи его величества и руководителемъ данной ей законодательной власти состоитъ графъ Блудовъ; это какъ бы второй министръ юстиціи. По уму и образованію графъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей Россіи. Онъ представитель старой классической школы и отличается любезностью въ обхожденіи и остроуміемъ. Вступивъ въ исполненіе своихъ теперешнихъ обязанностей въ 1847 г., онъ принималъ значительное и весьма благотворное участіе въ упорядоченіи дѣлъ католической церкви.

При описаніи приближенныхъ императора, нельзя пройти молчаніемъ принадлежащихъ къ двору дамъ. Императрица пользуется всеобщимъ уваженіемъ и преданностью. Супруга императора Николая I въ теченіе 34 лѣтъ оказывала постоянно благодѣтельное вліяніе на окружающихъ. Среди развлеченій довольно легкомысленнаго, хотя въ послѣднее время сдѣлавшагося нѣсколько серьезнѣе двора, императрица была всегда одинаково добра. Послѣ смерти своей ближайшей подруги баронессы Фредериксъ, она оказываетъ особое расположеніе и довѣріе

графинѣ Барановой и Екатеринѣ Тизенгаузенъ. Графиня Баранова, сестра Адлерберга, была нѣкогда воспитательницей царскихъ дѣтей, нынѣ же исполняетъ обязанности обергофмейстерины; она обладаетъ такими же качествами, какъ и ея братъ. Графиня Тизенгаузенъ, невѣстка бывшаго австрійскаго посланника въ Петербургѣ, графа Фикельмонта, только фрейлина, но, какъ всегдашняя спутница императрицы и ея довѣренное лицо, занимаетъ исключительное положеніе.

Въ числѣ приближенныхъ императора нѣтъ болѣе сколько-нибудь выдающихся лицъ. Обергофмаршалъ графъ Шуваловъ—неутомимый и искусный управитель дворца и благодаря этимъ качествамъ умѣетъ удержаться на своемъ посту; обергофмейстеръ Рибопьеръ—любезный болтунъ и, какъ таковой, приглашается обыкновенно на вечернія собранія императрицы и часто исполняетъ обязанность чтеца ея величества. Художественный элементъ имѣетъ своего представителя въ придворномъ кругу въ лицѣ графа Віельгорскаго. Высказываемыя имъ сужденія о новѣйшихъ музыкальныхъ произведеніяхъ и объ иностранныхъ артистахъ, выступающихъ въ Петербургѣ, считаются авторитетными. Блестящій умъ и фантазія этого умнаго и любезнаго эпикурейца такъ неистощимы, что ради нихъ не обращаютъ вниманія на маленькія увлеченія, которыя случаются иногда съ этимъ усерднымъ поклонникомъ Бахуса.

Какъ извѣстно, съ объявленіемъ Крымской войны, въ исторіи Россіи и императора Николая началась новая эпоха, и 1852-й годъ былъ послѣднимъ спокойнымъ годомъ въ исторіи этого монарха. Записка, составленная графомъ де-Брэ въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года, характеризуетъ высшее развитіе той системы, которой придерживались въ Россіи съ 1825 г. и окончанія которой въ то время еще не предвидѣли. Вслѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ, графъ де-Брэ уѣхалъ изъ Петербурга весною 1853 г., когда Николай I велъ столь чреватые послѣдствіями переговоры съ сэромъ Гамильтономъ Зейманомъ. Въ это время де-Брэ былъ посланъ своимъ дворомъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Стокгольмъ.

Воспользовавшись, по исполненіи этого порученія, кратковременнымъ отпускомъ и совершивъ въ это время небольшое путешествіе во Франціи, Италіи и Германіи, Брэ возвратился въ Петербургъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ и нашелъ въ немъ большія перемѣны. Во время его отъѣзда изъ Россіи въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ всѣ были увѣрены въ томъ, что Турція, уступивъ русскимъ требованіямъ, прекратитъ натянутое положеніе, волновавшее Европу съ тѣхъ поръ, какъ между нею и Россіей возникли несогласія изъ за «Святыхъ мѣстъ». Въ этомъ

смыслѣ де-Брэ писалъ баварскому министру-президенту Пфордтену въ своей послѣдней депешѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга и при этомъ замѣтилъ, что и въ Петербургѣ надѣются на сохраненіе мира. Между тѣмъ вызывающее поведеніе Меншикова въ Константинополѣ и совѣты французскаго и англійскаго посланниковъ побудили султана отклонить требованіе Россіи и дѣйствовать столь рѣшительно, что императоръ Николай счелъ нужнымъ отвѣтить на это занятіемъ Дунайскихъ княжествъ.

Когда де-Брэ возвратился въ Петербургъ въ свою квартиру въ домѣ Лазарева, то на Дунаѣ уже начались непріязненныя дѣйствія, и появленіе англо-французскаго флота въ Безикской бухтѣ свидѣтельствовало неопровержимо объ участіи, какое западныя державы принимали въ судьбѣ «больнаго человѣка».

Въ силу всего этого зима 1853—54 г. была не изъ веселыхъ. Печальныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій смѣнялись извѣстіями о неблагопріятномъ ходѣ конференціи, происходившей въ Вѣнѣ, и къ началу весны выяснилось, что Россіи придется воевать съ западными державами, не ожидая поддержки со стороны Берлинскаго кабинета, на которую въ Петербургѣ до тѣхъ поръ твердо разсчитывали. Что касалось Австріи, то можно было даже предполагать, что эта держава станетъ на сторону союзниковъ.

Само собою разумѣется, что баварскій посланникъ былъ только постороннимъ наблюдателемъ какъ этихъ, такъ и послѣдующихъ событій. Но они пріобрѣли и для него нѣкоторое значеніе, когда, съ отозваніемъ съ той и съ другой стороны посланниковъ, окончательный разрывъ съ западными державами сталъ совершившимся фактомъ. «По порученію французскаго посланника [1]), съ которымъ я состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ»,—пишетъ де-Брэ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«мнѣ было предложено заботиться о безопасности французскихъ, а впослѣдствіи и сардинскихъ подданныхъ въ Россіи и быть представителемъ ихъ интересовъ. Со стороны русскаго правительства на это послѣдовало полное согласіе, такъ что личные интересы всѣхъ проживавшихъ въ Россіи французовъ и сардинцевъ были такъ же точно обезпечены, какъ и въ мирное время».

Само собою понятно, что тотъ фактъ, что посланникъ второстепенной державы явился представителемъ французскихъ интересовъ, былъ отличіемъ довольно необычайнымъ. На немъ лежали такимъ образомъ большія, не всегда удобныя и при томъ весьма отвѣтственныя хлопоты и заботы, которыя продолжались цѣлыхъ два года и прекратились только

---

[1]) Французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ въ моментъ объявленія войны былъ генералъ Кастельбажакъ.

съ назначеніемъ, послѣ заключенія Парижскаго мира, къ русскому двору новаго французскаго посланника, графа, впослѣдствіи герцога де-Морни.

Этотъ разъ де-Брэ провелъ въ Петербургѣ въ званіи дипломатическаго представителя Баваріи около девяти лѣтъ. Когда онъ былъ наконецъ отозванъ (въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г.), то Россія вступила на путь либеральныхъ реформъ, отъ которыхъ монархъ и народъ ожидали обновленія русской государственной и общественной жизни. Разлука со столицею обширной Имперіи, въ которой закипала новая жизнь, должна была показаться графу де-Брэ тѣмъ болѣе тяжелою, что Берлинъ, куда онъ былъ перемѣщенъ, представлялъ въ то время весьма мало привлекательнаго. Впрочемъ, де-Брэ пробылъ тамъ всего одинъ годъ. 27-го марта 1860 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну на мѣсто скончавшагося графа Лерхенфельда и пробылъ на этомъ посту десять лѣтъ.

Увѣдомленіе императрицы Екатерины II Венеціанской посполитой рѣчи о рожденіи императора Александра I.

12-го декабря 1777 года.

Божіею поспѣшествующею милостію, мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская: Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская; царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ государыня, и великая княгиня Нова-города низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣло-Озерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны повелительница, и государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ наслѣдная государыня и обладательница. Яснѣйшей рѣчи посполитой венеційской наше поздравленіе! Доброе согласіе между нами и яснѣйшею рѣчью посполитою пребывающее обязуетъ насъ увѣдомить ея о рожденіи великаго князя, нареченнаго именемъ Александръ, коимъ ея императорское высочество великая княгиня всероссійская Марія Ѳеодоровна любезнѣйшая наша невѣстка сего числа предъ полуднемъ въ 11-часу благополучно отъ бремяни разрѣшилась. Не сумнѣваясь ни мало о искренномъ участіи, кое яснѣйшая рѣчь посполитая въ чувствуемой нами при случаѣ сего благополучнаго происшествія радости пріемлетъ, взаимно увѣряемъ мы ея о непремѣнномъ желаніи нашемъ такожде участвовать во всемъ томъ, что до ея благосостоянія касаться можетъ. Впрочемъ отъ Господа Бога желаемъ яснѣйшей рѣчи посполитой всякаго благополучія. Дано въ Санктъ-Петербургѣ декабря 12-го дня, 1777, государствованія нашего шестаго на десять года.

Яснѣйшей рѣчи посполитой
добрая пріятельница
Екатерина

Яснѣйшей рѣчи посполитой венеційской [1]).

Сообщилъ протоіерей **А. Мальцевъ.**

---

[1]) Изъ бумагъ Братскаго музея имени императора Александра III близъ Берлина; рукопись пожертвована его сіятельствомъ графомъ Н. Д. Остенъ-Сакеномъ, г. императорскимъ россійскимъ посломъ.

Нѣсколько данныхъ къ исторіи книги барона М. А. Корфа „Жизнь графа Сперанскаго".

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Въ 1861 году вышла въ свѣтъ извѣстная книга барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». Собирать матеріалы къ жизнеописанію Сперанскаго баронъ Корфъ началъ еще въ срединѣ сороковыхъ годовъ, когда имъ былъ задуманъ обширный трудъ—біографическій и историческій очеркъ царствованія императора Александра I. Трудъ этотъ не осуществился. «Намъ немного нужно было времени — писалъ впослѣдствіи баронъ Корфъ,—чтобъ убѣдиться въ совершенной несостоятельности нашихъ способностей для такой работы и, еще болѣе, въ совершенномъ недостаткѣ у насъ того безотрывочнаго досуга, безъ котораго невозможно и думать о сколько-нибудь удовлетворительномъ совершеніи такого геркулесовскаго подвига». Оставивъ, такимъ образомъ, мысль написать исторію царствованія Александра I-го, Корфъ задумалъ составить подробную біографію Сперанскаго, своего, какъ онъ выражался, «благодѣтеля»,—біографію «не для современниковъ, тѣмъ еще менѣе для печати, но въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ, покамѣстъ живо еще преданіе и живы мы, свидѣтели его жизни и подвиговъ». «Не одни результаты этой жизни, но и самое ея теченіе будетъ привлекать вниманіе потомства—писалъ Корфъ въ 1846 году,—и намъ надобно стараться уловить и изобразить ея черты, покамѣстъ еще можно и пока нашъ Сперанскій не обратился еще въ такой же таинственный миѳъ, какимъ являются уже намъ примѣчательные люди близкихъ даже эпохъ, напримѣръ вѣка Екатерины. Но въ этомъ дѣлѣ пристрастіе сердца и чувствъ должно уступить безпристрастію историка. Намъ нуженъ Спе-

ранскій не въ однихъ блестящихъ его качествахъ и дѣйствіяхъ, но и въ превратностяхъ и слабостяхъ, свойственныхъ всякому земнородному. Намъ нужна исторія—вѣрная, точная, неумолимая въ истинѣ,—а не панегирикъ. Задача большая и трудная, но, надѣюсь, не невозможная».

Работа шла у Корфа успѣшно. Уже много матеріала для біографіи Сперанскаго было имъ собрано изъ бумагъ, разсказовъ, собственныхъ воспоминаній. Но чѣмъ болѣе матеріала набиралось у Корфа, тѣмъ болѣе онъ видѣлъ, сколь многаго у него еще не доставало. «Корыстолюбіе человѣческое ненасытно, и богатому всегда хочется быть еще богаче»,—писалъ онъ, и съ этою цѣлью онъ входилъ въ сношенія со всѣми, въ комъ онъ надѣялся встрѣтить содѣйствіе задуманному предпріятію. Къ имѣющимся уже въ печати свѣдѣніямъ [1]) можемъ добавить слѣдующее не безъинтересное письмо, полученное Корфомъ въ 1846 году отъ архіепископа владимірскаго Парѳенія Черткова († въ 1853 году архіепископомъ воронежскимъ):

«Ваше превосходительство милостивый государь!

Простите моей медленности, что доселѣ не отвѣчалъ на почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства о доставленіи свѣдѣній касательно происхожденія, молодости, воспитанія и ученія государственнаго сановника, блаженной памяти Михаила Михайловича Сперанскаго. Знаменитыя заслуги его и блистательныя достоинства, ваше благородное побужденіе и священное чувство признательности, собственное мое глубокое уваженіе—сильные двигатели моей многоболѣзненной старости къ содѣйствію вашему благому предпріятію. Это заставило меня хлопотать, и время длилось. Было предписано сдѣлать выправку по Владимірской консисторіи, Владимірской семинаріи, Суздальской бывой консисторіи и Суздальской семинаріи. Вызывалъ роднаго зятя, села Черкутина протоіерея Михаила Ѳеодорова, заступившаго мѣсто родителя покойнаго графа; относился къ чиновнику Лаврову, соученику Михаила Михайловича. Спрашивалъ и другихъ, знавшихъ его. Къ сожалѣнію, поискъ оказался скуденъ. По архивамъ Суздальской и Владимірской консисторій и семинарій Суздальской и Владимірской ничего не найдено; по Владимірской консисторіи сдѣлана выписка изъ исповѣдныхъ росписей о семействѣ и родѣ. Отъ отца протоіерея Михаила Ѳеодорова, зятя, представлена записка не безъ интереса; доставлена копія съ письма покойнаго къ несчастному по семинаріи, кажется, соученику и пріятелю. Болѣе матеріаловъ нѣтъ. Копію съ прописанныхъ матеріаловъ честь имѣю при семъ препроводить, а также записку отъ

[1]) См. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга девятая, Спб. 1895, стр. 171—173; „Русская Старина“, 1899 года, декабрь, стр. 666.

зятя двоюродной сестры, у которой жилъ Михаилъ Михайловичъ, учась въ семинаріи.

Слышалъ я, что Прасковья Михайловна [1]) выдала очеркъ жизни своего родителя на французскомъ языкѣ, ничего не упомянувъ о его происхожденіи. Онъ тѣмъ и высокъ, что съ низу восходилъ въ верхъ, безъ подпоръ, и подымался собственною энергіею, своими талантами и достоинствомъ.

Я совѣтовалъ роднымъ, чтобы для ознаменованія памяти на мѣстѣ рожденія поставили памятникъ, т. е. прислали бы въ церковь села Черкутина образъ ангела Михаила Михайловича, въ приличномъ окладѣ и рамѣ, въ низу бы котораго на мѣдной доскѣ вычеканить краткое жизнеописаніе. Родный племянникъ Михаила Михайловича, надворный совѣтникъ Сперанскій изъявилъ согласіе. А чтобы упрочить поминовеніе, взнесли бы какую-нибудь сумму. Призывая на васъ Божіе благословеніе и поручая себя вашему милостивому расположенію, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Парѳеній, архіепископъ владимірскій.

Не взыщите на дряхломъ и многоболѣзненномъ старикѣ, что намаралъ и напуталъ».

Іюля 9 дня 1846 г.

Матеріалы, и въ томъ числѣ драгоцѣнные, получались Корфомъ со всѣхъ концовъ Россіи. Съ 1846-го же года Корфъ приступилъ къ обработкѣ нѣкоторыхъ частей біографіи Сперанскаго, и въ слѣдующемъ, 1847-мъ году имъ были кончены отдѣлы: Дѣятельность Сперанскаго при лицѣ императора Александра (1808—1812 гг.); Заточеніе; Пребываніе въ Пензѣ и Сибири. Созрѣвала обширная часть: Сперанскій до Александра. Изъ другихъ частей готовы были лишь нѣкоторыя отдѣльныя главы. «Но все это, и готовое, и неготовое,—писалъ Корфъ въ 1847 г.,—требуетъ еще многихъ дополненій по безпрестанно вновь приходящимъ матеріаламъ, пересмотра, очистки, исправленій. Если я говорю: готово—значитъ вчернѣ. Въ смыслѣ готоваго къ печати (хотя она, разумѣется, и въ голову мнѣ не приходитъ) нѣтъ еще ничего».

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ дѣятельномъ участіи, которое Корфъ встрѣтилъ тогда при своей работѣ въ Козьмѣ Григорьевичѣ Рѣпинскомъ († въ 1876 г., въ званіи сенатора), въ теченіе долгихъ лѣтъ близко стоявшемъ къ Сперанскому и столь же благоговѣвшемъ предъ его личностью и дѣятельностью, какъ и авторъ «Жизни графа Сперанскаго». К. Г. Рѣпинскій былъ существенно полезенъ для труда Корфа какъ до-

[1]) Единственную дочь Сперанскаго, бывшую замужемъ за А. А. Фроловымъ-Багрѣевымъ, звали, какъ извѣстно, Елизаветою, а не Прасковьею.

ставленіемъ принадлежавшихъ ему драгоцѣнныхъ бумагъ Сперанскаго [1]), такъ и своими замѣчаніями и указаніями, какъ участникъ въ трудахъ Сперанскаго и свидѣтель его многообразной дѣятельности. И Корфу, сообщавшему К. Г. Рѣпинскому на просмотръ черновыя тетради своего труда, приходилось по его поправкамъ и дополненіямъ совершенно передѣлывать нѣкоторыя части біографіи Сперанскаго.

Продолжая свои занятія надъ жизнеописаніемъ Сперанскаго, баронъ Корфъ напечаталъ въ 1848 году небольшую, но цѣнную статью «О воспоминаніяхъ г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанскаго [2])», а въ 1853 году думалъ даже испросить высочайшее соизволеніе на напечатаніе одной главы изъ своего труда, которую онъ считалъ доступною гласности.

Лѣто 1856 года баронъ Корфъ проводилъ въ Висбаденѣ; туда нарочно пріѣхала для свиданія съ нимъ дочь Сперанскаго, Е. М. Фролова-Багрѣева. «Въ это свиданіе—пишетъ Корфъ,—она, давно уже знавъ, что я занимаюсь біографіею ея отца, рѣшилась передать мнѣ оставшіяся послѣ него бумаги и письма, а я заявилъ ей, что сложу ихъ въ Публичную Библіотеку. Все это и было затѣмъ исполнено,—къ счастью, потому что г-жа Багрѣева умерла не болѣе, какъ черезъ полгода послѣ того».

Тогда же Е. М. Фролова-Багрѣева выразила желаніе, чтобы всѣ письма къ ней отца были изданы, по возможности, вполнѣ. Приступивъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію въ свѣтъ этихъ писемъ, баронъ Корфъ убѣдился, «что печатать ихъ безъ біографическихъ, историческихъ и другихъ объяснительныхъ примѣчаній, значило бы погрузить читателя въ совершенной хаосъ темныхъ загадокъ и непонятныхъ намековъ» [3]). Это побудило его заняться составленіемъ такихъ примѣчаній, извлеченныхъ изъ собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи Сперанскаго. Примѣчанія эти онъ думалъ размѣщать подъ текстомъ писемъ. «Но нѣсколько попытокъ такого рода, исполненныхъ по разнымъ планамъ, скоро удостовѣрили Корфа, что безпрестанныя выноски, часто очень обширныя, развлекая ежеминутно вниманіе читающаго, все же, по самой своей отрывочности и разрозненности, не дали бы ему полнаго и яснаго понятія о событіяхъ и лицахъ, упомянутыхъ въ письмахъ, во многихъ же случаяхъ мало помогли бы ему и къ самому ихъ пониманію» [4]).

---

[1]) Нынѣ составляютъ собственность Императорской Публичной Библіотеки, которой были принесены въ даръ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

[2]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1848 года, № 138; затѣмъ перепечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1848 года, № 144.

[3]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I. Спб. 1861, предисловіе, стр. I—II.

[4]) Тамъ же, стр. II—III.

Тогда Корфъ пришелъ къ рѣшенію свести уже бывшія написанными части біографіи Сперанскаго и всѣ отдѣльныя замѣтки въ одно цѣлое, т. е. въ послѣдовательный разсказъ, который служилъ бы введеніемъ и ключемъ къ содержанію писемъ. Но необходимо было повѣрить результаты прежнихъ изысканій и дополнить ихъ новыми данными, въ особенности тѣми, которыя могли найтись въ бумагахъ Сперанскаго, пожертвованныхъ Публичной Библіотекѣ его дочерью. Тутъ баронъ Корфъ встрѣтилъ дѣятельнаго и ближайшаго сотрудника въ А. Ѳ. Бычковѣ, тогдашнемъ старшемъ библіотекарѣ и хранителѣ рукописей Библіотеки (впослѣдствіи ея директорѣ). Какъ въ былые годы К. Г. Рѣпинскому, такъ теперь А. Ѳ. Бычкову сообщалъ Корфъ на просмотръ черновыя тетради своего труда, прося критики и замѣчаній какъ относительно редакціи, такъ и самаго плана, а въ особенности дополненій на основаніи вышепомянутыхъ бумагъ Сперанскаго. Текстъ біографіи Сперанскаго посылался также и К. Г. Рѣпинскому, продолжавшему относиться къ труду Корфа съ прежнимъ вниманіемъ и любовью и сообщать цѣнныя на него замѣчанія.

Наконецъ Корфъ испросилъ высочайшее соизволеніе издать «Жизнь графа Сперанскаго», въ той степени, въ какой она тогда была возможна. При этомъ сочиненіе Корфа, какъ извѣстно, прошло предварительно въ полномъ составѣ черезъ цензуру графа Д. Н. Блудова, а въ важнѣйшихъ частяхъ черезъ собственную цензуру императора Александра II [1]).

Приступивъ къ печатанію «Жизни графа Сперанскаго», баронъ Корфъ привлекъ къ этому дѣлу и А. Ѳ. Бычкова, и К. Г. Рѣпинскаго. Планъ, котораго рѣшено было держаться при печатаніи, былъ слѣдующій: корректурные листы изъ типографіи доставлялись барону Корфу, К. Г. Рѣпинскому и А. Ѳ. Бычкову; въ случаѣ сомнѣній и поправокъ въ самомъ текстѣ А. Ѳ. Бычковъ и К. Г. Рѣпинскій присылали просмотрѣнные ими листы къ барону Корфу, если же были находимы однѣ типографскія поправки, то листы, для исправленія, посылались ими прямо въ типографію; исправленные типографіею листы снова присылались барону Корфу, а затѣмъ все на окончательный просмотръ передавалось Корфомъ А. Ѳ. Бычкову. Эту процедуру самъ баронъ Корфъ находилъ длинноватою, но за то полагалъ, что она болѣе всякой другой обезпечитъ вѣрность изданія и внутреннее его достоинство.

Въ срединѣ сентября 1861 года печатаніе книги было кончено. «Не знаю, какая участь ожидаетъ мою книгу и со стороны будущихъ ея

---

[1]) См. біографическій очеркъ графа М. А. Корфа, написанный А. Ѳ. Бычковымъ и напечатанный въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“ 1876 г., (т. I, стр. 334).

читателей (если такіе найдутся), и со стороны критики, особенно при нынѣшнемъ ея направленіи и тонѣ; точно также недоумѣваю и о томъ, что̀ ожидаетъ автора, сколько онъ ни старался оградить себя всевозможными гарантіями—писалъ Корфъ;—но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ моихъ глазахъ, написавъ и издавъ эту книгу, я прожилъ на свѣтѣ не совсѣмъ безполезно и, думаю, совершилъ вмѣстѣ и подвигъ гражданскаго мужества, ибо легко себѣ представить, какъ возопіютъ камарилла и длинный ея хвостъ. «Каменіемъ побіютъ»—какъ говаривалъ Сперанскій. А передовая партія всетаки тоже будетъ недовольна—за умолчанія и за выставку на показъ императора Николая... Остается только желать, чтобъ, при назначеніи, данномъ отъ меня моей книгѣ [1]), ее какъ можно болѣе читали, т. е. какъ можно болѣе раскупали на пользу дорогой нашей Библіотеки».

Дѣйствительно, по выходѣ въ свѣтъ «Жизни графа Сперанскаго» ея автору пришлось даже вступать съ нѣкоторыми лицами въ полемику, частью печатную, частью рукописную, а вслѣдствіе указанныхъ печатью нѣкоторыхъ ошибокъ и неточностей въ его книгѣ, было сочтено необходимымъ исправить эти погрѣшности и выпустить въ декабрѣ 1861 года исправленное ея изданіе. Въ обоихъ случаяхъ баронъ Корфъ также пользовался ближайшимъ содѣйствіемъ А. Ѳ. Бычкова.

Кромѣ писемъ и записокъ барона Корфа къ А. Ѳ. Бычкову, имѣющихъ отношеніе къ «Жизни графа Сперанскаго», мы помѣщаемъ здѣсь, по тѣсной съ ними связи, рукописную полемику барона Корфа съ А. А. Краевскимъ и письмо Корфа къ В. И. Пестелю, а также «Мысли» автора «Жизни графа Сперанскаго», которыя онъ хотѣлъ видѣть внесенными въ предисловіе къ его книгѣ, если бы когда-либо послѣдовало новое ея изданіе.

И. Бычковъ.

1.

12-го декабря 1858 г.

Завтра, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я надѣюсь представить вамъ часть моей работы по замышленному вами плану, а между тѣмъ прочтите прилагаемую тетрадь. Едва ли исторія какого-нибудь государства представляетъ что-нибудь подобное, и не знаю, возможенъ ли будетъ тотъ трудъ, за который гр(афъ) Аракчеевъ назначилъ милліонъ, безъ помощи такихъ и имъ подобныхъ матеріаловъ.

---

[1]) Деньги, вырученныя отъ продажи экземпляровъ „Жизни графа Сперанскаго“, были пожертвованы барономъ Корфомъ въ пользу Императорской Публичной Библіотеки.

2.

26-го декабря 1858 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, первые листы моей работы. Прошу убѣдительно критики самой строгой, даже придирчивой, во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. ясности, точности и слога. Для меня гораздо менѣе важности въ томъ, что тутъ мое имя, сколько въ самомъ предназначеніи работы: жить для потомства. Гдѣ вы найдете только переставить слова, перемѣнить выраженія и т. п., тамъ прошу отмѣчать предлагаемую вами перемѣну, не теряя времени на мотивированіе. Остальное стану пересылать къ вамъ, по мѣрѣ какъ будетъ поспѣвать. Впередъ приношу вамъ искреннюю благодарность за пріязненное содѣйствіе въ этомъ важномъ трудѣ.

3.

(1859 г.)

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, глава, отдѣланная мною еще до болѣзни моей дорогой малютки [1]) и теперь перебѣленная. По всему вижу, что вы меня завлекли въ настоящую біографію, что̀, можетъ статься, и не худо, лишь бы позволили напечатать.

У меня все плохо и сердце совсѣмъ изныло.

4.

9-го марта 1859 г.

Въ 1848 г(оду), по случаю помѣщенныхъ мною въ «Инвалидѣ» замѣтокъ на воспоминанія Булгарина о гр(афѣ) Сперанскомъ, Погодинъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» статью съ разными анекдотами о послѣднемъ [2]). Потрудитесь, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, доставить мнѣ книжку «Москвит(янина)», гдѣ напечатана эта статья.

5.

13-го марта 1859 г.

Сданы ли намъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, Бесѣды Спер(анскаго) съ государемъ наслѣдникомъ [3])? Если да, то прошу васъ, любезный Аѳа-

[1]) Малолѣтной дочери барона М. А. Корфа, Елены Модестовны.

[2]) Статья М. П. Погодина „Нѣсколько словъ по поводу статьи барона М. А. Корфа о Сперанскомъ“, напечатана въ № 8 „Москвитянина“ за 1848 г

[3]) Изданы А. Ѳ. Бычковымъ въ „Сборникѣ Императ. Русскаго Историч. Общества“, т. XXX, Спб. 1881, стр. 323—490.

*

насій Ѳедоровичъ, мнѣ ихъ прислать. Вообще я просилъ бы васъ доставить мнѣ все, что̀ найдется между рукописями интереснаго объ эпохѣ послѣ 1826-го года, о которой я болѣе богатъ воспоминаніями, нежели документами.

6.

10-го апрѣля 1859 г.

Не поскучайте, ради Бога, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, еще разъ внимательно пересмотрѣть наше предисловіе: эта передовая статья чрезвычайно важна для успѣха всей работы. Въ прилагаемой редакціи я старался съ благодарностію воспользоваться и вашими замѣчаніями, и нѣкоторыми замѣтками князя В(ладиміра) Ѳ(едоровича) [1]).

7.

5-го іюля 1859 г.

Конецъ и Богу слава, а вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, искреннее мое спасибо, и за все прошлое и за предстоящее еще. Завтра надѣюсь представить вамъ и предисловіе.

8.

7-го декабря 1860 г.

Позвольте, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, утрудить васъ новою работою и новою просьбою, именно просмотрѣть внимательно—не только въ редакціи, но и въ сущности мыслей и въ планѣ—прилагаемыя двѣ пьесы. Это предисловіе и окончательное заключеніе моего Сперанскаго, заново передѣланныя. Одно важно какъ фронтиспись, другое—какъ букетъ, заканчивающій фейерверкъ. Надѣюсь на ваше обязательное содѣйствіе.

9.

27-го февраля 1861 г.

Завтра мы переговоримъ о дѣлѣ печатанія біографіи Сперанскаго, которое рѣшено благопріятно.

10.

22-го марта 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, первый день, или первый листъ моего дѣтища, которое поручаю вашему доброму покровительству. Въ случаѣ какихъ-нибудь сомнѣній, мы можемъ объясниться завтра, по пріѣздѣ моемъ въ Б(ибліоте)ку.

[1]) Одоевскаго.

11.

10-го апрѣля 1861 г.

Принимая давича отъ васъ мою книгу, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я былъ въ мысли, что вы отмѣтили въ ней тѣ перемѣны, которыя признаете нужными сдѣлать; но какъ я нашелъ въ ней только закладки, вѣроятно на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ вы хотѣли со мною лично объясниться, а такое объясненіе могло бы быть только въ середу (завтра мнѣ никакъ нельзя быть въ Библіотеку), а между тѣмъ типографія не будетъ имѣть оригиналъ, то я просилъ бы васъ покорно принять трудъ означить карандашемъ, на подлинномъ экземплярѣ или на особыхъ листахъ, тѣ измѣненія, выпуски и пр., которые вамъ представляются необходимыми, и въ такомъ видѣ мнѣ снова прислать.

12.

11-го апрѣля 1861 г.

Вновь благодаря васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, за теплое ваше содѣйствіе и добрые совѣты, думаю, что для того, чтобы не останавливать набора, мы можемъ прямо перейти къ III-й части, которою начнется новый томъ, а слѣдственно и новая нумерація страницъ. Тогда намъ можно будетъ еще ближе и не торопясь обдумать сомнительныя мѣста II-го и даже представить ихъ сперва его величеству.

На случай, что вы согласитесь съ моею мыслію, прилагаю здѣсь III-й томъ.

13.

12-го мая 1861 г.

Когда дойдетъ до записки Филимонова о высылкѣ Сперанскаго изъ Нижняго, надо будетъ, по извѣстной вамъ причинѣ, прибавить въ выноскѣ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «По просьбѣ покойнаго генерала Михайловскаго-Данилевскаго, мы нѣкогда сообщали ему эту записку, которая, какъ намъ извѣстно, разошлась отъ него потомъ по рукамъ, но съ разными прибавками и прикрасами» [1]).

14.

18-го мая 1861 г.

Наконецъ я получилъ отъ Г. С. Батенкова [2]) обратно IV и V части съ разными замѣтками и дополненіями, которыми очень не лишнее бу-

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 68.

[2]) Декабриста Гавріила Степановича Батенкова († 1863), служившаго въ Сибири при Сперанскомъ.

детъ заимствоваться,—особенно за Сибирскій періодъ. Языкъ его напыщенный, вычурный и, какъ самъ онъ сознается, не клеется къ тону нашего разсказа; но факты имѣютъ свою цѣну. Впрочемъ и изъ нихъ многіе мнѣ были извѣстны, даже подробнѣе его; но ни прежде я не рѣшался, ни теперь не рѣшусь вводить ихъ въ мою книгу. Мало ли что интересно!

Между тѣмъ вамъ, любезный мой сотрудникъ, вѣрно интересно будетъ взглянуть на замѣтки, которыя онъ сдѣлалъ на первые 4, тогда же отосланные мною къ нему листа. На двѣ или три вы найдете тутъ и мои отвѣты. Впрочемъ заимствоваться, для перепечатки вновь, изъ нихъ, кажется, нечѣмъ.

15.

21-го мая 1861 г.

Наконецъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, возвратилась наша глава, съ надписью: «Можно напечатать, кромѣ зачеркнутыхъ словъ». Къ счастію, пропускъ этихъ словъ ничего не измѣняетъ и не портитъ.

При всемъ томъ, я еще вамъ не посылаю ее, потому что мнѣ надобно сперва нѣсколько исправить и дополнить предъидущую ей, которая у васъ, или въ типографіи. Не помню, набрана ли уже она, но, во всякомъ случаѣ, вѣрно еще не оттиснута. Вы очень обязали бы меня доставленіемъ ее завтра, въ понедѣльникъ: тогда я очень скоро вышлю вамъ обѣ, и потомъ дѣло пойдетъ уже какъ по маслу.

16.

9-го іюня 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, просмотрѣнные уже вами листы—съ корректурами, еще не бывшими у васъ въ виду, К. Г. Рѣпинскаго. Предаю ихъ на ваше усмотрѣніе. Кое-что, показавшееся мнѣ въ нихъ довольно уважительнымъ, я подчеркнулъ краснымъ карандашемъ.

Вчера продержали насъ въ Совѣтѣ до половины 6-го, а сегодня опять туда собираютъ.

Графъ Строгановъ [1]) сказывалъ мнѣ вчера, что встрѣчалъ у Сперанскаго Пушкина и присутствовалъ при ихъ обоюдныхъ толкахъ объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Хорошо было бы знать, бывали ли у него, въ Петербургѣ, другіе литераторы и ученые той эпохи. Не сообщитъ ли намъ что-либо Косьма Григорьевичъ [2])?

---

[1]) Графъ Сергѣй Григорьевичъ, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа.

[2]) Рѣпинскій.

17.

10-го іюня 1861 г.

Можно ли и прилично ли будетъ гдѣ-нибудь, въ текстѣ или въ выноскѣ, упомянуть, что Сперанскій нерѣдко посмѣивался надъ номинальными, неосуществленными должностію титулами, точно такъ же, какъ и надъ пѣшими «кавалерами»?

Вчерашнія мои передѣлки (о томъ, какъ бы былъ принятъ и понятъ общій планъ преобразованій) необходимо требуютъ, опять и снова, самаго тщательнаго пересмотра. Бѣда да и только съ этимъ Прокрустовымъ ложемъ, гдѣ, къ соображенію о правильности мысли, всегда присоединяется еще и другое—о томъ, какъ она будетъ истолкована и коментирована! А тутъ еще постоянный, страшный спѣхъ, отъ громадныхъ занятій по Госуд(арственному) Совѣту и отъ раздѣляющихъ насъ разстояній [4]). Во вторникъ разсчитываю, если Богъ дастъ, на личное свиданіе, а тутъ въ среду—опять таки Совѣтъ!

18.

15-го іюня 1861 г.

Изъ вчерашней «Сѣверной Пчелы» вижу, что «Военный Сборникъ» началъ печатать біографію Аракчеева, Рача [2]). Примите трудъ мнѣ ее прислать, по совершенной необходимости взглянуть на нее прежде представленія государю моей статьи.

Мюнстеръ [3]) требуетъ у меня подписи Сперанскаго къ портрету его писанному въ 1823 году. Есть ли она у насъ за этотъ или близкій къ нему годъ?

19.

16-го іюня 1861 г.

Статья г. Ратча необходимо потребовала особой замѣтки и въ нашей. Вслѣдствіе того покорно прошу васъ, любезный Аеанасій Ѳедоровичъ, взглянуть на мою приписку и потомъ велѣть все вновь неотложно переписать г. Казакову, такъ какъ Козловъ теперь занятъ другимъ.

Возобновляю просьбу о присылкѣ мнѣ подписи Сперанскаго за 1823 годъ.

---

[1]) Баронъ Корфъ проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Статья В. Ѳ. Ратча „Воспоминанія о графѣ А. А. Аракчеевѣ“ напечатана въ „Военномъ Сборникѣ“ 1861 года, №№ 5 и 12.

[3]) Литографъ.

20.

26-го іюня 1861 г.

Государь императоръ, уѣзжая вчера изъ Ц(арскаго) Села въ Петергофъ (до августа), изволилъ мнѣ сказать, что никакъ не успѣлъ еще удосужиться прочесть мои тетради, но надѣется сдѣлать это на наступившей недѣлѣ. Вслѣдствіе того препровождаю къ вамъ, покамѣстъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, черновую нашу главу, хотя нисколько не увѣренъ, чтобы она не подверглась большимъ перемѣнамъ, а можетъ быть и совершенному исключенію.

Надѣюсь, что изъ возвращаемыхъ у сего листовъ (все, что у меня было) 9-ый еще не отпечатанъ: въ немъ есть нѣсколько грѣшковъ, необходимо требующихъ исправленія.

Въ возвращаемой книжкѣ «Военнаго Сборника» ничего для насъ не нашлось, но остается еще просмотрѣть статью о военныхъ поселеніяхъ въ іюньскихъ «Отечественныхъ Запискахъ», которыхъ у меня нѣтъ.

21.

29-го іюня 1861 г.

Вскрываю мою записку [1]), чтобы сказать вамъ, что государь сейчасъ возвратилъ мнѣ мои три статьи. Его величество пишетъ, что прочелъ все съ любопытствомъ и не встрѣчаетъ никакого препятствія къ напечатанію, кромѣ двухъ небольшихъ выносокъ въ статьѣ объ Аракчеевѣ [2]), которыя приказываетъ исключить. Эти двѣ выноски суть пер-

---

[1]) Ранѣе, въ этой же запискѣ, рѣчь идетъ о дѣлахъ по Публичной Библіотекѣ.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 113 и 114.

На указанныхъ страницахъ были въ рукописи двѣ выноски:

Первая—противъ словъ: частію и военной администраціи: „Говорятъ,—тогда же (19-го января 1816 года) писалъ Карамзинъ своему брату—что у насъ теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія“.

Вторая—противъ словъ: „Девизъ, который былъ пожалованъ въ гербъ Аракчееву, еще въ его молодости, императоромъ Павломъ“: „Русскій безпощадный сарказмъ уже тогда, перемѣною двухъ буквъ (вмѣсто „безъ“—„бѣсъ“) далъ другой смыслъ этому девизу, никогда не оправданному дѣйствіями хитраго честолюбца“.

Государь императоръ противъ этихъ выносокъ отмѣтилъ (въ Петергофѣ 29-го іюня 1861 г.): „Два эти примѣчанія совершенно излишнія и ихъ печатать не слѣдуетъ“.

Вслѣдствіе того обѣ выноски были исключены изъ книги.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“, пере-

выя во всей статьѣ: одна—письмо Карамзина къ его брату; другая—о сарказмѣ «бѣсъ» вмѣсто «безъ». Ихъ исключить очень легко.

Надѣюсь, что теперь типографское дѣло пойдетъ уже безостановочно и живѣе, чѣмъ донынѣ, о чемъ и прошу подтвердить г. Веселовскому [1]).

22.

2-го іюля 1861 г.

Отсылая къ его величеству послѣднюю мою главу, я взялъ осторожность написать прилагаемую у сего докладную записку, и вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, вѣрно пріятно будетъ увидѣть, съ какими надписями она возвратилась [2]).

Вчера я предварилъ г. Веселовскаго (и въ очень строгомъ тонѣ), что, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, корректурные листы выдаются изъ типографіи въ чтеніе постороннимъ лицамъ, которыя, въ свою очередь, одолжаютъ ими своихъ пріятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его: 1) строже смотрѣть за вѣрностью поправокъ, дѣлаемыхъ по нашимъ исправленіямъ и 2) вообще ускорить ходъ печатанія.

23.

25-го іюля 1861 г.

Искренно обрадовался я, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, получивъ снова отъ васъ корректурные листы—какъ доказательство, что вы опять въ силахъ работать; но не слишкомъ ли вы много взяли на себя, такъ

данныхъ впослѣдствіи барономъ Корфомъ А. Ѳ. Бычкову, находится еще слѣдующая замѣтка объ Аракчеевѣ:

По вступленіи на престолъ императора Николая, съ которымъ звѣзда Аракчеева померкла, онъ, изъ Грузинскаго своего (добровольнаго) заточенія, не переставалъ присылать новому государю поздравительныя письма коднямъ рожденія, именинъ, новаго года и т. п. Въ одномъ изъ такихъ писемъ (25-го іюня 1831 г.), упрашивая императора беречь свое здоровье, онъ прибавлялъ: „Ваше величество простите сію просьбу старику вѣрноподданному, которому покойный родитель вашъ, еще въ молодости его, написалъ собственною своею рукою въ гербѣ: „безъ лести преданъ“.

Въ публикѣ, всегда и горько ненавидѣвшей Аракчеева, ходила, между множествомъ на него эпиграммъ, и слѣдующая:

Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же и кому? Коварству, злобѣ, мести.

[1]) Петру Ефимовичу, директору типографіи II-го Отдѣленія, въ которой печаталась „Жизнь графа Сперанскаго“.

[2]) Императоръ Александръ II написалъ (въ Петергофѣ 1-го іюля 1861 г.) слѣдующее: «Характеристику Сперанскаго нахожу весьма безпристрастною и справедливою».

ускоривъ возвращеніемъ къ труду, и не преждевременно ли увлеклись ретивою вашею добросовѣстностію? Ради Бога пощадите себя и для вашей семьи, и для вашихъ друзей, и не работайте черезъ силу.

Сколько я помню, за вашею болѣзнью, листы 4—14 присланы были мнѣ только въ одной корректурѣ, и послѣ я уже ихъ не видалъ. Развѣ они не будутъ мнѣ вновь доставлены, или я уже получу ихъ только изъ машинной? [Сбоку приписано: «Получены послѣ написанія этой записки»].

Василій Ивановичъ [1]) сказывалъ мнѣ, что отъѣздъ вашъ въ деревню предназначается на 20-е августа, и въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что, при теперешнемъ ходѣ работы, все до тѣхъ поръ у насъ поспѣетъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Тревожныя извѣстія о здоровьи моего брата настоятельно нудятъ меня въ нему съѣздить, и такая поѣздка, съ путемъ туда и назадъ, все же возьметъ дней пять. Думаете ли вы, что, при такой отлучкѣ, дѣло наше все-таки можетъ окончиться до 20-го августа: ибо безъ вашего просмотра я ни за какія блага не рѣшусь пустить въ свѣтъ ни одного листка.

Мнѣ очень хотѣлось бы на заглавномъ листѣ выставить два или три эпиграфа: русскій, французскій и нѣмецкій. Что скажете вы о слѣдующемъ французскомъ:

«On doit des égards aux vivants, on ne doit aux morts que la vérité» (Voltaire, lettre sur Oedipe).

И не примете ли трудъ пріискать какой-нибудь хорошенькій русскій?

24.

28-го іюля 1861 г.

Отъѣзжая сейчасъ въ Москву, прощаюсь съ вами, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, до середы утра, въ надеждѣ, что найду васъ тогда уже совсѣмъ здоровыми и что отлучка моя не слишкомъ задержитъ наше дѣло.

Между тѣмъ препровождаю къ вамъ 1-ю и 2-ю части съ замѣченными мною опечатками. Разсудите, что изъ этихъ листковъ надо будетъ вновь перепечатать. Для одной какой-либо черточки или запятой дѣлать этого, конечно, не нужно; но на стр(аницахъ), напримѣръ, 152, 248, 282 и 283 это совершенно, кажется, необходимо. Можетъ статься, можно бы это сдѣлать во время моего отсутствія. Къ счастію, листки все почти средніе.

Въ 3-й части опечатокъ нѣтъ.

---

[1]) Собольщиковъ, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки.

25.

3-го августа 1861 г.

Никакъ не успѣвъ отвѣчать вамъ вчера, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, спѣшу сдѣлать это сегодня—благодарностію за ваше участіе въ моихъ семейныхъ тревогахъ. Брата моего я нашелъ въ положеніи хотя и очень страждущемъ, но гораздо лучшемъ и, особенно, гораздо менѣе опаснѣйшемъ, чѣмъ доходили до меня слухи. Меня самого пятидневный полетъ съ двумя безсонными ночами (я не умѣю спать въ дорогѣ) чрезвычайно утомилъ.

Объ эпиграфѣ поговоримъ при свиданіи, возможность къ которому, къ сожалѣнію, не предвижу прежде понедѣльника.

Меня крайне тревожитъ медленность типографіи—не для самого дѣла, но по случаю сближающагося вашего отъѣзда. Сегодня я ожидалъ получить цѣлый ворохъ корректуры и не получилъ—ни одного листка.

26.

9-го августа 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, то, что нашъ пьяненькій старичокъ [1]) назвалъ своими «Воспоминаніями» и своимъ «сочиненіемъ». Тутъ же вы найдете переданную мнѣ просьбу его и проектъ моего письма къ «сочинителю», исправленіемъ котораго не только въ редакціи, но и въ существѣ, если признаете то нужнымъ, вы много бы меня обязали.

Можетъ быть, въ слѣдствіе этой непріятной исторіи, намъ придется перепечатать стр. 84 и 85 тома I-го, ибо въ 1-хъ, М(асальскій) иначе показываетъ происхожденіе связи своего отца [2]) съ Сп(еранскимъ), нежели у меня (уже не помню по какимъ источникамъ) означено; во 2-хъ, мнѣ хотѣлось бы исключить слово «афферѝстъ» и въ 3-хъ, надо бы сказать, что письма переданы мнѣ сыномъ, какъ упомянуто о томъ при Батеньковѣ, Полѣновѣ и пр. Но вотъ бѣда: какъ всѣ эти перемѣны и исправленія размѣстить такъ, чтобы не пришлось перепечатывать цѣлаго листа?

Въ проектѣ моего письма мнѣ не нравится одно: сперва какъ бы раздраженіе, а потомъ жалость и снисхожденіе—безъ достаточнаго объясненія причины, отъ чего я вдругъ перехожу изъ одного тона въ другой.

---

[1]) К. П. Масальскій.
[2]) П. Г. Масальскаго.

27.

11-го августа 1861 г.

По вашему доброму совѣту, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я опять сократилъ и упростилъ предисловіе и воспользовался вашими поправками. Вотъ оно въ окончательномъ видѣ—впредь до новыхъ исправленій въ корректурѣ. Думаю, что прямо съ этого можно отдать и въ наборъ, съ тѣмъ, чтобы: 1) шрифтъ былъ крупнѣе, нежели въ текстѣ книги; 2) чтобы начать съ половины страницы, и 3) чтобы никакого заглавія здѣсь не выставлять.

Затѣмъ останутся еще два заглавные листа (т. е. къ двумъ томамъ), съ эпиграфами (или безъ нихъ?) и общее оглавленіе обоихъ томовъ, которое я думаю помѣстить въ первомъ, вслѣдъ за предисловіемъ, и которое здѣсь прилагаю, кромѣ къ 5-й части, которой у меня нѣтъ.

Но какъ мы размѣстимъ портреты? Или тоже всѣ три вплошь въ I-мъ томѣ, передъ заглавіемъ, чтобы сдѣлать этотъ томъ потолще?

Искренно благодарю за совершенно удовлетворительную редакцію извѣстнаго письма. Я теперь же обращаю его въ переписку.

28.

Записка А. Ѳ. Бычкова.

17-го августа 1861 г.

Архіепископъ оренбургскій (а не ярославскій) Августинъ и учитель Александроневской академіи Сахаровъ (Михаилъ) одно и тоже лицо; слѣдовательно въ замѣткахъ о Масальскомъ мѣсто о рекомендаціи его Сперанскому слѣдуетъ изложить такъ [1]):..... былъ рекомендованъ Сперанскому прежнимъ его соучеником и другомъ, впослѣдствіи товарищемъ въ званіи учителя Александроневской академіи, переведеннымъ туда изъ Ярославля, Михаиломъ Сахаровымъ [2]). Въ 1798 году...

Не ошибка ли въ хронологическихъ данныхъ: въ 1798-мъ году Масальскій перешелъ въ вспомогательный банкъ, а въ 1800-мъ былъ опредѣленъ уѣзднымъ судьею въ Ярославль.

(Сбоку этого мѣста карандашемъ написано рукою барона М. А. Корфа: «Такъ показано у сына, по формуляру»).

Имѣю честь возвратить вашему высокопревосходительству дѣло о употребленіи Свода законовъ и листы съ поправками г. Рѣпинскаго, между которыми есть нѣсколько очень дѣльныхъ.

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, томъ I, стр. 84.

[2]) Этотъ Сахаровъ въ 1797 г. былъ вызванъ изъ Ярославля и постриженъ въ монашество съ именемъ Августина, а въ 1806 году посвященъ въ епископа оренбургскаго.

29.

17-го августа 1861 г.

Вчера, едва я написалъ къ вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, ко мнѣ явился г. Масальскій. Подтвердивъ, что письма его отца отданы имъ были въ полное мое распоряженіе и я могъ дѣлать съ ними, что̀ хотѣлъ, и сознавшись, что мнимыя его «воспоминанія» выбраны изъ Бантыша-Каменскаго, онъ изъявилъ безусловную готовность покориться всему, что̀ я положу, въ слѣдствіе чего мы остановились на слѣдующемъ:

1) Для изданія его книжки обождать появленія нашей, дабы взаимно сообразить ихъ содержаніе, и потомъ пустить ее, какъ онъ выразился, въ видѣ аріергарда.

2) Подвергнуть ее предварительному моему просмотру и исключить все, что я признаю нужнымъ.

3) Въ такомъ видѣ разрѣшить ее къ печатанію подъ другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ заглавіемъ, которое здѣсь прилагается [1]).

4) Представленный имъ портретъ передать въ Эрмитажъ (?), а ему, за предоставленіе его въ собственность правительства, испросить подарокъ (онъ крайне нуждается въ деньгахъ).

Не угодно ли будетъ приказать заготовить въ этомъ смыслѣ отвѣтное отношеніе гр(афу) Адлербергу [2]), сказавъ, что я приглашалъ г. Масальскаго къ себѣ для личнаго объясненія и онъ на все это согласился — разумѣется, кромѣ подарка.

Но вотъ, что, при этомъ объясненіи, открылось и что опять потребуетъ передѣлки страницы о старикѣ Масальскомъ. Сахаровъ и архіерей Августинъ—не два лица, а одно и то же; прежній учитель Невской семинаріи постригся въ монашество, въ Толгскомъ (въ Ярославской губерніи) монастырѣ, и, постепенно, достигъ епископскаго сана. Слѣдственно, тутъ не два преданія, а одно и то же. Еще въ выноскѣ я забылъ упомянуть, что сообщеніемъ переписки Масальскаго съ Спер(анскимъ) мы обязаны сыну перваго. Онъ, т. е. отецъ, умеръ въ томъ же 1839 г., какъ и Спер(анскій), но въ октябрѣ.

Нельзя ли прислать мнѣ ту книжку журнала «Министерства Юстиціи», въ которой было предсказано появленіе нашей біографіи.

Для любопытства вашего прилагаю здѣсь сдѣланную мною общую выборку всѣхъ матеріаловъ, которыми я пользовался при моей компи-

---

[1]) Книжка издана въ 1862 году подъ такимъ заглавіемъ: „Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, и нѣкоторыя сочиненія первой молодости графа М. М. Сперанскаго“.

[2]) Графу Владиміру Ѳедоровичу, министру Императорскаго Двора.

ляціи. Можетъ статься, что-нибудь еще пропущено, но, кажется, и этого не мало.

По прочтеніи этой записки вы увидите, что она была написана до полученія вашей [1]); извините, если, за недосугомъ, не переписываю вновь.

30.

24-го августа 1861 г.

Мнѣ кажется удобнѣе, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, не означать подъ эпиграфами сочиненій, изъ которыхъ они взяты, а удовольствоваться одними именами авторовъ. Это будетъ лучше и для архитектуры заглавнаго листа, который, признаюсь, мнѣ очень не по вкусу.

Здѣсь—все полученное мною вчера.

31.

31-го августа 1861 г.

Спѣшу просить васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, не принимать труда пріѣзжать въ пятницу въ Царское Село. Я самъ буду въ городѣ и надѣюсь послѣ засѣданія Главнаго Правленія училищъ, т. е. часу въ 3-мъ, увидѣться съ вами въ Библіотекѣ—если вы до тѣхъ поръ не уѣдете въ Ярославль.

Какая досада съ этою типографіею! А я надѣялся все сегодняшнее послѣ-обѣда посвятить корректурѣ и завтра всю пропустить черезъ ваши руки, такъ чтобы ни одна строка не попала въ печать безъ вашего просмотра.

32.

2-го сентября 1861 г.

Я успѣлъ дочитать только до стр. 379 [2]). Ради Бога, кончите остальное. Боюсь задержать. Сердечно желаю счастливаго пути и полнаго успѣха.

33.

28-го октября 1861 г.

Г-жа Масальская, по требованію моему, прислала мнѣ, вмѣсто своего сына (живущаго въ Новгородскомъ корпусѣ по службѣ тамъ), своего зятя, генеральнаго штаба полковника Полторацкаго, которымъ я остался, во всѣхъ отношеніяхъ, чрезвычайно доволенъ. Онъ не только согласенъ

---

[1]) См. предыдущій нумеръ.

[2]) Во второмъ томѣ „Жизни графа Сперанскаго“ всего 388 страницъ.

на всѣ перемѣны и на исключеніе вполнѣ Пермскаго письма, но и чувствуетъ, что, для успѣха ихъ книги, необходимо во всей точности согласить ее съ нашею, какъ пріобрѣтшею уже нѣкоторый авторитетъ. Словомъ, онъ внушилъ мнѣ такое довѣріе, что я безъ всякаго затрудненія ввѣрилъ ему записку съ вашими замѣтками, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ. Затѣмъ г. Полторацкій, отозвавшись мнѣ, что имѣетъ честь быть лично вамъ извѣстенъ, обѣщалъ мнѣ исправить ихъ рукопись во всемъ сообразно съ вашими указаніями, и когда это будетъ имъ окончено, представить ее на ваше усмотрѣніе, для окончательнаго между нами соглашенія. При толковитости и податливости его, дѣло на этомъ основаніи устроится, кажется, и легко, и хорошо, и даже, можетъ быть, съ нѣкоторою выгодою для этого бѣднаго семейства, чего я бы искренно желалъ.

Ежедневныя засѣданія въ моихъ разнообразныхъ вѣдомствахъ совсѣмъ не пускаютъ меня въ любезную нашу Библіотеку. Третьяго дня я былъ во Владимірской думѣ, вчера въ особой коммиссіи у принца Ольденбургскаго, сегодня ѣду въ соединенное засѣданіе департаментовъ законовъ и экономіи.

34.

9-го ноября 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, моя полемика съ г. Краевскимъ, покамѣстъ еще рукописная,—по крайней мѣрѣ въ своей развязкѣ. Благоволите взглянуть на эти акты и сказать мнѣ ваше мнѣніе о томъ: давать ли дѣлу дальнѣйшій ходъ, и въ какомъ видѣ, т. е. сообщить ли самому г. Краевскому, или напечатать въ газетахъ, или же все это—просто бросить?

Вотъ эта полемика барона Корфа съ А. А. Краевскимъ.

30-го октября 1861 г.

Въ рецензіи на мою книгу, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» сказано, между прочимъ: «Напрасно авторъ обвиняетъ нашу литературу, что она молчала о графѣ Сперанскомъ. Она молчала потому, что баронъ Корфъ готовилъ свой трудъ, и всѣ статьи, относящіяся до графа Сперанскаго, сообщались ему». Не сомнѣваясь въ томъ, что настоящая рецензія написана съ полною увѣренностію въ истинѣ всѣхъ высказываемыхъ въ ней фактовъ, а также и въ томъ, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» раздѣляетъ эту увѣренность, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь Андрей Александровичъ, благоволить придти на помощь моей памяти указаніемъ не только на всѣ, относящіяся до графа

Сперанскаго статьи, но хотя и на одну изъ нихъ, которая была бы мнѣ сообщена.—Примите свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

Милостивый государь баронъ Модестъ Андреевичъ.

Нѣсколько строкъ въ началѣ статьи о «Жизни графа Сперанскаго» («Отечественныя Записки» 1861, октябрь, отд. III, стр. 72), возбудившія вопросъ со стороны вашего высокопревосходительства, допущены мною въ журналѣ на томъ основаніи, что еще въ 1855 году г. цензоръ Фрейгангъ [1]) объявилъ мнѣ формально, что онъ получилъ выговоръ за дозволеніе въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года нѣсколькихъ словъ по поводу помѣщенной въ «Москвитянинѣ» статьи г. Савваитова [2]) «Матеріалы для біографіи графа Сперанскаго». При этомъ г. Фрейгангъ прибавилъ, что выговоръ этотъ основывался на повелѣніи покойнаго государя не дозволять ничего печатать о Сперанскомъ, и всѣ представляемыя въ цензуру о немъ статьи отсылать къ вашему высокопревосходительству. Полагаю, что въ бумагахъ Цензурнаго комитета того времени долженъ находиться письменный актъ объ этомъ распоряженіи.

Я же, съ своей стороны, помѣщая статью о «Жизни графа Сперанскаго», желалъ снять съ русской литературы незаслуженный упрекъ въ равнодушіи къ такой замѣчательной личности, какъ Сперанскій, и если въ сказанныхъ мною словахъ есть что-нибудь неосторожное, рѣзкое, прошу ваше высокопревосходительство извинить мое неумѣнье.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе и проч.

10-го ноября 1861 г.

Милостивый государь Андрей Александровичъ.

Вслѣдствіе письма, которымъ вамъ угодно было почтить меня, честь имѣю препроводить у сего оффиціальный мнѣ отвѣтъ г. предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, которымъ опровергается отзывъ бывшаго г. цензора Фрейганга, а слѣдственно и выводъ, извлеченный изъ него редакціею «Отечественныхъ Записокъ». Вы весьма обяжете меня возвращеніемъ этой бумаги по ея прочтеніи.

Покорнѣйше прошу принять свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

---

[1]) Андрей Ивановичъ.

[2]) Археографа Павла Ивановича Савваитова († 1895). Его статья напечатана въ № 3 „Москвитянина“ за 1855 годъ, стр. 89—96.

Милостивый государь баронъ Модестъ Андреевичъ.

Прочитавъ доставленный вашему высокопревосходительству отвѣтъ г. предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, отъ 2-го ноября сего года, я могъ только подивиться смѣлости г. цензора Фрейганга, выдумавшаго повелѣніе, которое на самомъ дѣлѣ никогда не существовало.

Для оправданія словъ, сказанныхъ въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» о «Жизни графа Сперанскаго», слѣдовало бы теперь разсказать печатно, во всеуслышаніе, поступокъ г. Фрейганга; но я не надѣюсь, чтобъ цензура дозволила это.

Итакъ мнѣ остается только просить извиненія у вашего высокопревосходительства въ опрометчивомъ извѣщеніи, которому поводомъ послужило, какъ вы изволите видѣть, изобрѣтеніе г. Фрейганга. Лишенные возможности читать распоряженія цензурнаго вѣдомства, по непонятной причинѣ никогда не сообщающаго намъ письменно получаемыхъ имъ повелѣній, мы по неволѣ должны полагаться на словесныя объявленія г.г. цензоровъ, которые, вѣроятно, отъ излишней трусости или по другимъ причинамъ изобрѣтаютъ различныя запрещенія, чтобъ отдалить отъ себя всякую возможность отвѣтственности. Такъ устроено у насъ цензурное дѣло, и, конечно, не одна дѣльная статья пропадетъ отъ подобнаго устройства.

Возвращая при семъ подлинный отвѣтъ барона Медема [1]), прошу и пр.

35.

16-го ноября 1861 г.

Такъ какъ я желалъ бы, когда получу отъ г. Молчанова обратно извѣстную статью, тотчасъ отправить ее въ газеты [1]), то я просилъ бы васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, принять трудъ теперь формулировать, для включенія въ нее, поправки, полученныя отъ г.г. Греча и Чижева. О нихъ можно бы, кажется, сказать въ заключеніи статьи такъ:

Слѣдуя тому же правилу, я пользуюсь настоящимъ случаемъ для исправленія слѣдующихъ еще, указанныхъ мнѣ въ моей книгѣ ошибокъ:

Томъ I, стр. 65, и т. д.

---

[1]) Предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, генералъ-лейтенанта барона Николая Васильевича Медема († 1870).

[2]) Эта статья барона Корфа, содержащая въ себѣ исправленія невѣрностей о сослуживцѣ Сперанскаго, Миронѣ Филипповичѣ Молчановѣ, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ его сыномъ А. М. Молчановымъ, напечатана въ № 262 „Сѣверной Пчелы“ 1861 г. (отъ 23-го ноября) и затѣмъ перепечатана въ № 263 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 26-го ноября 1861 года.

36.

28-го ноября 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, какъ я полагалъ бы переиначить наше второе [1]) изданіе, для избѣжанія всякихъ новыхъ пакостей. Но какъ нумерація страницъ, бумага, шрифтъ и пр. останутся тѣ же самые, то не подымутъ ли насъ на смѣхъ, и что-нибудь еще болѣе, за это мнимое второе изданіе? Я старался избѣжать этого маленькою оговоркою въ концѣ новаго предисловія; но чтобы отнять и послѣдній поводъ къ укору, то не включить ли въ публикацію, что всякой, купившій первое изданіе, можетъ перемѣнить его, въ Библіотекѣ, на экземпляръ втораго. Это, конечно, убавитъ наши выгоды, но за то отстранитъ уже окончательно всякую укоризну, особенно если бы кому-нибудь вздумалось купить об а изданія и потомъ онъ удостовѣрился, что онъ заплатилъ лишнихъ 3 р(убля) за нѣсколько вновь перепечатанныхъ страницъ.

37.

5-го декабря 1861 года.

Возвращая вамъ у сего, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, корректуру, покорно прошу принять трудъ составить проектъ газетной статьи, т. е. объявленія, о новомъ изданіи. Но мнѣ все-таки, для избѣжанія упрека въ обманѣ, казалось бы и удобнѣйшимъ и достойнѣйшимъ сказать въ этомъ объявленіи, что всякому предоставляется обмѣнивать старое изданіе на новое—по крайней мѣрѣ въ П(етер)бургѣ, въ самой Библіотекѣ, такъ какъ переписка и разсчеты, въ отношеніи къ иногороднымъ, очень затруднили бы это дѣло.

Не нужно ли бы, послѣ прежняго оглавленія, вклеить слѣдующій листокъ:

Страницы, перепечатанныя вновь въ исправленномъ изданіи: 3, 4, 9 и т. д. Впрочемъ, предоставляю это на ваше усмотрѣніе.

38.

24-го декабря 1861 г.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, за отрадный часъ, который вы мнѣ доставили. Среди теперешнихъ моихъ занятій, требующихъ безпрестанно напряженнаго вниманія, мнѣ истинно

---

[1]) Рѣчь идетъ объ исправленномъ изданіи „Жизни графа Сперанскаго“ (о чемъ см. въ предисловной замѣткѣ).

пріятно было отдохнуть за этими милыми письмами [1]), хотя главный ихъ интересъ еще впереди—во в т о р у ю Пензенскую эпоху.

Я сдѣлалъ мѣстами нѣкоторыя пояснительныя выноски, а принадлежащія самому автору означилъ такъ (*С*), о чемъ надо будетъ также сказать въ предисловіи. Сверхъ того нѣкоторыя фамиліи я предпочелъ означить однѣми заглавными буквами, а нѣкоторыя, впрочемъ, очень немногія мѣста, совсѣмъ исключить. Но кто такіе «Софья Ивановна» и тотъ «страдалецъ», болѣзнь и смерть котораго задержали отправленіе Е. М. [2]) въ Пензу? Это надо бы тоже пояснить, а между тѣмъ память моя не приходитъ мнѣ здѣсь на помощь. Можетъ быть, пособитъ намъ Косьма Григорьевичъ.

Во всякомъ случаѣ печатаніе едва ли можно будетъ начать прежде 1862 года [3]), потому во 1-хъ, что теперь начинаются праздники, и во-2-хъ, что, несмотря на то, типографія завалена работою. Это замедленіе мы постараемся вознаградить бо́льшею поспѣшностію въ работѣ.

39.

29-го декабря 1861 г.

Вы говорили мнѣ какъ-то, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, что Н. В. Калачовъ располагаетъ разослать къ подписчикамъ на «Юридическій Вѣстникъ» «Жизнь Сперанскаго», если на экземпляры ея ему будетъ сдѣлана уступка въ цѣнѣ, на что̀ я тогда и согласился.

Между тѣмъ изъ объявленія въ сегодняшнихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» я вижу, что онъ обѣщаетъ своимъ подписчикамъ, въ приложеніи, «Ирландскую тюремную систему» Гольцендорфа.

Бывъ поставленъ этимъ въ недоумѣніе, покорнѣйше прошу васъ принять трудъ узнать у г. Калачова, остается ли онъ при прежнемъ своемъ намѣреніи, или же его перемѣнилъ?

40.

Среда, 24-го января 1862 г.

Позвольте опять обезпокоить васъ новою просьбою, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, а именно взглянуть на прилагаемыя здѣсь: 1) го-

---

[1]) Рѣчь идетъ о подготовлявшихся къ печати письмахъ Сперанскаго къ его дочери.

[2]) Т. е. Елизаветы Михайловны, дочери Сперанскаго.

[3]) Въ 1862 г. не было приступлено къ печатанію этихъ писемъ; впослѣдствіи А. Ѳ. Бычковъ издалъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 года (столб. 1103—1212 и 1681—1811). Вышли они и отдѣльною книжкою. (Москва 1860).

товящуюся противъ меня діатрибу г. Величко [1]), 2) проектъ моего отвѣта и 3) отзывъ по этому предмету К. Г. Рѣпинскаго. Мой отвѣтъ могъ бы быть гораздо злѣе, но — лежачаго не бьютъ. Впрочемъ, потрудитесь — и въ этомъ-то и просьба моя — исправить его, дополнить и пр. по вашему усмотрѣнію. Не знаю, полезна ли будетъ предлагаемая К(осьмою) Г(ригорьевичемъ) приписка: не повела бы она къ новой полемикѣ?

Весьма обязать бы меня изволили, возвративъ все это завтра утромъ пораньше.

41.

29-го января 1862 г.

Я, кажется, не имѣлъ случая сказывать вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, что посреди безпрестанныхъ дрязгъ, навлекаемыхъ мнѣ моею книгою (я и прежде уже говорилъ вамъ, что мнѣ надо бы умереть на другой день послѣ ея изданія), у меня завелась и пространная переписка съ сыномъ Пестеля [2]), московскимъ сенаторомъ [3]), сначала очень кроткая, но теперь перешедшая, съ его стороны, почти въ ругательства и остановившаяся теперь, покамѣстъ, на томъ, что онъ прислалъ мнѣ, въ доказательство невинности и чистоты его отца, оставленные имъ мемуары [4]). Позвольте мнѣ передать вамъ всѣ эти бумаги (въ томъ числѣ и двѣ записки К. Г. Рѣпинскаго), въ хронологическомъ порядкѣ, съ просьбою сообщить мнѣ ваше мнѣніе — болѣе хладнокровное и обдуманное, чѣмъ то, къ какому я теперь способенъ, — о приличномъ и удобнѣйшемъ средствѣ положить единожды навсегда конецъ этому дѣлу, въ которомъ всякой уклончивый съ моей стороны отвѣтъ только поведетъ къ новымъ перестрѣлкамъ. Истинно обязали бы меня, если бъ, зрѣло обмысливъ всѣ шансы, приняли бы трудъ набросать и самый проектъ отвѣта. Точно такъ же вы извлекли меня и изъ непріятности съ Масальскимъ.

Съ моей стороны замѣчу лишь:

1) что примѣръ Молчанова, на который ссылается мой противникъ (подъ именемъ Мельгунова), сюда совсѣмъ не идетъ. Тамъ мнѣ, въ

---

[1]) Статья А. П. Величко (бывшаго управляющаго дѣлами прежняго „Сибирскаго Комитета“) была напечатана, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ по поводу книги „Жизнь графа Сперанскаго“, въ № 24 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1861 года (отъ 31-го января). Отвѣтъ барона Корфа на эту статью появился въ № 25-мъ той же газеты, отъ 1-го февраля.

[2]) Ивана Борисовича, бывшаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ до Сперанскаго.

[3]) Генералъ-лейтенантомъ Владиміромъ Ивановичемъ Пестелемъ, сенаторомъ седьмаго департамента.

[4]) См. „Русскій Архивъ“ 1875 года, книга первая стр. 370—406.

опроверженіе слышанныхъ мною частныхъ разсказовъ, представили оффиціальные документы, а здѣсь оффиціальные документы опровергаются частнымъ разсказомъ (т. е. мемуарами) самого обвиненнаго.

2) Одно, что взято мною не изъ актовъ и чѣмъ Пестель, говорятъ, болѣе всего обижается, есть показаніе о покровительствѣ его отцу со стороны Пукаловой. Это я слышалъ, частью, отъ самого Сперанскаго, но еще гораздо утвердительнѣе отъ многолѣтняго приближеннаго Аракчеева, Самбурскаго. Сверхъ того и выдано у меня не за непреложную истину, а съ прибавкою «кажется».

3) Не я первый заклеймилъ Пестеля передъ публикою. Почти все то же (не говоря о рескриптѣ Александра Сперанскому, какъ оставшемся неоглашеннымъ) было напечатано въ общее свѣдѣніе въ указѣ 1822 г., здѣсь же прилагаемомъ. Уже не упоминаю о томъ, что поступки и образъ дѣйствія его памятны всѣмъ современникамъ и цѣлой Сибири.

Сверхъ того, замѣчательно еще одно. Сынъ, въ первомъ своемъ письмѣ, говоритъ, что отецъ неоднократно просился къ своему посту но былъ удерживаемъ государемъ; а самъ отецъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ напротивъ, что ни за что не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Сибирь. Это противорѣчіе необходимо бы, кажется, указать; но, прочитывая мемуары, я упустилъ особо отмѣтить относящіяся къ тому мѣста, что вамъ легко будетъ сдѣлать при чтеніи.

Нѣкоторыя мѣста въ мемуарахъ отчеркнуты мною, какъ очень щекотливыя для напечатанія. Это сдѣлано было мною подъ дѣйствіемъ первой моей мысли: испросить у государя разрѣшеніе Пестелю изданія мемуаровъ, съ исключеніемъ или смягченіемъ этихъ мѣстъ. Но послѣ я опять отошелъ отъ этой мысли: какая мнѣ стать вмѣшиваться въ семейныя самовосхваленія!

Я слышалъ, что вы были нездоровы, но, въ теперешнемъ нашемъ отдаленіи, эта вѣсть дошла до меня вмѣстѣ съ другою, радостною, что ваше нездоровье уже опять благополучно миновалось.

42.

1-го февраля 1862 г.

Примите трудъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, еще разъ пройти наше письмо съ моими прибавками, къ которому прилагаю также отзывъ К. Г. Рѣпинскаго и новое, вчера мною полученное письмо П(естеля).

Не одинъ Молчановъ и не одинъ Величко гнѣвались на насъ за свѣдѣнія, помѣщенныя въ нашей книгѣ — писалъ впослѣдствіи баронъ Корфъ. — Она вовлекла насъ въ довольно жестокую полемику, хотя

только рукописную, еще и съ сыномъ бывшаго передъ Сперанскимъ сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, сенаторомъ Владиміромъ Ивановичемъ.

Сначала, вѣроятно, по прочтеніи одной только какой-нибудь журнальной статьи, а еще не самой книги, онъ огорчился тѣмъ, что жена иркутскаго губернатора Трескина, описанная тутъ въ весьма невыгодныхъ краскахъ, названа «дочерью прежняго его начальника и благодѣтеля», — что, писалъ онъ, совершенная ошибка, потому что Трескинъ никогда не былъ женатъ на дочери отца его, Пестеля. На это намъ легко было отвѣчать тѣмъ, что тутъ—одно только личное его недоразумѣніе, потому что, въ описываемое нами время, отецъ Пестель былъ не прежнимъ, а еще настоящимъ начальникомъ Трескина, и что здѣсь разумѣлся совсѣмъ другой человѣкъ, именно Ключаревъ, который точно въ прежнее время, т. е. еще до сибирской службы Трескина, былъ его начальникомъ. Впрочемъ, въ «исправленномъ» изданіи нашей книги, эта фраза совершенно исключена. Но потомъ г. Пестель оскорбился и всѣми вообще отзывами нашей книги объ его отцѣ (въ особенности упомянутымъ въ ней покровительствомъ ему со стороны любовницы Аракчеева Пукаловой (стр. 172 и 173), и сообщивъ намъ переводъ части оставленныхъ его отцомъ мемуаровъ (на нѣмецкомъ языкѣ), требовалъ, чтобы мы очистили, соотвѣтственно ихъ содержанію, память бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора, по примѣру того, какъ сдѣлали это въ отношеніи къ отцу Молчанова.

Присланная намъ, въ русскомъ переводѣ, выписка изъ мемуаровъ старика Пестеля оказалась благочестивѣйшею до приторности и, въ этомъ смыслѣ, наполненною ханжества и явнаго усилія выставить себя героемъ и мученикомъ, а всѣ начальствовавшія въ то время лица своими несправедливыми преслѣдователями и злобными врагами.

Вотъ отвѣтъ Корфа В. И. Пестелю, отъ 3-го февраля 1862 года.

«Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства, отъ 24-го января, съ приложеніемъ копіи съ Записокъ, оставленныхъ вашимъ родителемъ, и, по внимательномъ ихъ прочтеніи, поспѣшаю моимъ отвѣтомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти Записки, какъ лично для васъ, такъ и для всѣхъ вашихъ родныхъ, имѣютъ немаловажное значеніе; но правдивый и нелицепріятный историкъ едва ли рѣшится назвать ихъ источникомъ совершенно точнымъ и неоспоримымъ, имѣя въ виду, что до сихъ поръ въ исторической литературѣ не являлось ни однихъ мемуаровъ, которые, поставивъ себѣ цѣлію оправданіе ихъ автора, могли бы выдержать даже снисходительную критику во всѣхъ своихъ подробностяхъ, въ особенности же, когда такіе мемуары были

писаны не для публики, а исключительно для семейства. Поэтому документы оффиціальные еще долго будутъ служить главнымъ и достовѣрнымъ матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій. И я, въ моемъ разсказѣ о томъ положеніи, въ которомъ графъ Сперанскій засталъ управленіе Сибирью, точно также преимущественно пользовался подлинными дѣлами, въ существѣ же не сообщилъ публикѣ даже и ничего новаго, или ей неизвѣстнаго, потому что все, мною сказанное, уже было напечатано въ высочайшемъ указѣ 26-го января 1822 года, тогда же обнародованномъ Правительствующимъ Сенатомъ въ общее свѣдѣніе.

Помимо личныхъ чувствъ къ людямъ намъ близкимъ и дорогимъ, чувствъ, столь благородныхъ и достойныхъ уваженія, позвольте мнѣ представить на безпристрастное обсужденіе вашего превосходительства слѣдующій вопросъ: которому изъ двухъ документовъ, если бы дѣло шло о постороннемъ человѣкѣ, вы сами отдали бы предпочтеніе: частнымъ ли, такъ сказать домашнимъ запискамъ лица обвиняемаго, или высочайшему указу, произносящему объ административной дѣятельности этого лица рѣшительный приговоръ?

Смѣю думать, что вы, какъ членъ нашего верховнаго судилища, не затруднитесь здѣсь въ отвѣтѣ; а между тѣмъ меня, за это же самое, вы обвиняете въ непрочности основаній, послужившихъ мнѣ для выводовъ о характерѣ управленія Сибирью за періодъ времени съ 1806 по 1819 годъ, несмотря даже на то, что и самъ родитель вашъ въ своихъ Запискахъ (4-я стр. 11-го листа) выразился о себѣ такъ: «Всеобщее мнѣніе было, что я человѣкъ суровый, жестокой, властолюбивый и безпокойный».

Во всемъ моемъ разсказѣ, касающемся, въ томъ или другомъ отношеніи, покойнаго Ивана Борисовича, есть лишь одно показаніе, которое, бывъ извлечено не изъ оффиціальныхъ актовъ, основано на словахъ Сперанскаго и, еще болѣе, Самбурскаго, бывшаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, лицомъ близкимъ къ Аракчееву, а также на тогдашней общей молвѣ, именно—о покровительствѣ четы Пукаловыхъ. Но вы, конечно, изволите обратить вниманіе на то, что этому обстоятельству я не придалъ въ моей книгѣ значенія непреложной исторической истины и, напротивъ, словомъ: «кажется», выразилъ даже сомнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, личную мою неувѣренность въ его дѣйствительности. Что же касается Записокъ Дмитріева, бывшаго, въ то время, министромъ юстиціи, то онѣ содержатъ въ себѣ одни факты, которые также извлечены имъ изъ дѣлъ, проходившихъ, по его званію, черезъ его руки.

Въ какой степени вообще слѣдуетъ быть осторожнымъ относительно частныхъ сообщеній,—чѣмъ, впрочемъ, я постоянно и руководился въ моемъ трудѣ,—тому лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее, хотя само по себѣ второстепенное, обстоятельство. Въ письмѣ отъ

5-го декабря 1861 года ваше превосходительство упомянули, что вашъ родитель «неоднократно просилъ императора Александра Павловича позволить ему возвратиться къ мѣсту своему (т. е. въ Сибирь), но его величеству угодно было отлагать этотъ отъѣздъ»; а между тѣмъ въ его Запискахъ не только ни слова о томъ не упомянуто, но, напротивъ, говорится: «и такъ я принялъ (вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ) непоколебимое намѣреніе ни подъ какимъ условіемъ не возвращаться въ Сибирь, хотя бы мнѣ должно было совсѣмъ оставить службу, не имѣвъ насущнаго хлѣба». Далѣе въ тѣхъ же Запискахъ приведенъ еще слѣдующій отзывъ покойнаго Ивана Борисовича графу Аракчееву: «Ежели я неизбѣжно долженъ возвратиться къ моему посту сибирскаго генералъ-губернатора, то прошу убѣдительно дать мнѣ ту инструкцію, о которой я прошу съ 1809 года и безъ которой я ни подъ какимъ условіемъ не возвращусь въ Сибирь».

При такомъ характерѣ свѣдѣній, передаваемыхъ частными лицами, заслуживающими, казалось бы, полнаго довѣрія, вы сами согласитесь, что, несмотря на всю внимательность при повѣркѣ фактовъ, трудно мнѣ иногда было избѣжать ошибокъ, въ которыхъ я, однако, всегда охотно приносилъ сознаніе, лишь только удостовѣрялся, что свѣдѣнія, заимствованныя изъ частныхъ разсказовъ, опровергаются подлинными актами (какъ напримѣръ въ дѣлѣ Молчанова); но поступить наоборотъ, т. е. опровергать акты частными разсказами, значило бы нарушать и обязанность и права историческаго писателя.

Въ заключеніе позволю себѣ, со всею откровенностію и самоотверженіемъ благороднаго человѣка, ставящаго выше всего истину, за которую, безъ сомнѣнія, вы и сами постоянно стоите, изъяснить, что, по моему мнѣнію, весьма желательно было бы, чтобъ ваше превосходительство огласили Записки покойнаго вашего родителя посредствомъ изданія ихъ въ свѣтъ, въ видѣ особой книжки. Быть можетъ, обнародованіе ихъ заставитъ многихъ взглянуть съ другой точки зрѣнія на оффиціальные документы и вызоветъ въ печать воспоминанія еще живыхъ современниковъ той эпохи, чѣмъ и освѣтятся, какъ слѣдуетъ, на судѣ публики, факты, признаваемые вами въ моей книгѣ невѣрными.

Возвращая доставленныя вами мнѣ Записки, имѣю честь и пр».

На это письмо Пестель отвѣчалъ (8-го февраля), что онъ Записки своего отца обратно получилъ, а совѣтъ Корфа предать ихъ гласности «просить позволенія пройти молчаніемъ».

Этимъ и окончилась полемика Корфа съ Пестелемъ.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго», о которыхъ упомянуто выше, нашлась еще слѣдующая замѣтка барона Корфа относительно И. Б. Пестеля:

Въ то время ходила по рукамъ въ Петербургѣ сатирическая коллекція,

составленная изъ заглавныхъ стиховъ русскихъ пѣсенъ, настоящихъ и вымышленныхъ, на разныхъ нашихъ государственныхъ людей, съ полными ихъ именами. Противъ Пестеля выставлено было: «Попаду ли я въ Сибирь!» Стихъ противъ Сперанскаго былъ еще злѣе: «Измѣнилъ я, признаюся».—А вотъ еще анекдотъ, относящійся къ тому же предмету [1]). Императрица Марія Ѳеодоровна какъ-то разъ жаловалась, что начинаетъ очень худо видѣть. Извѣстный тогдашній острякъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ безъ улыбки отвѣчалъ, что у Пестеля есть чудесные очки (онъ, дѣйствительно, всегда ходилъ въ очкахъ), подобныхъ которымъ ни у кого въ мірѣ нѣтъ. Императрица, не подозрѣвая тутъ ничего двусмысленнаго, послала попросить у Пестеля очковъ, и, уже только поглядѣвъ въ нихъ, догадалась, въ чемъ состоялъ особенный фокусъ ихъ, расхваленный Нарышкинымъ: Сибирскій генералъ-губернаторъ видѣлъ изъ Петербурга все, что дѣлалось въ Сибири!

43.

9-го февраля 1862. г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, лебединая, кажется, пѣснь нашего московскаго пріятеля [1]). Кто сличитъ ее съ моимъ письмомъ, тому не трудно, я думаю, будетъ убѣдиться, на чьей сторонѣ тутъ правда, и по совѣсти, и по исторіи. Что касается таинственной послѣдней фразы, то, вѣроятно, онъ хотѣлъ намекнуть ею будто бы на цензуру и, подъ этимъ намекомъ, скрыть свое внутреннее убѣжденіе въ маломъ авторитетѣ своихъ Записокъ.

По прочтеніи примите трудъ мнѣ возвратить.

44.

(1863 г.).

Когда-нибудь, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ,—едва ли скоро и, конечно, уже не черезъ мои руки,—выйдетъ новое изданіе «Жизни графа Сперанскаго», которое можетъ быть и дополнено, и исправлено. Я желалъ бы при этомъ одного, чтобы въ предисловіе къ этому изданію введены были набросанныя мною мысли. Посылаю ихъ вамъ на память о нашей совмѣстной работѣ.

---

[1]) Отъ князя А. Н. Голицына.

[1]) Т. е. письмо В. И. Пестеля, отъ 8-го февраля 1862 г. (см. выше).

Издавая «Жизнь графа Сперанскаго», я имѣлъ ясно передъ глазами всѣ опасности такого предпріятія [1]). Независимо отъ возможности, что книга не удастся по недостаткамъ ея содержанія, плана, обработки, языка и пр., для возбужденія моихъ опасеній уже довольно было двухъ обстоятельствъ: во 1-хъ, при настоящемъ настроеніи умовъ въ Россіи, стоитъ только занимать высокій государственный постъ и принадлежать къ высшему обществу, чтобы имѣть противъ себя, по этой одной причинѣ, всю массу и, особенно, всю пишущую у насъ братью. Къ тому мишурному и часто ребяческому прогрессу, въ дешевую тогу котораго эти господа облекаются, принадлежитъ и особаго рода хвастанье тѣмъ, когда имъ удастся «отдѣлать» вельможу, особенно же если онъ отважится стать, или, по ихъ мнѣнію, «возвыситься» въ ихъ ряды. «Покажемъ же—думаютъ они и, вѣроятно, и говорятъ въ своихъ кружкахъ,—что̀ мы передъ этимъ министромъ, передъ этимъ членомъ Государственнаго Совѣта и пр.; покажемъ и ему и всѣмъ, какъ ничтожны въ нашихъ глазахъ эти внѣшнія, пустыя отлички, которыми онъ украшается, и какъ, въ дѣйствительности, мы стоимъ неизмѣримо выше его; во 2-хъ, кромѣ послѣдствій этого общаго принципа надо было ожидать еще бо̀льшаго вооруженія именно противъ м е н я, не только потому, что каждый человѣкъ, давно дѣйствующій на общественномъ поприщѣ, когда онъ не совсѣмъ рядовый, всегда и вездѣ имѣетъ много недоброжелателей, но и потому, что, при модной теперешней ненависти къ прошлому царствованію, число личныхъ моихъ враговъ значительно еще прибавилось черезъ изданіе съ моимъ именемъ «Восшествія на престолъ императора Николая I-го», и того клеветническаго памфлета, который излился, по этому случаю, изъ желчнаго пера Герцена [2]). Къ этимъ двумъ обстоятельствамъ присоединялось еще то, что новая моя книга затрогивала и разныя современныя личности, и множество животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ, которыхъ, однако, ни нынѣшнія обстоятельства, ни положеніе мое въ государственномъ строѣ, ни самая фирма, подъ которою выходило въ свѣтъ мое сочиненіе («напечатано с ъ в ы с о ч а й ш а г о с о и з в о л е н і я»), не позволяли вполнѣ исчерпать, ни даже вполнѣ раскрыть. Наконецъ, хотя все сочиненіе въ полномъ его составѣ прошло, по высочайшей волѣ, черезъ цензуру графа Блудова, а въ важнѣйшихъ его частяхъ и черезъ собственную цензуру государя, но ни той, ни другой я отнюдь не считалъ достаточнымъ

---

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ „Мыслей“ барона Корфа были напечатаны А. Ѳ. Бычковымъ въ составленномъ имъ біографическомъ очеркѣ графа М. А. Корфа (см. „Древняя и Новая Россія“, 1876 г., т. I, стр. 334—335).

[2]) Былъ изданъ въ Лондонѣ, въ 1858 году, подъ заглавіемъ: „14-го декабря 1825 г. и императоръ Николай. По поводу книги барона Корфа“.

огражденіемъ противъ тайныхъ наговоровъ и интригъ реакціонерной партіи, которая еще очень многочисленна и сильна въ нашей высшей администраціи и которой даже самый фактъ выпуска на Божій свѣтъ т а к о й книги долженъ былъ показаться ужасающею неосторожностію, со стороны нашего правительства и самымъ зловреднымъ дѣйствіемъ съ моей.

Словомъ, съ какой точки я ни смотрѣлъ на это дѣло, оно, во внутреннемъ сознаніи, представлялось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ—подвига гражданскаго мужества, на который можно было отважиться только съ большимъ самоотверженіемъ. И я, однако, не остановился на него отважиться...

Событія только отчасти оправдали мои ожиданія.

Книга моя была прочтена всѣми, кто только читаетъ въ Россіи, и, можно сказать, съ увлеченіемъ, чему, конечно, способствовали извѣстность ея героя, таинственность его судебъ, множество оглашенныхъ мною новыхъ подробностей какъ о немъ самомъ, такъ и объ эпохѣ его въ государственной нашей жизни, наконецъ, можетъ быть, самая популярность изложенія. «Жизни графа Сперанскаго» выпала довольно рѣдкая, для сочиненій на русскомъ языкѣ, участь: быть прочтенною и въ в ы с ш е м ъ обществѣ, и даже всѣми, такъ называемыми государственными нашими людьми. Несмотря на то, она, наперекоръ моимъ ожиданіямъ, имѣла счастіе избѣгнуть ихъ остракизма, по крайней мѣрѣ видимыхъ и явныхъ ихъ стрѣлъ, и въ этомъ отношеніи все обошлось благополучно.

Но что сдѣлала съ своей стороны наша литературная критика?

Начну съ того, что не было ни одной газеты, большой или мелкой, какъ и ни одного толстаго журнала, которые не поспѣшили бы заявить свое мнѣніе о «Жизни графа Сперанскаго»; всѣ эти журнальные отзывы сложены у меня вмѣстѣ, въ одной особой оберткѣ. Но эти мнѣнія были, большею частію, совершенно разноцвѣтны. Рядомъ съ безусловно хвалебными, даже восторженными статьями, шли другія, сдержанныя, холодныя, наконецъ, и такія, сквозь которыя явно проглядывала, съ одной стороны, досада негодованія, что человѣкъ, занимающій высокій государственный постъ, могъ написать что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, съ другой—усильное стараніе, всячески унизивъ его трудъ, доказать, что должно и можно было сдѣлать несравненно лучше, но что для этого нуженъ былъ—другой талантъ. Одни выдавали меня за пристрастнаго сторонника Сперанскаго, который, по ихъ увѣренію, совсѣмъ и не стоитъ біографіи; другіе называли—врагомъ его, не довольно признающимъ достоинства единственнаго нашего государствен-

наго человѣка; тѣ утверждали, что цѣлью моею было возвести его на незаслуженный пьедесталъ, эти—что я хлопочу только о томъ, какъ бы свергнуть его съ пьедестала. Были и такіе, которымъ хотѣлось увѣрить, что публика ничуть не больше узнаетъ Сперанскаго послѣ моей біографіи, чѣмъ прежде, и которые, съ преднамѣренною безтактностію, корили меня за то, что я еще гораздо больше въ ней скрылъ, нежели высказалъ, какъ будто бы не понимали (хотя понимали очень хорошо), что, выговори я в с е, мнѣ извѣстное, то книга совсѣмъ и не могла бы явиться въ свѣтъ. Разумѣется, что, посреди всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ толковъ и пересудовъ, наши п с е в д о-п е р е д о в ы е люди старались провести, подъ шумокъ, и нѣкоторыя изъ любимыхъ своихъ идеекъ, пытаясь восполнить мои пропуски разными неудачными своими догадками; вообще же обличили въ этомъ дѣлѣ и глубокое, свойственное большей ихъ части, невѣдѣніе, и узкость своихъ мнимо-государственныхъ взглядовъ, не приведя ни одного такого факта, не выразивъ ни одной такой мысли, которыми можно было бы сколько-нибудь воспользоваться для исправленія или усовершенствованія разобраннаго ими труда. Вездѣ видны были тутъ не благородныя стремленія къ пользѣ науки и къ исторической истинѣ, а одни, упомянутые выше, темные мотивы и вліяніе заранѣе предрѣшеннаго образа дѣйствія, хотя бы книга оказалась написанною съ искусствомъ самого Тацита или Плутарха.

Я не отвѣчалъ ни на одну изъ этихъ рецензій, потому что почти каждая изъ нихъ самымъ своимъ содержаніемъ произносила справедливѣйшій себѣ приговоръ, а вступать въ полемику съ невѣжествомъ или злонамѣренностію у меня не было никакой охоты. Но одинъ упрекъ, на которомъ эти п е р е д о в ы е органы нашей періодической прессы съ особеннымъ злорадствомъ настаивали, именно о разныхъ у м о л ч а н і я х ъ въ «Жизни графа Сперанскаго», я охотно на себя принимаю, въ увѣренности, что никакой разсудительный человѣкъ не вмѣнитъ мнѣ ихъ въ вину. Дѣйствительно, могъ ли я, въ общественномъ моемъ положеніи и въ моей истинной, а не гонящейся за модными эффектами любви къ Россіи, проводить и воскрешать передъ ея глазами—именно въ настоящую минуту, когда вся наша атмосфера наполнена несбыточными конституціонными мечтами—утопическіе планы, которыми тѣшились въ этомъ кругѣ идей, полвѣка тому назадъ, Александръ и Сперанскій? Могъ ли я, не нарушивъ всякаго уваженія къ чувствамъ, къ приличію и къ самому простому такту, въ книгѣ, вышедшей подъ эгидою роднаго племянника и преемника на престолѣ, незатаенно обличать характеръ и дѣйствія дяди и предшественника, въ томъ печальномъ свѣтѣ, какой бросали на нихъ, для меня, мои изысканія? Могъ ли высказать что-нибудь болѣе того, что напечатано въ книгѣ о причи-

нахъ и подробностяхъ катастрофы Сперанскаго, когда все прочее точно также,—хотя, въ прибавку, еще гораздо менѣе достовѣрно,—набрасываетъ самую мрачную тѣнь на память Александра, или же представляется, очевидно, однимъ сплетеніемъ досужихъ выдумокъ, коммеражей, прикрасъ и явной лжи, пригодной, можетъ быть, для историческаго романа, но уже отнюдь не для правдивой, строгой исторіи? Могъ ли я, наконецъ, пускаться въ полную характеристику и оцѣнку дѣятелей этой катастрофы и вообще государственныхъ людей той эпохи, когда прахъ ихъ еще едва остылъ и вся Россія наполнена ихъ потомствомъ, и когда и нѣсколькихъ замѣтокъ о людяхъ, задолго до меня оглашенныхъ на весь свѣтъ (Пестель, Молчановъ, Величко и пр.), достаточно было, чтобъ навлечь мнѣ столько рекламацій и неудовольствій?

Но здѣсь, въ этихъ сокровенныхъ листахъ, всѣ эти уваженія исчезаютъ. Упомянутыя укоризны,—изъ какого бы онѣ ни истекали источника и какъ бы ни малоосновательны были въ отношеніи къ книгѣ, напечатанной для читателей в с ѣ х ъ разрядовъ,—указываютъ мнѣ долгъ, который я, впрочемъ, сознавалъ еще и прежде, сохранить, по крайней мѣрѣ для потомства, то, чего, вѣроятно, никому уже не удастся, или не станетъ терпѣнія собрать послѣ меня. Въ нижеслѣдующія дополненія включено все то, что я успѣлъ отыскать и узнать прикосновеннаго къ моему предмету, но что, по совѣсти и крайнему разумѣнію, я почелъ обязанностію умолчать въ моей книгѣ. Тутъ восполнены, впрочемъ, теперь и нѣкоторые такіе пропуски, которые произошли въ ней, очевидно, только по одному простому упущенію съ моей стороны и которые пополнить можно бы было, безъ всякаго неудобства, и въ печати. Читатель этихъ дополнительныхъ матеріаловъ,—если когда-нибудь, едва ли скоро и, конечно, уже не черезъ мои руки, можно будетъ огласить ихъ для публики,—легко увидитъ, и безъ дальнѣйшихъ моихъ объясненій, отъ чего они не вошли въ самую книгу. Нѣкоторыя изъ прилагаемыхъ здѣсь статей были написаны еще въ 1847 году, и даже прежде; другія теперь только выбраны и приведены въ порядокъ изъ прежнихъ разсѣянныхъ моихъ замѣтокъ. Всѣ требуютъ еще окончательной редакціи, для которой, въ настоящее время, у меня нѣтъ досуга, и, вслѣдствіе такого недостатка, послѣдняго просмотра; мѣстами вѣрно встрѣтятся повторенія, иногда, можетъ быть, и несоглашенныя противорѣчія. Въ свѣтъ все это могло бы быть выпущено, когда наступитъ къ тому пора, во всякомъ случаѣ не иначе, какъ послѣ тщательной новой обработки, и если иные изъ этихъ матеріаловъ съ удобствомъ обратятся прямо въ дополненіе къ напечатанному тексту, то другіе можно будетъ слить съ нимъ только по взаимной передѣлкѣ того и другаго. Впрочемъ, для облегченія справокъ, всѣ настоящія дополненія

разложены по частямъ и главамъ печатнаго текста и почти при каждомъ указана и та страница, къ которой оно относится.

Кончу тѣмъ, что здѣсь нѣтъ уже никакихъ умолчаній. Я высказалъ все, что̀ знаю. Искренно желаю, чтобы послѣ меня нашелся человѣкъ, которому удалось бы узнать—еще болѣе.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

Первоначальная просьба Пезаровіуса о разрѣшеніи ему издавать еженедѣльный журналъ.

Письмо С. С. Уварова—графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому

29-го ноября 1812 № 651.

Коллежскій совѣтникъ Пезаровіусъ представилъ мнѣ при семъ въ подлинникѣ прилагаемое начертаніе періодическаго сочиненія подъ названіемъ: «Общенародныхъ россійскихъ извѣстій», предпринимаемаго имъ въ намѣреніи обращать прибыль отъ того въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ. Долгомъ моимъ счелъ представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства сей новый проектъ и испрашиваю вашего, милостивый государь, разрѣшенія.

Начертаніе періодическаго сочиненія, которое имѣетъ издаваться подъ названіемъ «Общенародныхъ россійскихъ извѣстій».

Цѣль сего періодическаго изданія есть двоякая:

Во-первыхъ, питаніе священнаго пламени любви къ отечеству и монарху, отцу единаго изъ многихъ милліоновъ состоящаго семейства и распространеніе между всѣми сословіями народа достовѣрныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ нынѣшняго времени и о томъ великомъ духѣ, которымъ всѣ россіяне въ сію достопамятную эпоху отличаются.

По сему цѣна сего изданія полагается самая умѣренная, дабы сколько можно большее число людей могли пользоваться онымъ.

Во-вторыхъ. Особенное назначеніе прибыли, отъ изданія сего произойти имѣющей. Издатель, отрицаясь отъ всякой личной выгоды за свой трудъ, намѣренъ весь остатокъ, за вычетомъ издержекъ нужныхъ для напечатанія, употребить на вспомоществованіе инвалидамъ, солдатскимъ вдовамъ и сиротамъ.

Публика каждый мѣсяцъ извѣщена будетъ о именахъ получившихъ вспоможеніе, о суммахъ, выданныхъ единовременно или въ пенсію и о количествѣ денегъ, на лицо состоящихъ.

Въ періодическомъ семъ изданіи помѣщаемы будутъ статьи слѣдующаго содержанія:

1) Сужденія о военныхъ происшествіяхъ.

2) Черты любви къ отечеству и храбрости изъ древней россійской исторіи.

3) Такія же черты изъ всеобщей исторіи.

4) Всѣ славныя дѣянія, продолженіе сей войны знаменующія и особенную храбрость, отважную рѣшительность и личное пожертвованіе для блага общаго доказывающія.

5) Направленіе общаго мнѣнія о нынѣшнихъ происшествіяхъ къ настоящей цѣли [1]).

Подписка открывается на цѣлый годъ. Каждое воскресенье будетъ выходить одинъ нумеръ. Цѣна за весь годъ, здѣсь въ С.-Петербургѣ—10 р., а въ другихъ городахъ—13 р.

Подписавшійся имѣетъ право извѣщать о раненыхъ и увѣченныхъ воинахъ въ нынѣшнюю войну, также о вдовахъ и дѣтяхъ для доставленія имъ нужныхъ пособій.

Любезные соотечественники! Будьте благосклонны къ трудамъ моимъ. Только соединенными силами можно совершенно достигнуть предположенной нами цѣли. Еще повторяю, что не личныя какія-либо выгоды побуждаютъ меня къ предпріятію труда сего, но единственно священная признательность къ героямъ, сражавшимся за наше спокойствіе и независимость, и желаніе содѣйствовать, по возможности моей, къ облегченію участи вдовъ и дѣтей храбрыхъ воиновъ, падшихъ на полѣ чести за любезное отечество.

Предпріятіе—благонамѣренное, средства—позволенныя, да увѣнчается исполненіе онаго желаемымъ успѣхомъ!

Министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на изданіе; но, какъ извѣстно, Пезаровіусъ измѣнилъ свое предположеніе и сталъ издавать газету «Русскій Инвалидъ».

---

[1]) Цѣль сей статьи есть то, чтобы внушить народу непоколебимую довѣренность къ мѣрамъ, предпринимаемымъ правительствомъ, и утвердить въ немъ убѣжденіе, что оно съ неусыпною ревностью и отеческимъ попеченіемъ бдитъ о благѣ общемъ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири.

I.

Когда амнистія 1856 года замѣнила петрашевцамъ каторгу поселеніемъ, Петрашевскій былъ приписанъ къ Оекской волости Иркутской губерніи. Мѣсто его водворенія находилось въ 35 верстахъ отъ Иркутска. Ему, какъ и нѣкоторымъ его товарищамъ, тогда же разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ въ 1858 году. Вмѣстѣ съ нимъ переселились сюда два другихъ его товарища: Н. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н. Львовъ. Оба послѣдніе вскорѣ послѣ этого были прощены и вернулись въ Россію, гдѣ Спѣшневъ безвыѣздно поселился въ своей деревнѣ, кажется Новгородской губерніи, и тамъ немного времени спустя умеръ. Львовъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ одинъ изъ учредителей Техническаго Общества въ Петербургѣ и, сдѣлавшись постояннымъ секретаремъ его, отдалъ всю остальную свою жизнь на организацію и служеніе этому Обществу. Участь самого Петрашевскаго была гораздо печальнѣе, потому что каторга не могла сломить его упорной натуры и заставить его съ меньшею горячностью относиться къ убѣжденіямъ своей юности. Сначала онъ служилъ по найму въ одномъ присутственномъ мѣстѣ и считался въ числѣ людей близкихъ къ тогдашнему иркутскому генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Ветеранъ сибирской областной печати, М. В. Загоскинъ, передавалъ мнѣ о жизни Петрашевскаго слѣдующее:

Какъ и гдѣ покойный провелъ годы каторги,—объ этомъ Петрашевскій не говаривалъ. Въ Иркутскѣ они жили всегда втроемъ: Петрашевскій, Н. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н. Львовъ. Я познакомился съ ними вскорѣ по изданіи первыхъ нумеровъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ первое время былъ Спѣшневъ. Когда я принесъ

къ Спѣшневу свою первую статью, всѣ они приняли меня хорошо. Вскорѣ они поселились около меня на Большой улицѣ, и здѣсь мы видались часто. Муравьевъ тогда былъ въ угарѣ либерализма и приблизилъ ихъ къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ моихъ статей въ «Губ. Вѣд.» Муравьевъ пожелалъ познакомиться со мной,—и мы (не помню со Спѣшневымъ или Петрашевскимъ) отправились къ генералъ-губернатору. У Муравьева въ кабинетѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ заграничными изданіями о Россіи, и онъ тутъ же предложилъ пользоваться этими книгами всѣмъ намъ. Вскорѣ онъ поѣхалъ на Амуръ и Спѣшнева взялъ съ собою въ правители путевой канцеляріи, а мнѣ предложилъ взять на себя редактированіе «Губернскихъ Вѣдомостей». Въ эти «Вѣдомости» Петрашевскій ничего не писалъ [1]), а писалъ Львовъ (о минеральныхъ ключахъ и т. п.). Тогда же у насъ съ Петрашевскимъ и И. С. Сельскимъ (членъ Совѣта и правитель дѣлъ отдѣла Географическаго Общества) завелась рѣчь объ изданіи частнаго органа. По возвращеніи Муравьева съ торжествъ по случаю Айгунскаго договора, онъ былъ готовъ все сдѣлать, и въ 1859 г. пошло ходатайство о разрѣшеніи издавать частную газету «Амуръ». На изданіе газеты дали средства трое молодыхъ людей, купеческихъ дѣтей: Ст. Ст. Поповъ, Ив. Ив. Пиленковъ и Андр. Андр. Бѣлоголовый, братъ извѣстнаго доктора-литератора.

Весной въ 1859 г. въ Иркутскѣ большаго шуму надѣлала дуэль между двумя чиновниками особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ—Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, закончившаяся смертью послѣдняго. Мѣстное общество, враждебно относившееся къ генералъ-губернаторской партіи, къ которой принадлежалъ Беклемишевъ, открыто стало говорить, что это была не дуэль, а простое убійство, такъ какъ при ней не были соблюдены нѣкоторыя правила, установленныя обычаемъ, и будто бы секунданты Неклюдова не были выбраны имъ самимъ, а навязаны ему противникомъ. Общественное мнѣніе прямо требовало строгаго слѣдствія и суда надъ виновникомъ. Исторія этой дуэли была описана Н. А. Бѣлоголовымъ (судя по посмертнымъ сочиненіямъ послѣдняго) въ приложеніи къ «Колоколу» Герцена (№ 2, «Подъ судъ»). Не совсѣмъ безпристрастное опроверженіе этой статьи, напечатанное по просьбѣ А. М. Бакунина, появилось въ томъ же журналѣ зимой 1860—61 г.г. Генералъ-губернаторъ, очень любившій Беклемишева, страшно раздражался всѣми этими толками и пересудами и, давъ волю

[1]) Вопреки этому сообщенію Вс. И. Вагинъ, знатокъ исторіи сибирской областной печати, считаетъ Петрашевскаго сотрудникомъ „Ирк. Губ. Вѣд." того времени. Онъ даже называетъ одну его крупную статью „Объ Амурской компаніи", направленную, кажется, противъ введенія откуповъ въ Амурскомъ краѣ и напечатанную въ „Губ. Вѣд." за 1857 г.

своей обычной горячности, началъ рвать и метать. Этимъ онъ еще болѣе осложнилъ дѣло. О горячности его въ данномъ случаѣ можно судить, напримѣръ, по слѣдующему: узнавши, что особенно оживленные разговоры о дуэли ведутся въ частной библіотекѣ Шестунова, онъ распорядился немедленно закрыть ее, а самого Шестунова выслалъ административнымъ порядкомъ за Байкалъ.

«Петрашевскій,—разсказываетъ М. В. Загоскинъ въ письмѣ къ пишущему настоящія строки,—принялъ горячее участіе въ волненіи, произведенномъ въ городѣ этимъ событіемъ, а равно и въ похоронахъ убитаго Неклюдова. Примкнувъ къ оппозиціи, онъ громко говорилъ о неправильностяхъ, сопрождавшихъ дуэль. Обо всемъ этомъ донесено было Муравьеву на Амуръ, и мы всѣ (молодежь-учители гимназіи и болѣе молодые изъ чиновниковъ главнаго управленія) представлены были, какъ участники городскихъ волненій. А и всѣ-то волненія состояли въ томъ, что на похороны Неклюдова собралась масса народа (была Пасха) и молчаливо проводила покойника до могилы. Въ «Губ. Вѣд.» Львовъ помѣстилъ статейку о дуэли, съ выраженіемъ сожалѣнія о «молодыхъ людяхъ—любимцахъ Муравьева», вмѣсто дѣла занимавшихся взаимными дрязгами. По возвращеніи съ Амура, Муравьевъ уже не приглашалъ къ себѣ ни Петрашевскаго, ни Львова. Меня, какъ будущаго редактора «Амура», онъ позвалъ особо, накричалъ, какъ подобаетъ николаевскому генералу, но затѣмъ смирился и просилъ только въ новой газетѣ «не марать Амура», т. е. его амурскихъ распоряженій. Съ тѣхъ поръ до своего выѣзда изъ Сибири онъ остался болѣе или менѣе благосклоннымъ и къ «Амуру», и ко мнѣ. За Муравьева остался въ Иркутскѣ Корсаковъ и вскорѣ распорядился выслать Петрашевскаго въ Минусинскъ. Сдѣлано это было такъ, что мы даже не узнали въ свое время объ его отправкѣ».

Н. А. Бѣлоголовый, въ своихъ воспоминаніяхъ о декабристахъ, упоминаетъ мимоходомъ и о Петрашевскомъ и говоритъ, что онъ былъ высланъ изъ Иркутска за то, что въ дѣлѣ о дуэли примкнулъ къ оппозиціи и рѣзко порицалъ сопровождавшія дуэль неправильности. В. И. Вагинъ, въ письмѣ ко мнѣ, объясняетъ высылку Петрашевскаго тою же причиной, прибавляя, что вообще «онъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній о мѣстныхъ событіяхъ». Впрочемъ, г. Вагинъ не зналъ Петрашевскаго лично, такъ какъ его не было въ Иркутскѣ во время пребыванія здѣсь послѣдняго, и потому онъ говоритъ о Петрашевскомъ лишь со словъ другихъ. «Амуръ», въ возникновеніи котораго принималъ Петрашевскій дѣятельное участіе, просуществовалъ недолго, по крайней мѣрѣ при своей первоначальной редакціи. Редакція газеты, какъ разсказываетъ В. И. Вагинъ, была обставлена очень серьезно. «Мѣстное обозрѣніе принялъ на себя Петрашевскій, общее

*

внутреннее—М. П. Шестуновъ (онъ же управлялъ и конторой изданія), иностранное—П. А. Горбуновъ, бывшій воспитатель Трубецкихъ, человѣкъ весьма образованный и страстный политикъ. Кромѣ того ближайшимъ сотрудникомъ газеты былъ Ѳ. Н. Львовъ, впослѣдствіи секретарь Техническаго Общества. Графъ Муравьевъ-Амурскій сочувственно отнесся къ новому изданію; начальникъ его штаба, Кукель, и бывшій посланникъ въ Китаѣ, г. Бютцовъ, обѣщались быть сотрудниками газеты и дѣйствительно доставили ей нѣсколько сообщеній. Цензорами газеты были генералъ-губернаторы—сначала Муравьевъ, а потомъ Корсаковъ. Прежнія связи г. Загоскина по редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей» дали ему возможность съ самаго начала привлечь въ «Амуръ» нѣсколько дѣльныхъ корреспондентовъ. Затѣмъ явились и новые корреспонденты и сотрудники... «Амуръ» печатался въ довольно порядочной мѣстной военной типографіи и на очень порядочной бумагѣ.

«Муравьевъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ редакціи газеты, такъ что подписывалъ цензурные листы не читая. Но это только повидимому, потому что стоило появиться не совсѣмъ благосклонной замѣткѣ объ Амурскомъ краѣ и о любимцахъ графа—разной лицейской молодежи,—какъ на авторовъ и редактора сыпались уже угрозы. Еще за напечатаніе въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи по поводу дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ редактору сдѣлано было замѣчаніе. Бывали выговоры и за замѣтки въ «Амурѣ». Одинъ чиновникъ за такую замѣтку былъ даже лишенъ мѣста въ Благовѣщенскѣ. Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора Корсакова дѣла газеты пошли хуже. Случалось, что цѣлые нумера надо было перепечатывать вновь! Вмѣсто того, приходилось печатать то, что, по мнѣнію редакціи, противорѣчило ея воззрѣніямъ. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили статьи Дмитрія Завалишина, раскрывавшія закулисную сторону занятія Амура. Статьи эти страшно бѣсили Н. Н. Муравьева и его преемника Корсакова. Послѣдній поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ написать опроверженіе на нихъ. Это опроверженіе разрослось въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Оно было прислано въ редакцію «Амура» съ собственноручной запиской, въ которой приказывалось «напечатать!» его въ ближайшемъ номерѣ. Пришлось разбирать набранный уже номеръ газеты, печатать опроверженіе и задержать выходъ номера. Распоряженіе о напечатаніи его было явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла совершенно частнаго изданія и покушеніемъ вліять на его направленіе, вопреки мнѣніямъ редакціи, которыя были гораздо болѣе солидарны съ мнѣніями Завалишина, чѣмъ автора опроверженія. Издатели оскорбились такимъ

вмѣшательствомъ и рѣшили закрыть газету. Редакторъ М. В. Загоскинъ доложилъ объ этомъ М. С. Корсакову.

— Газета должна существовать, сказалъ Корсаковъ.

«Г. Загоскинъ возразилъ, что, за отказомъ издателей и по малочисленности подписчиковъ, газета не будетъ окупать издержекъ, и потому существованіе ея немыслимо. Корсаковъ обѣщалъ помочь газетѣ, лишь бы она не прекращалась. И дѣйствительно, газетѣ было ассигновано пособіе изъ амурскихъ суммъ (заглавіе ея тутъ пришлось очень кстати) по 800 руб. въ годъ. Такимъ образомъ «Амуръ» сдѣлался субсидируемой газетой. Это, однакожь, не измѣнило ея направленія. Самолюбію Корсакова и Муравьева было пріятно, что въ ихъ краѣ издается газета, да еще и либеральная. Но объемъ газеты сильно уменьшился. Вмѣсто двухъ большихъ листовъ сталъ выходить только одинъ маленькій. Всѣ прежніе члены редакціи отстали отъ газеты, и весь трудъ редакціи остался на одномъ Загоскинѣ».

Всего «Амуръ» просуществовалъ около двухъ лѣтъ и закрылся въ апрѣлѣ 1862 года. О значеніи его для края можно судить потому уже, что, благодаря его разоблаченіямъ, въ короткое время было смѣщено 20 засѣдателей и 8 исправниковъ [1]).

Участіе въ «Амурѣ» Петрашевскаго было незначительно. По словамъ редактора газеты М. В. Загоскина, онъ «написалъ 2—3 передовыхъ статьи, но такихъ длинныхъ, что ихъ нельзя было помѣстить въ одномъ нумерѣ, а пришлось разбить на части. Вообще Петрашевскій, какъ сотрудникъ газеты, оказался неудобнымъ,—говоритъ Загоскинъ въ цитированномъ выше письмѣ;—писалъ онъ многословно и противоцензурно, стараясь задѣть людей близкихъ къ генералъ-губернатору. О дѣлахъ общественныхъ вовсе не писалъ, да и мало интересовался ими. Онъ велъ безконечный процессъ о своемъ осужденіи, якобы незаконномъ. Прошеніе его на 35 листахъ всѣ читали. Оно переполнено было юридическими тонкостями, доказывавшими, что при судебномъ разбирательствѣ его дѣла нарушены были всѣ законныя правила. Прошеніе начиналось такъ: «Мнимаго поселенца Оекской волости, потомственнаго дворянина М. В. Петрашевскаго—прошеніе». Какой былъ ближайшій поводъ высылки Петрашевскаго,—не знаю, вѣроятно хожденіе его по всѣмъ знакомымъ и толки о Муравьевскихъ дѣлахъ».

«Кромѣ того онъ занимался адвокатурой. Помню, онъ потребовалъ у суда возстановить по одному дѣлу «судъ по формѣ». Я былъ на этомъ судѣ: выступилъ Петрашевскій и его соперникъ и, ставъ у дверей суда, читали по тетрадямъ взаимные доводы,—выходило даже

---

[1]) И. И. П—въ. „Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ“, юбилейная статья въ „Вост. Обозр.“ за 1898 г.

смѣшно... Зрителемъ былъ одинъ я. А Петрашевскій видѣлъ въ этой штукѣ прототипъ гласнаго суда.

«Больше всего повредило Петрашевскому то, что въ начавшемся слѣдствіи о дуэли и въ судѣ надъ дуэлистами онъ тоже принялъ горячее участіе. И онъ и судьи, присудившіе дуэлистовъ къ каторжной работѣ,—сами отданы были подъ судъ, и одинъ изъ судей даже зарѣзался...

«Спѣшнева Муравьевъ увезъ съ собою въ Петербургъ, даже не испросивъ ему разрѣшенія. Вообще Спѣшневъ изъ всѣхъ ихъ былъ самый развитой, многознающій и выдержанный человѣкъ.

О фурьеризмѣ и коммунизмѣ мало говорилось въ ихъ средѣ. Высказывались иногда воспоминанія о товарищахъ по дѣлу, но ничего интереснаго въ нихъ не было. Помню отзывъ Петрашевскаго о Достоевскомъ, котораго онъ считалъ весьма слабымъ по убѣжденіямъ и по характеру. Съ Бакунинымъ они всѣ трое не сходились, такъ какъ Бакунинъ помѣстилъ въ «Амурѣ» 2—3 статьи и исчезъ, надувъ Муравьева и Корсакова».

Не сходился, кажется, Петрашевскій и съ декабристами. По крайней мѣрѣ Н. А. Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ о декабристѣ А. В. Поджіо говоритъ, что послѣдній не могъ сблизиться съ Петрашевскимъ. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что Поджіо былъ чистокровный либералъ, тогда какъ политическія стремленія Петрашевскаго шли гораздо дальше.

II.

О дальнѣйшей судьбѣ Петрашевскаго свѣдѣнія находятся въ моемъ распоряженіи крайне неполныя и отрывочныя. Сначала онъ жилъ въ Минусинскѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ село Шушу, Минусинскаго округа.

Шуша—село глухое, лежащее въ сторонѣ отъ тракта. Но и здѣсь, по словамъ Н. А. Бѣлоголоваго, Петрашевскій не угомонился. Сойдясь съ своими новыми односельцами, онъ сдѣлался ихъ адвокатомъ и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныя власти безпрестанными прошеніями на разныя утѣсненія и неправды. Прошенія эти доводились до свѣдѣнія гр. Муравьева и постоянно поддерживали его раздраженіе. Одинъ старожилъ передавалъ мнѣ, со словъ самого Петрашевскаго, что въ Шушѣ изгнанникъ подвергался даже наказанію розгами.

Вскорѣ мы видимъ Петрашевскаго уже переведеннымъ въ село

Бѣльское, Енисейскаго уѣзда. Этотъ переводъ тоже являлся наказаніемъ за недоразумѣнія съ начальствомъ. Бѣльское и въ настоящее время производитъ самое угнетающее впечатлѣніе на всякаго культурнаго человѣка, случайно попавшаго сюда. Оно представляетъ сотню жалкихъ домишекъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по двумъ оврагамъ, вблизи небольшой, заросшей травою рѣчки. Тайга точно кольцомъ охватила село, придвинулась къ самымъ дворамъ и тянется во всѣ стороны почти сплошь на сотни и тысячи верстъ. Лѣтомъ онъ нея по селу кишитъ страшная мошка и медвѣди нерѣдко задираютъ скотину подъ самымъ селомъ; волки зимою не боятся даже заходить въ село. Населеніе живетъ довольно бѣдно, почти наполовину состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Никакихъ промысловъ жители не знаютъ и живутъ почти исключительно земледѣліемъ, при чемъ собственнаго хлѣба имъ хватаетъ на содержаніе далеко не каждый годъ. Селеній по близости нѣтъ вовсе. Въ культурномъ отношеніи это и теперь почти не початой уголъ. Несмотря на то, что школа существуетъ здѣсь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, грамотныхъ крестьянъ почти нѣтъ. Иные совсѣмъ уже забыли все, чему учились въ школѣ, другіе—близки къ этому. Это, конечно, вполнѣ естественно, потому что книгъ въ селѣ никакихъ нѣтъ, покупать ихъ не на что, да и негдѣ, читать некогда. Ближе гор. Енисейска, отстоящаго отъ Бѣльскаго на 100 верстъ (версты «Екатерининскія» семисотъ-саженныя), негдѣ купить не только печатнаго листка бумаги, но даже пузырька чернилъ. Въ Енисейскѣ же и ближайшая почтово-телеграфная контора. Если таково культурное положеніе села въ настоящее время, то можно представить, каково оно было въ 60-хъ гг., когда здѣсь жилъ Петрашевскій. Старуха «Конюриха», у которой квартировалъ и въ домѣ которой умеръ Петрашевскій, разсказываетъ, что въ Бѣльскомъ всѣ его боялись, думали, что онъ знается съ чертомъ. Заключеніе это сдѣлали изъ того, что онъ въ церковь не ходилъ, поповъ не любилъ и вообще жилъ нелюдимомъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ тягость положенія Петрашевскаго, нужно добавить, что некультурность населенія не сопровождается здѣсь тѣми симпатичными первобытными нравами, которыми у насъ принято надѣлять захолустья деревни. Ссылка и разгулъ золотопромышленниковъ и пріисковыхъ рабочихъ не обошли заброшенныхъ среди лѣсовъ селъ и способствовали здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, развитію жажды къ наживѣ и развращенію нравовъ. Вмѣстѣ съ чѣмъ суровая природа и угрюмая обстановка содѣйствовали здѣсь сильному развитію несимпатичныхъ чертъ сибиряка: угрюмости, нелюдимости, эгоизма и безчувственности. Нѣтъ сомнѣнія, что Петрашевскому не разъ приходилось наталкиваться на эти туземныя черты характера. Одинъ мѣстный

крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что однажды ребятишки своими насмѣшками и передразниваніями довели Петрашевскаго до слезъ и затѣмъ чуть не до олезъ же тронулъ его этотъ крестьянинъ, заступившійся за него предъ ребятишками.

Въ селѣ Бѣльскомъ Петрашевскій провелъ года два. Енисейскій врачъ А. И. Вицинъ, близко знавшій Петрашевскаго въ этотъ періодъ его жизни, разсказывалъ мнѣ, что Петрашевскій былъ присланъ сюда «за сопротивленіе властямъ». Немногіе помнятъ Петрашевскаго въ Бѣльскомъ и изъ разсказовъ этихъ немногихъ очень немногое можно почерпнуть для его характеристики. О наружности Петрашевскаго въ это время разсказываютъ слѣдующее. Онъ былъ высокаго роста, съ лохматой русой головой, длинной бородой и удивительно проницательными голубыми глазами, въ которые было смотрѣть страшно. Крестьянамъ врѣзалось еще въ память, что онъ носилъ на рукахъ длинные ногти. Жилъ Петрашевскій въ простой крестьянской избѣ, которая сохранилась до сихъ поръ. Не было у него здѣсь ни родныхъ, ни товарищей, ни мало-мальски близкихъ знакомыхъ. Крестьяне его не долюбливали за его нелюдимость, но смотрѣли на него, какъ на очень важное лицо, потому что онъ очень независимо держалъ себя по отношенію къ мѣстнымъ властямъ и постоянно враждовалъ съ ними. Ходили къ нему только бѣдные крестьяне; онъ писалъ имъ разныя прошенія и жалобы, помогалъ совѣтами и лѣчилъ ихъ. Разсказываютъ, что онъ посылалъ въ газеты какія-то статьи, отправляя ихъ на почту потихоньку отъ волостнаго начальства, при оказіяхъ въ городъ. Съ городскимъ начальствомъ Петрашевскій былъ въ большой враждѣ, выводилъ, по разсказамъ старожиловъ, на свѣжую воду всѣ ихъ грѣхи, писалъ на нихъ жалобы и этимъ навлекъ на себя ихъ общую ненависть. Однажды онъ ѣздилъ въ Енисейскъ изъ-за какихъ-то столкновеній съ начальствомъ. Возвратился оттуда бодрымъ и здоровымъ, поужиналъ, а на утро его нашли въ постели мертвымъ. Народная молва приписала его скоропостижную смерть отравленію, которое будто бы было произведено въ городѣ по подкупу начальства, ненавидѣвшаго покойнаго. Въ селѣ сохранилась цѣлая легенда объ этомъ отравленіи. На самомъ дѣлѣ Петрашевскій умеръ отъ апоплексіи мозга, какъ это было установлено вскрытіемъ. Анатомировавшій его врачъ А. И. Вицинъ разсказывалъ мнѣ, что у покойнаго оказался необыкновенно большой и замѣчательно хорошо развитый мозгъ.

По справкамъ въ Благовѣщенской церкви с. Бѣльскаго оказалось слѣдующее: въ 1867 году въ третьей части объ умершихъ, подъ № 4 муж. п., записанъ «политическій преступникъ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, умершій скоропостижно». Днемъ его смерти значится 7 декабря 1866 года, а днемъ погребенія 12 февраля 1867 г.

Такимъ образомъ покойный ждалъ погребенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь все это время въ мѣстномъ «холодникѣ». Хоронили Петрашевскаго на средства волостнаго правленія, и ни одна душа не проводила его до кладбища, кромѣ могильщиковъ. Какъ человѣкъ умершій безъ покаянія, онъ былъ зарытъ внѣ кладбища.

Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...

Лѣтъ пятнадцать стояла могила Петрашевскаго совершенно одинокой, всѣми забытой, не отмѣченной даже простымъ камнемъ. Рядомъ съ нею въ такомъ же забросѣ находилась другая могила мѣстной учительницы Киселевой, окончившей жизнь самоубійствомъ. Наконецъ нашлись добрые люди «скитальцы съ западной страны», какъ выразился польскій поэтъ, воспѣвшій эти двѣ могилы. Они подновили эти могилы, насыпали надъ ними бугры земли и поставили надъ могилой Петрашевскаго деревянный столбъ, а надъ могилой Киселевой—крестъ. И тотъ и другой были сдѣланы ими собственноручно. Въ день поправки могилъ они устроили даже товарищескій вечеръ въ память покойныхъ и впослѣдствіи часто приходили на эти могилы. Но прошло нѣсколько лѣтъ, эти случайные люди разсѣялись, и опять остались могилы совершенно заброшенными, опять некому стало придти сюда и вспомянуть покойныхъ.

Я посѣтилъ эти могилы зимою прошлаго года. Кладбище находится на задахъ села, почти около самаго лѣса. Это небольшое и бѣдное кладбище. Нѣтъ на немъ ни одного памятника, деревянные кресты на могилахъ по большей части поломаны: заплотъ полуразрушенъ и около него растутъ кой-гдѣ молодыя елки и березки. Съ трудомъ, чуть не по поясъ увязая въ снѣгу, добрался я до уголка, гдѣ похоронены отверженные, но могилъ ихъ не могъ найти. Я еще думалъ, что крестъ и столбъ, о которыхъ мнѣ разсказывали, свалились, но это оказалось вѣрнымъ лишь на половину. Во второе посѣщеніе я нашелъ обѣ эти могилы. Креста на могилѣ Киселевой дѣйствительно уже не было, но старый почернѣвшій столбъ на могилѣ Петрашевскаго еще стоялъ. Незамѣтно пріютился онъ передъ небольшою елкою, прячась въ ея зеленыхъ вѣтвяхъ. Нѣтъ на немъ никакой надписи, да повидимому и раньше не было. Только нѣсколько дробинъ торчали въ немъ: кто-то, видимо, стрѣлялъ въ цѣль. Ничего отсюда не видно кромѣ угрюмой тайги, да покосившагося «холодника» съ выбитыми окнами и полуразрушенной крышей. Это тотъ «холодникъ», который давалъ Петрашевскому послѣдній пріютъ въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ мѣсяцевъ. Даже села не видно съ могилы Петрашевскаго: оно скрывается за кладбищемъ.

Черезъ нѣсколько дней я побывалъ и въ бывшей квартирѣ Петра-

шевскаго. Она находилась всего черезъ домъ отъ моей собственной, и я еще раньше не разъ обращалъ вниманіе на эту большую, дряхлую и страшно покосившуюся избу—пятистѣнку съ заколоченными окнами. Она давно уже пустовала. Старуха, которой изба эта принадлежала и у которой квартировалъ Петрашевскій, уѣхала въ Енисейскъ, продавши избу мѣстному крестьянину. Квартирантовъ у послѣдняго почему-то долго не находилось, и лишь за нѣсколько дней до моего посѣщенія ту половину, гдѣ когда-то жилъ Петрашевскій, занялъ какой-то пьяница—поселенецъ съ семьею. Съ трудомъ взобрался я по оледенѣвшимъ ступенькамъ крыльца въ темныя сѣни, загроможденныя дровами и разнымъ хламомъ, и кое-какъ нащупалъ дверь въ избу. Хозяина не было дома,—онъ гдѣ-то другой уже день пьянствовалъ, хозяйка съ ребятишками сидѣла безъ огня, хотя было уже темно. При моемъ приходѣ зажгли лампу, и я затѣялъ разговоръ, чтобы выгадать время и успѣть осмотрѣть комнату. Это была обыкновенная крестьянская изба, довольно просторная, хотя и не особенно высокая. Все здѣсь было страшно грязно, бѣдно и не уютно. Никакихъ украшеній на стѣнахъ, никакой мебели, кромѣ деревяннаго диванчика да стола. Около половины избы занимала большая русская печь и «куть» [1]), отдѣленный деревянною раскрашенною «казенкою», или перегородкою. Въ этомъ-то «кутѣ», въ углу, занятомъ теперь кухонною посудою и лоханью съ помоями, и умеръ Петрашевскій.

В. Арефьевъ.

[1]) „Куть“—часть комнаты, предназначенная для стряпни. Отъ чистой половины куть отдѣляется занавѣскою или казенкою, т. е. перегородкою.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVI [1]).

Изысканіе дороги отъ Харькова до Одессы и до Ѳеодосіи.—Собираніе статистическихъ свѣдѣній.—Отъѣздъ въ Харьковъ и встрѣча съ генераломъ Мельниковымъ.—Вызовъ въ Петербургъ.—Знакомство съ Чевкинымъ.—Отъѣздъ на изысканія.—Бытъ малороссійскаго помѣщика.—Съѣздъ овцеводовъ въ имѣніи г. Абазы.—Поѣздка въ Луганскій заводъ и Грушевскій рудникъ.—Осмотръ каменно-угольныхъ копей.—Жизнь въ Славянскѣ.—Праздникъ въ Святогорскомъ монастырѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія для производства изысканій, къ генералу Мельникову, я переѣхалъ въ Петербургъ. Это было весною; ѣхать на работы было рано. Надо было распорядиться копировкою планшетовъ со съемокъ, производившихся топографами Главнаго штаба, пріобрѣсти инструменты, дождаться назначенія дистанціонныхъ офицеровъ и проч. Въ это время, я часто заходилъ къ моему начальнику Мельникову. Однажды, пришедши къ нему, я увидалъ на столѣ два дѣла, толщиною, каждое стопы въ двѣ.

— Эти дѣла Государственнаго Совѣта прислалъ мнѣ графъ Клейнмихель,—сказалъ Мельниковъ:—одно по поводу проекта проведенія желѣзной дороги отъ Харькова до Одессы, а другое отъ Харькова до Ѳеодосіи. Ѣхать теперь еще рано, такъ ознакомьтесь съ ними и обратите мое вниманіе на то, что окажется мнѣ нужнымъ,

Я взялъ эти дѣла и въ теченіе недѣли читалъ ихъ. Я нашелъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

лишь переписываніе однихъ журналовъ въ другіе, однихъ докладовъ въ другіе и кое-какія статистическія свѣдѣнія, которыя ничего существеннаго не выясняли, и были ниже критики. Я былъ пораженъ ничтожностью этихъ свѣдѣній, на которыхъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о направленіи дорогъ. Возвративъ эти дѣла Мельникову, я сказалъ, что ни на что не могу обратить такого его вниманія, которое заслуживало бы труда чтенія.

Между тѣмъ, въ это время возбужденъ былъ вопросъ, въ главномъ управленіи путей сообщенія, о составленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ по Европейской Россіи, въ которомъ принималъ участіе и Мельниковъ.

— Не можете ли вы,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—составить какой-либо разсчетъ о передвиженіи грузовъ на предполагаемой дорогѣ отъ Москвы въ Ѳеодосію, изысканіе которой мнѣ поручено.

— Я думалъ уже объ этомъ,—отвѣчалъ я,—но пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло немыслимо безъ изслѣдованія передвиженія грузовъ по всей Европейской Россіи, для чего потребуется громадное время, а одному это не сдѣлать.

Въ это время находился тоже у Мельникова мой товарищъ по службѣ, инженеръ Кипріяновъ, который сказалъ, что онъ готовъ пристать къ этому дѣлу и можетъ пригласить хорошаго знакомаго Ламанскаго, находившагося тогда секретаремъ Географическаго общества.

Дѣйствительно, онъ пригласилъ Ламанскаго, и мы собирались два раза у Кипріянова. Но послѣ двухъ такихъ бесѣдъ, Ламанскій отказался, заявляя, что эта задача, по отсутствію статистическихъ данныхъ, представляется невыполнимой. Вслѣдъ за Ламанскимъ, отказался и Кипріяновъ, такъ что я остался одинъ. Между тѣмъ Мельниковъ, имѣя открытый доступъ во всѣ министерства по вопросу объ изысканіяхъ, вытребовалъ уже изъ Главнаго штаба военнаго министерства статистическія описанія по всѣмъ губерніямъ, составлявшіяся офицерами этого штаба.

Я не оставилъ мысли втунѣ, потому что вопросъ заинтересовалъ уже меня лично. Въ это самое время, мой близкій знакомый Алексѣй Кусаковъ, о которомъ будетъ говорено ниже, вышелъ въ отставку изъ министерства государственныхъ имуществъ и занялся частнымъ дѣломъ. Я разсказалъ ему о моемъ намѣреніи и спросилъ его—не войдетъ ли онъ въ компанію? Это предложеніе сильно ему понравилось, и мы установили планъ нашихъ занятій.

Мы пріобрѣли рѣшительно всѣ сочиненія по статистикѣ: Тенгоборскаго, Арсеньева, Небольсина, Фундуклея, Крюкова, Соловьева, Скальковскаго, изслѣдованіе пеньковой и льняной промышленности и разныя другія, и имѣли уже статистическія описанія по каждой губерніи, которыя, какъ сказано выше, пріобрѣлъ Мельниковъ и передалъ намъ.

Съ этимъ запасомъ, мы приступили къ дѣлу, но ни одно сочиненіе не давало возможности къ разрѣшенію задачи, которая была нужна.

Кусаковъ принялся за составленіе таблицъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, а я въ началѣ августа, окончивъ копировку планшетовъ, поѣхалъ на изысканія и тѣмъ временемъ собиралъ нѣкоторыя частныя свѣдѣнія на югѣ и отчасти въ центрѣ Россіи.

Возвратившись къ зимѣ въ Петербургъ, я нашелъ у Кусакова таблицы грузовъ: хлѣба, соли, желѣза, пеньки и льна, и сала.

Условившись съ нимъ и установивъ планъ предстоящаго труда, и дождавшись разрѣшенія отъ бремени жены, мнѣ было уже крайне необходимо ѣхать на прямое мое дѣло, производство изысканій. Всѣ начальники отдѣленій еще въ концѣ мая уѣхали съ тою же цѣлью. Начальникъ нашъ генералъ-лейтенантъ Мельниковъ уѣхалъ тоже на линію въ половинѣ іюля и видимо былъ недоволенъ, что я сижу еще въ Петербургѣ. Но я работалъ по его частному приглашенію для опредѣленія будущаго движенія, могущаго быть по южной дорогѣ, а также снятіемъ копій съ планшетовъ, ибо трехверстныхъ картъ тогда еще не было. По инструкціи было назначено запастись предъ изысканіями картами въ ширину 5 верстъ, въ каждую сторону отъ назначенной магистрали. По моему участку не было назначено магистрали и никакихъ пунктовъ. Надо было запастись картами на огромномъ пространствѣ, потому я и запасался копіями съ планшетовъ.

Мельникова я засталъ въ Харьковѣ. Онъ встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ слышался упрекъ.

— Наконецъ-съ мы дождались васъ! Пора-съ, пора приняться за изысканія въ полѣ; ваши товарищи уже болѣе половины сдѣлали дѣла!

— Я сидѣлъ въ Петербургѣ не сложа руки, и сейчасъ покажу вамъ мою подготовку къ полевымъ изысканіямъ,—отвѣтилъ я.

Изъ копій съ сотни планшетовъ, которые были сняты у меня въ Петербургѣ, я образовалъ карту въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ. Эту карту по величинѣ ея можно было разложить только на полу въ большой залѣ гостиницы. Я приготовилъ это, а также и возвышеніе, поставивъ столъ на столъ, для возможности обозрѣнія карты такъ, что вся огромная площадь въ 400 верстъ въ длину и 250 въ ширину, по которой мнѣ предстояло дѣлать изысканія, являлась рельефно выраженной [1]).

Когда я позвалъ Мельникова посмотрѣть на карту, то онъ поразился и пришелъ въ восторгъ.

---

[1]) Въ главѣ XX. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 7 стр. 50.

— Видите ли, Павелъ Петровичъ, что я подготовился серьезно для изысканій, а не ограничился полосой въ 10 верстъ по неопредѣленной магистрали.

— Теперь я вижу-съ, что дѣло, главнымъ образомъ, меня озабочивающее, по вѣтви Донецкаго бассейна будетъ слажено при помощи этихъ картъ. Да вы этими картами можете помочь еще Семичеву, который дѣлаетъ теперь изысканія отъ Харькова къ Екатеринославлю.

На другой день Мельниковъ уѣхалъ въ Москву и просилъ меня увѣдомлять о ходѣ дѣла по возможности чаще. Изъ Харькова я отправился въ объѣздъ мѣстности, назначивъ моимъ четыремъ помощникамъ, молодымъ офицерамъ, никогда еще не производившимъ изысканія, съѣхаться съ ними въ Екатеринославлѣ. Но вскорѣ послѣ того Мельниковъ вызвалъ меня въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, я усерднѣйшимъ образомъ принялся за мой статистическій трудъ съ товарищемъ Алексѣемъ Кусаковымъ. Въ то же время, я удѣлилъ время для написанія большой брошюры подъ заглавіемъ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», гдѣ выяснилъ, что по недостатку въ Россіи наличныхъ капиталовъ надлежитъ призвать къ осуществленію желѣзныхъ дорогъ бездѣйствующіе избытки производительныхъ силъ.

Эта брошюра и статистическій трудъ и были причиной моего знакомства и сближенія съ главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ, который въ это время былъ назначенъ вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ, освѣдомляясь о ходѣ дѣла по изысканіямъ, спросилъ о томъ, что дѣлаютъ теперь зимой начальники участковъ. Мельниковъ сказалъ ему, что всѣ находятся въ Харьковѣ и приводятъ въ порядокъ изысканія, но что онъ вызвалъ Панаева сюда для труда по статистическому вопросу, относящемуся до Южной дороги. Я не зналъ, что Мельниковъ обнаружилъ мое присутствіе въ Петербургѣ, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не являлся къ главноуправляющему, и что онъ вызвалъ меня инкогнито. Вдругъ является ко мнѣ курьеръ и объявляетъ, что главноуправляющій проситъ явиться къ нему завтрашній день.

Я отправился и сталъ извиняться, что я не на мѣстѣ служенія, гдѣ находятся всѣ прочіе начальники участковъ.

— Я знаю, что Мельниковъ позволилъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ, и что вы занимаетесь теперь статистическимъ трудомъ. Скажите мнѣ, что это за трудъ?

Я объяснилъ ему въ общихъ чертахъ цѣль и характеръ труда.

— Привезите и покажите мнѣ вашъ трудъ.

— Онъ у меня вчернѣ и еще не оконченъ.

— Привезите въ томъ видѣ, въ какомъ есть.

Я привезъ черновикъ, и Чевкинъ такъ заинтересовался имъ, что три утра подрядъ я разсказывалъ ему всѣ пріемы, употребленные мною для достиженія возможно вѣрныхъ результатовъ.

— Прошу васъ привести въ возможный порядокъ вашъ трудъ, и до тѣхъ поръ не уѣзжайте на изысканія.

Это было въ началѣ апрѣля 1856 года.

— Всѣ мои сотоварищи уже на работахъ по изысканіямъ, — сказалъ я.

— Я вамъ говорю, что до приведенія вашего труда въ порядокъ не уѣзжайте; онъ мнѣ нуженъ, и я скажу объ этомъ Павлу Петровичу Мельникову.

Когда, въ половинѣ мая, я изобразилъ весь мой трудъ въ цифрахъ на картахъ и составилъ краткую пояснительную записку, то свезъ все Чевкину. Онъ очень поблагодарилъ меня и отпустилъ на изысканія.

Въ половинѣ мая, я отправился на продолженіе изысканій, начатыхъ осенью прошедшаго года.

При моихъ поѣздкахъ для обзора мѣстности на протяженіи 500 верстъ въ длину и 300 верстъ въ ширину, мнѣ преимущественно приходилось ѣздить по проселочнымъ дорогамъ, а иногда и по степи безъ дороги. Натурально, что долженъ былъ встрѣчать множество разнообразныхъ лицъ, и нѣкоторыя остались въ моей памяти.

При этихъ разъѣздахъ надо было пользоваться обывательскими или земскими лошадьми. Въ Екатеринославской и южной части Харьковской губерній не было тогда у крестьянъ обывательскихъ лошадей, а были только волы, и земскую повинность сообщенія исполняли владѣльцы или помѣщики. Поэтому на каждомъ пунктѣ смѣны лошадей, меня везли прямо въ такъ называемую экономію или въ усадьбу помѣщика. Въ это-то время я и насмотрѣлся на разнородныхъ субъектовъ. Можно сказать, что мои разъѣзды уподоблялись путешествію Чичикова по помѣщикамъ.

Забравшись однажды въ глухую степь къ одному изъ помѣщиковъ, я узналъ, что у него нѣтъ, для исполненія земской повинности, лошадей, а есть только двѣ лошади, измученныя весною, которыя отхаживаются въ степи, и что онъ отправитъ меня на волахъ до пункта, гдѣ у помѣщика есть много лошадей.

— А сколько верстъ до этого пункта?

— Мы считаемъ верстъ 15 или поболѣе.

— Во сколько времени могутъ привезти волы?

— Часовъ 8 или 10, потому надо покормить дорогой воловъ.

— А скоро ли могутъ отыскать вашу пару лошадей въ степи?

— Да Богъ знаетъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ онѣ бродятъ, и гдѣ ихъ сыскать—не знаю.

— Нѣтъ, я лучше подожду, когда разыщутъ лошадей.

Этимъ временемъ я хотѣлъ воспользоваться для собранія разныхъ свѣдѣній по хозяйству, которыя были нужны для моего статистическаго труда.

Помѣщикъ былъ молодъ, одѣтъ въ казинетовое засаленное пальто, надѣтое на грязноватую холщевую рубашку, и безъ галстука; и видимо онъ не получилъ никакого образованія. Въ это время подала мнѣ стаканъ чаю молодая дѣвушка съ босыми ногами. Эта дѣвушка оказалась сестра хозяина.

— Скажите мнѣ пожалуйста, — спросилъ я помѣщика,—у васъ ведется трехпольное хозяйство?

— Нѣтъ, мы засѣваемъ то, что требуется въ порты: въ Таганрогъ, въ Маріуполь, въ Бердянскъ или въ Ростовъ. На этотъ годъ я посѣялъ одинъ ленъ, 500 десятинъ.

— Какъ такъ: ни пшеницы, ни ржи, ни овса?—спросилъ я.

— Ничего другаго — теперь льняное сѣмя требуется за границу; цѣна на него высокая, я заработаю на немъ рублей по 20 съ десятины, а нѣтъ и болѣе, коли самъ свезу въ портъ; а то купцы забираютъ у насъ въ амбарѣ на мѣстѣ.

— Какой же еще доходъ вы имѣете отъ хозяйства?

— Мы держимъ немного барановъ, до 2.000 головъ. Шерсти каждый баранъ даетъ по рублю, продаемъ тоже шкуры павшихъ барановъ, рубля по $1^1/_2$; да старыхъ воловъ продаемъ рублей по 30.

На повѣрку выходило, что этотъ помѣщикъ могъ получать по меньшей мѣрѣ до 15.000 руб. дохода и жилъ между тѣмъ, можно сказать, при нищенской обстановкѣ.

Часа черезъ три мнѣ подали тройку прекрасныхъ лошадей. Очевидно, помѣщикъ, ссылаясь на то, что у него замореныя лошади бродятъ гдѣ-то неизвѣстно, въ степи, жалѣлъ дать ихъ и хотѣлъ отдѣлаться волами; но, убѣдившись, что я буду ждать лошадей, счелъ за лучшее избавиться отъ непрошеннаго гостя. Для разъѣздовъ я имѣлъ открытый листъ съ платою за прогоны.

Большею частью помѣщики звали къ себѣ пообѣдать, пока изготовятъ лошадей, и кончалась исторія тѣмъ, что надо было оставаться ночевать. Разспросамъ о томъ, что̀ такое желѣзная дорога или чугунка, не было конца.

— Значитъ, — говорили многіе, — вмѣсто камня, будутъ устилать дорогу чугунными плитами и тому подобное.

Мнѣ до крайности надоѣдали мои странствованія по помѣщикамъ. Но въ одномъ мѣстѣ, я наткнулся на отставнаго гусарскаго генерала

Лошкарева. Онъ зналъ въ Петербургѣ моего отца и мою мать. Лошкаревы оставили меня ночевать, и я провелъ тамъ слѣдующій день и отвелъ нѣсколько душу въ захолустной степи.

Вслѣдъ затѣмъ, я попалъ къ помѣщику довольно богатому, у котораго пришлось тоже ночевать. Это былъ господинъ въ родѣ Собакевича и надоѣлъ мнѣ разспросами, какую можно извлечь выгоду отъ работъ при постройкѣ желѣзной дороги. Отъ этого помѣщика привезли меня въ усадьбу, гдѣ былъ прекрасный двухъэтажный домъ. Мнѣ не хотѣлось выходить изъ своего тарантаса, и я послалъ моего человѣка Аѳанасія (о которомъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже) съ открытымъ листомъ къ помѣщику, просить его запречь мнѣ лошадей; дѣло было къ вечеру, Аѳанасій вернулся съ человѣкомъ помѣщика, который передалъ мнѣ приглашеніе пожаловать въ домъ. Дѣлать было нечего, и я пошелъ скрѣпя сердце, ожидая опять разныхъ пытаній и безконечныхъ разспросовъ. Но къ удивленію моему меня встрѣтила молодая прелестная особа съ распущенной косой.

— Извините меня,—сказала молоденькая дама,—я сейчасъ пришла изъ бани, и волосы еще не просохли.

Мой костюмъ былъ тоже не совсѣмъ въ порядкѣ: я былъ въ толстомъ рабочемъ сюртукѣ, но главное, при разъѣздахъ, я не брился недѣли три, и это меня особенно конфузило.

— Извините тоже меня, что я являюсь къ вамъ въ такомъ неаккуратномъ видѣ.

— Это понятно, вы въ дорогѣ, — отвѣтила прелестная особа.—Мой мужъ уѣхалъ въ Бахмутъ и пріѣдетъ завтра.

— Позвольте мнѣ переодѣться и приформиться,—сказалъ я.

— Не безпокойтесь. — Теперь холодно, вы, вѣроятно, озябли и желаете чаю, я сейчасъ прикажу подать самоваръ.

Такая неожиданная встрѣча, конечно, была пріятна и обѣщала доставить особое удовольствіе. Вскорѣ сервировали столъ для чая; принесли самоваръ и разныя закуски. Прелестная особа оказалась веселой, разговорчивой особой нѣсколько съ малороссійскимъ выговоромъ и вообще очень милой.

Во время чая, она сказала мнѣ:

— Я отвела вамъ комнату рядомъ съ залой, въ кабинетѣ мужа, пожалуйте взглянуть, удобно ли вамъ будетъ? — и повела показать комнату.

Тамъ стояла уже постель, прикрытая атласнымъ одѣяломъ, и были приготовлены всѣ принадлежности туалета, разныя свѣжія щеточки и проч. Я поблагодарилъ за такую предупредительность, замѣтивъ, что всѣ туалетныя принадлежности вожу съ собой.

Я пробесѣдовалъ съ пріятнѣйшей дамой до полуночи; откланявшись,

я отправился въ назначенную мнѣ комнату, утонулъ въ пуховикахъ и проспалъ очень долго. Утромъ я выбрился и какъ слѣдуетъ приформился.

Хозяйка встрѣтила меня въ прекрасномъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами.

— Мой мужъ не пріѣхалъ еще; но онъ будетъ къ обѣду. Я васъ не отпущу и хочу, чтобы онъ познакомился съ вами. Не хотите ли почитать, мы выписываемъ нѣсколько журналовъ, а я немного поиграю на фортопіано.

Подошло время къ обѣду, мы пообѣдали, но мужъ еще не пріѣзжалъ. Послѣ обѣда я попросилъ лошадей.

— Оставайтесь,—мужъ непремѣнно пріѣдетъ сегодня, и мнѣ будетъ очень досадно, если онъ не познакомится съ вами.

Хотя мнѣ было очень пріятно проводить время съ милѣйшей дамой, но пришлось бы ночевать во второй разъ. Мнѣ было совѣстно; скрѣпя сердце, я попросилъ приказать запрягать лошадей. Въ слѣдующемъ году, я встрѣтилъ эту прелестную даму на водахъ въ Славянскѣ, и много разъ танцовалъ съ нею на вечерахъ тамошняго курзала.

Въ скоромъ времени, я добрался до Павлограда и оставался тамъ болѣе двухъ недѣль.

Въ двухъ верстахъ отъ Павлограда проживалъ богатый помѣщикъ Ростиславъ Лихачевъ [1]). Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ самъ пріѣхалъ познакомиться со мною. Этотъ человѣкъ оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы скоро сошлись съ нимъ, и я часто посѣщалъ его, гдѣ встрѣчалъ тоже интеллигентную болѣе или менѣе среду помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Екатеринославля. Спустя нѣ-

---

[1]) У Лихачева было два брата, одинъ былъ артиллерійскій генералъ-лейтенантъ, директоръ канцеляріи военнаго министерства, а другой братъ, помѣщикъ, проживающій верстахъ 70, ближе къ Харькову. Въ 1865 году, мнѣ пришлось, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, обратиться къ этому Лихачеву за полученіемъ лошадей. Когда я вошелъ въ его домъ, то засталъ Лихачева въ большой комнатѣ, окруженнаго 10-ю или 15-ю мальчиками. Въ этой комнатѣ стояло нѣсколько большихъ черныхъ досокъ, какія бываютъ въ классахъ. На одной доскѣ писалъ что-то мѣломъ одинъ мальчикъ; я взглянулъ и увидалъ геометрическія фигуры и за тѣмъ дефференціалы и интегралы.

— Я обучаю своихъ мальчиковъ математикѣ, и вотъ они дошли до дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Этого мальчика вы застали за вычисленіемъ объема шара путемъ интегральнаго исчисленія.

Меня это все крайне заинтересовало, и я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые мальчикъ отвѣтилъ видимо сознательно. Я не знаю въ точности дальнѣйшей участи ни мальчиковъ, ни самого Лихачева. Кто-то говорилъ, что его впослѣдствіи признали помѣшаннымъ. Не менѣе того, я провелъ у него вечеръ очень пріятно.

которое время, мнѣ приходилось ѣхать изъ Павлограда, для осмотра линіи на Харьковъ. Я поѣхалъ къ Лихачеву, чтобы сообщить ему о предстоящей мнѣ экскурсіи.

— Мнѣ нужно ѣхать въ ту же сторону на съѣздъ овцеводовъ, который будетъ у знаменитаго въ здѣшнемъ краѣ заводчика только племенныхъ барановъ и овецъ Абазы. Поѣдемте вмѣстѣ, вы тамъ увидите всѣхъ нашихъ большихъ овцеводовъ.

Въ то время распространеніе овцеводства было въ большомъ ходу, и такъ какъ я собиралъ матеріалы для моего статистическаго труда, то я охотно принялъ его предложеніе.

Мы отправились съ Лихачевымъ къ Абазѣ вмѣстѣ. Туда поѣхала куча овцеводовъ. Стали приводить громадныхъ разнородныхъ барановъ и матокъ, расчесанныхъ и убранныхъ лентами, ставили ихъ для осмотра на столъ, и овцеводы любовались то тѣми, то другими и опредѣляли количество шерсти, которое они могутъ дать въ годъ. Не было ни одного экземпляра менѣе 100 руб. За тѣмъ сѣли обѣдать, и послѣ хозяинъ угощалъ насъ сигарами съ его плантаціи. Сигары были свернуты изъ сыраго не размоченнаго табаку и потому уподоблялись настоящимъ гаванскимъ и возможны для куренія; но были необыкновенно крѣпки, и хозяинъ поднесъ мнѣ цѣлый ящикъ этихъ сигаръ.

Отсюда я отправился въ Луганскій заводъ, начальникомъ котораго былъ горный инженеръ полковникъ Летуновскій, старожилъ края и хорошо ознакомившійся съ каменноугольнымъ Донецкимъ бассейномъ.

Въ это время нѣсколько семействъ пріѣхали изъ Таганрога, Керчи и даже изъ Одессы, которые были бомбардированы англо-французами. Каждый день у Летуновскаго собиралось большое общество, и неминуемо каждый день танцы. Изъ числа семействъ, пріѣхавшихъ изъ Керчи, было семейство Гурьевыхъ. Онъ былъ полковникъ горнаго вѣдомства, состоявшій по особымъ порученіямъ при князя Воронцовѣ. Сама же Гурьева была изъ высшаго круга и, несмотря на зрѣлыя лѣта, была очень не дурна собой. Она была умна, весьма образована и пріятная собесѣдница. Я провелъ въ Луганскомъ заводѣ дней 5—6 полезно и весело. Послѣ того, я поѣхалъ на Грушевскій рудникъ, гдѣ было нѣсколько шахтъ въ плачевномъ состояніи, которыхъ глубина доходила только отъ 10 до 20 саженъ. Я опускался въ нихъ въ бадьѣ, отталкиваясь выпущенной наружу ногой отъ стѣнъ шахты. Не менѣе того, я убѣдился въ богатствѣ рудника, гдѣ пласты антрацита имѣли самый небольшой уклонъ. Оттуда я осмотрѣлъ антрацитовыя залежи Краснаго Кута, гдѣ антрацитъ заключалъ однако примѣсь сѣраго колчедана, стало быть, мало годный, потомъ Александровскія копи и увидалъ пластъ жирнаго превосходнаго угля толщиною въ 7 футъ; Никитскія копи, хотя и богатыя по количеству пластовъ, но онѣ круто падали въ глубь. Тамъ мнѣ

*

пришлось спуститься даже не въ бадьѣ, а на палкѣ верхомъ, привязанной за средину веревкой, которая навертывалась тоже на толстую палку, вращающуюся на двухъ козлахъ изъ толстыхъ жердей. Надо было осмотрѣть тоже Лисичанскій рудникъ, гдѣ производилась прежде правильная казенная разработка, и наконецъ Петровское мѣсторожденіе, ближайшее къ Харькову. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ разработокъ въ то время не производилось, и шахты были заброшены.

Наконецъ, я возвратился въ Харьковъ, гдѣ и нашелъ письмо Мельникова, вызывающаго меня въ Петербургъ.

Когда Чевкинъ отпустилъ меня на изысканія, я поѣхалъ туда съ женой и тремя дѣтьми, и избралъ мѣстомъ центральный пунктъ моего каменноугольнаго участка Славянскъ, который славился цѣлебнымъ свойствомъ воды. Оттуда я разъѣзжалъ въ Ростовъ, Екатеринославль и Харьковъ.

Въ этотъ сезонъ Славянскъ былъ запруженъ съѣхавшимися на воды. Миръ тогда былъ заключенъ, и войска, возвращаясь изъ Крыма въ Воронежскую, Харьковскую, Курскую, Московскую и другія губерніи, избрали этапомъ Славянскъ. Это была главная причина огромнаго съѣзда помѣщиковъ съ семействами. Офицеры оставались по нѣсколько дней, а иные совсѣмъ тамъ застревали; происходили разные романы, и къ концу сезона обнаружилось не мало невѣстъ и жениховъ.

Въ одномъ мѣстѣ, на главной улицѣ стояли два дома на большомъ дворѣ одной хозяйки. Одинъ домъ занимала моя семья, а въ другомъ большое семейство Ш—скихъ, людей довольно богатыхъ. Въ семействѣ Ш—скихъ была одна молодая барышня, гдѣ не замедлилъ появиться молодой отставной гусарскій корнетъ, князь Имеретинскій, помѣщикъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Онъ привелъ съ собою 12 лошадей и привезъ десятокъ сѣделъ дамскихъ и мужскихъ, для устройства кавалькадъ на Славянскихъ водахъ. Это былъ живой, милый малый, и мы скоро сошлись съ нимъ. Онъ былъ женихъ изъ завидныхъ, потому что сверхъ своего состоянія получалъ 10.000 пенсіи отъ казны, за свой титулъ бывшаго владѣтельнаго князя.

Хотя дѣвица Ш—ская была молода, но собой не красива, не менѣе того, Имеретинскій сталъ сильно ухаживать за ней. Онъ устраивалъ для нея кавалькады и пикники. Между тѣмъ въ Святогорскомъ монастырѣ, находящемся въ 20 верстахъ отъ Славянска, подошелъ праздникъ, на который собирается богомольцевъ до 25.000 человѣкъ. Святогорскій монастырь находится въ необыкновенно живописной мѣстности на самомъ высокомъ берегу рѣки Донца, покрытомъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Изъ горы выдвигаются пять бѣлыхъ мѣловыхъ узкихъ конусовъ, достигавшихъ вершинъ лѣса. Въ этихъ конусахъ на-

ходятся пещеры, въ которыхъ скрывались христіане. Эти конусы сошлись въ вершинѣ, образовавъ площадку, на которой поставлена небольшая церковь и въ которую можно попадать только по ступенямъ, выбитымъ въ мѣловыхъ конусахъ.

Имеретинскій устроилъ туда partie de plaisir для Ш—ской и пригласилъ ѣхать меня съ женой. У меня былъ дормезъ, который я взялъ въ Москвѣ у знакомаго и купилъ тамъ новую небольшую легонькую коляску, въ которыхъ мы и пріѣхали въ Славянскъ. Имеретинскій попросилъ у меня коляску и явился съ шестеркой великолѣпныхъ лошадей, самъ кучеромъ, въ красной рубахѣ и бархатной поддевкѣ, а форейторомъ сидѣлъ меньшой братъ дѣвицы Ш—ской, въ такомъ же костюмѣ. Жену и меня просилъ сѣсть въ эту коляску вмѣстѣ съ Ш—ской. Для дормеза же прислалъ тоже шестерку своихъ лошадей.

Пріѣхавъ въ монастырь подъ вечеръ, мы не нашли помѣщенія въ гостиницахъ монастыря. Богомольцы въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народу расположились на обширной зеленой площади, на луговой сторонѣ Донца лагеремъ. Безчисленная куча экипажей, въ которыхъ пріѣхали богомольцы, не нашедшіе тоже мѣста въ гостиницѣ, образовали тоже лагерь, среди громадныхъ тополей. Иные ночевали въ экипажѣ, другіе подъ экипажами, а третьи раскинули палатки изъ простыней и проч. Повсюду загорѣлись костры, надъ которыми висѣли чайники для кипяченія воды, и такимъ образомъ явилась весьма оживленная картина. Это было дѣствительно: partie de plaisir.

На другой день былъ назначенъ крестный ходъ изъ монастыря въ скитъ, въ трехъ верстахъ разстоянія. Скитъ помѣщался въ горѣ и сообщался съ монастыремъ черезъ рѣку паромомъ, устроеннымъ на двухъ небольшихъ лодкахъ. Крестный ходъ шелъ по противоположной луговой сторонѣ, сопровождаемый тысячами народа, и долженъ былъ на паромѣ переѣхать въ скитъ. До берега доѣхали хоругвеносцы благополучно; но едва архимандритъ съ причтомъ и нѣсколькими образами сошли съ парома и облегчили тѣмъ переднюю его часть, какъ паромъ перекачнулся на заднюю часть, вода хлынула въ лодки, и паромъ сталъ тонуть. На паромѣ оставалось еще человѣкъ 20 монаховъ съ хоругвями. Я успѣлъ выйти съ архимандритомъ. При паромѣ оказался одинъ каюкъ; я бросился въ него и вытащилъ двухъ монаховъ; но, къ счастью, нѣсколько богомольцевъ сопровождали крестный ходъ, шедшій по луговому берегу, въ лодкахъ. Они тоже стали вытаскивать монаховъ, и такимъ образомъ всѣ были спасены. Архимандритъ стоялъ на берегу неподвижно и по окончаніи катастрофы пошелъ въ скитъ и совершилъ тамъ назначенное молебствіе.

Вернувшись со Святыхъ горъ, Имеретинскій сказалъ мнѣ, что онъ рѣшился посвататься за дѣвицу Ш—скую. Въ это время, мнѣ нужно

было ѣхать въ Ростовъ; я проѣздилъ недѣли двѣ и, возвратившись въ Славянскъ, въ тотъ же день поѣхалъ въ курзалъ. Тамъ я увидѣлъ вновь пріѣхавшую дѣвушку, только что вышедшую изъ Смольнаго монастыря, и очень хорошенькую собой. Я протанцовалъ съ ней нѣсколько туровъ вальса. Вечера въ курзалѣ были почти каждый день. Слѣдующіе разы, я тоже танцовалъ съ этой дѣвушкой и, какъ прежде, ни съ кѣмъ болѣе.

Дня черезъ три пріѣзжаетъ ко мнѣ Имеретинскій.

— Почему, — спрашиваетъ онъ меня, — вы танцовали только съ одной дѣвицей Рубецъ?

— Потому, что она мнѣ кажется красивѣе и граціознѣе всѣхъ. Если вы видѣли, что я, во время сезона, танцовалъ еще съ одной молоденькой дамой, то потому, что я былъ, въ прошедшемъ году, въ ея домѣ, и она приняла меня очень любезно и радушно.

— Такъ вы находите, что M-elle Рубецъ лучше M-elle Ш—ской?

— Вы спрашиваете моего мнѣнія, и я по правдѣ скажу, хотя, быть можетъ, вамъ это и не понравится, что тутъ сравненія быть не можетъ.

Имеретинскій задумался и потомъ сказалъ:

— Знаете ли что, я положусь на вашъ вкусъ и перестану ухаживать за Ш—ской.

— Какъ знаете, но я еще повторю вамъ, что тутъ не можетъ быть и сравненія.

Черезъ двѣ недѣли Имеретинскій былъ объявленъ женихомъ M-elle Рубецъ.

Въ скоромъ времени, я съ семействомъ переѣхалъ въ Бахмутъ, а вслѣдъ затѣмъ переѣхала M-me Шахова, тетка дѣвицы Рубецъ, у которой она жила. Понятно, что появился ея нареченный женихъ Имеретинскій. Онъ сталъ приставать ко мнѣ продать ему мою коляску, которая очень нравится его невѣстѣ, а также и моихъ лошадей.

— Въ настоящую минуту я продать не могу, мнѣ то и другое нужно, пока я буду въ Бахмутѣ.

— Я понимаю,—сказалъ я,—что коляска можетъ нравиться, но у васъ столько лошадей—зачѣмъ вамъ лошади, хотя лошади большія и красивыя, но онѣ совсѣмъ старыя.

— Моя невѣста непремѣнно хочетъ имѣть вашу коляску и вашихъ лошадей.

— Я заплатилъ 450 руб. за коляску и 250 руб. за лошадей.

Въ отвѣтъ на это Имеретинскій вынулъ 700 руб. и сказалъ: коляска и лошади за мной, я пришлю за ними, когда вы соберетесь уѣхать изъ Бахмута.

При моихъ безпрерывныхъ разъѣздахъ по Россіи, мнѣ множество

разъ приходилось продавать за отъѣздомъ экипажи и лошадей, и всегда за безцѣнокъ. На этотъ единственный разъ, я продалъ за ту же цѣну, какъ купилъ, благодаря милой дѣвицѣ Рубецъ.

Данное мнѣ оригинальное приказомъ порученіе графа Клейнмихеля было исполнено, т. е. сдѣлать изысканія для желѣзной дороги безъ обозначенія начальнаго и конечнаго пунктовъ, и которое способствовало бы развитію каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я написалъ статью о результатахъ моихъ изысканій, послѣдствія которыхъ оправдались блестящимъ образомъ. Тамъ, гдѣ на единственно дѣйствовавшемъ плачевномъ Грушевскомъ рудникѣ, гдѣ добывалось всего до 3.000.000 англійскаго антрацита, теперь добывается до 200.000.000. Тамъ, гдѣ не было ни одного частнаго завода, а существовалъ одинъ Луганскій литейно-чугунный заводъ, явилось теперь множество желѣзодѣлательныхъ заводовъ, съ населеніемъ, какъ напримѣръ, на Юзовскомъ заводѣ, близъ Александровскихъ копей, до 20.000 жителей. Ни тогдашніе мои труды для разъясненія дѣла, ни послѣдущіе направленные на Донецкій бассейнъ, значитъ, не пропали безслѣдно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Собственноручное письмо Барклая-де-Толли—графу Аракчееву о чиновникѣ Львовѣ, распускавшемъ ложные слухи.

8-го октября 1812 г. Володиміръ.

Во время пріѣзда моего сюда узналъ я, что нѣкоторый Львовъ, чиновникъ иностранной коллегіи (ѣдущій, какъ онъ сказывалъ, съ важными депешами въ армію), въ Рязани публично разсказывалъ, что въ Курляндіи непріятелемъ совершенно истребленъ восьми-тысячный нашъ корпусъ; тоже что и государь императоръ приготовляется выѣхать въ Англію.—Этакой негодяй заслуживаетъ въ примѣръ другимъ быть разстрѣляннымъ, или, по крайней мѣрѣ, вѣчно посаженъ въ сумасшедшій домъ. Я поспѣшаю о семъ увѣдомить ваше сіятельство для донесенія государю. Я бы не преминулъ объ этомъ увѣдомить и князя Кутузова, но это было бы безполезно, ибо этакой пострѣлъ, каковъ Львовъ, найдетъ въ главной квартирѣ его сіятельства много себѣ подобныхъ, кои его возьмутъ въ свою протекцію.—Я не понимаю, какъ земская полиція могла этакой поступокъ оставить безъ замѣчанія.

О себѣ вашему сіятельству скажу, что я до крайности боленъ, какъ душевно, такъ и тѣлесно, и я проклинаю судьбу мою, которая отнимаетъ у меня средства и способы быть въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ полезнымъ государю и отечеству.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, честь имѣю быть и проч.

P. S. Этотъ Львовъ имѣлъ подорожную изъ Новгорода не на курьерскія, но на обыкновенныя почтовыя лошади.

Графъ Аракчеевъ—М. Б. Барклаю-де-Толли.

18-го октября 1812 г.

Своеручное вашего высокопревосходительства письмо изъ Владиміра отъ 8-го октября я имѣлъ честь получить, и въ то же время представлялъ его императорскому величеству въ оригиналѣ, по коему какой послѣдовалъ сего числа на имя фельдмаршала кн. Кутузова рескриптъ [1]), съ онаго имѣю честь при семъ препроводить копію, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

---

[1]) Отъ 18-го октября, за № 219

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

XII [1]).

Моя поѣздка въ Малороссію въ 1863 г.—Два дорожныхъ спутника.—Ѣзда въ дилижансѣ.—Мои харьковскіе пріятели.—К. К. Гаттенбергеръ.

Весною 1863 г. я поѣхалъ въ имѣніе бабушки, въ Полтавскую губернію. Въ это время желѣзная дорога изъ Петербурга доходила только до Москвы, а оттуда надо было ѣхать на Харьковъ либо на почтовыхъ, либо въ дилижансѣ, съ тѣмъ, чтобы на почтовыхъ или «на долгихъ» сдѣлать еще 120 верстъ въ сторону до того уѣзда Полтавской губерніи, гдѣ жила моя бабушка. Я тронулся въ путь въ гордомъ сознаніи своей самостоятельности и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ подходилъ къ буфету съ видомъ хотя и молодого, но уже видавшаго виды человѣка. Въ глубинѣ души я испытывалъ радость по поводу того, что снова увижу мѣста, гдѣ такъ весело жилось мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ, и бабушку, которая рисовалась въ моемъ воображеніи совершенно такою же, какою она была тогда. Но петербургская сутолока уже успѣла наложить на меня свою печать: я даже самъ передъ собою становился на ходули, не сознавая того, и отгонялъ отъ себя радостное настроеніе ни для чего не нужною въ данномъ случаѣ серьезностью. Пока поѣздъ медленно тащился до Москвы, я старался направить мои мысли на «политическія» темы. Надо будетъ какъ слѣдуетъ позондировать въ Малороссіи почву, чтобы сообщить потомъ въ Петербургѣ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1901 г.

какъ приступить къ «поднятію» юга, когда это будетъ рѣшено. Я и карту Россіи—хотя дешевенькую—прихватилъ съ собою, чтобы лучше можно было оріентироваться, и нѣсколько разъ принимался разсматривать ее въ вагонѣ. А въ свободное отъ соображеній время я бесѣдовалъ съ моимъ случайнымъ сосѣдомъ, отъ времени до времени вставляя фразы, разсчитанныя на то, чтобы «развить» его (успѣха, къ сожалѣнію, не было). То былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, повидимому торговаго класса, степенный и сдержанный; а по тому, какъ онъ относился къ нѣкоторымъ моимъ заявленіямъ, я не могъ не замѣтить, что онъ «консерваторъ». Доводовъ моихъ онъ не опровергалъ и ни малѣйшаго раздраженія по ихъ поводу не проявлялъ; но, молча выслушавъ меня, только поднималъ брови и какъ-то странно, точно насмѣшливо произносилъ: «Тэкъ-съ». Я ясно видѣлъ, что это человѣкъ не «моего» лагеря, и понималъ, что по правиламъ партійной тактики мнѣ слѣдовало бы «наплевать» на него (Мы были тогда до крайности нетерпимы къ воззрѣніямъ, несогласнымъ съ нашими, и—сторонники свободы—не допускали только важнѣйшаго изъ всѣхъ ея видовъ, свободы мнѣній. А сами возмущались тѣмъ, что наши собственныя мнѣнія встрѣчаютъ препоны). Но въ этомъ человѣкѣ, при всемъ его «консерватизмѣ», было что-то привлекательное для меня. Въ немъ чувствовалась личность цѣльная, твердо стоящая на превосходно изученной имъ почвѣ. Кромѣ того, поражала меня въ немъ масса разнообразнѣйшихъ житейскихъ познаній, которыми онъ обладалъ. Онъ говорилъ и о торговлѣ, и о земледѣліи, и о провинціальной администраціи, и о лѣсномъ и иныхъ промыслахъ—и я видѣлъ, что все это онъ зналъ обстоятельно и твердо. Я слушалъ его съ величайшимъ интересомъ и уже за Чудовомъ отложилъ всякое попеченіе объ его «развитіи», а въ душу мою начинало закрадываться сомнѣніе въ собственной авторитетности. Правда, онъ не получилъ даже и средняго образованія, и навѣрное не зналъ тѣхъ «предметовъ», которымъ меня научили, такъ что я могъ бы по праву смотрѣть на него сверху внизъ; но внутренній голосъ говорилъ мнѣ другое. Невольно напрашивалось сравненіе между его живыми знаніями, съ которыми онъ могъ быть полезенъ во всякомъ мѣстѣ, и моими тепличными свѣдѣніями, обрекавшими меня на роль бѣлоручки. Положимъ, весьма пріятно знать «Энеиду» Виргилія, начало второй пѣсни которой я и до сихъ поръ помню:

«Conticuere omnes, intentique ora tenebant.
Inde toro pater Aeneas sie orsus aЪ alto“ и т. д.

Одинъ стихъ ея: «Votum pro reditu simulant, ea fama vagatur» мы даже пѣвали въ гимназіи хоромъ, на голосъ «Славься». Но тогда, въ вагонѣ, я охотно отдалъ бы всю латынь, съ прибавкою кое-какихъ

другихъ «предметовъ», хотя-бы за часть тѣхъ свѣдѣній, которыми располагалъ мой дорожный собесѣдникъ. Я понялъ, что не былъ бы годенъ даже на какую-нибудь маленькую должность въ провинціи, потому что имѣлъ лишь самыя сбивчивыя представленія о сельской администраціи и условіяхъ обывательскаго быта. Признаться, знакомство съ этимъ спутникомъ сбило-таки съ меня спеси, но я не безъ сожалѣнія разстался съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ мы сходили вмѣстѣ въ какой-то плохенькій трактиръ распить на прощаніе порцію чая.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось провести болѣе сутокъ, такъ какъ мѣста въ дилижансахъ, отходившихъ только по одному въ день, были разобраны. Въ дилижансѣ помѣщалось, сколько мнѣ помнится, четверо пассажировъ внутри и двое снаружи, въ подобіи кибитки, устроенной впереди кареты, сейчасъ за козлами. Я взялъ наружное мѣсто, стоившее дешевле; въ сосѣди судьба послала мнѣ на этотъ разъ молодого офицера. Мнѣ это показалось непріятнымъ: въ нашихъ кружкахъ не долюбливали тогда военныхъ, считая ихъ отчасти грубыми «бурбонами», отчасти пустыми паркетными шаркунами; исключеніе дѣлалось только для тѣхъ офицеровъ, которые бывали на либеральныхъ вечеринкахъ и потому признавались «хорошими людьми». Недовольство мое оказалось, однако, безосновательнымъ: въ спутникѣ я нашелъ человѣка, хорошо образованнаго, еще лучше воспитаннаго и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго. Онъ былъ старше меня годами и на многое смотрѣлъ иначе, чѣмъ я, но, послѣ урока, полученнаго мною отъ попутчика на желѣзной дорогѣ, я уже не горячился по поводу его возраженій на нѣкоторыя изъ моихъ разсужденій, хотя внутри у меня что-то ныло всякій разъ, когда онъ спокойно опровергалъ мои построенія.

Дилижансъ, запряженный шестеркою почтовыхъ лошадей (четверка въ рядъ и пара на выносъ, съ мальчикомъ-форрейторомъ верхомъ на одной изъ нихъ), бойко катился по московско-курскому шоссе, вскачь взбираясь на частые и длинные подъемы (Извѣстно, что варварскій пріемъ этотъ—гнать лошадей во весь духъ, именно на крутизнахъ, гдѣ имъ слѣдовало бы идти шагомъ—до сихъ поръ не вывелся у нашихъ возницъ). Уплата прогоновъ производилась на станціяхъ ѣхавшимъ съ нами на козлахъ кондукторомъ; онъ же уплачивалъ и шоссейный сборъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали заставы. У тѣхъ изъ заставъ, которыя дилижансу приходилось проѣзжать въ ночную пору, кондукторъ останавливалъ на минуту ямщика, выносная пара отпрягалась и форрейторъ («фалеторъ», какъ его называли) тайкомъ отправлялся съ ними въ объѣздъ шлагбаума, чтобы миновать заставный пунктъ. Благодаря этому, кондукторъ получалъ возможность платить шоссейный сборъ всего только за четверку лошадей, что составляло одинъ изъ его

«безгрѣшныхъ доходовъ». По ночамъ, когда прочіе пассажиры спали, а мнѣ почему-нибудь не спалось, мнѣ случалось замѣчать, что и на станціяхъ намъ запрягали не шестерку, а только четверку. А такъ какъ, по окончаніи поѣздки, кондукторъ получалъ на чай еще и отъ пассажировъ, то можно думать, что, съѣздивъ въ два конца, онъ всякій разъ привозилъ домой кое-что «ребятишкамъ на молочишко». Вотъ бы отличный для меня случай разъяснить ему, что лучше жить въ нуждѣ, оставаясь честнымъ, чѣмъ пользоваться чужимъ и испытывать угрызенія совѣсти! Къ сожалѣнію, присутствіе офицера стѣсняло меня, и случай этотъ былъ мною упущенъ, къ явному ущербу кондуктора.

Остановка на нѣсколько дней въ Харьковѣ памятна мнѣ особенно тѣмъ, что настроеніе молодежи я засталъ тамъ совершенно непохожимъ на то, которое господствовало въ Петербургѣ. Я остановился у двоихъ моихъ товарищей по гимназіи, поступившихъ, по выходѣ оттуда, въ Харьковскій университетъ, чтобы не потерять времени въ ожиданіи, пока возобновятся лекціи въ университетѣ Петербургскомъ. Черезъ нихъ я познакомился съ нѣсколькими мѣстными студентами, причемъ былъ отчасти озадаченъ отсутствіемъ въ ихъ средѣ той «политической» суетни и шумихи, къ которой привыкъ въ Петербургѣ. Они тоже сходились, но въ собраніяхъ ихъ господствовалъ совершенно другой тонъ, чѣмъ на столичныхъ вечеринкахъ. Въ ихъ товарищескихъ бесѣдахъ чаще всего затрогивались университетскія дѣла, дебатировались, конечно, и отвлеченные вопросы, но, рядомъ съ этимъ, велись и самые заурядные разговоры, съ шутками, смѣхомъ и молодымъ весельемъ. «Политики» касались здѣсь лишь попутно, если это приходилось кстати, причемъ никто не пытался придать себѣ такой видъ, будто «политика» составляетъ главную его заботу. Меня пріятно поражало отсутствіе ходульности на этихъ сходбищахъ, бывавшихъ, притомъ, не въ опредѣленные дни, а случайно, когда придется и когда явится охота поболтать и весело провести время. Молодые люди дѣлились не по окраскѣ ихъ «политическихъ» мнѣній, а по темпераментамъ, почему не было здѣсь тупой «партійной» нетерпимости между естественно слагавшимися группами. Какой-нибудь юный щеголь и жуиръ отнюдь не оказывался изгоемъ въ кружкѣ серьезно работавшихъ студентовъ, такъ какъ, рядомъ съ наклонностью къ жуирству и щегольству, въ немъ не могло не быть другихъ, симпатичныхъ качествъ, дававшихъ ему право на расположеніе товарищей. Въ Петербургѣ же достаточно было юношѣ одѣться пофрантовитѣе, быть уличеннымъ въ ношеніи перчатокъ и т. п., чтобы товарищи отнесли его къ числу безнадежно-пустыхъ фатовъ. Въ кружкѣ харьковскихъ студентовъ присутствующій не испытывалъ того нѣсколько угнетающаго чувства, кото-

рое одолѣваетъ всякаго нравственно-здороваго юношу въ обществѣ людей, тщательно старающихся выказать какъ можно больше ума или порисоваться силою характера. Простота и естественность моихъ новыхъ знакомыхъ прямо подкупала меня и наводила на сравненія, невыгодныя для петербуржцевъ. Здѣсь чувствовалось вѣяніе молодой, не заѣденной рефлексіею жизни, тамъ царила вызванная обстоятельствами взвинченность, неестественность, несознаваемая молодежью фальшь, а виною тому была преимущественно напряженность тогдашняго петербургскаго настроенія, впослѣдствіи распространившаяся и на провинцію.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ изъ моихъ двухъ товарищей, у которыхъ я остановился тогда въ Харьковѣ—о Константинѣ Константиновичѣ Гаттенбергерѣ, оставившемъ по себѣ добрую память въ харьковскихъ студентахъ. Въ гимназіи (гдѣ онъ почему-то носилъ прозвище «Катьки») онъ однимъ изъ первыхъ сталъ подражателемъ тургеневскаго Базарова (какъ онъ его понялъ). Нельзя сказать, чтобы оригиналъ скопированъ былъ имъ вѣрно: онъ сталъ держать себя просто чудакомъ—вѣроятно, ему представлялось, что человѣку базаровскаго типа непремѣнно должно быть свойственно одѣваться неряшливо, обладать угловатыми манерами и вообще походить на полусумасшедшаго. Деликатный и застѣнчивый по природѣ, Гаттенбергеръ въ послѣднемъ классѣ гимназіи принялъ на себя обличіе циника: пересталъ причесывать волосы, неохотно умывался и усвоилъ странную походку—какъ-то бокомъ, опустивъ одно плечо ниже другого. Я готовъ думать, что этою несуразною манерой онъ пытался прикрыть свою застѣнчивость, которая его тяготила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, подобно Базарову, началъ «отрицать» все, «даже и...», какъ выражено у Тургенева. Естественныхъ наукъ онъ, однако, изучать не сталъ и, кажется, до конца жизни оставался весьма малосвѣдущъ въ нихъ. Зато его потянуло къ философіи. Когда въ нашемъ классѣ возникло было предположеніе заняться выпускомъ подпольнаго изданія, Гаттенбергеръ настаивалъ на необходимости перевести и напечатать нѣмецкую книжку подъ заглавіемъ «Was ist die Philosophie?», которую онъ досталъ у какого-то своего знакомаго, «свободнаго мыслителя». Задумавъ основательно заняться философіей, онъ началъ усердно изучать иностранные языки и хотя они давались ему съ трудомъ, дѣлалъ большіе успѣхи. Чтобы пополнить свои знанія въ латинскомъ языкѣ, онъ взялъ на себя египетскій трудъ: проштудировать отъ доски до доски громадный словарь Кронеберга, которымъ, какъ извѣстно, можно убить человѣка наповалъ, если хватить по темени. И, кажется, при своемъ поразительномъ трудолюбіи и изумительной настойчивости, онъ осилилъ его. Потомъ онъ уѣхалъ въ Харьковъ, и цѣлый годъ о немъ не было ни слуха, ни духа.

Я засталъ его въ Харьковѣ такимъ же оригиналомъ, какимъ онъ

оставилъ гимназію. Вмѣстѣ съ другимъ нашимъ товарищемъ, онъ занималъ двѣ дешевыя комнатки съ плохою мебелью неподалеку отъ университета и велъ весьма своеобразную жизнь. Проснувшись поутру, онъ не вставалъ съ постели, а только потягивался минуты двѣ, потомъ, повернувшись къ стоявшему у кровати столику, закуривалъ вчерашній окурокъ копеечной сигары, бралъ оставленную съ вечера книгу и принимался читать ее лежа. Поданный стаканъ чая съ кускомъ бѣлаго хлѣба онъ проглатывалъ, не отрываясь отъ чтенія. Вставалъ, умывался и одѣвался онъ только къ тому времени, когда надо было идти на лекцію, а если лекцій не было, то поднимался къ обѣду, который приносила своимъ квартирантамъ хозяйка. Ни въ какихъ удобствахъ онъ не нуждался и никакихъ прихотей, кромѣ куренія сигаръ по рублю за сотню, не имѣлъ; ѣлъ безпрекословно, что̀ ни подадутъ, и ничуть не интересовался блюдами. А послѣ обѣда снова ложился на кровать и возобновлялъ чтеніе. Бывало окликнешь его, и онъ, оторвавъ глаза отъ книги посмотритъ тебѣ въ лицо сосредоточеннымъ взоромъ, какъ-бы еще повторяя мысленно послѣднюю прочитанную фразу; поговоритъ— и опять за книгу. Казалось, изъ него долженъ былъ выработаться сухой и маловоспріимчивый «гелертеръ», однако нѣтъ: въ свободные часы онъ бывалъ отзывчивымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, готовымъ, при случаѣ, и посмѣяться, и побалагурить. Неряшливость въ одеждѣ успѣла уже войти у него въ привычку: костюмъ свой онъ обновлялъ только тогда, когда все изнашивалось до послѣдней степени, и притомъ никогда не заказывалъ новыхъ вещей, а покупалъ только подержанныя. Сынъ эконома въ одномъ изъ петербургскихъ женскихъ институтовъ, онъ ежемѣсячно получалъ отъ родителей достаточную для прожитія сумму; сверхъ того, любящая мать присылала ему порою бѣлье. Но посылки подолгу валялись у сына подъ кроватью нераспакованными. Однажды ему присланы были новыя брюки, но онъ рѣшился надѣть ихъ лишь послѣ того, какъ они были, по его просьбѣ, «обношены» (а въ сущности заношены) однимъ изъ товарищей; вѣроятно, онъ стыдился показаться щеголемъ. По части искусствъ, единственною страстью его была музыка: онъ недурно игралъ на скрипкѣ, чѣмъ услаждалъ свои досуги, но при постороннихъ играть отказывался. Женскаго общества онъ чрезвычайно дичился и въ присутствіи особъ прекраснаго пола дѣлалъ неловкія попытки скрыться куда-нибудь. Мнѣ вспоминается забавный случай: къ его сожителю пришла знакомая бойкая молодая дѣвушка, какъ разъ въ то время, когда мы втроемъ сидѣли за вечернимъ чаемъ. При ея появленіи, Гаттенбергеръ сильно смутился и, по обыкновенію, хотѣлъ улизнуть; но такъ какъ его задержали, то онъ поневолѣ сѣлъ снова за столъ и, краснѣя до испарины, заслонился самоваромъ. Всякій разъ, когда дѣвушка, желая вовлечь его въ общій разговоръ, заглядывала къ нему съ одной стороны

самовара, онъ отклонялся въ другую, точно играя въ прятки. Казалось, непріятный визитъ причинялъ ему истинное мученіе, и нѣсколько времени потомъ онъ пребывалъ не въ духѣ.

По натурѣ это былъ прямой и безусловно честный человѣкъ, неспособный входить въ сдѣлки съ совѣстью и совершенно чуждый стремленія къ фразамъ и позировкѣ. Недаромъ всѣ знавшіе его относились къ нему съ полною симпатіей, хотя и подтрунивали порою надъ его странностями. Онъ былъ незлобивъ и никогда не принималъ къ сердцу товарищескихъ насмѣшекъ, добродушно оставляя ихъ втунѣ и ничуть не заботясь объ устраненіи поводовъ къ нимъ. Онъ работалъ упорно, поглощая книгу за книгою, и доработался до того, что, по окончаніи курса, сталъ профессоромъ въ пріютившемъ его университетѣ, гдѣ занялъ каѳедру сперва полицейскаго права, а потомъ (если не ошибаюсь) политической экономіи. Со своими слушателями онъ находился въ постоянномъ товарищескомъ общеніи и пользовался ихъ любовью. Къ сожалѣнію, постоянное нарушеніе элементарныхъ правилъ гигіены не прошло ему даромъ: уже въ среднемъ возрастѣ у него развилась чахотка, которая и свела его вскорѣ въ могилу.

XIII.

Провинціальный уголокъ въ 1863 г.—Бытовыя картинки.—Уѣздный городъ.—Поклонникъ Каткова.—Мои отношенія къ дворнѣ.

Бабушка моя жила въ одномъ изъ мѣстечекъ Полтавской губерніи, въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ годъ моего пріѣзда къ ней, дѣда моего уже не было въ живыхъ, и она одна управлялась въ своемъ не особенно обширномъ хозяйствѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, она считалась въ округѣ очень образованною женщиной, такъ какъ была грамотна и умѣла держать себя въ обществѣ. При этомъ усадьба ея была значительно обширнѣе и благоустроеннѣе ближайшихъ помѣщичьихъ жилищъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ домовъ однодворцевъ и достаточно зажиточныхъ людей изъ казаковъ, а потому неудивительно, что за нею установилась репутація мѣстной аристократки, чему, впрочемъ, отчасти содѣйствовала и ея представительная наружность. Бывать у нея мѣстные жители считали за честь, но нѣкоторые изъ жившихъ въ мѣстечкѣ помѣщиковъ стѣснялись посѣщать ея домъ, гдѣ полы были выкрашены подъ цвѣтной паркетъ, окна были высокія, съ чистыми стеклами, а ея кабинетъ даже оклеенъ обоями, что являлось тогда въ провинціи безумною роскошью. Обыкновенно у помѣщиковъ средней руки (я говорю только о нашемъ мѣстечкѣ), дома были маленькіе, съ некрашенными или даже просто глинобитными полами и съ выбѣленными по глинѣ стѣнами, причемъ и меблировка соотвѣт-

ствовала общему характеру жилья, состоя изъ деревянныхъ крашенныхъ диванovъ, такихъ же стульевъ и шкаповъ—все «своей», крѣпостной работы. Мебельнаго магазина не было ни въ уѣздномъ городѣ, ни даже въ самой Полтавѣ, до которой, притомъ, отъ мѣстечка надо было ѣхать за 60 верстъ.

Прежде всего, меня, конечно, поразила непривычная для меня внѣшность мѣстныхъ жителей. Обычное одѣяніе хохловъ изъ простолюдиновъ состояло изъ бѣлой рубахи, заправленной въ бѣлые же холщевые штаны, которые, въ свою очередь, были заправлены въ сапоги. Въ такомъ видѣ человѣкъ представлялся вставшимъ прямо съ постели въ нижнемъ бѣльѣ, къ которому такъ не пристала традиціонная хохлацкая баранья шапка. Костюмъ иногда скрашивался сѣрою свиткой съ длинными рукавами, обшитыми у кистей рукъ кожей. Помѣщики носили, большею частью, выгорѣвшіе отъ солнца нанковые сюртуки (нельзя сказать, чтобы красиваго покроя), картузы и грубо стачанную обувь, надѣвавшуюся обыкновенно на босу-ногу. Бабушка разсказывала, что десятка за два лѣтъ передъ тѣмъ, когда она перебралась съ мужемъ сюда изъ Кишинева, гдѣ служилъ мой дѣдъ, у помѣщиковъ не водилось даже носовыхъ платковъ, и что дѣду моему нерѣдко приходилось дѣлать гостямъ серьезныя внушенія за ихъ неопрятное поведеніе въ его домѣ. Но въ годъ моего пріѣзда цивилизація уже успѣла проникнуть въ этотъ уголокъ на столько, что у большинства помѣщиковъ заведены были клѣтчатые коленкоровые платки, которыми они и пользовались при постороннихъ. Помѣстныя дамы носили ситцевыя платья городского покроя, но, говоря по совѣсти, много выиграли бы, еслибы предпочли живописный костюмъ казачекъ. Увидѣвъ первую помѣщицу, я было принялъ ее по манерѣ и разговору за кухарку; къ тому же и платье сидѣло на ней совершенно такъ, какъ оно обыкновенно сидитъ на дамахъ, принадлежащихъ къ классу кухарокъ, дворничихъ и мелкихъ лавочницъ. Дѣти помѣщичьи, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, почти ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ. При видѣ посторонняго они дичились, засовывали большой палецъ въ ротъ и смотрѣли исподлобья, не отвѣчая на обращаемые къ нимъ вопросы. Большой наклонности къ умственнымъ занятіямъ въ мѣстной помѣщичьей средѣ не замѣчалось. Только одинъ изъ помѣщиковъ мѣстечка, когда-то бывшій чиновникомъ, выписывалъ «Сынъ Отечества»; за газетою онъ посылалъ разъ въ недѣлю пѣшаго человѣка за 25 верстъ въ уѣздный городъ и никому изъ сосѣдей читать ея не давалъ. Бабушка моя получала тотъ же органъ, но къ ней рѣдко обращались съ просьбами дать его почитать—развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, если внезапно разнесется слухъ, что гдѣ-то родился ребенокъ съ волчьей головой или случилось землетрясеніе. Впрочемъ, изъ уѣзднаго города иногда заносились въ мѣстечко «Московскія Вѣдомости», съ очень авторитетными въ то время въ про-

винціи статьями Каткова по поводу польскаго возстанія. Статьи эти читались со вниманіемъ, такъ какъ существовало опасеніе, какъ бы въ мѣстечко не нагрянули грѣхомъ повстанцы или «инсурхэнты», какъ ихъ называли помѣщики. Книгъ же во всемъ мѣстечкѣ не было ни у кого, кромѣ моей бабушки, которой онѣ были ранѣе присылаемы отцомъ изъ Петербурга. Изъ нихъ бабушка чаще всего пользовалась лѣчебникомъ князя Енгалычева, при помощи котораго и врачевала, какъ умѣла, обращавшихся къ ней за медицинскою помощью крестьянъ, къ великой досадѣ проживавшей въ мѣстечкѣ «шептухи». Не будь бабушки, мѣстнымъ жителямъ и лѣчиться было бы не у кого. Было это безъ малаго сорокъ лѣтъ тому назадъ, но, кто же не знаетъ, что и теперь еще есть у насъ немало уголковъ въ провинціи, въ которыхъ врача никогда въ глаза не видывали.

Хотя я былъ еще мальчишкой, помѣщики, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, видимо немножко подтягивались передо мной, не желая уронить себя передъ «столичною штучкой»; а можетъ быть, они хотѣли понравиться мнѣ, чтобы сдѣлать пріятное бабушкѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ. Со мной старались заводить разговоры о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; спрашивали про Петербургъ и освѣдомлялись, знакомъ ли я съ тѣмъ или другимъ сановникомъ, имя котораго было извѣстно въ мѣстечкѣ изъ газетъ или по слухамъ. Одинъ молодой человѣкъ, отличавшійся похвальною любознательностью, нѣсколько разъ допытывался у меня, дѣйствительно ли гора Араратъ такъ высока, какъ онъ слыхивалъ. Разспрашивали меня также на счетъ желѣзной дороги, которую, впрочемъ, называли на малороссійскій ладъ «залізною». Какъ я уже говорилъ ранѣе, одинъ помѣщикъ (кстати, мой опекунъ на-ряду съ бабушкой) никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы поѣзда могли ходить сами, безъ лошадей. Онъ познакомилъ меня со своею женой, которая оказалась простою бабой. Въ минуты семейныхъ ссоръ, случавшихся въ ихъ домѣ по весьма ничтожнымъ поводамъ, она выходила изъ себя и, стоя посреди двора, кричала мужу на малороссійскомъ нарѣчіи: «Пошлі мині, Господи, статы удовою!» (т. е. овдовѣть); а онъ, въ отвѣтъ на это, обзывалъ ее «скаженою (бѣшеной) собакой» и грозилъ съ крыльца кулакомъ. При такихъ размолвкахъ супруговъ сосѣди подходили къ плетню ихъ усадьбы и съ интересомъ слѣдили за ходомъ дѣла.

Лучшею, послѣ бабушкиной, была усадьба довольно богатаго помѣщика, бывшаго (какъ говорили) ученика одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Ко времени посѣщенія мною мѣстечка, онъ уже успѣлъ совершенно опуститься: сильно пьянствовалъ, совершенно запустилъ усадьбу и имѣніе, изрѣшетилъ стѣны своего дома ружейными пулями, гарцовалъ по мѣстечку въ казачьемъ одѣ-

яніи верхомъ на конѣ, котораго, вмѣсто нагайки, сѣкъ шашкою, травилъ еврея-шинкаря собаками и вообще производилъ всевозможныя безчинства. Все это сходило ему съ рукъ, благодаря вліянію въ уѣздѣ его отца, жившаго въ благоустроенномъ, богатомъ имѣніи, верстахъ въ пятнадцати отъ нашего мѣстечка. Безумствамъ его положенъ былъ конецъ лишь года три спустя, когда возникло дѣло, которое трудно было замять: въ пьяномъ видѣ онъ нанесъ своей любовницѣ изъ казачекъ страшныя раны на груди. Къ этому времени и отецъ, кажется, отступился отъ него, и дѣло кончилось ссылкою бѣшенаго помѣщика въ Сибирь.

Вообще же помѣщики жили тихо и смирно, обходясь даже безъ общественныхъ развлеченій и рѣдко посѣщая другъ друга. Болѣе общительности проявляли однодворцы и разжившіеся казаки; у тѣхъ былъ хоть клубъ, и клубомъ этимъ служила баня—единственная (кромѣ бабушкиной) во всемъ мѣстечкѣ и принадлежавшая одному изъ казаковъ. Туда ѣздили и нѣкоторые изъ помѣщиковъ попроще; однажды получилъ приглашеніе и я. Когда я подъѣхалъ къ воротамъ двора, гдѣ помѣщались домъ хозяина и баня, я засталъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣвушекъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ дома, въ ожиданіи очереди, пока мылись мужчины. Присутствіе ихъ не помѣшало, однако, хозяину выйти нагишомъ изъ бани, чтобы привѣтствовать новоприбывшаго гостя. А послѣ бани былъ балъ. Танцовали въ тѣсной хатѣ подъ звуки скрипки, сильно шаркая сапогами по некрашенному полу; мужчины выпивали и закусывали черезъ приличные промежутки времени, а дамъ и дѣвицъ хозяйка обносила вареньемъ, выложеннымъ на тарелку, въ которой лежала чайная ложечка. Каждая гостья, отвѣдавъ варенья, вѣжливо благодарила и клала облизанную ложку обратно на тарелку. Хозяйка непремѣнно хотѣла угостить и меня, но я, со всевозможною учтивостью, отказался, поклявшись, что никогда не ѣмъ варенья, такъ какъ оно мнѣ вредно.

Ѣзжалъ я также и въ уѣздный городъ, частью за покупками, частью за бабушкиной пенсіей, за лѣкарствами для ея аптечки и на почту. Не знаю, каковъ этотъ городъ теперь, но тогда, въ 1863 г., онъ почти ничѣмъ не отличался отъ большого малороссійскаго села. То же обиліе мазанокъ, крытыхъ соломой; тѣ же немощеныя, пыльныя улицы, засоренныя соломою и всякимъ мусоромъ. Базарная площадь была грязна и имѣла видъ заброшеннаго пустыря; по одну сторону ея стоялъ рядъ деревянныхъ лавокъ первобытнаго устройства, по другую—постоялый дворъ и зданіе присутственныхъ мѣстъ довольно унылаго вида. У въѣзда въ городъ, находился, конечно, острогъ, а на другомъ концѣ соборъ, подъ колокольней котораго помѣщалась почему-то еврейская фуражечная лавка. Въ городѣ господствовала почти деревенская тишина; развѣ продребезжатъ порою дрожки исправника, ѣдущаго въ острогъ или въ полицейское

управленіе съ видомъ Юпитера, ежеминутно готоваго метнуть молніею. Или проѣдетъ кто-нибудь изъ помѣщиковъ, имѣющій надобность въ городѣ, а можетъ быть уже возвращающійся оттуда домой. Городовой врачъ, большею частью, находился въ отъѣздѣ, гдѣ-нибудь въ помѣщичьемъ имѣніи, а зайдешь въ аптеку—аптекарь либо на охотѣ, либо пошелъ рыбу ловить и неизвѣстно когда вернется; оставленная же имъ въ аптекѣ баба не рѣшается безъ хозяина отпустить даже касторовaго масла, хотя ей показываешь: вотъ оно!

— Нэ смію я, панычу, нэ смію!—упорно твердитъ она на всѣ доводы.

Само собою разумѣется, что книжной лавки въ городѣ не было. Не было также ни театра, ни клуба, ни городского сада. Развлеченія ограничивались тѣмъ, что люди хаживали другъ къ другу поиграть въ карты и выпить по рюмочкѣ, или же ходили вечеркомъ на новый мостъ, строившійся на почтовой дорогѣ черезъ канаву близъ города, разсаживались на бревнахъ и, перекидываясь словами, ждали, не проѣдетъ ли кто по тракту.

Когда у меня завелись въ городѣ кое-какія знакомства, я имѣлъ случай побывать въ присутственныхъ мѣстахъ, тогда еще старыхъ и живо напомнившихъ мнѣ гоголевское ихъ описаніе. Обстановка была до того незатѣйлива, что прямо поражала непривычнаго зрителя. Писцы и канцелярскіе служители видомъ своимъ походили на людей, мѣсто которымъ, скорѣе, на постояломъ дворѣ. Въ дворянской опекѣ, гдѣ меня познакомили съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (онъ же и предсѣдатель опеки), мебель и покрывавшее столъ сукно имѣли такой подержанный видъ, что смотрѣть на нихъ было скучно. Но зато самъ предводитель оказался премилымъ старичкомъ, когда-то знавшимъ моего отца, и потому отнесся ко мнѣ чрезвычайно ласково. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Каткова и вскорѣ перевелъ рѣчь на него, причемъ, одушевившись, нѣсколько разъ поднималъ указательный палецъ высоко надъ головою, восклицая:

— Катковъ? О! Голова! Государственный умъ!

При этомъ онъ прищуривалъ глаза и потрясалъ головой, закидывая ее немного назадъ.

Положеніе мое у бабушки казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ, въ виду тѣхъ странныхъ отношеній, которыя установились между мною и ея дворовыми людьми. Они уже не были крѣпостными, а назывались «временно-обязанными», но, повидимому, недостаточно понимали значеніе этой перемѣны. Едва я пріѣхалъ, они бросились-было цѣловать мнѣ руку, чѣмъ страшно смутили меня; я не зналъ, что сказать, и насилу отъ нихъ отбился. Бабушка слегка пожурила меня за это, говоря, что люди могутъ принять это за гордость съ моей стороны и обидѣться.

*

Я же, конечно, не могъ взять въ толкъ такого заключенія и, въ противность бабушкиному желанію, рѣшилъ держать себя съ прислугою какъ равный съ равными. Я обращался съ нею на вы, ничего отъ нея не требовалъ и, при случаѣ, вступалъ и съ женщинами, и съ мужчинами въ разговоры. Едва-ли они много понимали изъ того, что я говорилъ, такъ какъ русскій языкъ былъ хорошо знакомъ только бабушкиной горничной, а остальные объяснялись лишь по-хохлацки, почему и я понималъ ихъ мало. Но по лицамъ ихъ я, во всякомъ случаѣ, видѣлъ, что они относятся ко мнѣ съ добрымъ чувствомъ, и радовался тому. Болѣе другихъ мнѣ понравился кучеръ, молодой парень съ хорошимъ, симпатичнымъ смѣхомъ и смышленными глазами; я, конечно, вознамѣрился просвѣтить его кое-какими свѣдѣніями, начавъ съ объясненія планетной системы. Но онъ едва-ли не думалъ, что я хочу его одурачить, и иногда смѣялся, иногда спорилъ. Помнится, мнѣ такъ и не удалось въ то лѣто убѣдить его въ ошибочности его представленія насчетъ причины наступленія ночи. Въ движеніе земли вокругъ солнца онъ рѣшительно отказался вѣрить, наступленіе же темноты объяснялъ тѣмъ, что послѣ захода солнца ангелы задергиваютъ небо темною занавѣской. Звѣзды же онъ принималъ за дыры въ этой занавѣскѣ, чрезъ которыя и просвѣчиваетъ небо. Я весьма скоро убѣдился, что безъ знанія мѣстнаго нарѣчія не могу годиться ни въ наставники, ни тѣмъ менѣе въ эмиссары для «поднятія юга». И если ужъ говорить откровенно (а лукавить я не хочу), близость къ природѣ и незыблемо стоящему на землѣ сельскому быту заставляла меня противъ воли на каждомъ шагу сознаваться передъ самимъ собою въ ложности тѣхъ представленій о народѣ, которыя казались столь неопровержимыми въ шумихѣ петербургской «политической» болтовни юнцовъ. Я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что подъ чарующимъ вліяніемъ полей, рѣки, черешневыхъ садовъ и этой благодатной, здоровой тишины подъ палящими лучами солнца, я становлюсь проще и естественнѣе, какъ человѣкъ, сошедшій съ театральныхъ подмостковъ и спокойно усѣвшійся у себя дома.

XIV.

Усиленіе вліянія „Московскихъ Вѣдомостей“ къ зимѣ 1863—64 года.—Различныя теченія въ кружкахъ. — Неудачныя попытки интеллигенціи на поприщѣ предпринимательства. — „Охранители“. — Возобновленіе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью 1863 г., я снова попалъ въ полную возбужденія среду, отъ которой началъ было отвыкать среди деревенскаго затишья. Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ провинціи повліяли на мою восторженность отчасти охлаждающимъ образомъ. Наблюдая воочію медленное, тягучее, однообразное теченіе захолуст-

ной жизни, въ то время еще сытой и спокойной, я начиналъ убѣждаться, что въ теоретическихъ соображеніяхъ моихъ и моихъ сверстниковъ на счетъ немедленнаго обновленія всего строя общественныхъ отношеній какъ будто есть существенный изъянъ. Чувствовалось, хотя еще и смутно, что построенія наши кое-въ-чемъ похожи на зданіе, возводимое на пескѣ, и что идеаламъ правды и справедливости, пожалуй, и не восторжествовать такъ скоро, какъ мы предполагали. Вмѣстѣ съ такою перемѣной въ моихъ воззрѣніяхъ, которую я замѣтилъ и кое-въ-комъ изъ товарищей, естественно явилась у насъ потребность въ критической расцѣнкѣ словъ и поступковъ людей, въ которыхъ мы до тѣхъ поръ вѣрили съ чужого голоса. И какъ только началось такимъ образомъ наше умственное раскрѣпощеніе, недавніе кумиры стали падать одинъ за другимъ. Оказалось, что кружковая репутація многихъ «хорошихъ» людей далеко не оправдывалась обстоятельствами. Да и дѣла начали уже понемногу склоняться не совсѣмъ въ ту сторону, какъ мы ожидали, а въ замѣнъ того все чаще начинали попадаться люди, уже сопровождавшіе свои прежнія либеральныя фразы различными оговорками; и въ оговоркахъ этихъ, дѣлавшихся пока осторожно, съ отблескомъ смущенія въ глазахъ говорившаго, чувствовалось что-то похожее на отреченіе отъ прежнихъ взглядовъ. Не имѣя мужества собственнаго убѣжденія, le courage de son opinion, какъ говорятъ французы, люди лукавили передъ другими, а можетъ быть и передъ самими собою. Будь я въ то время болѣе догадливъ, я понялъ бы, что подобныя перемѣны произошли не спроста, что онѣ являлись однимъ изъ признаковъ начинавшагося охлажденія интеллигентной «толпы» къ освободительнымъ началамъ, увлекшимъ ее въ началѣ, какъ новинка. Недаромъ все чаще и громче произносилось въ разговорахъ имя Каткова, быстро занявшаго позицію представителя цѣлаго направленія, впослѣдствіи такъ твердо установившагося на десятки лѣтъ и принесшаго немало горькихъ плодовъ.

Въ возникновеніи этого направленія, конечно, еще не было бы бѣды: нельзя требовать, чтобы въ человѣческомъ обществѣ всѣ смотрѣли на вещи одинаково. Но бѣда—и бѣда большая— была въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ вскорѣ очутился вдохновитель «Московскихъ Вѣдомостей». Ядъ выражавшагося ими направленія заключался въ беззастѣнчивомъ заподозрѣваніи всякаго противнаго мнѣнія, въ приравниваніи всякой мысли съ освободительнымъ оттѣнкомъ къ преступленію. Надо отдать справедливость талантливоау московскому публицисту: онъ зналъ свою публику и умѣлъ дисциплинировать ее. При вынужденномъ безмолвіи противниковъ, ему нетрудно было наложить на либеральную печать клеймо безсилія и тѣмъ способствовать разстройству партіи, которую онъ громилъ. Но именно это обстоятельство не свидѣтельствовало ли о томъ, что въ ту пору либе-

рализмъ не имѣлъ характера органической общественной силы? Послѣдующіе годы еще болѣе ярко доказали это. Чѣмъ иначе объяснить такое, повидимому, непостижимое явленіе, какъ захуданіе на долгіе годы той самой партіи, на знамени которой начертаны были принципы правительственныхъ реформъ, тогда какъ именно противники этихъ реформъ пріобрѣли вѣсъ и значеніе, въ качествѣ «охранителей»? Что охраняли они? Старый режимъ, которому сама власть стремилась положить конецъ? Но въ такомъ случаѣ рѣчь должна бы идти не объ охранѣ, а о противодѣйствіи и внесеніи въ общество смуты.

Въ той средѣ, въ которой я тогда вращался, помимо вышеуказанныхъ уклоненій отъ прежнихъ безпримѣсныхъ мнѣній, можно было замѣтить въ зиму 1863 — 64 г. нѣсколько неодинаковыхъ теченій. Одни, наименѣе знакомые съ родною дѣйствительностью, склонялись къ такъ-называемому «хожденію въ народъ», въ надеждѣ помочь просвѣтленію массы внесеніемъ въ нее свѣдѣній, которыми она нисколько не интересовалась. Другіе, настроенные не столь идеально, бросались въ практическія предпріятія, хотя, въ большинствѣ, не въ видахъ наживы, а съ цѣлью «поставить промышленность на здравую основу». Никакой подготовки къ такому дѣлу у нихъ, конечно, не было, а всѣ разсчеты основывались на томъ соображеніи, что въ рукахъ развитого человѣка всякое дѣло должно пойти блестяще. Третьи, люди — какъ говорится—«себѣ на умѣ», прикрывались либеральнымъ флагомъ только для видимости, а въ сущности были искателями личной выгоды. Были еще и такіе, которыхъ можно бы назвать статистами; такихъ насчитывалось немало. Съ насупленнымъ, мрачнымъ видомъ, они обыкновенно безмолвствовали въ собраніяхъ единомышленниковъ, пощипывали себѣ пробивавшійся на подбородкѣ пушокъ и сардонически улыбались, слушая разсказы о тѣхъ или другихъ поступкахъ «реаковъ». Статисты эти отличались особенною страстью къ запрещеннымъ произведеніямъ печати, охотно списывали ихъ въ тетрадку и постоянно носили при себѣ. Въ сущности, это были самые безобидные люди, но смотрѣли прямо карбонарами и, въ случаѣ заарестованія (что бывало тогда часто), мужественно гибли ни за понюшку табаку, въ увѣренности, что гибнутъ за «общее дѣло».

Люди, искавшіе новыхъ формъ жизни въ устройствѣ промышленныхъ заведеній на «разумно-коммерческихъ началахъ», обыкновенно очень скоро убѣждались въ своей полной непригодности для дѣла, требующаго «купецкой» сноровки и изворотливости, или же обращались въ заправскихъ кулаковъ, смотря по темпераменту. Они заводили разнаго рода мастерскія, которыя обыкновенно скоро закрывались либо за отсутствіемъ заказовъ, либо вслѣдствіе постояннаго превышенія расходовъ надъ доходомъ, и переходили въ руки профессіоналовъ, у которыхъ тотчасъ же и начинали давать выгоду. Вспоминается мнѣ,

между прочимъ, открывшаяся было на нынѣшней Казанской (а тогда Большой Мѣщанской) улицѣ мелочная лавочка, подъ вывѣскою «Лавка дворянки (имя рекъ)». Владѣлицею лавки была недавняя институтка. Такъ какъ всѣ ея познанія въ торговлѣ ограничивались представленіемъ о выгодности этого дѣла, то завѣдываніе лавкою она вынуждена была поручить прикащику-профессіоналу, въ «хорошихъ» убѣжденіяхъ котораго не сомнѣвалась. А кончилось тѣмъ, что прикащикъ съ хорошими убѣжденіями вскорѣ сдѣлался хозяиномъ лавки, къ великому ущербу прежней владѣлицы. Заводились также молочныя фермы, въ выгодности которыхъ тоже не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо кто же не знаетъ, что молоко всякому нужно? Но и фермамъ въ интеллигентныхъ рукахъ не везло: то коровы даютъ до безстыдства мало молока, то молоко почему-то все киснетъ, коровы тощаютъ и не наклевывается покупателей. Одинъ мой знакомый выписалъ было особую печь для искусственнаго высиживанія цыплятъ, о которой прочелъ въ какомъ-то техническомъ журналѣ очень хорошій отзывъ. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, которымъ, однако, не было суждено осуществиться: печь хотя и высиживала иногда цыплятъ, но такъ рѣдко, что казалось, будто она дѣлала это единственно изъ одолженія; притомъ, каждый цыпленокъ обходился хозяину рублей въ пятнадцать. По такой цѣнѣ трудно было продать его на рынкѣ съ особеннымъ барышомъ.

Подобныя затѣи дѣлались не только молодежью, но и взрослыми ея современниками; и если въ обоихъ случаяхъ дѣло завершалось неудачей, это только свидѣтельствуетъ, что обѣ стороны были въ то время бѣлоручками, непригодными къ практическимъ дѣламъ. Это показываетъ также, что ни мы, тогдашняя молодежь, ни тогдашніе взрослые, не обладали умѣніемъ правильно оцѣнивать собственныя силы. Отсюда множество увлеченій, вызывающихъ теперь улыбку.

Но въ ту пору всѣ эти затѣи встрѣчались далеко не улыбками, особенно со стороны «охранителей».

— То-ли еще будетъ!—злорадно шипѣли они. Да «они» все на свѣтѣ вверхъ дномъ перевернутъ!

Наивность этихъ начинаній не мѣшала, однако, «охранителямъ» вопить противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ до-реформенными воззрѣніями и нравами. Они вели травлю противъ всѣхъ проявленій новаго духа, и на нихъ, съ ихъ злобнымъ стремленіемъ посѣять въ обществѣ разладъ и подозрительность, должна пасть большая доля отвѣтственности за прискорбныя явленія двухъ послѣдующихъ десятилѣтій.

Съ усердіемъ, заслуживавшимъ лучшаго приложенія, они указывали на молодежь, какъ на опасный элементъ. Но выше сдѣлана была мною попытка обрисовать стремленія и настроеніе тогдашней молодежи, и въ этой картинѣ едва-ли найдутся устрашающія черты. И если впослѣдствіи часть молодежи вступила на ложный путь и дошла до по-

трясающихъ преступленій, то виною тому была именно посѣянная мнимыми охранителями смута. Будущій бытописатель той свѣтлой эпохи, таившей однако въ себѣ зародышъ столькихъ бѣдствій, конечно, приметъ во вниманіе эту подробность. Опасность была не въ молодежи, по свойственной ей чуткости втянувшейся въ общее движеніе, а въ томъ, что не нашлось тогда среди властныхъ людей человѣка, который съумѣлъ бы направить юныя силы въ легальное русло и не усматривалъ бы нужды въ одностороннемъ стѣсненіи печатной полемики между органами двухъ противныхъ теченій. Но такова уже судьба эпохъ, въ которыя совершается переломъ въ общественной жизни: люди теряютъ чувство мѣры и спокойствіе сужденія.

Взять хотя бы такое простое дѣло, какъ открытіе Петербургскаго университета осенью 1863 г. Въ теченіе года онъ оставался закрытымъ вслѣдствіе предшествовавшихъ студенческихъ волненій, а теперь въ немъ возобновлялось чтеніе лекцій. Къ открытію университета относились съ нѣкоторою опаской. Не трудно понять, съ какими чувствами вступали мы, юнцы, въ учебное заведеніе, встрѣчавшее насъ съ недовѣріемъ и плохо замаскированною подозрительностью. Обаяніе тогдашняго университета было для молодежи весьма невелико. Въ первый годъ студенты посѣщали лекціи неохотно, замѣняя ихъ обильнымъ чтеніемъ на дому всякихъ книгъ, преимущественно по естественнымъ наукамъ, которыя тогда особенно были любимы. Все это проглатывалось хотя и на-скоро, безпорядочно, однако все же не безъ пользы. Были примѣры того, что юноши безъ сожалѣнія покидали университетъ, не оканчивая курса. Несомнѣнно, учащееся юношество много выиграло бы, еслибы при университетѣ допущены были періодическія собранія студентовъ, при участіи профессоровъ; но такихъ собраній не было—вѣроятно, тоже вслѣдствіе какихъ-нибудь опасеній. Не было поэтому и желательной внутренней связи между университетомъ и студентами.

По обстоятельствамъ того времени, побѣдѣ суждено было остаться за направленіемъ, выразителемъ котораго являлись «Московскія Вѣдомости».

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, я долженъ сказать, что самъ вижу пробѣлы, которыми онѣ страдаютъ. Опущены многія явленія общественной жизни начала шестидесятыхъ годовъ. Но эти явленія заслуживали бы отдѣльнаго описанія, подкрѣпленнаго болѣе обстоятельными фактическими данными, чѣмъ тѣ, которыя сохранились въ моей памяти.

Р.

Пять собственноручныхъ писемъ императора Александра I

въ 1812 году [1]).

1.

Рескриптъ императора Александра—графу Ростопчину.

Вильна, 24-го мая 1812 г.

Необходимость щадить фельдмаршала [2]) была причиною того, что ваше назначеніе ему въ преемники нѣсколько замедлилось. Я выразилъ ему желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ засѣдать въ совѣтѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ слишкомъ разбитъ и слишкомъ старъ, и просилъ уволить его въ отставку. Я изъявилъ на это свое согласіе, и ваше назначеніе состоялось тотчасъ. Я разсчитываю на васъ и вѣрю, что вы оправдаете мое довѣріе. Я видѣлъ сегодня вашего сына; онъ красивый молодой человѣкъ и повидимому обѣщаетъ быть хорошимъ слугою государства. Перехожу теперь къ предмету, требующему всей вашей с к р о м н о с т и, такъ какъ относительно этого должна быть соблюдена величайшая тайна. Нѣсколько времени тому назадъ, ко мнѣ былъ присланъ искусный механикъ съ изобрѣтеніемъ [3]), которое можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Во Франціи прилагались всевозможныя старанія, чтобы добиться открытія, которое удалось п о в и д и м о м у

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Графа Гудовича.

[3]) Извѣстный Францъ Леппихъ. О немъ и его аэростатѣ см. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи“. Выпуски I и II.

сдѣлать этому человѣку. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно однако произвести всѣ предлагаемые имъ опыты; дѣло безъ сомнѣнія стоитъ этого. Такъ какъ этого человѣка надобно послать въ Москву и такъ какъ я желаю, чтобы его работа была для всѣхъ рѣшительно тайною, то я не хотѣлъ, чтобы это дѣло шло чрезъ фельдмаршала, изъ боязни, чтобы о немъ тотчасъ не провѣдалъ его д о к т о р ъ. Поэтому я адресовалъ всѣ бумаги губернатору г. Обрескову. Нынѣ я пишу ему, что такъ какъ съ вашимъ назначеніемъ нѣтъ болѣе надобности соблюдать тайну по отношенію къ генералъ-губернатору, то я предписываю ему доставить вамъ всѣ бумаги, касающіяся этого дѣла и имѣющіяся у него въ рукахъ. Изъ этихъ бумагъ вы узнаете все обстоятельно. Чтобы не увеличивать число лицъ, посвященныхъ въ это дѣло, я желаю, чтобы вы воспользовались Обресковымъ, которому все уже извѣстно, для того чтобы пустить дѣло въ ходъ. Я желаю также, чтобы эта личность не появлялась въ вашемъ домѣ, но чтобы вы видѣлись съ нимъ въ болѣе укромномъ мѣстѣ. Поручаю его вамъ и прошу васъ оказать ему содѣйствіе и сдѣлать все отъ васъ зависящее для того, чтобы облегчить ему выполненіе этого дѣла и устранить могущія при этомъ возникнуть препятствія. Фельдъегерь, который передастъ вамъ это письмо, привезетъ съ собою семерыхъ рабочихъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ механикомъ. Ему приказано оставить ихъ за городомъ до тѣхъ поръ, пока вы не переговорите съ Обресковымъ, не просмотрите всѣхъ бумагъ и не укажете ему, куда онъ долженъ отвести ихъ. Преданный вамъ.

2.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Вильна, 13-го іюня 1812 г.

Спѣшу увѣдомить васъ, что непріязненныя дѣйствія начались; насъ атаковали со стороны Ковно. Теперь вамъ развязаны руки для вашей диверсіи, если только вамъ удастся условиться на счетъ ея съ Портою. Замедленіе въ полученіи отъ васъ извѣстій и ратификаціи великаго визиря нѣсколько тревожитъ меня. По причинѣ, мною вамъ высказанной, слѣдуетъ пощадить Австрію, чтобы не создать себѣ изъ нея врага, болѣе опаснаго сравнительно съ тѣмъ, какимъ она представляется въ настоящее время, когда она рѣшила повидимому дѣйствовать только со своимъ вспомогательнымъ 30.000 корпусомъ. Этотъ корпусъ уже двинулся въ герцогство Варшавское; такимъ образомъ на границѣ Галиціи насъ не будутъ тревожить нѣкоторое время. Мнѣ кажется даже, что образъ дѣйствій Австріи не вредитъ нашимъ дѣламъ, ибо, благодаря

этому, вы можете быть спокойны со стороны Трансильваніи и Венгріи. Если вы будете сами руководить диверсіей по направленію къ Далмаціи, то надобно хорошенько обсудить вопросъ, не могли ли бы войска, которыя вы оставите въ виду Буковины, быть употреблены съ бо́льшею пользою, будучи двинуты къ Могилеву на Днѣстрѣ, чтобы дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ совмѣстно съ генераломъ Тормасовымъ, или на Хотинъ и Каменецъ, съ тою же цѣлью, если генералу удастся удержать свою позицію ближе къ нашимъ границамъ. Предоставляю это на ваше собственное благоусмотрѣніе. Но для того, чтобы предпринять все это, надобно быть болѣе увѣреннымъ, нежели я, въ окончательномъ рѣшеніи, которое будетъ принято турками. Я боюсь, какъ бы пріѣздъ Андреоси не повредилъ нашимъ стараніямъ ратификовать миръ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашихъ извѣстій. Буду сообщать вамъ о томъ, что произойдетъ здѣсь. Преданный вамъ.

3.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Замоша, 24-го іюня 1812 г.

Я получилъ вчера, послѣ полудня, ваше письмо отъ 16-го числа; спѣшу отправить курьера сегодня обратно.

Я нахожу полезнымъ, чтобы вы приступили теперь же къ обмѣну ратификацій заключеннаго договора, написавъ визирю, что я приказалъ вамъ доказать Портѣ мое желаніе возстановить существовавшія между нами узы дружбы, обмѣнявшись ратификаціей заключеннаго договора, долженствующаго упрочить между нами миръ. Впослѣдствіи можно будетъ приступить къ обсужденію отдѣльныхъ и секретныхъ статей договора и, по желанію, увеличить ихъ число, что̀ довершитъ дѣло умиротворенія. Постарайтесь войти въ сношенія съ Листономъ, чтобы узнать содержаніе данныхъ ему инструкцій и сообразовать съ этимъ вашъ образъ дѣйствій.

Мнѣ кажется, что для насъ не было бы особенно неудобно отказаться окончательно отъ этихъ секретныхъ статей, въ особенности, ежели мы сохранимъ черезъ это въ неприкосновенности крѣпости Килію и Измаилъ.

У насъ все благополучно. Наполеонъ разсчитывалъ раздавить насъ, сосредоточивъ свои силы около Вильны, но согласно принятой нами системы дѣйствій, было рѣшено не подвергать себя опасности, вступая въ бой съ превосходными силами, а дѣйствовать медленно и выжидательно. Поэтому мы отступаемъ шагъ за шагомъ, между тѣмъ какъ кн. Багратіонъ со своей арміей подвигается къ правому флангу не-

пріятеля. Въ скоромъ времени мы надѣемся перейти въ наступленіе. Дѣлайте, со своей стороны, все возможное и не упускайте случая добиваться великой цѣли—нанести врагу какъ можно болѣе вреда. Преданный вамъ.

4.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Захово, въ окрестностяхъ Полоцка 6-го іюля 1812 г.

Я только что собирался отправить вамъ отвѣтъ на письмо отъ 26-го іюня, какъ получилось ваше письмо, помѣченное 29-мъ числомъ. Я хотѣлъ всецѣло одобрить рѣшенія, принятыя вами до 26-го числа, и уполномочить васъ дѣйствовать впредь по вашему благоусмотрѣнію. Ваше письмо отъ 29-го числа поставило меня, признаюсь, въ затрудненіе относительно того, какое рѣшеніе мнѣ надлежитъ сообщить вамъ. Вашъ планъ очень смѣлъ и обширенъ; но кто можетъ поручиться за его удачу, а тѣмъ временемъ мы лишаемся впечатлѣнія, какое ваша диверсія должна была произвести на непріятеля, и, вообще, лишаемся на довольно долгое время содѣйствія всѣхъ войскъ, находящихся подъ вашимъ начальствомъ, если они будутъ двинуты къ Константинополю, не говоря уже объ общественномъ мнѣніи какъ нашихъ соотечественниковъ, такъ и нашихъ союзниковъ англичанъ и шведовъ, коихъ мы возстановимъ противъ себя. Принявъ подобное рѣшеніе, не увеличимъ ли мы этимъ безъ всякаго повода наше затруднительное положеніе? Австрійцы, выставившіе въ настоящее время въ поле всего 30.000 человѣкъ, видя, что Оттоманской имперіи угрожаетъ серьезная опасность, будутъ принуждены, если не по собственному желанію, то несомнѣнно по желанію императора Наполеона, выставить всѣ свои силы, чтобы предупредить эту опасность. Вступивъ въ такомъ случаѣ въ Молдавію и Валахію, они поставятъ вашъ тылъ и даже войска, съ коими вы пойдете на Константинополь, въ самое затруднительное положеніе. Если диверсія, которую, какъ можно было понять по вашему письму отъ 26-го числа, вы твердо рѣшили тогда предпринять, будетъ сопряжена нынѣ, по вашему мнѣнію, съ такими препятствіями, то быть можетъ возможно было бы принять гораздо болѣе благоразумное рѣшеніе, которое могло бы дать не менѣе полезные результаты. А именно, обмѣнявшись ратификаціями, удовольствоваться пока этимъ миромъ, не требуя настоятельно заключенія союза, и направить всѣ находящіяся подъ вашимъ начальствомъ силы на Хотинъ и Каменецъ по направленію къ Дубно, гдѣ васъ поддержитъ армія Тормасова, коему я прикажу передать вамъ командованіе оною, повелѣвъ ему самому принять начальство надъ войсками въ Кіевѣ; а затѣмъ идти съ этой значительной арміей, которая будетъ состоять изъ 8—9-ти

дивизій на встрѣчу всему, что попадется вамъ по направленію къ Варшавѣ, и произвести такимъ образомъ диверсію весьма полезную для двухъ первыхъ армій, которымъ угрожаютъ превосходныя силы. Я полагаю, что не можетъ быть инаго выбора, какъ выполненіе одного изъ этихъ двухъ плановъ: надобно либо произвести диверсію по направленію къ Далматіи и Адріатическому морю, либо на Подолію по направленію къ Варшавѣ. Исторію съ Константинополемъ можно будетъ продѣлать впослѣдствіи; если наши дѣла съ Наполеономъ пойдутъ хорошо, то мы можемъ немедленно выполнить нашъ планъ относительно турокъ и провозгласить либо Славянскую, либо Греческую имперію. Но заниматься этимъ въ настоящую минуту, когда намъ приходится и безъ того бороться со столькими затрудненіями и со столь многочисленными силами, кажется мнѣ рискованнымъ и неблагоразумнымъ. Предположите, что мы овладѣемъ Константинополемъ; это не увеличитъ нашихъ силъ. У насъ будутъ все тѣ же 40.000, кои будутъ въ вашемъ распоряженіи въ Константинополѣ точно такъ же, какъ въ Бухарестѣ; согласитесь съ тѣмъ, что они будутъ дальше и слѣдовательно менѣе будутъ имѣть возможность дѣйствовать противъ нашего великаго врага. Намъ надобно обратить все наше вниманіе на его тылъ, либо чрезъ Адріатическое море приближаясь къ Тиролю и Швейцаріи и слѣдовательно къ центру Германіи и даже къ границамъ Франціи, либо идя прямѣе, черезъ герцогство Варшавское, уничтожая все то, что непріятель тамъ организуетъ и лишая его тѣхъ средствъ, какія доставляетъ ему тылъ его арміи. Обсудивъ этотъ вопросъ, вы согласитесь, безъ сомнѣнія, съ моими доводами.

Двинувшись на Константинополь, вы отдалитесь отъ настоящаго операціоннаго пункта, который составляетъ тылъ арміи Наполеона.

Такимъ образомъ я предоставляю вамъ сдѣлать выборъ и остановиться на одномъ изъ двухъ рѣшеній. Я пишу Ришелье, чтобы онъ сообразовался во всемъ съ тѣмъ, что будетъ рѣшено вами.

Что касается здѣшнихъ событій, то, вотъ уже мѣсяцъ, какъ началась война, а Наполеону еще не удалось нанести намъ ни одного удара, что случалось во всѣхъ предъидущихъ кампаніяхъ на 4-й и даже на 3-й день.

Наши силы еще непочаты, и во всѣхъ частныхъ стычкахъ мы одерживали побѣды надъ его отрядами. Мы дѣйствуемъ выжидательно, ибо, имѣя дѣло съ превосходными силами и при методѣ Наполеона не затягивать войну, только это и можетъ дать намъ надежду на успѣхъ. Въ виду отъѣзда г. де-Сенъ-Жульенъ изъ Петербурга, австрійскій консулъ можетъ выѣхать изъ Бухареста, но вообще, будьте любезны съ этими господами, чтобы безъ надобности не увеличивать число нашихъ враговъ. Миръ съ Англіей скоро будетъ подписанъ, а съ Швеціей мы находимся въ самомъ тѣсномъ союзѣ. Преданный вамъ.

5.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Москва, 18-го іюля 1812 г.

Рѣшивъ вести войну до послѣдней крайности, мнѣ давно уже пришлось подумать о сформированіи новыхъ резервовъ. Для достиженія этой цѣли, я долженъ былъ отправиться на нѣсколько дней во внутреннія губерніи Имперіи, чтобы наэлектризовать умы и подготовить ихъ къ новымъ жертвамъ ради священнаго дѣла, за которое мы сражаемся. Послѣдствія этого превзошли мои ожиданія. Смоленскъ предложилъ мнѣ 1.500 чел., Москва 80.000, Калуга 23.000; ожидаю съ часу на часъ донесенія изъ другихъ губерній; пока наши арміи еще не тронуты.

Я получилъ ваши ратификаціи въ Смоленскѣ; я настаиваю болѣе, чѣмъ когда-либо, на томъ, о чемъ я писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Повременимъ съ проектами относительно Порты и употребимъ всѣ наши силы противъ великаго врага, съ которымъ намъ приходится бороться. Прилагаю при семъ шифрованную депешу Штакельберга. Судя по ней, можно думать, что выполнить вашу диверсію становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Если это такъ, займитесь выполненіемъ другаго плана, намѣченнаго мною, и ведите всѣ наши силы со всевозможной поспѣшностью къ Днѣстру и оттуда къ Дубно. Вы будете усилены тамъ арміей Тормасова (который лично получитъ иное назначеніе) и корпусомъ Ришелье; это составитъ армію въ 8—9 пѣхотныхъ дивизій и 4—5 кавалерійскихъ дивизій, и вы будете тогда въ состояніи перейти въ наступленіе и дѣйствовать на Пинскъ, или Люблинъ и Варшаву. Таковое движеніе поставитъ императора Наполеона, надвигающагося на насъ, въ затруднительное положеніе и можетъ придать совершенно иной оборотъ дѣламъ. Обдумайте серьезно то, что я вамъ говорю. Это чрезвычайно важно. Покуда, по отношенію къ туркамъ, будетъ казаться, что мы добросовѣстно исполняемъ условія договора. А что касается славянъ и валаховъ, то велите передать имъ секретно, что все это дѣлается временно, что, покончивъ съ Наполеономъ, мы тотчасъ вернемся обратно, но на этотъ разъ уже для того, чтобы создать С л а в я н с к у ю и м п е р і ю; что касается австрійцевъ, то надобно будетъ не трогать ихъ до тѣхъ поръ, пока они сами не дадутъ на это права своимъ поведеніемъ.

Что касается корпуса Шварценберга, то къ нему надобно относиться какъ къ настоящему врагу и колотить его вездѣ, гдѣ бы мы его ни встрѣтили. Я уѣзжаю сегодня на нѣсколько дней въ Петербургъ, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или вернусь сюда, или отправлюсь къ арміи. Преданный вамъ.

Императоръ Николай I въ Новгородѣ.

Николай Павловичъ любилъ новгородцевъ. По крайней мѣрѣ, это извѣстно со словъ новгородскаго городскаго головы А. Кузнецова, который во главѣ депутаціи ѣздилъ поздравлять государя съ восшествіемъ на престолъ. Вернувшись изъ столицы, голова объявилъ Думѣ, что депутація «весьма благосклонно была допущена къ рукѣ государыни и удостоилась получить изустный государя отзывъ, что его величество новгородцевъ любитъ и любить будетъ» [1]).

Въ первый же годъ царствованія, въ іюлѣ 1826 г., Николай Павловичъ съ супругой удостоилъ Новгородъ своимъ посѣщеніемъ, прибывъ на пароходѣ изъ округовъ военнаго поселенія. Пароходъ съ ихъ величествами долженъ былъ остановиться у моста, откуда вела кратчайшая дорога въ Кремль и Софійскій соборъ. На мѣстѣ пристани тогдашній губернаторъ Жеребцовъ задумалъ поставить помостъ и его, а равно и переходъ покрыть свѣтлозеленымъ сукномъ. Чрезъ начальника штаба поселеннаго корпуса губернаторъ выхлопоталъ безплатно изъ округовъ деревянный матеріалъ и военно-рабочихъ людей, но за сукномъ обратился въ Думу, прося ее пріискать самое сукно и употребить на него городскія средства. Измѣрили помостъ, дорожку къ собору и опредѣлили, что сукна потребуется 348 аршинъ. Пріискать сукно Дума поручила гласному Дербушеву. Конечно, въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Новгородъ, трудно было найти зеленаго сукна и тѣмъ болѣе въ такомъ количествѣ. Спрашивалъ Дербушевъ и въ суконномъ ряду, и въ отдѣльныхъ магазинахъ, но ему отвѣчали, что зеленаго нѣтъ, а есть сѣрое и синяго цвѣта. О тщетныхъ поискахъ своего гласнаго Дума

[1]) Изъ архивнаго дѣла управы 1825 г.

написала губернатору и рекомендовала сукно, предлагаемое магазинами, но губернаторъ и слышать не хотѣлъ. «Предлагаю,—писалъ онъ,—не уклоняясь ненахожденіемъ и замѣной инымъ сукномъ, сколько можно поспѣшнѣе, купить свѣтлозеленаго сукна и непремѣнно въ размѣрѣ не менѣе 350 аршинъ». Снова послѣдовало порученіе Дербушеву и на этотъ разъ строжайшее, чтобы онъ исходилъ всѣ лавки и вообще всѣ мѣста, гдѣ могло бы оказаться 350 аршинъ обязательно зеленаго сукна. Не мало потрудился Дербушевъ въ поискахъ за сукномъ и нашелъ его гдѣ-то въ цейхгаузѣ инвалиднаго баталіона; тамъ ему обѣщались продать по 2 р. 25 к. за аршинъ. Но опять бѣда: часть сукна оказалась темнѣе. Дума не рѣшилась купить, а сообщила губернатору, какъ ему понравится, потому что оно было двухсортное. Командировали того же Дербушева взять сукно, но въ батальонѣ потребовали деньги впередъ. Объ этомъ донесли губернатору. Послѣдній предложилъ заплатить за сукно, «дабы сіе было сохранено и употреблено послѣ на казенныя надобности».

По употребленіи, сукно вычистили и положили въ кладовую, впредь до особой нужды. Долго оно тамъ лежало. Наконецъ, о немъ узнала строительная коммиссія и попросила Думу продать его для полицейской команды. Коммиссія не поскупилась, и Дума объявила за сукно свою цѣну, но съ платой поступила не такъ, какъ въ батальонѣ—плату оставила на благоусмотрѣніе покупателя. Городовыхъ, какъ попугаевъ нарядили въ свѣтлозеленыя шинели, но онѣ носились не долго потому, что матеріалъ былъ не проченъ по цвѣту и главнымъ образомъ прогнилъ въ кладовой. Все-таки коммиссія не понесла убытковъ, такъ какъ уплатила незначительную часть денегъ, да и ту Дума еле-еле вытребовала.

На пристани царя и царицу, разумѣется, встрѣчали мѣстное духовенство и власти. Огромная толпа народа запружала весь берегъ, лежащій противъ Кремля.

Царскій пароходъ тихо привалилъ къ пристани утромъ, въ хорошій солнечный день. Встрѣча была торжественная. Толпа волновалась, кричала «ура» и бросала вверхъ шапки. Съ пристани государь и государыня прослѣдовали прямо въ Софійскій соборъ. Когда высочайшая чета вступила внутрь Кремля, волна народа хлынула за нею, и во входной аркѣ образовался страшный заторъ. Съ одними дѣлалось дурно, другіе кричали о помощи. Напискъ толпы сдерживала цѣпь полиціи, но недолго. Толпа прорвала цѣпь, многіе попадали и получили увѣчья. Всѣ стремились къ собору. Въ это время императоръ Николай съ супругой прикладывались къ мощамъ новгородскихъ угодниковъ. Выйдя изъ собора, они снова были встрѣчены энтузіазмомъ народа, который бѣжалъ сзади коляски вплоть до путеваго дворца, гдѣ для ихъ величествъ былъ назна-

ченъ отдыхъ. На другой день государь, какъ любившій новгородцевъ, первыми принималъ представителей города. Тутъ были и бѣдные мѣщане [1]), и богатые купцы [2]). Принявъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, государь говорилъ, что въ скоромъ времени Новгородъ обогатится новыми казарменными корпусами, войска въ городѣ будетъ больше, а потому подвинется впередъ промышленность и торговля. За городскими представителями слѣдовали чиновники въ своихъ характерныхъ, съ высокими воротниками, мундирахъ, стряпчіе, совѣстные и уѣздные судьи, члены земскаго суда, почтмейстеръ, дворяне, разные предсѣдатели.

Пробывъ въ Новгородѣ два дня, государь и государыня отбыли въ Петербургъ въ особомъ дилижансѣ.

Второй разъ императоръ Николай I пріѣзжалъ въ Новгородъ въ 1831 году, тоже лѣтомъ, когда вспыхнулъ холерный бунтъ среди военныхъ поселянъ. Государь прежде всего осматривалъ холерные бараки. Ему доложили, что бараки устроены Думой, куда больныхъ привозятъ уличные старосты, а послѣдніе ходятъ подъ окнами и стучатъ палкою, спрашивая: «всѣ ли здоровы?» Не остаются также безъ вниманія вдовы и сироты послѣ умершихъ кормильцевъ отъ холеры. Дѣйствительно, Дума собирала пожертвованія и призывала въ свое помѣщеніе несчастныхъ для раздачи помощи. По поводу розданныхъ пожертвованій расклеивались объявленія, которыя начинались именами бѣдныхъ и оканчивались такъ: «Засимъ Дума не считаетъ за нужное извѣщать, сколько вдовы и сироты пролили отъ радости благодарныхъ слезъ, получивъ сіе неожиданное вознагражденіе. Благотворительныя души найдутъ сами въ себѣ награду, а любопытные пусть сами научатся дѣлать добро; тогда узнаютъ, какъ всякая копѣйка дорога лишеннымъ всей надежды, кромѣ одного Бога» [3]).

Тогда же государь получилъ секретныя свѣдѣнія о томъ, что губернаторъ Денферъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ могущаго быть среди городскихъ обывателей волненія. Да и могъ ли что-нибудь предпринять по своему характеру Денферъ? Это былъ маленькаго роста старичекъ, слабый, мягкій въ своихъ распоряженіяхъ, страшный трусъ. Во время бунта Денферъ самъ выходилъ изъ дома съ заряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ. Онъ даже чуть не убилъ доктора Европеуса, когда тотъ прибѣжалъ въ городъ отъ бунтовщиковъ въ солдатской шинели и съ радостнымъ крикомъ бросился къ нему. Единственно спасло доктора то, что онъ назвалъ свое имя, когда трусливый губернаторъ второпяхъ навелъ на него пистолетъ. А для умаленія начальническихъ

---

[1]) К. Тимохинъ и И. Сонкинъ.
[2]) А. Кузнецовъ, И. Дербушевъ, Д. Шавровъ, К. Егоровъ.
[3]) Изъ архивнаго дѣла городской управы.

распоряженій у чиновниковъ была извѣстная сноровка. Денферъ любилъ до страсти нюхать табакъ и всякій могъ пользоваться его расположеніемъ, если имѣлъ при себѣ табакерку. Губернаторъ не соглашался, возставалъ и непремѣнно спрашивалъ у противника: «а какой нюхаете?». Хорошій табакъ приводилъ губернатора въ восторгъ и большею частью смягчалъ его возраженія. Трусость у Денфера была развита въ высшей степени. Онъ совсѣмъ растерялся, когда ему доложили, что въ Новгородъ направляются мятежники, вооруженные кольями, и желаютъ видѣть государя, чтобы высказать ему упрекъ за отравленіе поселянъ начальствомъ. Губернаторъ поспѣшилъ къ городскому головѣ Кузнецову, просилъ, умолялъ его изыскать какія-нибудь средства противъ вторженія шайки. Голова былъ уже тоже старичекъ, но далеко не трусливаго десятка. Онъ предложилъ губернатору отправиться за городъ и уговорить мятежниковъ, чтобы они не ходили въ Новгородъ. Денферъ побоялся это сдѣлать, отговорившись тѣмъ, что ему будто-бы надо быть безотлучно въ своемъ домѣ. Кузнецовъ поѣхалъ одинъ и дѣйствительно на 7-й верстѣ по петербургскому тракту встрѣтилъ толпу поселянъ, которая была вооружена дубинами, косами и отчасти ружьями. Голова остановилъ толпу, какъ-бы не зная о ея намѣреніи, встрѣтивъ ее случайно, и спросилъ, куда она идетъ.

— Въ городъ,—отозвались поселяне,—сказываютъ, царь батюшка пріѣхалъ.

Кузнецовъ не сробѣлъ и спросилъ, за чѣмъ идутъ.

— Правды искать, зачѣмъ души наши губятъ, зельемъ травятъ.

Голова сталъ ихъ усовѣщевать; доказывалъ всю несообразность ихъ намѣренія. Онъ говорилъ, что въ городѣ никто ихъ не знаетъ и не окажетъ имъ поддержки, такъ какъ населеніе городское вполнѣ мирное и довольное своей судьбой. Кузнецовъ говорилъ, что они, напротивъ, прогнѣваютъ государя, зачѣмъ обратились къ нему въ чужомъ мѣстѣ, а не въ своихъ поселеніяхъ. Мятежники недоумѣвали и колебались. Умный старичекъ воспользовался этимъ и далъ имъ совѣтъ, что, какъ слышно, государь изъ Новгорода поѣдетъ по всѣмъ поселеніямъ, то имъ гораздо разумнѣе вернуться домой и тамъ заявить ему свои жалобы. Шайка бунтовщиковъ одобрила рѣчи и слова головы, поговорила, потолковала и повернула назадъ. За такой подвигъ, легко могшій стоить Кузнецову жизни, императоръ Николай пожаловалъ ему въ награду, внѣ орденскаго статута, золотую медаль, украшенную драгоцѣнными камнями.

Денферъ, несомнѣнно, окончательно доказалъ свою трусость и нераспорядительность. Уѣзжая въ Старую Руссу, государь много высказалъ ему непріятностей и оставилъ по себѣ у губернатора такое впечатлѣніе, послѣ котораго трудно было разсчитывать на продолженіе службы.

Однако Денферъ скоро нашелъ оригинальную лазейку къ милости государя чрезъ юрьевскаго архимандрита Фотія. Онъ сталъ часто ѣздить въ монастырь подъ предлогомъ, что онъ ему понравился; хвалилъ его устройство и украшенія. Все устройство было дѣломъ рукъ и измышленій Фотія. Хваля такимъ образомъ Фотія, Денферъ не забывалъ и себя; онъ тутъ же просилъ архимандрита, чтобы замолвилъ словечко предъ государемъ; просьбы его дотого повторялись часто, отличались такою настойчивостью, что архимандритъ даже прозвалъ губернатора «слёзкой». Посѣщенія монастыря оказались удачными. Фотій просилъ за Денфера графиню, а послѣдняя обращалась къ графу А. Орлову, который былъ близокъ къ государю. Все сваливалось на трусость, врожденную, неизлѣчимую, съ которою человѣкъ никакъ не можетъ совладать.

Небезъинтересно также посѣщеніе императоромъ Николаемъ Новгорода осенью въ 1843 году. Мѣстная администрація заранѣе знала, что государь пріѣдетъ дѣлать инспекторскій смотръ гренадерскому корпусу. Вдругъ, по пріѣздѣ, царь объявилъ, что онъ желаетъ посмотрѣть яхту, на которой Екатерина II плавала въ Боровичскихъ порогахъ и потомъ подарила ее на память новгородскому дворянству. Это было какъ снѣгъ на голову для всѣхъ. Яхта, обнесенная каменнымъ зданіемъ, находилась въ страшномъ запустѣніи. Губернаторъ Зуровъ послалъ полиціймейстера обслѣдовать этотъ историческій памятникъ и привести въ порядокъ. Но полиціймейстеръ донесъ [1]) губернатору, что яхта во многихъ мѣстахъ разломана, ободрана, заросла слоями грязи, загажена разными нечистотами и вообще имѣетъ омерзительный видъ; даже подходя къ зданію, видно, что въ окнахъ нѣтъ рамъ, а тамъ, гдѣ онѣ сохранились, выбиты всѣ стекла. По мнѣнію командированнаго чиновника, къ завтрашнему дню возможно только обмыть и вычистить яхту, но мусоръ останется по-прежнему и развалины будутъ крайне неприглядны. Губернаторъ сначала растерялся, а потомъ его осѣнила свѣтлая мысль свалить безпорядочное содержаніе яхты на губернскаго предводителя. Онъ сейчасъ же составилъ бумагу, изложилъ все дѣло и прибавилъ, что вина ложится на предводителя, какъ представителя дворянства, которому подарена яхта. Предводитель отвѣчалъ, что яхта находится въ городѣ и слѣдить за ней должно городское управленіе. Дума писала губернатору, что на содержаніе яхты она никакихъ суммъ не имѣетъ, дѣломъ этимъ никогда не занималась и полагала, что средства отпускаются изъ казны, такъ и завѣдываніе яхтой должно быть сосредоточено у губернскаго начальства. Такимъ образомъ, выдумка губернатора обошла учрежденія и снова вернулась къ нему. Что было дѣлать губер-

[1]) Изъ подлиннаго донесенія.

натору? Не показывать же памятникъ въ такомъ безобразномъ состояніи. Оставалось отклонить осмотръ, но доложить о томъ государю рискованно, да и нѣтъ подходящихъ причинъ. Наконецъ, губернаторъ, посовѣтовавшись со своими сотрудниками, придумалъ такое средство. Государь остановился въ митрополичьихъ покояхъ. Отсюда надо ѣхать къ яхтѣ или кругомъ по бульварной дорогѣ, чрезъ Кремль и Сѣнную площадь, или берегомъ, гдѣ тогда держалась невылазная грязь. Приказано было подать возокъ какъ можно массивнѣе. Государь отправился съ Зуровымъ. Ямщику ранѣе было сказано ѣхать берегомъ. Едва возокъ достигъ берега, какъ началъ тонуть въ грязи. Губернаторъ осмѣлился предупредить государя, что дальше они рискуютъ совсѣмъ увязнуть. Разсерженный императоръ обрушился на Зурова и велѣлъ ѣхать назадъ. Губернаторъ оправдывался, обвинялъ Думу, что она виновна въ этой грязи и вообще безпечна къ городскимъ путямъ. Государь приказалъ, чтобы по этому берегу былъ проведенъ бульваръ. Губернаторъ высчиталъ сумму на поднятіе берега насыпью и составилъ смѣту, которую отослалъ предводителю, съ прибавленіемъ, что императоръ, проѣзжая берегомъ, вслѣдствіе вязкой грязи, не могъ попасть на екатерининскую яхту, сильно разгнѣвался и приказалъ устроить бульваръ. Этотъ вопросъ обсуждался дворянами въ общемъ собраніи и былъ разрѣшенъ отрицательно. Затраты по устройству бульвара должны были вызвать подушный сборъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, которые и безъ того уже находились въ нуждѣ отъ неурожаевъ, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Зуровъ усмотрѣлъ въ такомъ рѣшеніи уклончивость дворянъ и доказывалъ предводителю, что крестьяне ничуть не обѣднѣютъ, если для бульвара необходима такая сумма, которая по раскладкѣ достигнетъ не болѣе 5 коп. съ каждой ревизской души. Предводитель ничего не отвѣтилъ губернатору, а сообщилъ Думѣ, чтобы она озаботилась этимъ сооруженіемъ, такъ какъ «устройство бульвара относится къ украшенію города».

Вопросъ о бульварѣ былъ положенъ Думою подъ сукно и вылеживался тамъ очень долго. Только недавно, лѣтъ пять назадъ, городская управа замостила берегъ булыжникомъ, а бульвара и до сихъ поръ нѣтъ.

А. Слезскинскій.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемѣсячный, политическій, научный, литературный и иллюстрированный журналъ.

1902 „НОВЫЙ ВѢКЪ“. 1902

Журналъ поставилъ своею цѣлью быть горячимъ защитникомъ просвѣщенія, нравственности и милосердія. Онъ стойко борется съ тѣми темными сторонами жизни, которыя, какъ печальное наслѣдіе, остались отъ XIX вѣка.

Всѣ отрасли знаній только тогда вполнѣ могутъ быть использованы человѣчествомъ, когда послѣднее, параллельно, будетъ развивать и усовершенствовать духовныя силы, а поэтому наступившій XX-вѣкъ долженъ быть торжествомъ именно тѣхъ трехъ началъ, которыя ставятся редакціей своимъ девизомъ. Полный успѣхъ первыхъ двухъ лѣтъ, наглядно выразившійся въ необходимости выпустить нѣкоторые №№ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что общество очень сочувственно отнеслось къ задачамъ журнала. Въ настоящемъ 1902 году, въ виду уже имѣвшихъ мѣсто событій, будетъ въ отдѣлѣ «Внѣшнія извѣстія», съ полною правдивостью, выясняться та политическая обстановка, которая въ настоящее время имѣетъ мѣсто при сношеніяхъ съ Европой и съ пограничными государствами далекаго Востока. Особенная забота установлена на всестороннее ознакомленіе со славянскими землями, имѣя цѣлью правдивое выясненіе ихъ современнаго политическаго положенія и надеждъ на будущее. Свѣдѣніямъ о новыхъ успѣхахъ науки, человѣческихъ знаній и экономической жизни государствъ отведено въ журналѣ значительное мѣсто.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лучшія оригинальныя и переводныя произведенія въ видѣ романовъ, повѣстей, стихотвореній и т. п. Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія изъ прошлаго родной старины. Рисунки, которыми снабжается каждая книжка, являясь выразителями произведеній современнаго искусства, всегда въ должной степени дополняютъ и поясняютъ текстъ.

Въ 1902 году книжки журнала «Новый Вѣкъ», какъ и въ предшествующемъ году, будутъ выходить, начиная съ января, 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 11—14 печ. листовъ. Книжки заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Внутреннія извѣстія. Хроника. II. Внѣшнія извѣстія. Заграничныя мелочи. III. Статьи по сельскому хозяйству, техникѣ, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п. IV. Литература: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, эпиграммы и т. п. V. Изъ прошлаго: мемуары, воспоминанія, замѣтки о старинѣ и т. п. VI. Библіографія. VII. Письма и корреспонденціи,—внутреннія и изъ иноземныхъ государствъ. VIII. Благотворительность и Милосердіе. IX. За мѣсяцъ (фельетонъ). X. Наша печать. XI. Мелочи жизни. XII. Свистокъ. XIII. Почтовый ящикъ, вопросы и отвѣты. XIV. Объявленія.

Всѣ годовые подписчики на 1902 годъ получатъ безплатно литературный богато иллюстрированный сборникъ по образцу такихъ же заграничныхъ изданій, составленный исключительно изъ произведеній отечественныхъ авторовъ, беллетристовъ и поэтовъ. Сборникъ будетъ снабженъ иллюстраціями, исполненными лучшими нашими художественными силами и портретами тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ войдутъ въ составъ сборника, составляющаго одно изъ лучшихъ украшеній каждой гостиной.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкою и пересылкою всего 3 руб., 1/2 года—2 руб. Допускается разсрочка (по 1 руб.). Отдѣльные №№ по 50 к. За перемѣну адреса—30 к. Доставившіе въ году подписку (хотя бы и разновременно) на 5 экз. получаютъ шестой безплатно. Первый № можетъ быть отправленъ наложеннымъ платежомъ (доплата 30 коп.), а остальные №№—обыкновеннымъ порядкомъ, но они будутъ высланы только тогда, когда платежъ будетъ оплаченъ. Годовые экземпляры за 1900 и 1901 гг. (I и II годъ изданія) высылаются за 3 руб.

Объявленія: за 1 стр. 35 р., за 1/2 стр. 20 р. и за 1/4 стр. 10 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Спб., Екатерининскій кан., д. 97), въ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

За редактора-издателя С. Г. Николаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г. НА ДВА ИЗДАНІЯ:

I.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

XX годъ изданія. **НОВОСТИ ДНЯ** XX годъ изданія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ еженедѣльными иллюстрированными листами на злобу дня,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, выдвигаемыхъ текущими событіями. Въ теченіе года—свыше 400 портретовъ, художественно исполняемыхъ, какъ наши читатели могутъ судить по иллюстрированнымъ листамъ прошлыхъ лѣтъ.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ центровъ,—изъ Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Іорка и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ—**8** р., 6 мѣс.—**5** р., 3 мѣс.—**3** р., 1 мѣс.—**1** р.

II.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

X годъ изданія. **СЕМЬЯ** X годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) изящная литература: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя; 2) научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная; 3) историческіе очерки и путешествія; 4) біографіи; 5) спортъ всѣхъ видовъ; 6) изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; 7) задачи, шарады, ребусы, игры, ноты; 8) почтовый ящикъ; 9) снимки съ картинъ современныхъ художниковъ; 10) иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ вполнѣ изящное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ, масса портретовъ іерарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п. и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій. Существованіе этого журнала въ столь полномъ и изящномъ видѣ, при столь дешевой подписной платѣ, возможно лишь благодаря содѣйствію газеты „НОВОСТИ ДНЯ“, снабжающей журналъ портретами и иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой **3** руб.; „Новости Дня“ и „Семья“ **11** руб.

Адресъ: *Москва, Красныя ворота, соб. домъ.*

2—3

Открыта подписка на 1902 годъ.

(подписной годъ считается съ 1 ноября 1901 г. по 1 ноября 1902 г.)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

изд. XVII годъ. **БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ** изд. XVII годъ.

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

Журналъ практическаго сельскаго хозяйства и домоводства.

Под. ред. Чл. Имп. Вольнаго Экономическаго Общ. Ф. С. Груздева,

съ рисунками и чертежами.

Журналъ «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ» выходитъ еженедѣльно по пятницамъ и издается при ближайшемъ участіи выдающихся научныхъ дѣятелей и извѣстныхъ спеціалистовъ и практиковъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по слѣдующей программѣ:

Правительственныя распоряженія. Сельскохозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельскохозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденціи. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Поставивъ главною цѣлью распространять полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, пригодныя для хозяевъ-практиковъ, редакція „Сельскаго Хозяина“ обращаетъ особое вниманіе на отдѣлъ „вопросовъ и отвѣтовъ“, дающій нашимъ гг. подписчикамъ возможность не только удовлетворять своей любознательности и получать обстоятельныя свѣдѣнія по интересующимъ ихъ вопросамъ, но и разрѣшать всякія недоразумѣнія между хозяевами и торговыми фирмами.

Практичность и удобопримѣнимость помѣщаемыхъ въ „Сельскомъ Хозяинѣ“ статей будетъ, по прежнему, стоять у насъ на первомъ планѣ.

Всѣ подписч. получ. въ течен. года, **БЕЗПЛАТНО**, безъ всякой допл. за перес., слѣдующ. прилож.: **Два тома Сельско-Хозяйствен. Энциклоп.:** Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Законы и судебная практ. о сельск. хозяйствѣ. Практич. руковод. Сост. Н. Растеряевъ. Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ.—Д-ра К. Бемера. Перев. съ нѣм., подъ редакц. и съ дополн. проф. И. О. Широкихъ. (Книга заключаетъ въ себѣ описаніе способовъ уборки, приготовленія, сохраненія и оцѣнки различныхъ видовъ сѣна, приготовленія и употребленія силосованнаго корма, уборки и сохраненія корнеплодовъ).

Трудъ д-ра Бемера въ обработкѣ проф. Широкихъ является первой попыткой—собрать въ одной книгѣ все, что было сказано наукой или практикой по данному предмету.

Календарь-Альманахъ (справочная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1902 г.). **Архитектурные проекты городскихъ и сельскохозяйственныхъ построекъ. Различныя сельско-хозяйственныя сѣмена.**

Въ журналѣ „Сельскій Хозяинъ“, кромѣ чертеж. и рис. разн. машинъ, растеній и пр., будутъ помѣщ. рис. домашнихъ животныхъ съ поясним. текстомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. на годъ, безъ дост. въ Спб. 6 руб. съ дост. въ Спб. и пер. по всей Рос. Имп. 3 руб. 50 к. на полгода.

За печатаніе объявленій взим. за строку мелк. шрифта въ одинъ столб. 10 к. Экземпляры журнала „Сельскій Хозяинъ“ за прежніе годы продаются по 5 р.

Подписка приним. въ главной конторѣ редакціи журн. „Сельскій Хозяинъ“.

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собст. домъ. Издатель П. П. СОЙКИНЪ.

Открыта подписка на 1902 г.
(третій годъ изданія) на

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

Ежемѣсячный журналъ
НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ **отведено значительное мѣсто**, на ряду съ исторіей, и **вопросамъ современности**.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ **„Исторію новой русской литературы“**, совершенно новое изслѣдованіе въ этой области *М. Н. Мазаева*, и будетъ продолжена изданіемъ: **„Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ“** — **„Исторія Китая“** проф. Роберта Дугласа и **„Исторія Финляндіи“** за новѣйшій періодъ этой страны въ изложеніи Н. К. Ядрышева, а также **„Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ“** — **„Анджело Борджіа“**, истор. ром. извѣстнаго нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія **Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо** и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ **цѣлый рядъ статей** по вопросамъ искусства *П. Ге* и **цѣлый рядъ снимковъ** съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаньемъ романы изъ современной жизни: *Станислава Пшебышевскаго* — **„Сыны земли“** и **„По новому“** *М. В. Головинскаго*.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь), съ доставкой и пересылкой **6** р., на полгода **3** р. и за границу **9** р.

Контора и редакція на Милліонной ул., д. 34, С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ*.

2—3

Открыта подписка на 1902 годъ (изд. XVII годъ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ

Одобренъ всѣми вѣдомствами.—Съ ежемѣс. литерат. прил.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНІЕ **П. П. СОЙКИНА** подъ редакціею **А. И. ПОПОВИЦКАГО** и при участіи **ОТ. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.**

«РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» представляетъ собою единственный въ Россіи иллюстрированный журналъ для Семейнаго религіозно-нравственнаго Чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художеств. рисунковъ его можно сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

Подписчики въ теченіе 1902 года получатъ: 52 **иллюстриров. №№** больш. фор. до 2000 столбцевъ, съ рисунками изъ исторіи русскаго народа и русской православной церкви. 12 **ежемѣсячныхъ книгъ**, объемомъ свыше 2000 страницъ, заключающихъ въ себѣ: историческія повѣсти и разсказы, описанія святынь и т. п., и кромѣ того будетъ выдана безъ всякой доплаты за пересылку, картина извѣстнаго художника-профессора Ѳ. А. БРУНИ,

МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ,

исполненная **НА МЕТАЛЛѢ**, въ 18 красокъ, **ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ РАМѢ.**

Въ 12 книгахъ „Русскаго Паломника“ будетъ дано:

1) **Святитель Алексѣй.** Историческая повѣсть. П. А. Россіева. 2) **Довмонтовъ мечъ.** Историческая повѣсть. Вл. П. Лебедева. 3) **Очерки изъ русской духовной жизни XVIII вѣка.** Е. Поселянина. 4) **Пути Провидѣнія.** Повѣсти изъ временъ Константина Великаго. Переводъ съ англійскаго В. Н. А. 5) **За крестъ и вѣру.** Историческая повѣсть. А. И. Красницкаго. 6) **Фелинисъ.** Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Домиціанѣ. Гено. Переводъ И. В. Новгородской. 7) **Исторія Россіи для народа** (съ иллюстраціями). А. Н. Сальникова. 8—9) **Мученики.** Церковно-историческая повѣсть. Кн. I—II. Ф. Шатобріана. Переводъ А. С. Мерказиной. 10) **Буръ-Ань.** Повѣсть изъ древне-зырянской жизни. Н. М. Лебедева. 11) **Предъ разсвѣтомъ.** Историческая повѣсть А. И. Лаврова. 12) **Путемъ исповѣдничымъ.** Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Филарета Никитича. Вл. П. Лебедева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „**РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**“ со всѣми приложеніями остается прежняя: **5** рублей за годъ безъ доставки; съ доставкою и пересылкою по всей Россіи **шесть рублей**. За границу **8** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** руб., къ 1 апрѣля **2** руб. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Отдѣленіе Конторы СПБ., Невскій пр., № 96, уг. Надеждинской.

2—3

Только ТРИ рубля въ годъ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

издающійся въ Москвѣ подъ редакціей **Ф. Н. Берга**, бывшаго 10 лѣтъ редакторомъ «Нивы».

Въ 1902 году «Родная Рѣчь» будетъ выходить попрежнему въ видѣ тройного изданія: еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, еженедѣльной политической и общественной газеты и ежемѣсячныхъ литературныхъ книгъ, охватывая всѣ вопросы текущей жизни, подбирая среди массы событій все важное, нужное и интересное.

Въ 1902 году подписчики получатъ:

50 №№ иллюстрирован. ЖУРНАЛА, 50 №№ политической ГАЗЕТЫ, 12 большихъ КНИГЪ.

Содержаніе ежемѣсячныхъ книгъ въ 1902 г. составятъ:

собраніе сочиненій **В. А. ЖУКОВСКАГО** и собраніе сочиненій **М. Н. ЗАГОСКИНА**.

Независимо отъ этого, всѣ годовые подписчики получатъ безплатно

ИСТОРІЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

въ 3-хъ большихъ томахъ съ портретами: Годунова, Шуйскаго, Лжедимитрія, Минина и др.

Такимъ образомъ подписчикамъ «Родной Рѣчи» представляется возможность **БЕЗПЛАТНО** обогатить свою библіотеку крайне интересными и цѣнными сочиненіями поэтическаго, бѣллетристическаго и историческаго характера.

Съ января 1902 года въ журналѣ будутъ печататься статьи

Константина Петровича Побѣдоносцева.

Въ журналѣ и газетѣ попрежнему будутъ принимать участіе извѣстные писатели: С. Ф. Шараповъ, гр. Е. А. Саліасъ, Н. И. Мердеръ, Н. Н. Кашкинъ, А. В. Кругловъ, А. И. Елишевъ, И. С. Чехъ, А. Г. Бриллiантовъ, А. А. Осиповъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на журн. „Родная Рѣчь“ съ прилож. газеты и 12 книгъ съ перес. на годъ **3 руб.**

На **четыре** мѣсяца (16 №№ журн., 16 №№ газеты, 4 книги) **одинъ руб.**

Редакція и контора журнала „Родная Рѣчь“: Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., д. № 4.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА 1902 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонникъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и за границей, о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями **6** руб., съ пересылкою **7** р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по **1** р. Подписка принимается въ Правленіи университета.

2—3 Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-ый годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **10** руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ — 8 руб. 50 к.; за границу — 12 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Тарасовская, № 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель К. М. Гамалѣй. Редакторъ В. П. Науменко.

2—3

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

(39 годъ изданія)

ПОДПИСКА НА 1902 Г.

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости" выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Для гг. Подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не чрезъ книжные магазины:

Для иногородныхъ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

Для городскихъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, черезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную уплату помѣсячно не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей». —Никитская, Чернышевскій пер. д. № 7. 2—2

5-ый годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ 5-ый годъ изданія.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ **М. С. Копыловымъ** подъ редакціей **М. К. Лемке.**

при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Данилинъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Капланъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ, Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Поюровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна **понижается** и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава **8** руб., для иногородныхъ **10** руб. Подробности подписки слѣдующія:

	На 12 м. Р.	К.	На 11 м. Р.	К.	На 10 м. Р.	К.	На 9 м. Р.	К.	На 8 м. Р.	К.	На 7 м. Р.	К.	На 6 м. Р.	На 5 м. Р.	К.	На 4 м. Р.	К.	На 3 м. Р.	К.	На 2 м. Р.	К.	На 1 м. Р.	К.
Съ доставкой въ Екатеринославѣ	8	7	50	7	6	50	6	—	5	50	5	4	25	3	25	2	50	1	75	1	—		
Съ пересылкой иногороднимъ	10	9	50	9	8	25	7	50	6	75	6	5	25	4	50	3	50	2	40	1	25		
За границей	23	21	—	19	17	—	15	—	13	50	12	10	50	9	—	7	—	4	50	2	50		

2—3

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

большую ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

XII-й годъ изданія.

Давая ежедневно обширную хронику явленій и событій общей русской и заграничной жизни, «Приазовскій Край» преслѣдуетъ разъ намѣченную цѣль—самую широкую разработку мѣстныхъ краевыхъ вопросовъ и нуждъ по всѣмъ отраслямъ общественной, экономической и торгово-промышленной жизни. Всѣ факты, отмѣченные общественнымъ интересомъ, находятъ мѣсто и надлежащее освѣщеніе на страницахъ газеты.

Собственные корреспонденты въ крупнѣйшихъ европейскихъ центрахъ, во внутренней Россіи и во всѣхъ мѣстностяхъ Донской области, Приазовья и Сѣвернаго Кавказа.

Собственныя и агентскія телеграммы политическія, общественныя и биржевыя.

Въ еженедѣльныхъ «приложеніяхъ»—иллюстраціи, беллетристика, новости науки, литературы и промышленности, смѣсь.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

Съ доставкой и пересылкой для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ: на годъ 9 р.—6 мѣсяцевъ 5 р.—5 м. 4 р. 25 к.—4 м. 3 р. 50 к.—3 м. 2 р. 75 к.—2 м. 2 р.—1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р.—6 мѣс. 4 р. 50 к.—5 м. 3 р. 75 к.—4 м. 3 р.—3 м. 2 р. 25 к.—2 м. 1 р. 50 к.—1 м. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны добавочныхъ 60 коп. ежемѣсячно. За перемѣну адреса взимается: съ иногородныхъ или съ городскихъ на иногородніе 25 коп.

Подписка принимается: въ Ростовѣ на Дону, въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край».

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, **подписывающихся съ 1-го января на годъ** (о чемъ должно быть заявлено при уплатѣ перваго взноса), и только на слѣдующихъ условіяхъ: I) **полугодичная**—при подпискѣ—5 р. и къ 1-му іюля—4 р. и II) **въ три срока**: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—3 руб. и къ 1 сентября—2 руб.

Редакторъ и отвѣтственный издатель *С. Х. Арутюновъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“
ВЪ 1902 ГОДУ
(40-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ и въ Покровской сл.:		Съ пересыл. въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	6 » 50 »	» 11 мѣсяцевъ	7 » — »
» 10 »	6 » — »	» 10 »	6 » 50 »
» 9 »	5 » 50 »	» 9 »	6 » — »
» 8 »	5 » — »	» 8 »	5 » 50 »
» 7 »	4 » 50 »	» 7 »	5 » — »
» 6 »	4 » — »	» 6 »	4 » 50 »
» 5 »	3 » 50 »	» 5 »	4 » — »
» 4 »	3 » — »	» 4 »	3 » 50 »
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	3 » — »
» 2 »	2 » — »	» 2 »	2 » 40 »
» 1 »	1 » — »	» 1 »	1 » 20 »

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ **разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ**, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ. Первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге; въ г. Вольскѣ у И. Ѳ. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя пользуются особой уступкой. Иногороднія объявленія принимаются по цѣнѣ 10 коп. за строку позади текста на первой страницѣ цѣна двойная. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и Приволжск. губ.*, принимаются исключительно въ **центральной конторѣ объявленій Торг. Дома Метцль**, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*
Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ

IX годъ изданія.

на ежемѣсячный литерат. и научно-популярный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе П. П. Сойкина, подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова.
12 книгъ до 5.000 страницъ, что составляетъ около 300 печат. лист.

Съ особымъ отдѣломъ **НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ**
подъ редакціею извѣстнаго популяризатора В. В. БИТНЕРА.

Одной изъ задачъ XX вѣка является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества. Въ виду этого журналъ нашъ посвящ. особое вниманіе вопрасамъ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Въ «народномъ университетѣ» въ теченіе 1901 г. напечатаны слѣдующія

12 сочиненій: 1) Прогулки по небу. 2) Міръ въ каплѣ воды. 3) Невидимые враги и друзья. 4) Происхожденіе органическаго міра. 5) Доисторическій человѣкъ: I. Происхожденіе и сѣдая древность человѣка. 6). II. На зарѣ христіанства. 7) Чудеса электричества: I. Исторія изученія и подчиненія великой силы. 8) II. Настоящее и вѣроятное будущее электричества. 9) Происхожденіе и значеніе денегъ. 10) Мозгъ, какъ органъ мышленія. 11) Отъ полюса къ экватору. 12) Въ новый свѣтъ.

Текстъ поясненъ чертеж., рисунк. и хромолитограф.

Подписная цѣна: На годъ безъ доставки въ Спб. 7 руб. Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи 8 руб. За границу 10 руб. **Допускается разсрочка:** при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля остальн. или по одному р., начин. съ декабря.

ВЫШЛА КНИГА **ОДИННАДЦАТАЯ** ЖУРНАЛА.

Содержаніе: I. Физіологія питанія. **А. Дастра.**—II. Новый трудъ по аграрной экономіи. **П. Струве.**—III. Объективизмъ въ искусствѣ и критикѣ. **Д. Сѣверова.**—IV. Вобанъ. **А. Дживелегова.**—V. Пять лѣтъ моей жизни. **А. Дрейфуса.**—VI. Историческіе очерки XIX вѣка. Проф. **А. Трачевскаго.**—VII. Орелъ и орленокъ (Романъ). **Эдмонда Лепеллетье.** Переработка **О. Трачевской.** (Продолженіе).—VIII. Письма о современной литературѣ. О Зудерманѣ. **М. Филиппова.**—IX. Научная хроника подъ ред. **В. В. Битнера.**—X. Обзоръ журналовъ.—XI. Критика и библіографія.—XII. Юбилеи.—XIII. Некрологи.—XIV. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.—XV. Книги, поступившія въ книжный складъ П. П. Сойкина.—XVI. Объявленія.

Приложеніе: **„Народный Университетъ“**, подъ редакціею В. В. **Битнера.** Отъ полюса къ экватору.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

1—3

богослуженіе необходимо; безъ него народъ не можетъ понять религіи. Чѣмъ болѣе оно даетъ воли уму и сердцу, тѣмъ лучше нравы.

15 (27), пятница. Фрейгангъ [1]). Поутру писалъ письма. Обѣдалъ у Фрейганга. Шёнъ. Послѣ обѣда ходили по городу. Goldene Säge [2]). Въ театрѣ: Вильгельмъ Тель. Кунстъ дурной Тель. Крикъ и жесты. Великая разница съ Беккеромъ. Выстрѣлъ. Вечеръ дома.

16 (28), суббота. Поутру у Брокгауза [3]). Печатная машина. Четыре человѣка въ сутки десять тысячъ листовъ. Большое колесо. Листы, входящіе по тесьмамъ. Краска, льющаяся на цилиндры; растирающаяся потомъ на доски. Шпинки. Цилиндры изъ клею и патоки. Машин стоитъ 7000 гульденовъ. Послѣ обѣда у Пелица [4]). Нѣмецкій замаранный ученый. Огонь на столѣ. Старая шляпа. Планы и книги. Библіотека.—Въ театрѣ. Оберонъ [5]). Прекрасныя декораціи. Дурное пѣніе и игра и танцы. Музыка прекрасная инструментальная.

---

[1]) Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783†1849), русскій генеральный консулъ въ Саксонскомъ королевствѣ. Фрейгангомъ была приготовлена въ Лейпцигѣ для Жуковскаго и Тургеневыхъ прекрасная квартира въ домѣ Рейхеля. „Мы окружены садами, изъ оконъ видны необозримыя аллеи вишенъ, грушъ и яблонь. Все въ цвѣту и благоухаетъ“,—писалъ А. И. Тургеневъ Н. И. Тургеневу 2 мая (н. ст.) 1827 года (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 26). „Еще съ Лейпцигомъ я не видался,—писалъ Жуковскій Е. Г. Пушкиной въ день своего туда пріѣзда.—Пріѣхалъ въ него ночью, а теперь изъ оконъ видно нѣсколько кровель, между которыми торчатъ высокіе тополи, и которыя сами тонутъ въ вѣтвяхъ яблонь и вишенъ, покрытыхъ цвѣтами. Горницы у насъ покойныя, но здѣшняя жизнь не будетъ покойная: надобно возиться съ книгопродавцами, писать каталоги (книгъ для библіотеки наслѣдника Александра Николаевича), считать деньги, хлопотать о укладкѣ и отсылкѣ; все это очень скучная проза“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 482. Дневникъ Жуковскаго даетъ возможность установить точную дату этого письма: 15 апрѣля 1827 г.).

[2]) Названіе маленькаго трактира (Золотая Пила).

[3]) Извѣстная книгоиздательская фирма въ Лейпцигѣ. Жуковскимъ было пріобрѣтено въ Лейпцигѣ книгъ для наслѣдника Александра Николаевича на четыре тысячи талеровъ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 27).

[4]) Карлъ-Генрихъ-Людвигъ Пелицъ (Pölitz, р. 1772 † 1838), профессоръ Лейпцигскаго университета, „нѣмецкій полигисторъ“, какъ выразился о немъ А. И. Тургеневъ. „Писалъ обо всемъ, и обо всемъ недурно, даже хорошо,—продолжаетъ Тургеневъ,—но, по сей самой универсальности своей учености и по переходу отъ одной части къ другой, онъ не классическій писатель ни въ одной; живетъ какъ циникъ, и мы видѣли его, когда были съ Жуковскимъ и С...мъ (т. е. Сергѣемъ Ив. Тургеневымъ) въ спущенныхъ чулкахъ, съ книгами и пр. въ своей библіотекѣ, которую завѣщалъ послѣ смерти университету, но запачканной какъ вся мебель его наружная. Онъ писалъ о словесности, объ исторіи; теперь пишетъ и читаетъ о политической экономіи“ (см. тамъ же, стр. 93).

[5]) Опера Вебера.

17 (29), воскресенье. Поутру у Брокгауза. Потомъ у Круга[1]) и Клодіуса[2]). Въ галлереѣ Шпека[3]). У Пелица. Ввечеру въ театрѣ. Kätchen von Heilbronn[4]). M-e Devrient.

18 (30), понедѣльникъ. У Брокгауза. Шведскій король (Si je ne les avais pas lus, je ne vous les aurais pas donné)[5]). Пилъ чай у Фрейганга. Демутъ[6]).

---

[1]) Вильгельмъ-Трауготъ Кругъ (р. 1770 † 1842), профессоръ философіи въ Лейпцигскомъ университетѣ. „Къ сожалѣнію, лейпцигская книжная торговля,—пишетъ о Кругѣ А. И. Тургеневъ,—сдѣлала изъ него такъ, какъ и изъ Пелица и другихъ, полигисторовъ и книгописцовъ. Они пишутъ много и о многомъ. Теперь онъ либералъ въ политикѣ и въ философіи и выражаетъ духъ извѣстной партіи, т. е. раціоналистовъ. И онъ разоряетъ свою ученость на брошюры и теперь пишетъ много и часто противъ католицизма и пр. въ семъ родѣ“ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 92—93).

[2]) Христіанъ-Августъ-Генрихъ Клодіусъ (р. 1772†1836), писатель и профессоръ философіи въ Лейпцигскомъ университетѣ. „Онъ выше ученаго“—такой отзывъ даетъ о Клодіусѣ А. И. Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (тамъ же, стр. 93).

[3]) Картинная галлерея Максимиліана фонъ Шпека (v. Speck, р. 1776 † 1856), извѣстнаго овцевода, который былъ приглашаемъ и въ Россію императоромъ Александромъ I для развитія и усовершенствованія въ ней овцеводства.

[4]) Пьеса Генриха фонъ Клейста.

[5]) Бывшій король шведскій Густавъ IV Адольфъ (р. 1778 † 1837), въ 1809 г. свергнутый съ престола и жившій въ Германіи и Швейцаріи подъ именемъ полковника Густавсона. Вотъ какъ описываетъ Жуковскій свою съ нимъ встрѣчу въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Е. Г. Пушкиной: „Я здѣсь видѣлъ однако нѣчто, разительнѣе изображающее ничтожность этихъ земныхъ величій. Здѣсь въ маленькомъ трактирѣ, ознаменованномъ вывѣскою Золотой Пилы, живетъ на чердакѣ бывшій шведскій король подъ именемъ полковника Густавсона. Третьяго дня мнѣ удалось его видѣть. Я шелъ мимо трактира, заглянулъ въ окно; вижу кого-то въ бѣдномъ шлафрокѣ и, догадавшись кто это, вхожу. Онъ сидитъ у стола съ газетами въ рукахъ. Я началъ говорить съ хозяиномъ, попросилъ пива; хозяинъ вышелъ. Я подошелъ къ его бывшему величеству и спросилъ, могу ли взять газеты. Онъ подалъ ихъ молча. Mais peut-être les lisez vous-même (т. е. но, можетъ быть, вы сами ихъ читаете).—Si je ne les avais pas lu, je ne vous les aurais donné, отвѣчалъ онъ гордо (т. е. если бы я ихъ не прочелъ, я ихъ вамъ не далъ бы). Всталъ и ушелъ. И это бывшій женихъ великой княжны Александры Павловны, отъ котораго вѣроятно умерла Екатерина. У него всего на все доходу до 500 талеровъ; ходитъ въ замаранномъ шлафрокѣ и однажды отморозилъ себѣ пальцы дорогой, потому что нечѣмъ было защититься отъ холода“ (см. Сочиненія Жуковскаго; изд. 7-е, т. VI, стр. 484). Это письмо Жуковскаго не имѣетъ даты; при помощи дневника Жуковскаго она можетъ быть точно установлена: 20 апрѣля (2 мая н. ст.) 1827 года).

[6]) Извѣстный скульпторъ Василій Ивановичъ Демутъ-Малиновскій (р. 1779 † 1846).

19 (1 мая), вторникъ. Утро дома. Пилъ Molken [1]). Обѣдалъ у Фрейганга съ Клодіусомъ. Ввечеру у Фрейганга же съ Клодіусомъ и Линднеромъ [2]).

20 (2), середа. Утро у Пелица. Послѣ обѣда съ Клодіусомъ въ библіотекѣ. (Картины Лукаса Кранаха. Мумія). Въ Рейхенбаховъ садъ. Монументъ Понятовскаго [3]). Мостъ. Въ Розенталь. Семейство принца Ангальта-Гильдбур(г)гаузенъ [4]). Вечеръ у Клодіуса. Его жена и еще кто-то.

21 (3), четвергъ. Поутру въ музеумѣ, у Брокгауза. Извѣстіе о смерти короля [5]). Кругъ въ музеумѣ. Послѣ обѣда у Фрейганга. Двѣ графини Гогенталь. Клодіусъ съ женою. Разговоръ о религіи. Шуваловъ съ женою. На обсерваторію.

22 (4 мая), пятница. Обѣдалъ у Фрейганга съ Линднеромъ. Вечеръ у Линднера. Ich nehme, ich danke, ich gehorche [6]). Гіерархія.

23 (5), суббота. Поутру у Брокгауза, въ музеумѣ. Обѣдалъ въ Hôtel de Saxe. Послѣ обѣда съ Тургеневымъ къ Линднеру. Factum. Вечеръ у Фрейганга. Демутъ. Прогулка.

24 (6), воскресенье. Извѣстіе о смерти короля [7]). У Брокгауза. Въ музеумѣ. Обѣдалъ въ Hôtel de Saxe. Въ картинной галлереѣ Шпека. M-e Clodius. Jacob [8]) и его дочь. Вечеръ у Фрейганга съ Шпекомъ, Якобомъ и Линднеромъ.

---

[1]) Т. е. сыворотку.

[2]) Фридрихъ-Вильгельмъ Линднеръ (р. 1779†1844), профессоръ-педагогъ. „Здѣсь (въ Лейпцигѣ) познакомились мы со многими; но лучшее знакомство съ Линднеромъ, авторомъ Мак-Бенака,—писалъ А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу.—Истинный, практическій, христіанскій мудрецъ съ счастливою физіономіею и говорящій просто и краснорѣчиво, славный педагогъ и обучающій нѣкоторымъ частямъ богословія... Мы насладились, но недовольно, его бесѣдою. Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ обществахъ, христіанскую цѣль имѣющихъ: библейскомъ, миссіонерскомъ и пр.“ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 27—28). См. еще о немъ тамъ же, стр. 94—96 (тутъ по описке, или опечаткѣ онъ называется Липдлемъ. „Онъ точно одинъ изъ немногихъ, коему можно было бы поручить начертать общій планъ воспитанія и обученія народнаго. Онъ хочетъ, чтобъ все національное сохранено было, но чтобы оно было veredelt, verherrlicht христіанствомъ“).

[3]) См. выше, стр. 168, прим. 1-е.

[4]) Т. е. Саксенъ-Гильдбурггаузенскаго.

[5]) Саксонскій король Фридрихъ-Августъ скончался 23 апрѣля 1827 года.

[6]) Т. е. Пріемлю, благодарю, повинуюсь.

[7]) См. выше, прим. 5-е.

[8]) „Сюда пріѣзжалъ на два дня и нашъ Якобъ изъ Галле и мы провели съ нимъ вечеръ и обѣдали“,—сообщалъ А. И. Тургеневъ брату (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 28). Это Людвигъ-Генрихъ Якобъ (р. 1759 † 22 іюля 1827 г.), философъ и экономистъ, прежде бывшій профессоромъ въ Галле. Въ 1807 году онъ пріѣхалъ въ Россію и былъ назначенъ

25 (7). Писалъ къ Шамбо [1]) и Мердеру [2]). Къ Брокгаузу. У М-е Clodius. Красавица изъ Гамбурга. Обѣдалъ въ Hôt(el) de Saxe. Jacob съ дочерью и сербской поэтъ. Къ Гейроту. Вечеръ у Фрейганга.

26 (8), вторникъ. У Брокгауза. У Вейгеля [3]). У Пелица. Въ музеумѣ. Въ Hôtel de Saxe. Вернеры. Къ Линднеру. Гулянье. Fido. У Фрейганга: богемской профессоръ.

27 (9), середа. Поутру съ добрымъ Фрейгангомъ у Фрезе. Потомъ у Брокгауза, коему заплатилъ. Тутъ были Беки [4]), Фонтонъ [5]) и прежній профессоръ Вакальскій. На почту. Обѣдъ у Фрейганга съ Беками, съ Шуваловыми, Голицыными и М-е Шпекъ. Ночевали въ Борнѣ.

28 (10), четвергъ. Въ Альтенбургѣ. Разговоръ съ кучеромъ. Бурбоны счастье для французовъ въ какомъ смыслѣ. Читалъ Lady Morgan [6]). Въ Цвикау. Въ Плау(е)нѣ.

29 (11). Гофъ. Новый городъ. Бернекъ. Гроза. Байре(й)тъ.

30 (12), суббота. Гольфельдъ, Виргау, Бамбергъ. Аббатство Эберахъ [7]). Два раза раззорялось въ Bauernkrieg [8]) и въ 30-(лѣтнюю) войну. За 50 лѣтъ возобновлено. Смѣсь итальянскаго съ готическимъ. Множество алтарей. Мы смотрѣли ночью. Кости въ древней церкви. Гробы. Монахи Цистерцинзскаго ордена. Двѣнадцать апостоловъ. Картины Рубенса, Микель Анжа, Рафаэля. Ночевалъ въ Нейзесѣ.

профессоромъ въ Харьковскій университетъ. Съ 1809 г. онъ служилъ въ коммиссіи составленія законовъ, а затѣмъ въ министерствѣ финансовъ. Въ 1816 г. Якобъ вышелъ въ отставку и возвратился въ Галле (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 383—384).

[1]) Ивану Павловичу Шамбо, секретарю императрицы Александры Ѳеодоровны.

[2]) Карлу Карловичу Мердеру, будущему воспитателю наслѣдника Александра Николаевича.

[3]) Лейпцигскій книгопродавецъ-издатель Іоганнъ-Августъ-Готлобъ Вейгель (Weigel, р. 1773†1846).

[4]) Быть можетъ, Христіанъ Андреевичъ Бекъ (р. 1768 † 1853), бывшій старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Поклонъ нашимъ русскимъ, особенно семейству графа Гудовича и Бека“, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной, 1827 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 483).

[5]) Вѣроятно, Петръ Антоновичъ Фонтонъ (р. 1765 † 1846), служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ; въ то время онъ состоялъ при нашей миссіи въ Неаполѣ.

[6]) Lady Morgan (р. 1783 † 1859) извѣстна въ литературѣ своими многочисленными романами и описаніемъ своихъ путешествій во Франціи и Италіи. Вѣроятно, Жуковскій читалъ описаніе ея путешествія во Франціи, изданное въ 1817 году подъ заглавіемъ „France“.

[7]) Т. е. Ebrach.

[8]) Т. е. въ крестьянскую войну (въ XVI в.) въ Германіи.

1 (13) (мая), воскресенье. Вирцбургъ. Прекрасный видъ. Каменныя укрѣпленія. Домы изъ Quaderstein. Видъ на замокъ съ крѣпостью. Steinwein. Отсюда до Бухена холмистыя мѣста. Мало лѣса; но все чрезвычайно удобрено. Деревни худо выстроенныя и печальныя; изображенія святыхъ надъ дрязгомъ. На послѣдней станціи гроза. Ночевали въ Бухенѣ, въ Kanne.

2 (14), понедѣльникъ. Некаргемюндъ. Гейдельбергъ. Замокъ. Риттерзалъ. Бочка. Библіотека. Видъ въ рогъ. Отъ чего гравюры и рисунки лучше, а хуже оригиналы. Мостъ.

3 (15), вторникъ. Поутру на Königstuhl. Вислохъ. Прекрасная сторона. Садъ. Плодовитыя деревья. Множество орѣховыхъ деревьевъ, убитыхъ холодомъ. Брухзалъ. Осматривалъ дворецъ. Внизу горницы, гдѣ проживаетъ теперь маркграфиня. Портретъ императрицы [1]) во весь ростъ, другой Лампи [2]). Большая зала круглая на лѣстницѣ, съ сводомъ, писаннымъ Циккомъ [3]). Зала съ мраморными колоннами. Горницы, гдѣ жила императрица. Гобелены. Красная, полосатая. Горницы, гдѣ жила маркграфиня. Разные портреты императрицы: ребенкомъ съ сестрами; при восшествіи на тронъ, au pastel, маленькой; съ императоромъ; въ профиль. Портретъ императоровъ Доу [4]). Видъ горницъ маркграфини. Фонтаны на дворѣ. Фонтанъ въ саду.— Брухзалъ. Ворота. Дворецъ у воротъ. Мостъ. Шли пѣшкомъ черезъ городъ. Маленькіе переулки у домовъ. Нечистота.—Дорога прелестная. Слѣва лѣсистыя горы, справа луга, поля и рощи. За Рейномъ Вогезскія горы.—Дурлахъ. Старый и новый городъ. Замокъ. Площадь. Монументъ старинный. Церковь на площади и старинный домъ.—Дорога до Карлсру прелестная аллея тополевая. Сквозная улица. Широкіе тротуары. Трактиръ Schwarze Bär на площади. Пирамида. Церковь съ колоннами. Цейгаузъ. Конюшни. У въѣзда замокъ. Въ театръ: Wasserträger. Гартманъ. Маркграфиня Леопольдъ [5]).

4 (16), середа. Карлсру. Евангелич(еская) церковь Вейнбреннера [6]). Колонны. Пирамида. Гробъ основателя [7]). Центръ города. Дворецъ

---

[1]) Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

[2]) Портретиста Іоанна-Баптиста Лампи (р. 1775†1837).

[3]) Живописцемъ Іануаріемъ Циккомъ (Zick).

[4]) Англійскій портретистъ Джорджъ Доу (Dawe, р. 1781†1829).

[5]) Супруга принца Баденскаго Карла-Леопольда-Фридриха, Софія-Вильгельмина.—Далѣе въ дневникѣ Жуковскаго находятся наброски плановъ Карлсруэ, двухъ въ немъ церквей и залы въ замкѣ Favorite.

[6]) Извѣстный баденскій архитекторъ Фридрихъ Вейнбреннеръ (р. 1766 † 1826).

[7]) Карлсруэ основанъ въ 1715 году маркграфомъ Баденъ-Дурлахскимъ Карломъ-Вильгельмомъ.

маркграфини [1]), матери Ел(изаветы) Ал(ексѣевны), гдѣ она родилась, гдѣ жила съ императоромъ. Домъ Энде [2]). Оранжереи. Дворецъ. Видъ съ башни: съ одной стороны городъ, съ другой—садъ, коего аллеи примыкаютъ къ башнѣ какъ кресты. Католицкая церковь. Переѣздъ черезъ Раштатъ въ Баденъ. Прелестный видъ на Murgthal и Schwarzwald. Гулянье въ Баденѣ. Badehaus. Зала для собранія Вейнбреннера [3]). Lesebibliothek. Теплый ключъ древній. Pfarrkirche. Гробы. Замокъ. Портреты герцоговъ Баденъ-Баденъ и Баденъ-Дурлахъ. Горницы Стефаніи [4]). Рыцарская горница. Подземелье. Спускъ плѣнниковъ. Входъ. Баня Каракаллы [5]). Входъ. Сводъ, гдѣ жили плѣнники, мѣсто постели, мѣсто для — [6]). Спускъ. Folte(r)kammer [7]). Камера суда и дыра надъ тропомъ. Каменныя двери, одна съ большимъ засовомъ. Jungferkuss. Frauenkloster. Lichtenthal. Вечернія молитвы монахинь. Монастырская жизнь можетъ быть сносна только при страсти; воспоминанія и борьба вмѣсто жизни. Для спокойной, чувствительной души нестерпима. Гроза. Два француза.

5 (17), четвергъ. Путешествіе въ Эберштейнъ и Форбахъ. Въ Керстенбахъ. Ярманка. Литейная. Стеклянный заводъ. Favorite [8]). Октогонная зала, похожая на павловскую. Сервизъ фигурный; бокалы съ именами; портретная и костюмная гор(н)ица. Эрмитажъ [9]). Освѣщеніе посредствомъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Ночевалъ въ Штольгофенѣ.

6 (18), пятница. Граница. Учтивость въ таможнѣ. Общежитіе. Délicatesse глав(ная) черта франц(узскаго) характера. Видъ Страсбурга. Площадь съ акаціями; marché aux légumes. Солдаты. Hôtel de Lyon. На почту: ящики по алфавиту. Mairie: записаніе паспортовъ, выдача билетовъ. Театръ: прекрасная круглая зала, галлерея, три выхода; foyer. Церковь S. Thomas. Памятникъ маршала Саксонскаго [10]). Прекрасная группа; низокъ, пирамида. [О разрушеніи гробовъ. Остатки

---

[1]) Вдовы наслѣднаго принца Баденскаго Карла-Лудвига, Амаліи-Фридерики.

[2]) Вѣроятно, баденскаго оберъ-церемоніймейстера (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 88).

[3]) См. выше, стр. 197, прим. 6-е.

[4]) Вдовы великаго герцога Карла-Лудвига-Фридриха, Стефаніи (р. 1789 † 1860).

[5]) Римскаго императора.

[6]) Одно слово при печати выпущено.

[7]) Т. е. застѣнокъ.

[8]) Герцогскій замокъ.

[9]) Тоже замокъ.

[10]) Памятникъ, воздвигнутый французскимъ королемъ Людовикомъ XV Морицу, графу Саксонскому (р. 1696†1750), бывшему маршаломъ французской арміи.

Саарбрюккскаго принца]. Церковь. Самый гробъ маршала, свинцовый и каменный. Минстеръ. Внутренность. Окна. Хоръ новый. Каѳедра. Звукъ органовъ. Катехизмъ. Всходъ. Надписи. Аменды и чтеніе. Главный видъ на порталъ. Сравненіе съ Кельномъ. Виды съ высоты 90 метровъ: одинъ Оффенбургъ.

7 (19), суббота. Дорога отъ Страсбурга до [1]). Аллея изъ рябинъ. Равнина. Вогезскія горы впереди. Аллея изъ орѣховыхъ деревьевъ; кругомъ равнины; освѣщенные домы и церкви въ липахъ и орѣшинахъ. Вдали Вогезы. Видъ на Вогезы: амфитеатръ; въ срединѣ низкій холмъ, покрытый плодовитыми деревьями, и хижина. Хлопанье бича французскихъ и нѣмецкихъ почталіоновъ. Въѣздъ въ Вогезы. Дорога раздѣлится. Слѣва ручей, ивы, мельница, каменный спускъ воды съ уступами. Видъ изъ кареты на Васселонъ и Вогезы. Пьявошная почта еженедѣльная, ихъ всегда по 3000 въ мѣшкѣ. Умираетъ много отъ грозы и дождя. При выѣздѣ дорога раздѣляется. Узорныя вывѣски и нечистота на улицахъ. Первый переѣздъ черезъ гору. Спускъ къ [2]). Сзади роща, за нею горы; три развалившихся замка на высотѣ. Въ Саверне завтракалъ. Взъѣздъ на гору [3]); по сторонамъ дороги ростутъ плодовитыя деревья. Проѣхавъ Саверн, сторона однообразнѣе. До Гомарленя спалъ. Обѣдалъ въ Саррбургѣ. Heming. Жена почталіона съ сыномъ. Les hal(l)es. Гнѣвный traineur. Blamon прекрасный древній и новый замокъ: плющъ, селитра. Часы на башнѣ. Видъ Бламона съ горы. Архитектура деревенскихъ домовъ: низкія кровли, ворота; огороды съ новыми заборами и каменныя ворота. Поля, в(с)паханныя грядами. Ночь въ Люневилѣ. Замокъ, обращенный въ казармы, сквозной. Уланы и retraite.

8 (20), воскресенье. Маріанна. Домбаль. Разговоры съ товарищемъ на козлахъ до Нанси (53 rég(iment) de ligne). Солдаты. Плата, ... [4]) паспортъ. Встрѣча 10 rég(iment) chasseur. St. Nicolas близъ Нанси. Нанси. К(а)ѳедр(альная) церковь. Грязныя, широкія улицы съ тротуарами. Hôtel royal. Place royale. Виды. Смотрѣлъ лавки. Cathédrale. Видъ Нанси въ долинѣ. Двѣ горы. Дорога отъ Нанси съ горы на гору. Аллеи и рощи по бокамъ. Шоссе черезъ два оврага. Тулъ. Les badaud(s) français [5]). Горы кругомъ Тула какъ палатки. Отъ Тула до Линьи все съ горы на гору, хотя впрочемъ не крутыя горы. Окрестности веселыя. Горы почти голыя. Кое-гдѣ лѣсъ. Встрѣча группъ, возвращающихся изъ Линьи, гдѣ

---

[1]) Въ дневникѣ для названія мѣстности оставлено пустое мѣсто.

[2]) Для означенія мѣстности въ дневникѣ оставлено пустое мѣсто.

[3]) Затѣмъ нарисованъ зигзагъ, наглядно показывающій, какъ идетъ въ гору дорога.

[4]) Одно слово написано неразборчиво.

[5]) Французскіе зѣваки.

праздникъ храмовой Notre Dame des vertus. Кресты, поставленные миссіонерами во многихъ мѣстахъ по дорогѣ отъ Страсбурга и въ самомъ Страсбургѣ. Спускъ въ Линьи. Толпы гуляющихъ. Élegance des habits. Драка почталіона. Дорога отъ Линьи до Бара прекрасною долиною, которая со всѣхъ сторонъ окружена высотами, какъ будто образующими берега давно бывшаго озера; входящіе и внутренніе углы. Прелестная, пріятная природа. Дорога черезъ деревни Фронвиль [1]) и Лонжвиль. Баръ весьма дурно выстроенный городъ; большая промышленность. Сученье хлопчатой бумаги. Фабрика, дѣйствующая паровою машиною. Ночевали въ трактирѣ Лебедь.

9 (21), понедѣльникъ. Дорога отъ Бара до Реймса. Фабрика Жакемонди. 60 становъ, отъ 300 до 260 веретенъ. 20 веретенъ въ день. 1) битье; 2) скатыванье; 3) чищенье и раздѣлка; 4) 1-е сученье; 5) второе сученье. 300 работниковъ. Машины. Газъ. Отъ Бара до С.-Дизье дорога однообразная. Природа не печальная. Начинается Шампань и горы голыя и лѣсоватыя. Далѣе къ Шалону вездѣ протекаетъ Марна. Дорогая трактирщица въ С.-Дизье. Въ Витри не въѣзжали. Крѣпость упраздненная. Паденіе кареты между Витри и Лашоссé. Прелестные луга и поля, усыпанные группами деревьевъ пирамидальныхъ, подъѣзжая къ Шалону. Шалонъ, окруженный прекрасными аллеями. Изъ него пѣшкомъ. Силлери проѣхали ночью. Въ Реймсѣ въ трактирѣ Moulinet. Разговоръ съ мельникомъ о картинахъ.

10 (22), вторникъ. Шалонъ. Прогулка по городу. Каѳедральная церковь. Величественный порталъ. Два круглыхъ окна. La grande nef, окруженная удивительными цвѣтными окнами. Le choeur. La petite nef и les ailes; налѣво органы, направо рѣзной алтарь; цвѣтное длинное окно за алтаремъ. Средній корпусъ выкрашенъ; по краямъ и карнизамъ темною краскою; верхъ и фонъ, гдѣ фигуры, голубою, что̀ очень портитъ. Гробъ древній, 3-го вѣка, Іовиновъ [2]) съ прекраснымъ барельефомъ, представляющимъ травлю льва и вепря. Окладъ короны; четыре ризы: серебряная съ золотомъ; золотая; двѣ золотыхъ съ лильями. Сосуды, серебр(яный) и золотой хлѣбъ, кадилы, les paix [3]). Статуя Лудвига XV. Maison de ville съ статуею Генриха; Porte de Mars. Кладбище, крестъ; развалины воротъ Юлія Кесаря, вдѣланныхъ въ новую стѣну. Городъ не красивый. Зданія мелкія, покрытыя сѣрымъ шиферомъ. Памятникъ Л(удвига) XV обитый. La flatterie ne réussit pas

[1]) Описка въ дневникѣ; слѣдуетъ читать: Тронвиль (Tronville).

[2]) Іовинъ, римскій военачальникъ († 370), построившій въ Реймсѣ церковь, въ которой и погребенъ.

[3]) Т. е. pax, пластинка съ изображеніемъ креста или съ другимъ священнымъ изображеніемъ, къ которой прикладываются католики во время богослуженія.

avec les morts [1]). Ни XV, ни XIV не достойны памятника. Louis XIV savait bien représenter un roi, mais il ne l'était pas [2]). Суассонъ. Каѳедральная церковь. Прекрасный хоръ; лучше страсбургскаго, хотя не такъ огроменъ. Снаружи мало украшеній. Обновленный порталъ. Богоматерь съ святымъ на головѣ. Продажные стулья. Развалины аббатства, упраздненнаго въ революцію и разрушеннаго временемъ. Рефектоаръ. Двѣ башни. Положеніе Суассона въ чудесной, великолѣпной равнинѣ. Сады, замки, рощи, аллея посреди луга. Ужинъ въ Viller(s) Cotterets [3]).

16 (28) августа. Выѣздъ изъ Эмса [4]). Поутру у Радзивила, у принца Фридриха. Потомъ обѣдъ въ Curhaus. Съ Волхонскими [5]) въ Нассау. Вѣнчаніе [6]). Крестъ передъ портретомъ. Les vassaux. Стрѣльба. Благословеніе. Послѣ лоттерея. Благословеніе Штейна. Вечеринка въ 8 часовъ.

17 (29), середа. Съ Рейтер(н)омъ [7]) на пароходъ. Бѣда пароход(ная).

[1]) Т. е. Лесть не имѣетъ успѣха въ отношеніи къ умершимъ.

[2]) Т. е. Людовикъ XIV хорошо умѣлъ представлять короля, но онъ имъ не былъ.

[3]) Дневника Жуковскаго за время пребыванія его въ Парижѣ (въ маѣ и іюнѣ 1827 года) въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, не имѣется. Рукопись этого дневника принадлежала князю П. А. Вяземскому, который и напечаталъ выдержки изъ нея въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., книга вторая, стр. 94—99. Тоже см. въ Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 470—489; въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 671—676.

[4]) Изъ Парижа Жуковскій пріѣхалъ въ Эмсъ 2 (14) іюля (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 477) и выдержалъ здѣсь курсъ лѣченія, который ему очень помогъ (тамъ же, стр. 479).

[5]) Съ супругою министра императорскаго двора князя П. М. Волконскаго, княгинею С. Г. Волконскою и ея дочерью, княжною Александрою Петровною (впослѣдствіи бывшею замужемъ за П. Д. Дурново (ср. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 221; „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 47). „Здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) теперь княгиня Софья Волконская и Алина (княжна Александра Петровна Волконская),—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 8 (20) августа 1827 г.—Вотъ цѣлый мѣсяцъ почти, какъ я съ ними ежедневно, и такъ къ этому привыкъ, что будетъ очень больно съ ними разстаться. Алина прелестное, милое, доброе, умное созданіе. Она стоитъ счастія и авось будетъ имѣть его. Я радъ, что судьба меня съ ней познакомила, хотя на короткое время“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 469).

[6]) Баронъ Штейнъ (см. выше, стр. 184, прим. 10-е) выдавалъ замужъ свою дочь за графа Кильмансегге (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 47).

[7]) См. выше, стр. 186, прим. 1-е. Лѣтомъ 1827 года, во время пребыванія въ Эмсѣ, Жуковскій еще болѣе сблизился съ Рейтерномъ (см. „Herhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 51, а также „Русскую Бесѣду“ 1859 г., книга III, Изящная словесность, стр. 18).

Возвращеніе въ Кобленцъ. Путешествіе на козлахъ. Обѣдъ въ Лиліи [1]) въ С.-Гоарѣ. Пріѣздъ въ Майнцъ ночью. Hôtel Weiss Ross. Похожденія Рейтерна.

30, четвергъ. Поутру въ книжную лавку. Домъ Гуттенберга. Съ княжною [2]) въ каѳедр(альную) церковь, къ римскому гробу, въ цитадель. Обѣд(алъ) у князя Волхонскаго. Арфы. Вечеръ у генерала Карловица [3]).

31, пятница. Отъѣздъ изъ Майнца и разлука съ кн(яжною) Волхонскою [4]). Завтракъ въ Hohst [5]). Въ Франкфуртѣ обѣдъ. Сумасшествіе Клары [6]). Голицынъ. У Югеля [7]). Домъ Гёте: гербъ 3 лиры, дворъ, колодезъ, манзарды, Гретгенъ. Окрестности Франкфурта. Ганау. Кладбище. Архитекторъ Руль [8]). Ночев(алъ) въ Гельнгаузенѣ.

1 (сентября н. ст.), суббота. Гельнгаузенъ [9]). Обѣдали въ Фульдѣ. Братъ Рейтер(н)овъ. Дворецъ. Два монастыря. Гюнфельдъ. Изломъ кареты. Большая зала съ оркестромъ. Чтеніе Элены [10]).

2, воскресенье. Гюнфельдъ [11]). Будларъ. Вахъ. Марксуль. Древняя липа, пѣніе въ церкви и пауки. Эйзенахъ. Граф(иня) Эглофштейнъ [12]). Пріѣздъ Алопеуса [13]). Поѣздка въ Вартбургъ. Видъ отъ воротъ: Mönch und die Nonne [14]). Видъ съ балкона. Лютерова горница. Rüstkammer. Rittersaal. Ночь въ Готѣ. Тошнота.

3, понедѣльникъ. Гота. Эрфуртъ. Каѳедр(альная) церковь: S. Christoph. Картина Кранаха. Altarblatt [15]) 3 Könige. Гробъ Глейхена [16]). Бронзовой подсвѣчникъ. Видъ церкви снаружи: терасса, двойной порталъ. Stiftskirche. Лютерова келья въ Францисканскомъ монастырѣ. Библія. Чернильница. Книга съ 1720 [16]). Friedr(ich)-Wilhelm. 31 May

---

[1]) Названіе гостиницы.

[2]) Съ княжною А. П. Волконскою.

[3]) Генералъ-лейтенантъ Карлъ-Адольфъ фонъ Карловитцъ (Carlowitz, р. 1771†1837) былъ въ это время вице-губернаторомъ Майнца; въ 1813—1815 гг. онъ находился въ русской службѣ.

[4]) Ср. отзывъ о ней на стр. 201, прим. 5-е.

[5]) Т. е. Höchst.

[6]) См. выше, стр. 183, прим. 4-е.

[7]) Карлъ Югель (Jügel, р. 1783†1869), книгопродавецъ во Франкфуртѣ.

[8]) См. выше, стр. 188, прим. 9-е.

[9]) Въ этомъ мѣстѣ названіе города написано ошибочно: Гелленгаузенъ.

[10]) Отрывокъ изъ 2-й части Гётева Фауста (Helena. Klassisch-romantische Phantasmagorie. Zwischenspiel zu Faust. Напеч. въ Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand, IV Band (Stuttgart. 1827), стр. 229—307).

[11]) Въ этомъ мѣстѣ названіе города написано ошибочно: Гюнефельдъ.

[12]) См. выше, стр. 185, прим. 2-е.

[13]) Посланника въ Берлинѣ, графа Д. М. Алопеуса.

[14]) См. выше, стр. 166.

[15]) Т. е. запрестольный образъ.

[16]) Гробъ графа фонъ Глейхена и его двухъ женъ (XIII столѣтія).

1803. Louise. Heinr(ich) Pr(inz) von Preu(ssen). Georg Herz(og) zu Sachs(en). Wilhelmine Gräfin Solms. Fried(rich) von Schilden. Georg von Buch. Heinr(ich) Wilh(elm) von Schlieffen [1]). Пріѣздъ въ Веймаръ Принцъ Филиппстальской. Въ театръ: Der Schnee [2]). Въ паркъ. Иллюминація, лото, танцы, фарсы. Квартира у купца Гримма.

N.B. При всякомъ ученіи надобно знакомить съ 4 сторонами предмета: 1) позитивною — то, что есть — Clarheit; 2) нравственною, или символическою — относительно къ человѣку и его жизни — Gefühl erregend; 3) идеальною, ... [3]) Seite — Phantasie erregend. Schönheit; 4) божественною — Religion erregend. Gott.

4, вторникъ. Веймаръ. Поутру къ принцу Филиппстальскому. Къ Гёте. Крыльцо съ поворотомъ. Собака. Въ прихожей: Юпитеръ du Capitole, Pallas de Velletri. Въ гостиной Aldobrandini [4]), рисунки. Столъ съ портфелями. Голова Юноны колоссальная. Баронъ Швейцеръ [5]), внукъ Вольф(г)ангъ [6]). У принца. У M-elle Sylvestre. Вечеръ дома.

5, середа. Поутру у графини Эглофштейнъ: Юлія [7]), тетка, графъ маіоръ, графиня съ дочерью. Домой. Внукъ Гётевъ у Рейтерна Вальтеръ. Къ Гёте: разговоръ о Рейтер(н)овыхъ рисункахъ [8]). Въ музеумъ. Обѣдалъ въ трактирѣ. Миллеръ [9]). Швейцеръ. Послѣ обѣда опять къ Гёте. Отъ него къ Юліи Эглофштейнъ. Ея портретъ, портретъ ея матери; герцогини.

6, четвергъ. Поутру къ M-elle Sylvestre. Къ Миллеру. Бум(аги) Гердера, Шиллера. Гёте и Якоби [10]). Lettres autographes. Къ Юліи Эглофштейнъ. Разговоръ о Каподистріи, императрицѣ. Портретъ. Рисунки. Къ Гёте. Разговоръ о Еленѣ [11]), о Бейронѣ. Гёте ставитъ его

---

[1]) Жуковскій выписываетъ изъ книги имена нѣкоторыхъ посѣтителей.

[2]) Опера Обера.

[3]) Одно слово осталось неразобраннымъ, такъ какъ карандашъ въ этомъ мѣстѣ стерся.

[4]) Т. е. картина Les noces d'Aldobrandini.

[5]) Саксенъ-веймарскій министръ.

[6]) Внукъ Гёте, Вольфгангъ Гёте.

[7]) О графинѣ Юліи Эглофштейнъ см. выше, стр. 185, прим. 2-е.

[8]) Гёте далъ весьма сочувственный отзывъ о рисункахъ Рейтерна, о чемъ см. письмо этого послѣдняго къ его женѣ, напечатанное въ книгѣ: Gerhardt von Reutern, стр. 51—52. Жуковскій былъ очень тронутъ этимъ отзывомъ Гёте („Joukovsky war ganz bewegt über die Anerkennung, welche meine Arbeiten bei Goethe fanden, und fühlte mit mir das Glück, einen derartigen Richter und Zuspruch gefunden zu haben", — писалъ, между прочимъ, Рейтернъ женѣ). См. Goethes Tagebücher, 11 Band (Weimar. 1900), стр. 106.

[9]) Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ (р. 1779†1840).

[10]) Поэта Іоганна-Георга Якоби (р. 1740†1814).

[11]) См. выше, стр. 202, прим. 10-е. Гёте въ своемъ дневникѣ подъ 6 сентября 1827 г. записалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Herr von Reutern und Joukoffsky, commentirendes Gespräch über Helena" (см. Goethes Tagebücher, 11 Band (Weimar. 1900), стр. 106).

подлѣ Гомера и Шекспира. Die Sonne; die Sterne bleiben doch echt; es sind keine Copien [1]). Прогулка въ саду Гёте; домъ, гдѣ онъ писалъ и сочинялъ Ифигенію. Домикъ герцога. Мѣсто, гдѣ сиживали онъ, Шиллеръ, Виландъ, Якоби, Гердеръ. Рѣка Ильмъ. Къ Гёте. Усталость и дѣятельность. Мы пробыли недолго [2]). Эффектъ головы Юноniной. Къ M-elle Sylvestre. Къ граф(инѣ) Эглофштейнъ.

7, пятница. Чтеніе Гёте. Отъѣздъ. Въ полночь въ Лейпцигъ [3]).

8, суббота. Къ Брокгаузу. Обѣдалъ у Фрейганга. Послѣ обѣда на лекцію къ Линднеру. Вечеръ у Линднера [4]). Responsabilité. Потомъ къ Фрейгангу.

9, воскресенье. Проповѣдь Вольфа [5]) на Erntefest. 1. Der Schwelger

---

[1]) Т. е. Солнце; звѣзды все же имѣютъ собственный блескъ; онѣ не копіи.

[2]) Жуковскій остался въ восторгѣ отъ Гёте. Вотъ, что писалъ объ этомъ А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу 8 сентября 1827 г.: „Онъ (Жуковскій) зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гёте... Жуковскій жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гёте. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гёте и Шиллеръ образовали его, а съ ними вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ, и твоими письмами, и что здѣсь началось его европейское образованіе“ („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 114). Какъ извѣстно, во время своего пребыванія въ Веймарѣ, Жуковскій написалъ стихи къ Гёте (Творецъ великихъ вдохновеній); черновой набросокъ начала этого стихотворенія находится въ тетрадкѣ, содержащей его дневникъ 1826—1827 гг., на листѣ 35-мъ. Съ Гёте Жуковскій видѣлся 23, 24 и 25 августа (4, 5 и 6 сентября новаго стиля) и, слѣдовательно, къ этимъ числамъ августа 1827 г. должны быть пріурочены его стихи къ Гёте. Въ печатныхъ изданіяхъ Сочиненій Жуковскаго эти стихи были относимы къ сентябрю 1827 г. (см. напр. Сочиненія Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-е, Спб. 1901, стр. 244).

[3]) „Въ полночь пріѣхалъ Жуковскій,—писалъ А. И. Тургеневъ брату отъ 8 сентября н. ст. 1827 г.—Мы видѣлись въ 6 часовъ утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня“ („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 147).

[4]) „Слушали лекцію, послѣднюю, у Линднера о церковной исторіи и именно о Тридентинскомъ соборѣ, гдѣ все ученіе Римской церкви выговорено было и гдѣ катехизису дана была равная сила съ догматами. Послѣ лекціи мы были въ гостяхъ у Линднера и провели съ нимъ часъ наставительный и пріятный. Мы выспрашивали его о многомъ и записали нѣсколько книгъ о воспитаніи для Жуковскаго“, — писалъ Н. И. Тургеневъ брату („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 118).

[5]) Объ этой проповѣди Вольфа говорится и въ письмѣ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, при чемъ А. И. Тургеневъ замѣчаетъ, что она очень

zählt sein Vermögen nach dem, was er verpfuscht, der Geizige nach dem, was er erspart, der Christ nach dem, was er kann geben. 2. Wer das Leben so sieht, wie es ist, kann oft niedergeschlagen sein—er stürzt sich dann in die Schwelgerei und schafft für sich eine Welt der Thränen. Wer glaubt, der haltet aus. 3. Das Gefühl der Freude etwas Gutes gemacht zu haben ist falsch; das echte Gefühl der Freude ist das etwas Gutes zu machen haben. Es ist Beruf. Man fühlt sich ein Glied der grossen Gotteshaushaltung. 4. Wir leben in einem Zeitalter der Beyträge [1]). Утро дома. Обѣдалъ съ Линднеромъ и Ганомъ [2]) у Фрейганга. Прогулка и вечеръ съ Демутомъ [3]).

10, понедѣльникъ. Въ два часа выѣхалъ изъ Лейпцига [4]). Поутру получилъ письмо отъ Пушкиной съ увѣдомленіемъ о помолвкѣ Ольги съ Орфанò [5]). Ночевалъ въ [6]).

11, вторникъ. Виттенбергъ. Памятникъ Лютера: 1. Glaubet an das Evangelium. 2. Ein feste Burg ist unser Gott. 3. Wenn's Gotteswerk, so wird bestehen, wenn's Menschenwerk, wird untergehen [7]).

понравилась и ему, и Жуковскому (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 119). Объ этомъ Вольфѣ см. еще тамъ же, стр. 97.

[1]) Т. е. Расточитель расчитываетъ свое имущество по тому, сколько онъ расточаетъ; скупой по тому, сколько онъ откладываетъ; христіанинъ по тому, сколько онъ можетъ дать. Кто смотритъ на жизнь такъ, какова она есть, тотъ часто можетъ быть угнетенъ—онъ тогда кидается въ расточительность и создаетъ себѣ міръ огорченій. Кто вѣритъ, тотъ не падаетъ духомъ. Чувство радости отъ того, что ты сдѣлалъ что-либо доброе, не есть настоящее; истинное чувство радости доставляется тѣмъ, что ты можешь сдѣлать что-либо доброе. Это призваніе. Чувствуешь себя частью великаго Божія домостроительства. Мы живемъ въ эпоху складчинъ.

[2]) Богословъ Августъ Ганъ (Hahn, р. 1792 † 1863) былъ профессоромъ Лейпцигскаго университета съ 1826 по 1833 годъ. О немъ и его лекціяхъ см. въ „Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 99 и 103—104. „Мы обѣдали у Фр(ейган)га безъ него. Тамъ обѣдалъ Ганъ и Линднеръ. Перваго благодарилъ я за его наставительныя лекціи. 35-ти лѣтъ и уже давно профессоромъ",—писалъ объ этомъ обѣдѣ А. И. Тургеневъ (см. тамъ же, стр. 119).

[3]) См. выше, стр. 194, прим. 6-е.

[4]) „У воротъ Фр(ейган)га, въ три часа по полудни, разстались мы съ Жуковскимъ,—писалъ А. И. Тургеневъ брату 10 сентября 1827 г.,—но почти безъ слезъ и съ какимъ-то не грустнымъ предчувствіемъ, хотя и говорили о грустномъ" (см. тамъ же, стр. 121).

[5]) Е. Г. Пушкина сообщала Жуковскому о помолвкѣ дочери ея Ольги Алексѣевны съ греческимъ полковникомъ Орфанò, участникомъ Ипсилантіевскаго возстанія, выпущеннымъ изъ австрійскаго заточенія (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 489).

[6]) Мѣстность въ дневникѣ не обозначена.

[7]) Т. е. Вѣруйте во Евангеліе. Крѣпкая защита намъ Господь. Если это дѣло отъ Бога, то оно устоитъ, а если отъ человѣковъ, то разрушится.—Далѣе

1829.

Выѣхалъ изъ Дерпта 30 апрѣля. Пріѣхалъ въ Варшаву 7-го мая [1]).

7. Къ в(еликому) князю. Къ императрицѣ. Въ банѣ съ Жилемъ [2]). Обѣд(алъ) у великаго князя. Въ вечеру въ Беланы. Монастырь, основанный Владиславомъ Четвертымъ. Кельи. Монахъ адъютантъ. Костюшки. Умирающій игуменъ. Возвращеніе черезъ Маріамонтъ съ Вьельгорскимъ [3]). Императрица и великій князь Константинъ.

8. Поутру у в(еликаго) к(нязя) Констант(ина) Павловича. Моравскій [4]). Виртембергскій принцъ [5]). К(нязь) Голицынъ [6]). Рихтеръ [7]). Жандръ [8]). Левицкій [9]). Курута [10]). Кривцовъ [11]). Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ. Дворецъ. Тронная. Зала историческая, или Коперника.

въ дневникѣ приводится перечень лицъ, съ которыми Жуковскій видѣлся въ Берлинѣ осенью 1827 года: „Король. Кронпринцъ. Кр(он)пр(инцесса). Пр(инцъ) Карлъ. Марія. Принцъ Вильгельмъ. Принцъ Альбрехтъ. Принцъ Карлъ Мекленбургскій. Принцъ Августъ. Принцъ Вильгельмъ съ женою и герцогиня Кумберландская. Алопеусъ. Санти. Витгенштейнъ. Манцуровъ. Вицлебенъ. Кнезебекъ. Бюль. Боршель. Шлипенъ. Бухъ. Шильденъ. Гнезенау. Редеръ. Тюменъ. Савиньи. Ансильонъ. Брюль. Гумбольтъ. Бернсторфъ. Гребенъ. Голицынъ. Гр(афиня) Трухзесъ. М-е Bock. Олферсъ. Клаузевицъ. Ламотъ Фукэ. Раухъ. Тикъ. Шинкель. Вольфъ. Раупахъ. Радовицъ. Гр(афъ) Перпонше, тесть гр(афа) Перпонше. Шепингъ. Шакъ. Тюмплингъ. Гиртъ. Viereck. Чудовскій. Мальцанъ. Дуклеръ. Вейссъ. Грёбенъ. Бранденбургъ. Осоннъ. Von Reede. Nienstät. Helwig. Гуфландъ“.

[1]) Гдѣ 12 мая должно было происходить коронованіе императора Николая I Государь, императрица и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ прибыли въ Варшаву 5 мая.

[2]) Флоріанъ Антоновичъ Жилль († 1865), учитель французскаго языка наслѣдника Александра Николаевича.

[3]) Съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ (р. 1787 † 1856) композиторомъ, впослѣдствіи оберъ-шенкомъ.

[4]) Вѣроятно, Францискъ Моравскій (р. 1785†1861), второстепенный польскій поэтъ, въ то время бригадный генералъ польскихъ войскъ.

[5]) Принцъ Адамъ Виртембергскій, бригадный генералъ польскихъ войскъ.

[6]) Состоявшій при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ камергеръ князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ.

[7]) Генералъ-лейтенантъ Борисъ Христофоровичъ Рихтеръ, въ то время начальникъ сводной гвардейской и гренадерской дивизіи.

[8]) Генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Жандръ, состоявшій при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ.

[9]) Генералъ-лейтенантъ, варшавскій комендантъ.

[10]) Генералъ-отъ-инфантеріи графъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута (р. 1772 † 1833), начальникъ штаба цесаревича Константина Павловича и гофмейстеръ его двора.

[11]) Генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Кривцовъ, дежурный генералъ штаба цесаревича.

Зала портретовъ. Собраніе дамъ. Фредро [1]). Въ театрѣ съ Адлербергомъ [2]) и Килемъ [3]). Le mariage d'argent [4]) и L'ami intime. M-elle Constant, M-e Phillis [5]), St. Marie, Potier [6]). Алопеусъ [7]). Бюцовъ [8]). Лобинскій.

9. Поутру у Нѣмцевича [9]). Встрѣча съ Фредро. Парадъ. Великій князь передъ полкомъ. У Бибикова [10]). Анекд(отъ) о трехъ заговорщикахъ; слово Моренгейма [11]): le mérite du .. [12]) est d'être lâche. Анекдотъ о Друцкомъ-Любецкомъ [13]). Знакомство съ Красинскимъ [14]). Вечеръ въ Вилановѣ: замокъ съ барельефами. Китайскія горницы. Горницы Собьескаго. Мѣсто, гдѣ онъ умеръ. Портретъ Маріи-Казимиры [15]). Галлерея картинъ: С(вятой) Себастьянъ Ванъ Дика; Спаситель Ленардо д'Авинчи [16]); голова неизвѣстнаго. Двѣ баталіи Казановы.

10. Поутру у Красинскаго и Моравскаго, знакомство съ Козмяномъ [17]). У в(еликаго) князя. Чтеніе и воспоминаніе о императрицѣ Ма-

---

[1]) Графъ Янъ-Максимиліанъ Фредро (р. 1784 † 1845), гофмаршалъ польскаго двора, бывшій адъютантъ императора Александра I. Фредро занимался литературою и, между прочимъ, перевелъ на польскій языкъ басни Крылова (см. „Остафьевскій Архивъ", т. II, примѣчанія, стр. 406).

[2]) Съ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Адлербергомъ, въ то время генералъ-адъютантомъ и директоромъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба.

[3]) Съ полковникомъ Львомъ Ивановичемъ Килемъ († 1851), адъютантомъ цесаревича Константина Павловича, впослѣдствіи свиты его величества генералъ-маіоромъ и начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.

[4]) Комедія Скриба.

[5]) Жаннетта Phillis, французская пѣвица (р. 1780†1838).

[6]) Французскій актеръ Charles-Joseph-Édouard Potier (р. 1806 † 1870).

[7]) Посланникъ въ Берлинѣ графъ Д. М. Алопеусъ.

[8]) Карлъ Карловичъ Бюцовъ, состоявшій при канцеляріи цесаревича Константина Павловича и въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[9]) У Юліана Нѣмцевича (р. 1758 † 1841), польскаго писателя, президента Общества любителей наукъ въ Варшавѣ.

[10]) Вѣроятно, у Ильи Гавриловича Бибикова († 1867), въ то время генералъ-маіора и состоявшаго при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, впослѣдствіи виленскаго генералъ-губернатора.

[11]) Камергера барона Павла Осиповича Моренгейма, состоявшаго при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ.

[12]) Двѣ точки стоятъ въ подлинникѣ.

[13]) Вѣроятно, о князѣ Ксаверіи Друцкомъ-Любецкомъ, министрѣ финансовъ Царства Польскаго.

[14]) Вѣроятно, съ графомъ Викентіемъ Ивановичемъ Красинскимъ, польскихъ войскъ генераломъ-отъ-кавалеріи и командиромъ резервнаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича.

[15]) Супруги польскаго короля Яна Собѣскаго.

[16]) Т. е. Леонардо да Винчи.

[17]) Съ Каэтаномъ Козмяномъ (р. 1771 † 1856), польскимъ писателемъ; въ

ріи Ѳеодоровнѣ. У императрицы. У Волхонскаго [1]): паденіе подмостокъ. Въ Библіотеку. Переводъ Библіи Скорины [2]) и Луки неславн(аго) городка [3]). Зоологическій кабинетъ. Картины живописцевъ варшавскихъ. Съ Адлербергомъ къ Красинскому: Моравскій, Браницкій [4]), Потоцкій [5]), наши. Споръ и вздоръ о русскомъ языкѣ. Новосильцевъ [6]). Политическое.

11. Поутру у Фредро, у Потоцкаго, у Бюцова, у Алопеуса. Съ в(еликимъ) княземъ въ Ботаническомъ саду и на Обсерваторіи. Паганини [7]). Вечеръ съ Крейтономъ [8]), а не у Зайончекъ [9]).

12. День коронаціи [10]). Мѣсто между нунціями. Татищевъ [11]) и Алопеусъ. Чтеніе молитвы [12]). Неприличіе благословенія короны [13]). Видъ на площадь, улицу и церковь. Моравскій, Козмянъ и Нѣмцевичъ у великаго князя. Разсужденіе о манифестѣ [14]) и сочиненіе рескрипта. Вечеръ у Адлерберга съ Орловымъ [15]) и сочиненіе манифеста.

то время онъ былъ директоромъ административнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго.

[1]) У министра императорскаго двора князя П. М. Волконскаго.

[2]) Извѣстный переводъ Библіи на бѣлорусскомъ языкѣ, напечатанный Францискомъ Скориною въ Прагѣ, въ 1517—1519 гг.

[3]) Хранившаяся въ Варшавской библіотекѣ рукопись Ветхаго Завѣта, писанная въ 1596 году „повелѣніемъ и пильностію худаго человѣка на имя Луки въ неславнемъ градѣ Тернополѣ“ (см. изслѣдованіе П. В. Владимірова „Докторъ Франциск Скорина“ (Спб. 1888), стр. 222—223).

[4]) Вѣроятно, егермейстеръ графъ Владиміръ Ксаверіевичъ Браницкій.

[5]) Вѣроятно, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Станиславъ Станиславовичъ Потоцкій.

[6]) Николай Николаевичъ Новосильцовъ (впослѣдствіи графъ), въ то время полномочный делегатъ при правительствующемъ совѣтѣ Царства Польскаго и попечитель Виленскаго учебнаго округа.

[7]) Извѣстный скрипачъ Паганини (р. 1784†1840) находился въ то время въ Варшавѣ и давалъ концерты.

[8]) Съ лейбъ-медикомъ В. П. Крейтономъ (см. выше, стр. 85, прим. 1-е).

[9]) Вѣроятно, вдова намѣстника Царства Польскаго, княгиня Александра Яковлевна Заіончекъ († 1845).

[10]) Подробное описаніе коронованія императора Николая I въ Варшавѣ (составляющее отрывокъ изъ письма Жуковскаго отъ 13-го мая 1829 года) см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 8-е, т. V, стр. 461—463).

[11]) Дмитрій Павловичъ (р. 1770†1845), извѣстный дипломатъ, въ то время посланникъ въ Вѣнѣ.

[12]) Государемъ при коронованіи.

[13]) Примасъ подавалъ государю корону со словами: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

[14]) По случаю коронаціи.

[15]) Съ генералъ-адъютантомъ графомъ (впослѣдствіи княземъ) Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.

13. У в(еликаго) князя. У Фовицкаго [1]), у Линде [2]), у Бродзинскаго [3]). Обѣдалъ у Фредро: Осинскій [4]), Лубинскій [5]), два Козмяна [6]), Бродзинскій, Моравскій, Залуцкій [7]), Нѣмцевичъ. Балъ.

14. У Адлерберга. У государя. Съ императрицею въ Вилановѣ. Обѣд(алъ) за маршальскимъ столомъ. Въ театрѣ гр(афа) Соболевскаго [8]). Адамъ Чарторыжскій [9]).

15. Старинкевичъ [10]) и Красинскій. У Нѣмцевича. Въ Библіотекѣ. Обѣдалъ у Новосильцева съ Бибиковымъ, Нессельроде [11]), Кутузовымъ [12]), Старинкевичемъ и Пеликаномъ [13]). У Нессельроде. У Радзивила [14]). Дома.

16. Поутру у в(еликаго) князя. У Бенкендорфа [15]) о Старинке-

---

[1]) Иванъ Михайловичъ Фовицкій, состоявшій при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и бывшій наставникомъ при его воспитанникѣ Павлѣ Константиновичѣ Александровѣ, человѣкъ весьма образованный, знавшій хорошо русскую литературу (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 485—486). Въ 1829 г. Жуковскій приглашалъ Фовицкаго переселиться въ Петербургъ для преподаванія польской исторіи наслѣднику Александру Николаевичу (см. „Русскій Архивъ“ 1884 года, книга третья, стр. 118—119, и 1889 года, книга третья, стр. 131—132).

[2]) У извѣстнаго филолога Самуила-Богумила Линде (р. 1771†1847), бывшаго директоромъ Варшавской Публичной Библіотеки.

[3]) У Казимира Бродзинскаго (р. 1791†1835), извѣстнаго писателя и профессора Варшавскаго университета.

[4]) Людвигъ Осинскій, профессоръ Варшавскаго университета и директоръ народнаго театра въ Варшавѣ, членъ Общества любителей наукъ.

[5]) Графъ Феликсъ Лубинскій, бывшій министръ юстиціи, членъ того же Общества.

[6]) Каэтанъ Козмянъ (о которомъ см. выше, стр. 207, прим. 17-е) и братъ его, Іосифъ Козмянъ, бискупъ куявскій.

[7]) Быть можетъ, флигель-адъютантъ графъ Іосифъ Залускій.

[8]) Или у графа Игнатія Соболевскаго, министра юстиціи Царства Польскаго, или у графа Валентина Соболевскаго, предсѣдательствующаго правительственнаго совѣта Царства.

[9]) Извѣстный князь Адамъ Чарторыйскій.

[10]) Николай Александровичъ Старынкевичъ (р. 1784 † 1857), въ то время состоявшій при Н. Н. Новосильцовѣ, а кончившій свою службу сенаторомъ Варшавскаго департамента сената, человѣкъ умный и въ молодости занимавшійся литературою (о немъ см. Остафьевскій Архивъ, т. II, примѣчанія, стр. 592—593).

[11]) Вѣроятно, съ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Нессельроде, генераломъ состоявшимъ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ.

[12]) Вѣроятно, съ адъютантомъ цесаревича Константина Павловича Васильемъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

[13]) Венцеславомъ Венцеславовичемъ Пеликаномъ, въ то время ректоромъ Виленскаго университета, а потомъ директоромъ Медицинскаго департамента.

[14]) Вѣроятно, у сенатора и воеводы князя Михаила Радзивилла.

[15]) У шефа жандармовъ А. Х. Бенкендорфа.

вичѣ [1]). У Нѣмцевича. Праздникъ народный [2]) и дождь. Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ.

17. Поутру у в(еликаго) князя. Повтореніе исторіи. Чтеніе. Визитъ къ Козмяну и Моравскому. Покупки. У Кривцова прощ(аться). Обѣдалъ у в(еликаго) князя. Писалъ къ Тургеневу [3]). Балъ сенаторовъ и нунціевъ.

18. Выѣздъ изъ Варшавы. У Радзивила. Въ Ниборовѣ [4]). Картины. Пилатъ Пуссеня. Доминикини Водопадъ. Вернета 4 части дня. Утесъ и заходящее солнце. Поттера Лѣсъ. Рюисдалевы два пейзажа. Теньеровъ Больной. Двѣ Грёзовы головы. Доминикиновы Жмурки. Положеніе во гробъ Рембрандта. Аркадія: Кристальная горница. Спальня. Развалины. Пещеры. Aquedue. Домъ садовника. Храмъ: 1 Амуръ и Вен(ер)а. Плафонъ Утро. Треножникъ. Алтарь съ амуромъ. Весталка. Кушетка. Саркофаги. Жилище пастуховъ. Эскулапъ. Колонна съ надписями. Саркофаги. Химера и Надежда. Озеро. Островъ воспоминаній. Поляна и часовня: саркофагъ. Картины Зейдельмана [5]). Offrez—à Dieu—les peines de la vie—jusqu'au dernier soupir [6]). Гек. (sic) Гвидовъ. Дорога по берегу озера. Амфитеатръ. Циркъ. Ужинали въ Ловичѣ.

19. День въ Ловичѣ. Опять въ Аркадію. Обѣдъ офицеровъ.

20. Ночевалъ въ Калишѣ.

21. Пріѣздъ въ Антонинъ [7]). Общая горница: посерединѣ каминъ съ оленьими головами. Лампы. Горницы пр(инцессы) Радзивиллъ [8]): охота; Элизы [9]) швейцарскіе виды и литографіи; принц(ессы) Луизы портреты. Разговоръ о Варшавѣ. О в(еликомъ) князѣ. О императрицѣ. Вечеръ. Штольбергъ. Разговоръ о принцѣ Вильгельмѣ и о кронпринцѣ [10]).

---

[1]) Любопытно, что графъ П. Х. Граббе въ своемъ дневникѣ упоминаетъ, что Н. А. Старынкевичъ (см. выше, стр. 209, прим. 10-е) „былъ гонимъ и посаженъ въ тюрьму цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, въ которой его и захватилъ варшавскій мятежъ“ (см. „Русскій Архивъ“ 1889 г., книга третья, стр. 679).

[2]) На Уяздовскомъ полѣ по случаю коронаціи.

[3]) Этого письма нѣтъ среди изданныхъ въ книгѣ „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“.

[4]) Ниборовъ, какъ и Аркадія (о которой говорится нѣсколькими строками ниже)—замки князей Радзивилловъ.

[5]) О живописцѣ Зейдельманѣ см. выше, стр. 191, прим. 10-е.

[6]) Т. е. Предайте въ волю Божію жизненныя скорби до послѣдняго издыханія.

[7]) Тоже замокъ князей Радзивилловъ.

[8]) Принцессы Луизы, супруги князя Антона Радзивилла (см. выше, стр. 97, прим. 3-е).

[9]) Дочь князя Антона и принцессы Луизы Радзивилловъ.

[10]) О прусскихъ принцѣ Вильгельмѣ и кронпринцѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ.

22. День въ Антонинѣ. M-e Kleist [1]). Пріѣздъ императрицы.

23. Отъѣздъ изъ Антонина. Ночев(алъ) въ Sibillenort [2]). Свиданье съ Тургеневымъ.

24. Ночев(алъ) за одну станцію до Grünberg [3]).

25 (6 іюня). Пріѣздъ въ Берлинъ. Hôtel de Russie.

26 (7). Писалъ къ Перовскому [4]) и къ Екатеринѣ Аеанасьевнѣ [5]). У обѣдни. Обѣдъ у императрицы. Визиты у принцевъ. У Радовица [6]). Вечеръ въ театрѣ. У Алопеуса. У гр(афини) Трухзесъ [7]). Stumme v(on) Porti(ci) [8]).

27 (8). Утро въ Louis(en) Palais [9]). Завтракъ. Въ Потсдамъ. Въ театръ: Der erste Eindruck [10]).

28 (9). Въ Потсдамѣ. Пріѣздъ принцессы [11]). Обѣдъ. Фридр(иха) горницы. Пріѣздъ в(еликой) княгини [12]). Въ Сансуси. Ужинъ у императрицы.

29 (10). Освященіе церкви. Объѣздъ Потсдама. Возвращеніе съ в(еликимъ) княземъ [13]). Глинике [14]). Pfauen-Insel [15]). Вечеръ дома.

30 (11). День свадьбы [16]). Визиты съ Тургеневымъ. У Гуфланда [17]). У

---

[1]) О ней часто упоминается въ дневникѣ Жуковскаго за 1821—1822 гг.

[2]) Т. е. Sibyllenort.

[3]) Т. е. Grüneberg.

[4]) Къ Василію Алексѣевичу Перовскому.

[5]) Протасовой.

[6]) У Іосифа Радовица (р. 1797†1853), прусскаго генерала и государственнаго дѣятеля; какъ извѣстно, Жуковскій впослѣдствіи написалъ его біографическій очеркъ. Въ 1829 году Радовицъ, въ чинѣ маіора, занималъ должность преподавателя въ Военной школѣ въ Берлинѣ и уже въ это время пользовался дружбою кронпринца Фридриха-Вильгельма. [Жуковскій познакомился съ Радовицемъ, черезъ общаго ихъ пріятеля Гергарда Рейтерна, въ 1827 году (см. выше. стр. 206; Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild, стр. 51; Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 209—211; «Русская Бесѣда», 1859 года, III, Изящная словесность, стр. 18).]

[7]) См. выше, стр. 75, прим. 12-е.

[8]) Опера Обера.

[9]) Въ подлинникѣ описка: Louis-Palais.

[10]) Комедія Скриба, переработанная F. L. Booth'омъ.

[11]) Въѣздъ въ Потсдамъ невѣсты принца Вильгельма (будущаго германскаго императора), принцессы Августы Саксенъ-Веймарской.

[12]) Великой герцогини Саксенъ-Веймарской Маріи Павловны.

[13]) Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

[14]) Деревня близъ Потсдама.

[15]) См. выше, стр. 113, прим. 1-е.

[16]) Принца Прусскаго Вильгельма и принцессы Августы.

[17]) О Гуфландѣ см. выше, стр. 87, прим. 7-е; о Гнейзенау стр. 105, прим. 3-е; о Шлиффенѣ стр. 112, прим. 3-е; о Раухѣ стр. 76, прим. 6-е; о Клаузевитцѣ стр. 119, прим. 4-е. Орестъ и Пиладъ — скульптурная работа Рауха.

*

Шлифенъ. У Гнезенау. У Рауха (Орестъ и Пиладъ). У Клаузевица. Церемонія вѣнчанія. Fakeltanz.

31 (12). Завтракъ у Вильгельма. Гр(афиня) Вьельгорская [1]). У M-elle Wildermeth [2]). Театръ: Agness von Hohenstauffen [3]).

1 (13) (іюня). Въ Шарлоттенбургѣ съ императрицею. Осмотръ съ королемъ горницъ. У Бранденбурга [4]). Обѣдъ у короля. Вечеръ у Радовица. У Грёбена [5]).

2 (14). Визиты. У Трухзесъ. Прощанье. У принц(ессы) Вильгельмъ [6]). Обѣд(алъ) у Алопеуса. Савиньи [7]), Олферсъ [8]). У Радовица. у Гуфланда. Выѣздъ. Несчастная минута на память.

4 (16). Въ Антонинѣ. Пріѣхалъ въ 10 часовъ вечера. Лулу [9]). Адольфъ [10]). Графъ Стошъ.

5 (17). Въ Бреславль. Въ Антонинѣ. Поутру отъѣздъ в(еликаго) князя [11]). Музыка. Кегли. Прогулка пѣшкомъ. Послѣ обѣда разговоръ съ Адольфомъ. Прогулка въ коляскахъ. Неудачная прогулка по водѣ. Ввечеру музыка. Хоръ изъ Фауста [12]). Пилигримы Науманновы [13]). Чтеніе. Отъѣздъ въ 12 часовъ.

6 (18). Дорога отъ Антонина до Варшавы. Чит(алъ) La Maison Blanche [14]).

7 (19). Пріѣздъ въ Варшаву. У в(еликаго) князя. У в(еликой) княгини [15]). Дома съ больною ногою.

8 (20). Дома съ больною ногою. Красинскій. Блудовъ [16]).

---

[1]) Жена графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, графиня Луиза Карловна (р. 1791†1853), рожденная принцесса Бирон.

[2]) См. выше, стр. 64, прим. 4-е.

[3]) Опера Спонтини; текстъ къ ней написанъ Раупахомъ.

[4]) См. выше, стр. 110, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 86, прим. 7-е.

[6]) См. выше, стр. 76, прим. 4-е.

[7]) См. выше, стр. 119, прим. 3-е.

[8]) Вѣроятно, прусскій дипломатъ баронъ Олферсъ, бывшій потомъ прусскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

[9]) См. выше, стр. 169—172 и 176.

[10]) См. выше, стр. 170—171.

[11]) Наслѣдника Александра Николаевича.

[12]) Музыка, написанная княземъ Антономъ Радзивилломъ (см. выше, стр. 119, прим. 7-е, и стр. 176, прим. 1-е).

[13]) Ораторія „I Pellegrini“ композитора Іоганна-Готлиба Науманна (р. 1741 † 1801).

[14]) Вѣроятно, романъ Поль-де-Кока, вышедшій въ свѣтъ въ 1829 году.

[15]) У великой герцогини Саксенъ-Веймарской Маріи Павловны, пріѣхавшей въ Варшаву.

[16]) Дмитрій Николаевичъ, въ то время статсъ-секретарь, и. д. главноуправляющаго иностранными исповѣданіями и товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

9 (21). Дома съ больною ногою. Праздникъ. Старинкевичъ. Красинскій. Блудовъ. Фовицкій.

10 (22). Визиты. Письма. У Нѣмцевича. У Новосильцова. У великой княгини. Обѣд(алъ) съ вел(икимъ) княземъ. Въ лагерѣ. Эсаковъ [1]). Встрѣча съ Козмяномъ. Вечеръ съ Старинкевичемъ и Блудовымъ. Слова в(еликаго) к(нязя) [2]): Vous sénateurs, vous croyez être des pères-conscrits, vous êtes des pervers, des perfides et surtout des permanents. Je suis content de vous comme petit-fils de Catherine et suis mécontent comme le frère du r(oi) de Pologne. Réponse du comte de... [3]) au g(rand) d(uc): Vous avez eu beaucoup de duels pour vos bons mots.—Oui, parce que j'ai l'esprit vif et ne suis pas né prince [4]).

11. Выѣздъ изъ Варшавы. Ночевали въ Ломжѣ.

12. Обѣдъ въ Разградѣ. Ночевали въ Сувалкахъ.

13. Обѣдъ въ Будкахъ. Ночев(али) въ Ковно. Безобразовъ.

14. Ночев(али) въ Шавляхъ. Петерсенъ [5]).

15. Обѣдъ въ Митавѣ. Губерн(аторъ) Бреверн [6]). Болѣзнь. Пріѣздъ въ Ригу. Вечеръ пролежалъ.

16. Утро дома. Визитъ Бергу [7]). Обѣдъ у Паулуччи [8]). Фелькерзамъ [9]). Послѣ обѣда къ Вольмернажу—Сесилія и Леокадія. Къ Кубе [10]).

17. Выѣздъ въ 3 часа. Встрѣча на больш(ой) дорогѣ съ велик(имъ) княземъ [11]). Путешествіе въ Зегевольдъ, Кремонъ и Трейденъ. Аренда-

---

[1]) Бригадный генералъ и командиръ Волынскаго полка Дмитрій Семеновичъ Есаковъ.

[2]) Константина Павловича.

[3]) Фамилія написана неразборчиво.

[4]) Т. е. Вы, сенаторы, думаете, что вы римскіе сенаторы; вы возмутители, измѣнники, и главнымъ образомъ постоянны въ этомъ. Я доволенъ вами какъ внукъ Екатерины и недоволенъ какъ братъ короля польскаго.—Отвѣтъ графа... великому князю: У васъ было много дуэлей изъ-за вашихъ остротъ.—Да, потому что у меня живой умъ и я не рожденъ быть государемъ.

[5]) См. выше, стр. 177, прим. 4-е.

[6]) Курляндскимъ губернаторомъ былъ Христоферъ Ивановичъ фонъ Бреверн.

[7]) Къ лифляндскому генералъ-суперинтенденту Карлу-Эрнесту Бергу, старому знакомому Жуковскаго по Дерпту и за котораго въ 1816 году Жуковскій ходатайствовалъ передъ княземъ А. Н. Голицынымъ по поводу изданія его книжки „Briefe über magnetische Kur“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 155—157, и „Русская Старина“ 1901 г., апрѣль, стр. 132).

[8]) Лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора маркиза Филиппа Осиповича Паулуччи.

[9]) См. выше, стр. 177, прим. 7-е. Въ 1829 г. Фелькерзамъ былъ назначенъ лифляндскимъ вице-губернаторомъ.

[10]) См. выше, стр. 72, прим. 8-е.

[11]) Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

торъ Вольфъ; его жена, дочь Бланкенгагена. Камергеръ графъ Кошкуль [1]). Завтракъ въ Зегевольдѣ. Прогулка въ несносный жаръ. Гроза. Домъ князя Ливена. Обѣдъ въ Нурмисѣ у графа Дунтена [2]) съ Тизенгаузенами. Путешествіе по горамъ. Венденъ и графиня Сиверсъ съ прекрасною дочерью. Ужинъ въ Вольмарѣ.

18. Прощанье съ в(еликимъ) к(нземъ). Переѣздъ до Уддерна.

19. Въ Дерптѣ. Разговоръ съ Эверсомъ [3]).

20. Въ Дерптѣ.

21. Выѣхалъ изъ Дерпта. На могилѣ Маши [4]). Ночевалъ въ Іевѣ. Rannapoinngen. Встрѣча съ Дризеномъ [5]).

23. Поутру въ шесть часовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ институтѣ [6]). Разг(оворъ) съ М-е Cremріп. У Козлова [7]). У Фока [8]). У Булгакова [9]). У Дашкова [10]).

9 іюля. Нынче просилъ, чтобы перемѣнили мнѣ комнату. Я въ лихорадкѣ, комната сыра, и есть близъ меня порожняя, которую готовятъ для какого-то прусскаго генерала на одну ночь. Отвѣтъ получилъ

---

[1]) Графъ Францъ Осиповичъ Кошкуль, состоявшій для особыхъ порученій при маркизѣ Паулуччи.

[2]) Знакомаго Жуковскаго по Дерпту (см. „Русскую Старину“ 1901 г. апрѣль, стр. 132).

[3]) Или съ Лоренцомъ Эверсомъ, профессоромъ догматическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ, или съ Густавомъ Эверсомъ, профессоромъ русской исторіи въ томъ же университетѣ.

[4]) Марьи Андреевны Мойеръ, рожденной Протасовой, скончавшейся въ 1823 году въ Дерптѣ и тамъ похороненной. „Всякій разъ, когда Жуковскій пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Дерптъ, онъ прежде всего отправлялся поклониться этой могилѣ, которая находится на русскомъ кладбищѣ, вправо отъ почтовой дороги; возвращаясь изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ останавливался тутъ на прощаніе съ могилою. Во все время пребыванія своего въ Дерптѣ, онъ каждый день, одинъ или въ сопровожденіи родныхъ и дѣтей, посѣщалъ это для него святое мѣсто, даже зимою“ (см. Зейдлицъ, «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго», стр. 137—138).

[5]) Вѣроятно, съ рижскимъ комендантомъ, генераломъ барономъ Дризеномъ.

[6]) Въ Екатерининскомъ институтѣ, для свиданія съ дочерьми другой племянницы Жуковскаго, Александры Андреевны Воейковой, рожденной Протасовой († въ февралѣ 1829 г.), Екатериною и Александрою (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 470; Зейдлицъ, «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго», стр. 149).

[7]) Поэта Ивана Ивановича Козлова.

[8]) Максима Яковлевича Фока, управлявшаго III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

[9]) Константина Яковлевича, петербургскаго почтъ-директора, стараго пріятеля Жуковскаго.

[10]) Дмитрія Васильевича Дашкова, принадлежавшаго къ Арзамасскому обществу, въ то время товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

истинно русской: нельзя; эта комната фельдмаршальская; да она уже и назначена.

11 іюля. Возвращеніе государя [1]).

1831 [2]).

25 (октября), воскресенье. Выѣздъ [3]). Ночь въ Новѣгородѣ.

26. Ночевали въ Вышнемъ Волочкѣ. Голова съ двумя медалями. Хозяинъ. Рескрипты.

27. Завтракъ въ Торжкѣ. Прекрасный домъ ямщика Пожарскаго. Голова. Ужинъ въ Твери. Глинка [4]). Губернаторъ [5]). В(ице)-губернаторъ Крыловъ [6]).

28. Завидово. Пріѣздъ. У Дуняши [7]). У Вяземскаго, у Дмитріева. Наташа Арбенева [8]).

29. У императрицы. Скобелевъ [9]). Ходъ въ Успенскій соборъ. Ермо-

---

[1]) Въ Царское Село.

[2]) Съ цѣлью скорѣйшаго ознакомленія читателей „Русской Старины“ съ дневниками Жуковскаго, редакція журнала рѣшила печатать ихъ, начиная съ 1831 года, не цѣликомъ, а съ нѣкоторыми выпусками.

[3]) Жуковскій сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича при его поѣздкѣ въ Москву. Императоръ Николай прибылъ въ Москву еще 11 октября 1831 г.

[4]) Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (р. 1788 † 1880), какъ извѣстно, былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества „Союзъ Спасенія“, переименованнаго впослѣдствіи въ „Союзъ Благоденствія“. Въ 1826 году, послѣ слѣдствія и суда надъ декабристами, онъ былъ отправленъ въ Олонецкую губернію и въ 1827 г. назначенъ совѣтникомъ Олонецкаго губернскаго правленія. Жизнь въ Петрозаводскѣ была невыносима для Глинки; благодаря ходатайству Жуковскаго, онъ былъ въ 1829 г. переведенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Тверь. „Какъ мнѣ благодарить благороднѣйшаго Василія Андреича (Жуковскаго) за дѣятельность по освобожденію бѣдной души изъ чистилища!“—писалъ по этому поводу Глинка Н. И. Гнѣдичу (см. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1895 г., приложеніе, стр. 37—38).

[5]) Въ это время тверскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Петръ Григорьевичъ Горнъ.

[6]) Дмитрій Сергѣевичъ, статскій совѣтникъ.

[7]) У Авдотьи Петровны Елагиной. Съ нею, какъ видно изъ записей дневника, Жуковскій видѣлся почти ежедневно во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1831 году.

[8]) Родственница Жуковскаго.

[9]) Иванъ Никитичъ.

ловъ [1]). Каразинъ [2]). Въ театрѣ: Венец(іанская) ярманка. Вечеръ у княгини Вяземской [3]).

30. У Клейнмихеля [4]). У императрицы, разговоръ о себѣ. Домой. Разгов(оръ) съ Мердеромъ [5]).

31. У Клейнмихеля. У Вилламова [6]). У вел(икаго) князя (чтеніе). Въ дѣвичій монастырь. Въ Англ(ійскій) клобъ. У Вяземскаго: Голицынъ, Тургеневъ, Давыдовъ [7]). Къ Дуняшѣ. Каролина Янишъ [8]).

1 (ноября), воскресенье. У обѣдни. Представленіе. Обѣдалъ у Дуняши. Вечеръ у императрицы.

2, понедѣльникъ. Выставка [9]). Каченовскій [10]), Полевой [11]). У Дмитріева.

3, вторникъ. У в(еликаго) князя. На выставку. Покупки. Въ Собраніе [12]).

4, середа. У в(еликаго) князя. Приготовленіе. Обѣдалъ у Дуняши. Вечеръ у князя Голицына [13]).

5, четвергъ. У императрицы. Оружейная Палата. У Вяземскаго чтеніе.

6, пятница. У Вяземскаго чтеніе піесы. У Каролины [14]). У Дуняши. Актъ въ пансіонѣ [15]). Домой. Проспалъ балъ.

7, суббота. Обозрѣніе Усп(енскаго) собора и ризницы. Тургеневъ.

---

[1]) Алексѣй Петровичъ.

[2]) Василій Назаровичъ.

[3]) У княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской, жены кн. П. А. Вяземскаго.

[4]) У Петра Андреевича Клейнмихеля, въ то время генералъ-адъютанта и начальника штаба военныхъ поселеній.

[5]) Карломъ Карловичемъ, воспитателемъ наслѣдника Александра Николаевича.

[6]) У статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова (см. выше, стр. 57, прим. 3-е).

[7]) Денисъ Васильевичъ.

[8]) Извѣстная писательница Каролина Карловна Янишъ, бывшая потомъ замужемъ за Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ.

[9]) Выставка произведеній промышленности, которая удостоилась высочайшаго посѣщенія.

[10]) Михаилъ Трофимовичъ, профессоръ.

[11]) Николай Алексѣевичъ.

[12]) Въ Россійское Благородное Собраніе, гдѣ былъ данъ балъ, удостоенный высочайшаго присутствія.

[13]) У князя Дмитрія Владиміровича Голицына, московскаго генералъ-губернатора.

[14]) Янишъ. См. выше, прим. 8-е.

[15]) Въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

У Вяземскаго. У Мерзляковой [1]), у Чадаева [2]). Вечеръ у Дуняши: Свербеевъ съ женою [3]), Тургеневъ, Вяземской, Максимовичъ [4]), Мельгуновъ [5]), Герке [6]), Бартенева съ дочерью; пѣнье, ужинъ, чтеніе Языкова [7]).

8, воскресенье. У обѣдни. У Тургенева. Обѣдъ у Дуняши. Балъ во дворцѣ.

9, понедѣльникъ. Поутру у велик(аго) князя. Къ Вяземскому. Обѣдъ у Яра съ Дашковымъ [8]), Давыдовымъ и Вяземскимъ. Въ театрѣ: Chacun de son côté. У Дмитріева съ Салтыковымъ, Тургеневымъ и Чадаевымъ. Чтеніе.

10, вторникъ. У Бенкендорфа. Осмотръ Архангельскаго собора. Глупая просьба Каразина. У Дуняши. Записка. Вечеръ у императрицы.

11, середа. У Шамбо [9]). О Наташѣ [10]). У императрицы; о Наташѣ. Къ Вяземскому (прощанье). Къ Дуняшѣ (подарки). На балъ съ Тургеневымъ. Картины Морилло, Перучини и Карло Долче. Къ Дуняшѣ (Тургеневъ).

12, четвергъ. Выѣздъ. Въ Клину остановка. Съѣхался ночью въ Твери.

13. Ночевалъ въ Валдаяхъ.

14. Ночь въ Спасск(омъ) Полистьѣ.

15. Остановка въ Чудовѣ. Померанье. Пріѣздъ. У в(еликихъ) княженъ [11]). Шарады. У Россети [12]).

---

[1]) Вдовы профессора Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова, пріятеля Жуковскаго.

[2]) Петра Яковлевича Чаадаева.

[3]) Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ („Записки" котораго изданы въ Москвѣ въ 1899 году) и его жена Екатерина Александровна, рожд. княжна Щербатова.

[4]) Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (р. 1804 † 1873), въ то время адъюнктъ Московскаго университета по каѳедрѣ ботаники.

[5]) Николай Александровичъ о немъ см. выше, стр. 120, прим. 3.

[6]) Не Христіанъ ли Ивановичъ Герке, воспитатель Веневитиновыхъ? (См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга третья, стр. 196).

[7]) Н. М. Языковъ жилъ въ это время въ Москвѣ.

[8]) Дмитріемъ Васильевичемъ.

[9]) Ивана Павловича Шамбо, секретаря императрицы Александры Ѳеодоровны.

[10]) Арбеневой (см. выше, стр. 215, прим. 8-е).

[11]) У великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевны.

[12]) У извѣстной Александры Осиповны Россетъ, бывшей потомъ замужемъ за Н. М. Смирновымъ.

1832.

Выѣздъ изъ Петербурга 18 (30) іюня. На Елагинѣ. У Дубенской [1]) разговоръ о Вяземскомъ. У Козлова [2]) (Вяземскій). У Перовскаго [3]). На пароходѣ прощались в(еликій) к(нязь) [4]) съ М(е)р(дером), Вьельгорскій [5]), Муравьевъ [6]), Перовскій, Олсуфьевъ [7]); съ нами Вяземскій, Пушкинъ.

Путешествіе отъ 19-го въ 3 часа утра до 22 въ 3 часа пополудни. Пассажиры: Блессигъ [8]), Викулинъ [9]), Тургеневъ [10]), дочь Балка, М-е Bulmering [11]) съ дочерью. Наша каюта. Ночь съ субботы на воскресенье. Сильный вѣтеръ въ воскресенье и въ понедѣльникъ. Ночь съ воскр(есенья) на понед(ѣльникъ) на палубѣ. Понедѣльникъ: половина дня бурнаго, половина спокойнаго (сходство съ жизнію). Ночь съ понед(ѣльника) на вторн(икъ) и со втор(ника) на середу въ большой каютѣ. Готландъ. Иштадъ. Борнгольмъ. Берега Мекленбурга. Пребываніе въ Варнемюнде. М-е Crichton [12]). Обѣдъ за table d'hôte. Пѣнье. Прогулка съ Викулинымъ. Небогатое устройство бань, источники, домъ для теплыхъ ваннъ, для сѣрныхъ, души. Маякъ.

23 (5 іюля), четвергъ. Изъ Травемунде въ Любекъ. У банкира. Каѳедральная церковь. Исторія Страсти, Эммелинга. Рѣзная комната. Покупки. У консула Шлёцера [13]) въ прекрасной его деревнѣ между Травемунде и Любекомъ: аллея, Интерлакенъ; его жена съ сестрою жены. Ванна.

---

[1]) Варвары Ивановны, фрейлины великой княжны Маріи Николаевны; В. И. Дубенская вышла потомъ замужъ за французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ Лагренѐ.

[2]) Поэта И. И. Козлова.

[3]) Василія Алексѣевича.

[4]) Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

[5]) Вѣроятно, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій.

[6]) Вѣроятно, Андрей Николаевичъ Муравьевъ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 473).

[7]) Василій Дмитріевичъ (о немъ см. выше, стр. 96, прим. 5-е).

[8]) Ольденбургскій генеральный консулъ въ Петербургѣ.

[9]) Сергѣй Алексѣевичъ (о немъ см. выше, стр. 192, прим. 1-е).

[10]) Александръ Ивановичъ.

[11]) Теща преподавателя наслѣдника Александра Николаевича, Ф. А. Жилля (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. V).

[12]) Т. е. Crighton (Крейтонъ), вѣроятно, жена извѣстнаго лейбъ-медика. Встрѣчу съ нею Жуковскій счелъ почему-то за доброе предзнаменованіе (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. IV).

[13]) Нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Любекѣ былъ Карлъ Августовичъ Шлёцеръ.

24 (6), пятница. Любекъ. Письмо къ великому князю [1]). Отъѣздъ. Ратцебургъ, живописный городокъ на берегу озера, раздѣленнаго плотиною. Церковь съ кладбищемъ. Здѣсь встрѣтился съ Блессигомъ, коему отдалъ посылку Соймонова [2]) Бассанжу [3]). Бюхенъ; сюда пріѣхалъ сонный, такъ же и въ Лауенбургъ, гдѣ ночевалъ.

25 (7), суббота. Люнебургъ. Ночевалъ въ Эшеде. Дождливый день, негодная дорога.

26 (8), воскресенье. Целле. Дёренберговъ [4]) домъ. Осмотръ. Гостиная внизу. Виды Петербурга и Толстаго работы [5]). 2 горница съ диваномъ; Лютеръ. Кабинетъ: 1 портретъ; бюстъ большой Александровъ; 2. Англійская корол(евская) фамилія. 3. Александръ, Дибичъ, Блюхеръ, Велингтонъ, Гнезенау и Паскевичъ. Гр(афъ) Мюнстеръ [6]). Вверху. Кабинетъ. Фамильные портреты. Грёбенъ съ женою. Дёрнбергъ. Гедемановъ сынъ. Карандашный портретъ. Въ гостинной: италіанскіе виды; большая картина сраженіе; Психея. Садъ, терасса, Blumenkorb. Домъ, справа цвѣтн(икъ). Два дерева по обѣимъ сторонамъ на терассѣ. Деревья передъ воротами. M-e Dörenberg, Augusta [7]). О Местерахъ. Разсказъ о праздникѣ пятидесятилѣтія. Лавровый вѣнокъ. Картины. Картина Барберуса. Генрихъ Левъ—сынъ, Wittelsbach—Дёрнбергъ. Виллы. Весь день дождливый. Пріѣхали ночевать въ Ганноверъ. Отъ Целле начинается полушоссе, полумостовая. До Целле все песокъ. Прогулка. Тургеневъ. Лейбниц(овъ) мо(ну)ментъ съ часовымъ.

27 (9), понедѣльникъ. Ганноверъ. Утренняя прогулка по городу. Weihelöbe; домъ на валу, гдѣ живетъ теперь г-жа Гедеманъ, свекровь Дёренберговой дочери. Часть города очень хорошо выстроена, тротуары, часть Fachwerk. Живописныя предмѣстія и сады. Мутная рѣка. Послѣобѣденная прогулка: Monbrillant, ливреи, экзерцицiя. Братъ и

---

[1]) Александру Николаевичу; оно напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, книга первая, стр. IV—V.

[2]) См. выше, стр. 189, прим. 12-е.

[3]) Банкиръ въ Дрезденѣ.

[4]) Баронъ Фердинандъ-Вильгельмъ-Каспаръ фонъ Дёрнбергъ (Dörnberg, р. 1768†1850), дѣятельный участникъ освободительныхъ войнъ противъ Наполеона, сначала находившійся въ прусской службѣ, въ 1812 г. поступившій въ русскую службу, а затѣмъ перешедшій въ ганноверскую. Въ то время онъ былъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, ганноверскимъ посланникомъ въ Россіи.

[5]) Графа Ѳедора Петровича Толстого, бывшаго потомъ вице-президентомъ Академіи Художествъ; вѣроятно, извѣстные его медальоны съ изображеніями событій Отечественной войны.

[6]) Графъ Эрнстъ Мюнстеръ (р. 1766†1839), ганноверскій министръ, бывшій въ 1801—1804 гг. ганноверскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

[7]) M-e Dörnberg и ея дочь, Августа.

сестра. Герцогиня въ русскихъ дрожкахъ, съ семьею. Herrenhaus [1]), театръ, прелестныя деревья и шпалеры. Аллея. Памятникъ Лейбницу; разговоръ съ часовымъ и другими. Памятникъ Ватерло, колонна іоническаго ордена, пушки, надпись: Den Siegern bei Waterloo das dankbare Vaterland [2]).

28 (10), вторникъ. Утро дома. Чтеніе воспоминаній о Гёте. Его удивительная дѣятельность. Послѣ обѣда посѣщеніе Paerz [3]), издателя хроникъ нѣмецкихъ. Разговоръ о состояніи Германіи: умѣренность и законность сѣверной; броженіе въ южной. Брауншвейгскій принцъ и Гессенскій. Франція революціонируетъ Швейцарію, южную Германію и Италію. Натянутое состояніе. Въ Ганноверѣ дѣйствіе камеръ, согласіе съ правительствомъ, возстановленное публицитетомъ и честностью пр(авительства): довѣренность. Планъ изданія: хроники, законы, документы, или Urkunden, письма, древности, письма Алькуина [4]) и др. Прогулка и споръ съ Тургеневымъ: за 27 лѣтъ точно такой же споръ на дорогѣ въ Петербургъ, но только за французскую литературу. Валъ, обращенный въ гульбище.

29 (11), середа. Простился съ Тургеневымъ въ 6 часовъ утра. Онъ поѣхалъ въ Госларъ. Я на Минденъ. Выѣхалъ изъ Ганновера въ $^1/_2$ 8. Около девяти часовъ ужасная гроза съ вихремъ; къ счастью она застала меня у дверей опрятной хижины, гдѣ я и просидѣлъ до конца оной. Дорога по бассейну живописныхъ горъ, покрытыхъ деревьями; на днѣ бассейна между зеленью деревъ прекрасныя веселыя деревни, домы съ красными черепичными кровлями; хребты горъ, по коимъ гуляютъ тучи, составляютъ живописную раму сей картины. Обѣдалъ въ Ненндорфѣ, гдѣ тѣнистый садъ и цѣлительныя воды. (Князь Голицинъ). Между Ненндорфомъ и Бикебургомъ городокъ Гагенъ [5]) посреди живописныхъ окрестностей. Между Бикебургомъ и Минденомъ прусская граница; учтивость осмотрщиковъ. Въ шесть часовъ пріѣздъ въ Минденъ. Крѣпость. Древняя каѳедр(альная) церковь, будто построенная К(арломъ) В(еликимъ). Глупая передѣлка, крашенье, ломанье, гробовые камни. Везеръ и мостъ черезъ Везеръ.

30 (12), четвергъ. Мерзкая ночь, безсонница, жаръ, неугомонный хозяинъ (Minden. Stadt London). Выѣзжаю въ $^1/_2$ пятаго. Прекрасная живописная дорога между горами. Везеръ. Ремъ [6]) промежду двухъ

---

[1]) Т. е. замокъ Herrenhausen

[2]) Т. е. Побѣдителямъ при Ватерлоо благодарное отечество.

[3]) Георгъ-Генрихъ Пертцъ (Pertz, p. 1795†1876), извѣстный историческій изслѣдователь, издатель „Monumenta Germaniae historica“.

[4]) Знаменитаго ученаго и совѣтника Карла Великаго.

[5]) Т. е. Stadthagen

[6]) Т. е. Rehme.

живописныхъ горъ, составляющихъ вороты. Соловарня и градирня: до 1500 ластовъ въ годъ соли, ластъ въ 4000 фунтовъ. Герфордъ; прекрасное мѣстоположеніе посреди обработаннаго бассейна горъ; странный уборъ женщинъ: какіе-то черные капоры на головѣ, похожіе на носы глухаго тетерева. Бильфельдъ. Прекрасный чистый трактиръ на почтѣ. Выѣзжаю въ четыре часа. Остатки стараго замка: слѣпой, разбитый паралічомъ работникъ, передъ нимъ играютъ дѣти; не знаю, что онъ былъ прежде. Изъ Виденбрюка взялъ три лошади. Липштатъ: плохой трактиръ и плохая ночь; ссора съ почталіономъ.

1 (13) (іюля), пятница. Выѣхалъ въ три часа и въ половинѣ 12-го остановился въ Изерлонѣ: добрая хозяйка и хорошій обѣдъ. Жаръ несносный. Выѣзжаю въ половинѣ 7-го, проѣду всю ночь, если гроза не помѣшаетъ. Дорога между Липштатомъ и Изерлономъ прелестная. Руръ. Сады. Шпалеры. Цвѣтникъ на почтовомъ дворѣ въ Зестѣ. Группы деревьевъ. Дубы. Пашни. Луга. Ручьи. Мельницы. Кудрявыя горы. Вся дорога до Эльберфельда прелестною долиною, которая стоитъ Муртенской, а не знаю почему не описана: почти одна цѣпь домовъ крестьянскихъ, соединяющихъ между собою города Изерлонъ, Эльберфельдъ, Солингенъ. Любовь къ украшеніямъ посредствомъ зелени сельскихъ жителей. Нечистота внутри. Разнообразіе растеній. Домъ какого-то принца съ видомъ на Лену [1]) и всю долину. Чудные утесы. Поля. Живые, бурные ручьи. Луга. Образъ строить. (Сравн(еніе) съ нашимъ. Сравненіе парохода). Ночевалъ въ Швельмѣ. Плохой трактиръ и плохой сонъ.

2 (14), суббота. Эльберфельдъ. Solingen. Кельнъ. Ужасная жара, отымающая все. Трактиръ R(h)einberg на берегу Рейна: нечисто, хотя сначала бросается въ глаза. Отъ жару не пошелъ поклониться и Дому [2]). Завтракалъ въ шесть часовъ. Читалъ о Фонкѣ [3]). Прогулка. Ввечеру по мосту. Дѣвицы кельнскія: высокія таліи и большія ноги.

3 (15), воскресенье. Путешествіе по Рейну на пароходѣ; разныя встрѣчи и, смѣшныя: разговоръ о Фонкѣ, исторія (сравненіе съ декораціями. Рейнъ и его замки. О Россіи). Вечеръ на терассѣ въ Mahlerenbreitstein въ трактирѣ d(as) Weisse Ross.

4 (16), понедѣльникъ. Пріѣздъ въ Эмсъ. Встрѣча съ Голицыными [4]).

---

[1]) Рѣку Lenne.

[2]) Т. е. знаменитому кельнскому собору.

[3]) Петръ-Антонъ Фонкъ (Fonk, р. 1796 † въ августѣ 1832 г.) велъ въ Кельнѣ торговлю спиртными напитками и обвинялся въ убійствѣ Кёнена (Cönen); дѣло Фонка разбиралось на судѣ нѣсколько разъ, и онъ былъ то обвиняемъ, то оправдываемъ.

[4]) Съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1792 † 1865),

Счастливая встрѣча съ Талемъ. Теперь пока живу въ отелѣ высоко, хотя недурно; черезъ три дня переселяюсь въ Darmstätter Hof. Обѣдалъ за столомъ въ Curhaus. Диль [1]). Бехтѣевъ съ женою [2]). Мантейфель [3]). Ротшильдъ и его хлопоты. Витгенштейнъ [4]). Французъ Демидовъ [5]). Театръ.

5 (17), вторникъ. Началъ пить воду. За обѣдомъ въ Curhaus M-elle Tümpling изъ Дрездена (моя сосѣдка за столомъ принца Іоанна) [6]). M-e Dörenberg [7]) и ея хорошенькая кузина. Визитъ къ Бехтѣеву; разговоръ о колоніяхъ. У Таля музыка. Реннекамфъ [8]). Принцъ Фридрихъ [9]). Представленіе герцогинѣ Ольденбургской. У Витгенштейна. Въ театрѣ Männertreue. Вечеръ дома.

6 (18), середа. У меня Бехтѣевъ. Рожденіе жены его. Вечеръ дома, чтеніе Raphael. Написалъ письмо къ Бетману [10]).

7 (19), четвергъ. Поутру перевозился. Отъѣздъ Таля. У меня Демидовъ. Обѣдъ въ Curhaus. Гр(афиня) Hohenthal и милая Byron [11]). У

впослѣдствіи генераломъ-отъ-инфантеріи, и его женою, княгинею Софьею Петровною, рожд. Балкъ-Полевою (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 263).

[1]) См. выше, стр. 187, прим. 2-е.

[2]) Александръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ (р. 1795 † 1849), ранѣе служившій въ Кавалергардскомъ полку, потомъ камергеръ и дѣйств. статск. совѣтникъ; онъ былъ женатъ на Прасковьѣ Григорьевнѣ Демидовой.

[3]) Графъ Мантейфель (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. VII).

[4]) Фельдмаршалъ графъ (впослѣдствіи князь) Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ (р. 1768 † 1843).

[5]) Анатолій Николаевичъ Демидовъ (р. 1812 † 1870), бо́льшую часть жизни проведшій въ Европѣ, извѣстный жертвователь на благотворительныя дѣла, женившійся въ 1841 г. на племянницѣ Наполеона I, принцессѣ Матильдѣ.

[6]) Принца Саксонскаго (впослѣдствіи короля Саксонскаго) Іоанна (р. 1801 † 1873), особенно прилежно занимавшагося государственными науками и правовѣдѣніемъ и извѣстнаго въ литературѣ своимъ переводомъ „Божественной комедіи“ Данта.

[7]) См. выше, стр. 219, прим. 4-е.

[8]) Карлъ-Іаковъ-Александръ фонъ Ренненкампфъ (р. 1783†1854), родомъ, изъ Лифляндіи, перешедшій потомъ на службу великаго герцога Ольденбургскаго (онъ былъ камергеромъ Ольденбургскаго двора), весьма образованный человѣкъ, знатокъ искусствъ, занимавшійся также естественными науками и исторіею и извѣстный въ литературѣ нѣсколькими трудами.

[9]) Принцъ Прусскій Фридрихъ.

[10]) Банкиру во Франкфуртѣ.

[11]) Графиня Луиза Гогенталь (Hohenthal), рожд. принцесса Бирон, и ея сестра, принцесса Антуанетта Бирон, племянницы графини Л. К. Віельгорской, рожд. принцессы Бирон.

меня Бехтѣевъ. Прогулка. Театръ: Die Zerstreuten и Brandschatzung (er focht wie ein Pole) [1]). Представленіе герцогинѣ Мейнингенской и герцогинѣ Лейхтенбергской. Рано домой.

8 (20), пятница. Простился съ Hohenthal. Антуанетта Бирон. У меня Витгенштейнъ, потомъ Полозовъ [2]). Обѣдалъ въ кургаузѣ. Разговоръ съ англичанками. Послѣ обѣда визиты у Бехтѣева и Демидова, коихъ не засталъ. Дома и отдыхъ. Концертъ слѣпаго. Лабордъ, сынъ путешественника [3]). Маркизъ Лабурдоннѣ [4]).

9 (21), суббота. Прощанье съ Демидовымъ. За столомъ подлѣ двухъ болтливыхъ незнакомокъ. Послѣ обѣда визиты: у Бехтѣева, съ Витгенштейномъ къ Ротшильду, котораго не засталъ. Лабурдоннѣ и Лабордъ. Первая ванна. Вечеръ дома. Спускъ двухъ шаровъ.

10 (22), воскресенье. За столомъ съ Лабордомъ, Лабурдоннѣ, Голицынымъ и еще какимъ-то умнымъ, кажется, французомъ, который знаетъ Россію отъ Одессы до Петербурга. Докторъ Киліанъ, бывшій при Батюшковѣ. Послѣ обѣда, отдохнувъ, съ Реннекамфомъ и докторомъ Бахомъ на ослахъ въ Кемменау. Великолѣпный видъ на горы.

11 (23), понедѣльникъ. За обѣдомъ подлѣ Дёрнберга. Бредерло, рижскій негоціантъ. Послѣ обѣда визиты. Съ Реннекамп(ф)омъ, Бахомъ и Мосле въ Früchte черезъ TachBach и Нивернъ. Прекрасная долина Ланы. Деревня Фрюхте. Пасторша толстая. Сельская весьма бѣдная церковь. Мѣсто, гдѣ лежитъ Штейнъ [5]), уединенно сельское, но слишкомъ забытое дѣтьми: желѣзная дверь подъ худымъ сводомъ и ступени. Памятникъ родителямъ Штейна изъ красноватаго камня подъ навѣсомъ. Возвращеніе черезъ лѣсъ и потомъ тѣсною долиною съ крутымъ спускомъ; овраги по сторонамъ. Вечеръ дома.

12 (24), вторникъ. Холодная дождливая погода. Послѣ обѣда прогулка. Разговоръ съ Витгенштейномъ и Лабурдоннѣ.

13 (25), середа. Весь день дома. Послѣ обѣда у меня Реннекамфъ

---

[1]) Онъ фехтовалъ какъ полякъ.

[2]) Жандармскій генералъ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 263, и „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. VII).

[3]) Графъ Леонъ Лабордъ (р. 1807 † 1869), археологъ, сынъ французскаго путешественника и политическаго дѣятеля графа Александра-Іосифа-Людовика Лаборда (р. 1774 † 1842).

[4]) Маркизъ Артюръ Лабурдоннѣ (Labourdonnaie, р. 1785 † 1844), французскій генералъ и политическій дѣятель, „извѣстный карлистъ, умный и любезный человѣкъ“, какъ о немъ сообщалъ Жуковскій Тургеневу (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 263).

[5]) Знаменитый прусскій государственный дѣятель баронъ Штейнъ (см. выше, стр. 184, прим. 10-е).

и Голицынъ. Пріѣздъ Потоцкой [1]). Извѣстіе о кончинѣ маркграфини Баденской [2]). Тирольцы.

14 (26), четвергъ. Печальный день. Самоубійство графини Салмъ, дочери гофмаршала готскаго. Смерть графини Витгенштейнъ [3]) въ половинѣ девятаго вечера. Цѣлый день спазмы, къ вечеру легче; смутность въ глазахъ и смерть. Въ это же время балъ. Встрѣча съ графинею Потоцкою на лѣстницѣ Витгенштейна.

15 (27), пятница. Поутру видѣлъ тѣло г(рафини) Витгенштей(нъ): бѣлый мраморъ, только слѣдъ черныхъ рѣсницъ. Послѣ обѣда прогулка на ослахъ съ Бахомъ, Реннекамфомъ и гр(афинею) Потоцкою въ Forsthaus.

16 (28), суббота. Записка отъ графини Ивановской. У графа Витгенштейна. Визитъ Лабурдоннѣ. Разговоръ съ Вержюромъ на прогулкѣ и съ Лабурдоннѣ послѣ обѣда. У Ивановской передъ обѣдомъ; засталъ одну дочь. Послѣ обѣда чтеніе Гёте подъ липами. Прогулка въ Даузенау на ослахъ съ Потоцкою. Глупый Фридр(ихъ), достойный своего глупаго брата. Въ театрѣ: Le précepteur dans l'embarras. Ванна. Пѣніе.

17 (29), воскресенье. Графиня Мечиславъ Потоцкая [4]). Передъ обѣдомъ у меня Реннекамфъ. Анекдоты о Гумбольтѣ [5]), его физической недостатокъ, его любовь и 20.000 гульденовъ. Послѣ обѣда съ Реннекамфомъ въ Зильбершпильце. Погребеніе Стефаніи [6]). (Балъ и звѣздное небо).

18 (30), понедѣльникъ. Послѣ обѣда у графа Витгенштейна. Остановка и отъѣздъ его въ Швальбахъ. Обѣдня и панихида. Поѣздка на ослахъ на Mooshütte. Отверстія въ шиферѣ. Видъ на долину Эмса. Театръ: De 777 № и арія изъ Freyschütz.

---

[1]) Графини Маріи Александровны Потоцкой, рожд. княжны Салтыковой (р. 1806 † 1845), жены графа Болеслава Станиславовича Потоцкаго.

[2]) Маркграфиня Баденская Амалія-Фредерика, вдова наслѣднаго принца Баденскаго Карла-Лудвига, скончалась 21-го іюля н. ст. 1832 г.

[3]) Жены сына фельдмаршала, графа Льва Петровича Витгенштейна, графини Стефаніи Доминиковны, рожд. княжны Радзивиллъ (род. 1809 г.),

[4]) Жена графа Мечислава Станиславовича Потоцкаго. Въ нее „ты бы, конечно, влюбился — писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу,—заслушавшись ея пѣнія“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 263).

[5]) О знаменитомъ естествоиспытателѣ Александрѣ фонъ Гумбольдтѣ.

[6]) Графини Стефаніи Витгенштейнъ (см. выше, прим. 3-е). „Я былъ въ Эмсѣ,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 27 января 1833 года,—когда умерла Радзивилъ-Витгенштейнъ, и вмѣстѣ съ старымъ фельдмаршаломъ и молодымъ вдовцомъ шелъ за ея гробомъ въ церковь: это было въ темную, звѣздную ночь. Мы шли тихо, а на другомъ берегу рѣки гремѣла музыка и плясали на балѣ“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 472—473).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вниманіе книги ген.-лейт. И. Д. Попки [1]) о черноморскихъ казакахъ—кубанцахъ и пластунахъ; изъ книги К. К. Абазы «Казаки»—свѣдѣнія о терскихъ казакахъ. Далѣе г. Захарьинъ говоритъ о бракѣ и разводѣ у чеченцевъ. Разводы у нихъ—явленіе весьма обыкновенное и происходятъ во время сбора винограда и выдѣлки вина. Горецъ, разгоряченный спиртными парами или подъ вліяніемъ своего раздражительнаго характера, не задумываясь, трижды произноситъ роковое для женщины слово т а л а к ъ (разводъ), и потомъ, придя въ нормальное состояніе, хотя и видѣлъ, что поставилъ и себя, и жену, и весь свой домашній бытъ въ самое затруднительное положеніе, но дѣло было уже непоправимо, потому что произнесенное при свидѣтеляхъ слово т а л а к ъ имѣло всю силу законнаго акта.

Въ качествѣ вѣрнаго этнографическаго очерка внутренняго быта терскихъ казаковъ стараго—военнаго—времени, г. Захарьинъ помѣстилъ въ своей книгѣ отрывокъ изъ повѣсти гр. Л. Н. Толстаго «Казаки»; вслѣдъ за нимъ напечатанъ изъ «Героя нашего времени», М. Ю. Лермонтова—отрывокъ «Максимъ Максимычъ». Для ознакомленія съ Дагестаномъ за послѣдніе годы, перепечатанъ отрывокъ изъ описанія путешествія по этой области В. С. Кривенко. Заканчивается в т о р а я часть п е р в о й книги описаніемъ: «Какъ жили и живутъ горцы Кавказа», взятымъ изъ брошюры «Кавказъ», С. Меча, составленной на основаніи сочиненій о Кавказѣ: Н. Ѳ. Дубровина, Е. Л. Маркова, гг.: М. Богданова, Я. Костенецкаго, Н. Дункель-Веллинга и др.

П е р в а я часть в т о р о й книги: Д о с м ѣ н ы Е р м о л о в а—заключаетъ въ себѣ описаніе начала войны съ чеченцами, краткую біографію А. П. Ермолова, описаніе подвиговъ: Монтрезора, Карягина, Котляревскаго, Щербины и Овечкина; далѣе сообщаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности генераловъ: М. Г. Власова и Ю. П. Кацырева. «Главныя правила Кацырева въ походахъ,—читаемъ мы въ книгѣ г. Захарьина,—были скрытность сбора, секретные марши, внезапность нападенія и ударъ рѣшительный. Онъ никогда не держалъ войска въ виду; бо́льшая часть ихъ была расположена по квартирамъ въ ближайшихъ селеніяхъ; нѣкоторыя части стояли лагеремъ гдѣ-нибудь въ секретныхъ мѣстахъ и тотчасъ перемѣняли стоянку, если Кацыревъ замѣчалъ, что черкесы узнавали о ней. Самъ же онъ не жалѣлъ средствъ на лазутчиковъ и заранѣе узнавалъ рѣшительно все, что затѣвалось у черкесовъ».

Сказавъ о дѣятельности капитана Якубовича и полковника Подпрядова, г. Захарьинъ приводитъ изъ сочиненія В. А. Потто «Кавказская война» описаніе Черноморья подъ управленіемъ ген. Власова и, заканчиваетъ первую часть второй книги выдержками изъ «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», Н. Ѳ. Дубровина,—объ увольненіи А. П. Ермолова.

Описаніемъ быта татаръ, взятымъ изъ упомянутаго сочиненія Н. Ѳ. Дубровина, начинается в т о р а я часть в т о р о й книги; затѣмъ отведено мѣсто описанію мюридизма—ученія, породившаго въ горцахъ глубокую ненависть къ русскимъ и тормозившаго окончательное завоеваніе и умиротвореніе Кавказа.

Приведя изъ сочиненія В. А. Потто («Кавказская война») выдержки о покореніи карачаевцевъ и о Койсубулинской экспедиціи, г. Захарьинъ помѣстилъ изъ книги Н. Ѳ. Дубровина описаніе геройскаго подвига рядоваго Тянгинскаго полка Архипа Осипова; за описаніемъ подвиговъ генерала Пассека слѣдуетъ кавказская быль: «Смерть Слѣпцова»,—разсказъ Н. Д. Ахшарумова; далѣе напечатано стихотвореніе Лермонтова «Валерикъ»; изъ газеты «Кавказъ» помѣщена статья «Три безвѣстныхъ героя», повѣствующая о подвигѣ юнкера Чаевскаго, унтеръ-офицера Невѣрова и рядоваго Семенова, взорвавшихъ мину и погибшихъ вмѣстѣ съ непріятелемъ при штурмѣ Гергебиля; потомъ приведено описаніе мужественной защиты укрѣпленія Ахты въ 1848 г.—изъ «Чтенія для солдатъ» и подвига кн. Андропникова—изъ журнала «Художественный Вѣстникъ».

Описанію отважныхъ подвиговъ Хаджи-Мурата авторъ предпосылаетъ слѣдующее вступленіе: «Во время бывшей Кавказской войны не мало истинныхъ героевъ появлялось и среди храбрыхъ горцевъ. Преданія, легенды и даже пѣсни, сложенныя про многихъ изъ таковыхъ героевъ, еще и до сихъ поръ живутъ среди жителей въ аулахъ Дагестана. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этихъ легендарныхъ разсказахъ занимаетъ, безспорно, Хаджи-Муратъ, одинъ изъ аварскихъ наибовъ, соединившій въ лицѣ своемъ почти все, что долженъ былъ имѣть, по понятію горцевъ, истинный герой: высокій ростъ и громадную физическую силу, красоту лица, беззавѣтную храбрость и отвагу, сильное самолюбіе и не менѣе сильное чувство мести». Статья: «Въ плѣну у черкесовъ»—составляетъ отрывокъ изъ повѣсти гр. Л. Н. Толстаго «Кавказскій плѣнникъ»; вслѣдъ за нею перепечатана изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Эфрона біографія кн. А. И. Барятинскаго.

Главнымъ и самымъ энергичнымъ виновникомъ окончанія войны на Кавказѣ былъ генералъ Н. И. Евдокимовъ. Сообщивъ главнѣйшіе моменты изъ жизни этого выдающагося генерала, г. Захарьинъ заканчиваетъ свой сборникъ (иначе и нельзя назвать его книгу) перепечаткою своихъ статей: «Шамиль въ русскомъ плѣну»—изъ статьи: «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 г.», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», августъ 1898 г. и «Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разсказъ объ отцѣ», напечатанной въ августовской книгѣ нашего журнала за прошлый, 1901 годъ.

Таково содержаніе новой книги г. Захарьина.

Н. К-ш-ъ

[1]) «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~224~~	~~1-12~~	~~V~~	383,5,1X	
~~188-3~~	~~IV~~			